

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Наталия Будур

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ИНКВИЗИЦИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Наталия Будур

МОСКВА

ЖИЗНЬ ИНКВИЗИЦИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

УДК 94(100)“653”
ББК 63.3(0)4-37
Б 90

Серийное оформление
Сергея ЛЮБАЕВА

ISBN 978-5-235-03391-7

© Будур Н. В., 2011
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2011

Инквизиция «родилась» в лоне католической церкви и возникла вовсе не как самоцель, но как орудие определенной церковной и светской политики. Сама эта политика — как Церкви, так и государства — диктовалась очень часто материальными интересами, хотя «идеологический покров» носил, конечно, церковный характер.

Инквизиция, по сути, была «последним доводом королей»*, залпом из пушки, против которого несогласным с Церковью и королем нечего было возразить. Кроме того, и сами короли тоже боялись инквизиции.

Папы римские, соборы и инквизиторы, хотя и не участвовали непосредственно в вынесении смертных приговоров, тем не менее были кровно заинтересованы в казни еретиков, переданных на расправу светским властям. «Доказано вне всякого сомнения фактами и документами, — пишет французский аббат, историк инквизиции Е. Вакандар, — что Церковь в лице своих пап использовала все средства, имевшиеся в ее распоряжении, включая отлучение, чтобы заставить светские власти казнить еретиков. Отлучения особенно боялись, так как согласно каноническим законам отлученный, если наказание с него не снималось в течение года, мог быть осужден на смерть. Поэтому у тогдашних правителей не

* Французский кардинал А. Ришелье распорядился на всех отливаемых пушках чеканить латинскую надпись: «Ultima ratio regum» («Последний довод королей»).

было другого средства избежать этого наказания, как беспрекословно выполнять приговоры Церкви»^{*}.

Католицизм — одно из основных направлений в христианстве наряду с православием и протестантизмом, полностью сформировавшееся после разделения христианской церкви в 1054 году на западную (католическую) и восточную (православную). Само название «католицизм» образовано от греческого слова «katholikos» — «всеобщий».

Католицизм имеет ряд особенностей в вероучении, культе и структуре религиозной организации. Католики особенно чтят Пресвятую Деву Марию, признают догматы о Ее непорочном зачатии и телесном вознесении на небо. Они также признают догмат о чистилище — промежуточном месте между адом и раем, где души грешников, не получившие прощения в земной жизни, но не отягощенные смертными грехами, прежде чем получить доступ в рай, горят в очищающем огне.

Католическому богослужению присущ театрализованный культ, широкое почитание всевозможных реликвий, культ мучеников, святых и блаженных.

Католическая церковь строго централизована и имеет в настоящее время единый всемирный центр в Ватикане.

Ватикан — название одного из семи холмов Рима, на котором расположен комплекс зданий, включающих храм Святого Петра, апостолический дворец с Сикстинской капеллой, в которой с XV века избирают глав католической церкви — римских пап. С 1870 года Ватикан является официальной папской резиденцией, это город-государство, площадь которого составляет 44 гектара. Официально государство Ватикан возникло в 1929 году в результате договоров папы Пия XI с Муссолини.

Глава Ватикана — папа римский — обладает неограниченной властью и считается наместником Иисуса Христа, непогрешимым в делах веры и нравственности. Полное наименование папы: епископ Рима, наместник Иисуса Христа, преемник князя апостолов, верховный понтифик Вселенской церкви, патриарх Запада, при-

^{*} Цит. по: Григулевич И. Р. Инквизиция. М., 1976. С. 21.

мас Италии, архиепископ и митрополит Римской провинции, монарх государства-города Ватикана, раб рабов Божьих.

Ватикан — Папское государство. Первое же Папское государство с центром в Риме было основано в Средней Италии в 756 году. Возникло оно в результате дарения этих земель папе Стефану II королем франков Пипином Коротким. Особенностью Папского государства было то, что римский папа являлся одновременно и главой всех католиков. В XII—XIII веках папам удалось существенно расширить территорию своих владений, в число которых стали входить такие крупные итальянские города, как Болонья, Римини, Феррара, Перуджа. Император Рудольф Габсбург официально признал независимость Папского государства от императоров Священной Римской империи*. Папское государство просуществовало до 1879 года, когда было присоединено к Италии.

В отличие от православной церкви, строго подчиненной царской, а позднее — императорской власти, католическая церковь в Средние века нередко играла самостоятельную политическую роль, особенно в условиях феодальной раздробленности Западной Европы. Церковь пыталась ограничить размер феодальных усобиц, приносящих огромный ущерб обществу, для чего приняла постановление о Мире Божьем и Божьем перемирии — запрет на ведение военных действий в определенные периоды и дни. Организовав Крестовые походы — войны против иноверцев-мусульман, папство способствовало оттоку на Восток из Европы наиболее опасных анархических слоев общества.

Уже в раннем Средневековье католическая церковь стала одним из крупнейших феодалов. Историки говорят, что ей принадлежало около трети всей обрабатываемой земли в Западной Европе.

В XIII веке католическая церковь достигла пика своего могущества, сделав многих европейских монархов папскими вассалами. В это время именно римские папы

* Священная Римская империя — средневековое государство, занимавшее значительную часть Западной Европы и включавшее в себя германские, итальянские, чешские земли, Нидерланды и часть других территорий. Основано в 962 году. Формально оно просуществовало до 1806 года.

определяли политическую ситуацию в Европе. Однако создание сильных государств — прежде всего Франции и Англии — привело к упадку политического могущества пап.

Католическая церковь сыграла огромную роль в культурном развитии Европы. Почти все известные деятели науки и искусства раннего Средневековья были лицами духовного звания. До сих пор мы восхищаемся шедеврами «религиозной» архитектуры — соборами и монастырями, для которых писали картины выдающиеся живописцы того времени. При монастырях были школы и скриптории. В скрипториях — мастерских по переписке рукописей — создавались настоящие произведения искусства — книги, украшенные прекрасными миниатюрами.

Вместе с тем католическая церковь всеми силами и самыми жестокими методами боролась с инакомыслием. Одним из орудий этой борьбы и стала инквизиция.

Инквизиция — это церковный трибунал, действовавший во всех католических странах. Само слово «инквизиция» произошло от латинского «inquisitio» — «розыск». Священный трибунал, или «Мировая рука», как иногда называют инквизицию, занимался поиском и судом еретиков — людей, которые отрицали догматы католицизма.

Инквизиция никогда не была самоцелью, но действенным и жестоким орудием четко определенной церковной и светской политики. А сама политика Церкви и государства диктовалась, в свою очередь, конкретными и чаще всего материальными интересами, хотя никто не может отрицать того, что внешние «покровы» были из «церковной парчи». Было бы в корне неверно утверждать, что инквизиция — это порождение чьего-то больного воображения. «Мировая рука» возникла в результате взаимодействия реальных сил и условий, и руководили ею, как правило, экономические интересы — и свои собственные, церковные, и интересы светской власти.

Инквизиция чаще всего играла не демоническую, а громадную политическую роль во всех странах своего существования.

Инквизиторы практиковали тайное следствие, в ходе которого использовали доносы и лжесвидетельства, а также применяли пытки и многочасовые допросы. При осуждении еретиков все их имущество конфисковалось, а инквизиция затем часто принималась за родственников и потомков осужденных до третьего поколения включительно.

Осужденного могли подвергнуть порке, штрафу, публичному покаянию в грехах, тюремному заключению, а также сожжению на костре. Очень часто несчастные и измученные люди оговаривали себя, своих родных и знакомых в состоянии, близком к помешательству, ибо в момент оговора хотели одного — избавления от мучений.

Инквизиция была сильнейшим орудием воздействия на человека и общество, ибо возбуждала в отдельной личности страх и стремление любым путем спасти свою жизнь. Инквизиция играла на самых низменных чувствах и качествах людей — зависти, подлости, жадности. Она толкала человека на предательство и оговор, которые не только не порицались, но всячески приветствовались. Как сказал однажды папа римский Григорий IX, «в конечном итоге родители будут вынуждены предавать своих детей, дети — родителей, мужа — своих жен, а жены — мужей».

Однако уже в это время — практически сразу с момента возникновения инквизиции — Церковь сталкивается с сопротивлением местного населения. Так, в 1233 году был убит первый инквизитор Германии Конрад Марбургский, который жестоко расправлялся с катарами и вальденсами на Рейне и в Средней Германии и со штедингами в Ольденбурге*. В результате деятельность

* Штединги — свободные крестьяне, вероятно, фризского и саксонского происхождения, заселившиеся в XI—XII веках по нижнему течению реки Везер (ниже Бремена), во владениях архиепископа Бременского. В течение первых десятилетий XIII века успешно сопротивлялись попыткам их феодального закабаления. В 1229 году разбили высланное против них войско архиепископа Бременского и, перейдя в наступление, разрушили ряд бургов. В 1230 году были объявлены еретиками, а затем по призыву папы Григория IX против них был организован Крестовый поход (1232—1234). В 1234 году после героического сопротивления были разбиты объединенными силами

инквизиторских трибуналов в Германских землях была практически прекращена.

Поскольку жалобы на действия трибуналов шли непрерывно, то в XIV веке решениями пап Климента V и Иоанна XXII инквизиторам было предписано согласовывать судебную процедуру (особенно в части применения пыток) и приговоры с местными епископами.

Постепенно инквизиция стала терять свое значение — если ранее и помыслить было невозможно об отзыве судьи и отмене приговора священного трибунала, то в 1485 году в Лионе председатель суда был просто арестован властями города.

В XV веке инквизиция в некоторых странах — таких как Франция и Польша — оказывается под контролем государства. Именно в это время «Мировая рука» начинает использоваться монархами (и самой Церковью) в корыстных целях (вспомним хотя бы разгром тамплиеров, Яна Гуса и Жанну д'Арк, о чем речь пойдет далее), а затем трибуналы передают свои функции светским судам.

Однако инквизиции не суждено было умереть так просто — в конце XV века она возрождается в Испании.

Испанская инквизиция — совершенно особое явление, потому что она уже не столько церковная, сколько монархическая организация и поставлена на отстаивание интересов не только Церкви, но и монархии.

В Испании инквизиция преследовала не только и не столько «обычных» еретиков, сколько *марранов* (крещеных евреев) и *морисков* (новообращенных мавров-мусульман). Во времена завоевания Америки испанская инквизиция перенесла «свою деятельность» за океан.

Во времена Возрождения «Мировая рука» взялась и за деятелей культуры, осудив многих из них.

С XV века в разы возрастает борьба инквизиторов с ведьмами. Особенно активно охота на них проходила в Германии, однако уже в первой половине следующего столетия она сходит на нет благодаря победе Реформации. «Процессы над ведьмами» стали средством рас-

князей при Альтенеше; позднее частично истреблены, частично превращены в феодально-зависимых крестьян; часть штединггов покинула свои земли.

правы с еретиками, политическими врагами, а также использовались для сведения личных счетов и захвата имущества.

В XVI веке инквизиция возникает в Португалии и ее индийских колониях в связи с преследованиями «новых христиан» — перешедших в католицизм иудеев.

Именно в это время папская власть централизует систему инквизиционных трибуналов и учреждает (в 1542 году) Священную канцелярию, или Священную конгрегацию вселенской инквизиции, которая возглавляется самим папой. В состав канцелярии входят кардиналы-инквизиторы (сначала пять, потом их число увеличили до десяти).

«Вторая волна» инквизиции теряет свою силу с XVIII века, когда права «Мировой руки» значительно урезаются светской властью.

Французская революция 1789 года положила конец бесчинствам инквизиции во Франции, а Наполеон отменил «Мировую руку» во всех завоеванных им странах. После поражения Наполеона инквизиция во многих из них, например в Испании, была восстановлена, но вскоре окончательно упразднена. В Испанской Америке инквизиция была отменена в ходе войны за независимость (1810—1826).

Дольше всего сохранялась папская инквизиция, учрежденная в 1542 году. После ликвидации светской власти пап в 1870 году, когда Папское государство было присоединено к Италии, папская инквизиция стала действовать исключительно путем отлучений от Церкви, проклятий и включения опасных с точки зрения католичества книг в список запрещенных изданий. Под названием «Конгрегация Священной канцелярии» инквизиция просуществовала до 7 декабря 1965 года, когда была преобразована в Конгрегацию вероучений, или Конгрегацию доктрины веры.

Со временем католическая церковь пересмотрела свое отношение к исторической роли инквизиции. Это сделал папа Иоанн Павел II (1978—2005), по инициативе которого в 1992 году был реабилитирован Галилей, в 1993-м — Коперник, в 1998 году открыты архивы Священной канцелярии, а в марте 2000 года он от имени

западнохристианской церкви принес покаяние за преступления времен Крестовых походов и инквизиции и за «действия, продиктованные нетерпимостью и жестокостью в служении вере».

• • •

Автор одной из самых известных в России работ по истории инквизиции И. Григулевич цитирует итальянского апологета инквизиции Агостино Чеккарони, утверждавшего, что причиной возникновения инквизиционных трибуналов являлись «насильственные действия, к которым прибегали еретики, начиная со времени, когда Церковь вышла из катакомб, с целью разрушить фундамент, основанный на доброй религии Иисуса Христа, провоцируя тем самым не только справедливую реакцию со стороны Церкви, но также справедливую общественную “вендетту”».

Далее И. Григулевич пишет: «Чеккарони признает, что “испанская инквизиция совершила всевозможные эксцессы, которые могут быть вызваны политическими страстями в соединении с варварством и невежеством того времени”. Но за ее деяния ответственность, утверждает он, несет только королевская власть. Что же касается папской инквизиции, то она якобы “никогда не совершала подобного рода эксцессов, и это факт, что жертвы испанской инквизиции искали у нее защиты, и не без успеха”. Разумеется, Чеккарони считает излишним приводить в подтверждение своей точки зрения какие-либо доказательства, потому что таких доказательств у него нет. Но отсутствие доказательств никогда не смущало поборников инквизиции.

Выгораживает и оправдывает инквизицию и официальная ватиканская “Католическая энциклопедия”: “В новейшее время исследователи строго судили учреждение инквизиции и обвиняли ее в том, что она выступала против свободы совести. Но они забывают, что в прошлом эта свобода не признавалась и что ересь вызвала ужас у благомыслящих людей, составлявших, несомненно, подавляющее большинство даже в странах,

* Цит. по кн.: *Григулевич И. Р. Инквизиция*. С. 10.

наиболее зараженных ересью. Не следует, кроме того, забывать, что в некоторых странах трибунал инквизиции действовал самое непродолжительное время и имел весьма относительное значение. Так, например, в испанских владениях в Южной Италии он существовал только в XIII и XIV веках, еще меньше в Германии. В самом Риме он быстро сошел со сцены; например, процесс против Лютера в 1518 году было поручено вести не инквизиционному трибуналу, а генеральному прокурору апостольской камеры”. Авторы цитируемой статьи скромно умалчивают об инквизиционных процессах против Джордано Бруно, Галилея, Кампанеллы и о многих других жертвах римской инквизиции. Они делают вид, что им ничего не известно о преступлениях папской инквизиции — Конгрегации Священной канцелярии.

В изображении этих церковных апологетов инквизиция представляется не такой уж страшной, как ее “рисуют” так называемые “враги” католической церкви, то есть те исследователи, которые подходят с объективных позиций к изучению деятельности “священного” трибунала.

Некоторые современные церковные авторитеты, вопреки очевидным неоспоримым историческим фактам, вообще отрицают, что папство и Церковь несут какую-либо ответственность за сотни тысяч загубленных инквизицией жизней. Кардинал Альфредо Оттавиани, последний из инквизиторов, возглавлявший Конгрегацию Священной канцелярии, в своей книге о каноническом праве утверждал, что католическая церковь, верная христианской заповеди всеобщей любви, никогда не пользовалась “правом меча”, никогда не проливала кровь своих противников. Это-де делала гражданская власть, влияя на действия которой Церковь была лишена возможности. Церковь, заявлял Оттавиани, “всего лишь” отлучала еретиков. По-видимому, этот экс-инквизитор не отдавал себе отчета, в какое смешное положение сам себя ставил подобного рода аргументацией. Ведь согласно церковному учению “отлучение”, “анафема” — наказание во сто крат страшнее, ужаснее и мучительнее, чем пытка и любой вид физической казни. Если верить богословам, оно лишает душу верующего

спасения, осуждает его на вечное горение в геенне огненной, в то время как муки земные и смерть всего лишь незначительный эпизод, мгновение в жизни человека.

Неверно и утверждение кардинала Оттавиани, что Церковь лишена была возможности в этих делах влиять на гражданскую власть: ведь сожжение еретика совершалось гражданскими властями на основе церковного отлучения, с согласия, одобрения и по требованию Церкви, которая до сих пор не сняла, не отменила ни одного отлучения из вынесенных трибуналами инквизиции, за исключением приговора Жанне д'Арк. Следовательно, если исходить из католического вероучения, души сотен тысяч жертв "священного" трибунала продолжают гореть в огне преисподней...

Утверждая, что Церковь никогда не пользовалась "правом меча", кардинал Оттавиани грешит и против принятого в 1937 году папским престолом Кодекса канонического права (заменен новым в 1984 году), на страже которого он, возглавлявший тогда Конгрегацию Священной канцелярии, стоял со всей инквизиторской строгостью. Напомним нашему читателю, что 2214-й параграф Кодекса был сформулирован так: "Церковь имеет врожденное и собственное право (*nativum et proprium ius*), независимое от какой-либо человеческой власти, наказывать своих преступных подданных как карами духовными, так и карами мирскими".

Чтобы ни у кого не осталось сомнения, что, собственно говоря, означают "мирские кары", в богословском комментарии к указанному параграфу сказано следующее: "Учитывая характер совершенного общества, коим является Церковь, она может накладывать любые кары для достижения своих целей и защиты социального порядка (!). Поэтому у нас нет оснований не признать, что Церковь могла бы также наложить кару смертной казни, если в каком-либо случае она найдет это необходимым. Тот факт, что Церковь фактически лишена возможности осуществлять некоторые мирские наказания по причине отсутствия карательных средств, вовсе не значит, что она не имеет права приговаривать к ним"».

* Григулевич И. Р. Инквизиция. С. 11—13.

Среди ученых так и не достигнуто взаимопонимания в вопросе, как именно трактовать термин «инквизиция». Не определены и временные параметры существования «Мировой руки».

Поскольку само слово «инквизиция», как мы уже говорили, переводится как «розыск». «расследование», то Церковь всегда преследовала еретиков — тех, кто, отстаивая свои взгляды, выступал против незыблемых догматов веры. И в наши дни несть числа таким примерам — как и в истории западной церкви, так и в истории Русской православной церкви.

Однако большинство историков приходят к выводу, что под «инквизицией» стоит рассматривать карательный институт католической церкви как особую организацию. И тогда время ее существования ограничивается XII—XIX веками. Но, как мы знаем, полный роспуск Священной канцелярии произошел только в 1965 году, до которого существовала Конгрегация инквизиции («Верховная священная конгрегация Священной канцелярии»).

Среди теологов первым, кто стал изучать историю инквизиции, был Луис де Парамо. В 1598 году он выпустил трактат «О происхождении и развитии святой инквизиции». Эта книга примечательна неожиданными выводами. Так, первым инквизитором, по мнению сицилийского монаха, был Сам Господь Бог, подвергший преследованию Адама и Еву, а одежду, которой грешники прикрыли свою наготу, — первыми «санбенито» — позорящим одеянием, носить которое приговаривались жертвы инквизиции.

Трактат Парамо важен для истории инквизиции потому, что сам «розыск», по его мнению, — это строгое подражание действиям Бога, а потому всякое уклонение от них уже является неопишуемым преступлением.

Прошло почти сто лет, прежде чем появилось серьезное исследование голландского протестанта Филиппа ван Лимборха, давшего в своей латинской «Истории инквизиции» (Амстердам, 1692) научно разработанный и обширный материал по истории деятельности различных инквизиционных трибуналов. Однако и там

ничего нового о «Мировой руке» сказано не было. Точка зрения Парамо стала для католической церкви господствующей на многие столетия.

Хронологически историю инквизиции специалисты подразделяют на три этапа:

этап додоминиканский — период преследования еретиков до XII века;

доминиканский этап — собственно период церковной инквизиции, начинающей свой «отсчет» со времени Тулузского собора 1229 года;

испанская инквизиция.

В додоминиканский период суд над еретиками вершили епископы, которые не ставили своей задачей их широкомасштабное преследование и которые не производили целенаправленный розыск инакомыслящих. Самым сильным наказанием в то время было отлучение от Церкви.

Началом инквизиции, или, по крайней мере, инквизиционного судопроизводства, историки считают год 1184-й, когда был издан декрет, предписывающий посылать комиссаров для производства следствия в те местности, где они предполагали наличие еретиков и их «коммун». Эти комиссары и были первыми епископальными инквизиторами.

А вот собственно папская инквизиция началась с апостольских легатов, которых папа Иннокентий III послал в Лангедок. Восстание было подавлено с необычайной жестокостью — на костер отправили 200 человек. Однако еще до этого аутодафе инквизиция начала действовать с размахом — так, в Центральной и Северной Франции в 1230-х годах «лютовал» Робер Лебугтр. В 1235 году в Мон-Сен-Эме он устроил сожжение 183 человек (за что сам в 1239 году был осужден папой на пожизненное заключение).

Именно в XIII веке создаются постоянные трибуналы инквизиции, а самим расследованием и преследованием еретиков занимаются доминиканцы и францисканцы.

Доминиканцам доверил розыск еретиков в 1233 году папа Григорий IX. От имени папы они должны были производить его *постоянно*.

Обязанности инквизиторов состояли в допросе подсудимых и собирании свидетельских показаний. Они производили судебное следствие, что, собственно, и составляет настоящий смысл слова «inquisitio». По поводу приговора инквизиторы должны были держать совет с подобием «комитета», куда входили духовные лица и юристы, а также утверждать его состав у епископа. Однако последнего часто ни о чем не спрашивали.

Инквизиторы обладали особой властью и подчинялись собственному уставу. Так, в судопроизводстве они часто отступали от гражданских законов. В 1245 году Ватикан даровал инквизиторам право «взаимного прощения прегрешений» и освободил их от обязанности повиноваться руководству своих орденов.

На судах признавались даже такие свидетельства людей, которые в обычной практике как доказательства игнорировались (например, видения у одержимых). Имена свидетелей не всегда сообщались подозреваемому, чтобы тот не смог навредить им колдовством и чтобы не возбуждать кровную месть.

Были разрешены пытки и запрещены адвокаты у подсудимых.

Главными наказаниями стали — публичное отречение от еретических взглядов, или аутодафе («акт веры»), епитимии, конфискация имущества, заключение в тюрьму и сожжение на костре.

Говоря об инквизиции, нельзя забывать о том, что христианская идеология была государственной идеологией, религия рассматривалась как основа нравственности в частности и общественного порядка в целом.

Нельзя забывать и о том, что менталитет средневекового человека в корне отличался от менталитета наших современников.

В те времена спасение души было важнее жизни человеческого тела. Отрицание церковного авторитета в этих условиях было восстанием и против государства, то есть угрожало его целостности, с чем никогда (ни в Средние века, ни в наше время) власти не могли мириться.

Религия была тогда не просто сводом правил поведения в церкви, а кодексом чести, основой мировоз-

зрения, науки, политики. По средневековым представлениям, только религия давала надежду в жизни, она была неизменной и непреложной истиной в последней инстанции. Ересь же в корне подрывала сами основы существования, грозила истреблением привычного образа жизни и миропонимания.

Современная католическая церковь оправдывает «Мировую руку», говоря, что еретики разделяли людей, порождая волнения и мятежи, а Церковь пыталась внести в этот беспокойный мир порядок и спокойствие (отсюда и название — «Мировая, то есть дарующая мир, рука»). Ни один христианин не сомневался в том, что Бог покарает общину, позволившую ереси укорениться и распространиться. Короли и простолюдины имели все основания разыскивать и уничтожать еретиков везде, где те им встретятся, — и поступали так с большим удовольствием. А инквизиция, по мнению католической церкви, несла справедливость и сострадание в противовес безудержным преследованиям еретиков со стороны светских властей и народных масс.

Однако само существование в рамках католической церкви организации, специально занимающейся искоренением инакомыслия и инакомыслящих, ставит ее в один ряд с любым тоталитарным режимом.

Оценить деятельность и само существование инквизиции можно только в контексте всей истории Европы и католической церкви.

И тут очень важно понять, почему инквизиция возникла именно на Западе, а не на Востоке. Принятым сейчас большинством историков объяснением этому является тот факт, что восточная церковь всегда была связана с государственной властью и была неразделима с ней, находилась за этой властью как за «каменной стеной».

А вот в Европе после падения Рима папа остался единственным гарантом мира и порядка, поскольку все государства практически оказались раздроблены на мелкие варварские княжества и королевства. Объединение Европы заняло несколько столетий. А до той поры единственной прочной и устойчивой властью оставалась власть Церкви, которая, единожды установив

свое господство, не собиралась в дальнейшем ни с кем его делить — а потому всеми силами боролась с инакомыслящими.

• • •

В нашей книге мы рассматриваем отдельные эпизоды из истории инквизиции, уделяя внимание прежде всего самым интересным, неизвестным и страшным фактам деятельности «Мировой руки», которые и составляли ее повседневную жизнь, как это ни покажется невероятным.

Более двухсот лет тому назад издатель «пособия» испанского инквизитора Николаса Эймерика (вторая половина XIV века), раскрывавшего методы священного трибунала, писал: «Возможно, найдутся честные люди и чувствительные души, которые будут обвинять нас в том, что мы обнародовали ужасные картины, написанные ранее. Они спросят, какую пользу или какое удовольствие можно получить от того, что знакомишься со столь отвратительными вещами. Чтобы отвести их упреки, нам будет достаточно отметить: именно потому, что эти картины являются отвратительными, нам необходимо выставить их напоказ, дабы они вызвали ужас»*.

Многие факты, приведенные нами, будут для читателей неожиданными по той простой причине, что за последние 30—40 лет в Европе и Америке вышло много исследований, которые развенчивают мифы, ставшие для нас «каноническими», но совершенно не соответствующими истине.

Так, по последним исследованиям, проведенным, в частности, по заказу папы Иоанна Павла II, число жертв инквизиции сильно преувеличено. Комиссия ученых, как принадлежащих, так и не принадлежащих к католической церкви, шесть лет изучала архивные документы. В итоге на свет появился объемистый том с подробными статистическими выкладками.

Из них явствует, например, что великий инквизитор Томас де Торквемада в конце XV века сжег в Испании не

* Григулевич И. Р. Инквизиция. С. 6.

миллионы, как часто думают, а около двух тысяч человек. С 1540 по 1700 год испанская инквизиция преследовала по обвинению в ереси 44 тысячи человек, из которых пошли на костер около двух процентов.

Гораздо чаще приговор состоял в пожизненном заключении, нередко смягчавшийся по прошествии нескольких лет. Наиболее распространенным наказанием было публичное покаяние в той или иной форме.

Авторы исследования напоминают, что инквизиторы обычно были профессиональными юристами и бюрократами и руководствовались строгими процедурными правилами, а не личными чувствами. Эти правила требовали наличия доказательств, позволяли обвиняемому защищаться и изымали из употребления сомнительные свидетельства.

Многие дела прекращались на той или иной стадии. Пытки использовались лишь в незначительном числе случаев и дозволялись, лишь когда наличествовали убедительные доказательства того, что обвиняемый лжет.

Как отмечено в докладе, сожжение людей действительно было обычной практикой в Средние века, но большая часть чудовищных приговоров выносилась светским правосудием.

Знаменитый случай с Жанной д'Арк носил чисто политический характер. Жестокие преследования протестантов при королеве Марии Тюдор не имеют отношения к инквизиции, поскольку последней в Англии вообще не было.

Доклад был опубликован в июне 2004 года.

В России же историография инквизиции чрезвычайно бедна и ограничивается несколькими названиями, среди которых на первом месте дореволюционные работы Н. Осокина, Я. Канторовича и послереволюционные работы И. Григулевича, С. Лозинского, Л. Новохацкой, З. Плавскина и М. Шейнмана.

Поскольку само название серии, в которой выходит эта книга, диктует свои требования к ее содержанию, то и рассказывать мы будем в первую очередь о том, что являлось сутью повседневной жизни людей в те далекие времена и связывало их с вопросами веры и неверия.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНКВИЗИЦИИ

Ответственность за преступление, под которым мы подразумеваем создание инквизиции, падает всецело на папу Иннокентия III. Но, прежде чем мы поведем разговор о преступном папе, расскажем немного о юге Франции, являвшемся одновременно центром ереси и отечеством рыцарства. Только поняв свободолобивый и, как мы бы сейчас сказали, «истинно романтический» дух, царивший в Провансе, мы сможем понять, почему именно на этой цветущей и прекрасной земле возникло столь ужасное явление, как инквизиция.

Окситания и провансальская поэзия

Под Южной Францией принято считать всю область провансальского языка и образования, в которую входили не только собственно Прованс, но и смежные с ним северные части Испании и Италии.

Прованс называют также Окситанией или Романией. У нас юг Франции традиционно именуют Провансом, термин же «Окситания» — поздний и употребляется только с начала XX века.

В Романии возникла и развилась большая часть рыцарских учреждений — турниры, куртуазия, суды любви и служение избранной даме. Отсюда распространились

они на север и восток Западной Европы, постепенно слабая в силе и влиянии на общество по мере удаления от центра рыцарской жизни. Именно на землях юга Франции возникла и куртуазная поэзия.

Первые семена культуры пали на южное побережье Прованса за 600 лет до н. э. Они были занесены сюда греками-колонистами, которые основали Массалию — современный Марсель. Во II веке до н. э. культура массалиотов удивляла даже римлян, о ней с восхищением пишет Цицерон. И постепенно римляне стали не только посещать Массалию, но и посылать туда на обучение своих детей — столь хороши были массалиотские школы. Жителей Массалии в то время называли «треязычными» — *trilingues*, ибо они в равной степени владели тремя языками — греческим, латинским и галльским.

За пять веков до н. э. Галлия, куда входил и юг Франции, была покорена римлянами и стала римской провинцией. Ее исконное кельтское население подверглось ассимиляции. Народный латинский говор стал языком ее населения. С течением времени единство языка, и без того неполное, нарушилось еще больше, и в разных областях Галлии проявились и стали развиваться местные особенности — возникали диалекты и наречия. С развитием феодализма, привнесившего торжество местных начал, разница между северофранцузским и южнофранцузским языками все более увеличивалась. По различному произношению на севере и юге Франции утвердительно частицы оба наречия стали называться своими собственными именами. На севере Франции, отвечая на вопрос утвердительно, говорили «oil». Поэтому и язык там назывался «langue d'oil» — язык «ойль». В южной части Франции вместо «oil» говорили «ос», и потому провансальское наречие, господствовавшее в ней, стало называться языком «ок». Приблизительная географическая граница между этими языковыми ареалами проходила вдоль нижнего и среднего течения реки Луары и тянулась до Женевы.

Но ни Пиренейские горы, ни средиземноморское побережье не стали границами для языка и провансальской поэзии, процветавших во всей восточной половине Пиренейского полуострова, политические судьбы которо-

го были тесно связаны с судьбами французского юга: не раз значительная часть полуострова соединялась в одно целое с Тулузским и Прованским графствами.

Различие между севером и югом Франции и сходство последнего с Пиренейским полуостровом было так велико, что один из трубадуров XII века делит население современной ему Франции на французов и каталонцев — под последними он понимает жителей южной части страны. Конечно, различие между северными и южными французами не ограничивалось только областью языка, но выражалось и в характере населения, что можно проследить и в наши дни. На разницу характеров жителей юга и севера Франции не раз указывали и французские писатели, например, Альфонс Додэ в своем известном романе из жизни провансальцев «Необычайные приключения Тартарена из Тараскона». Как считают сами французы, истинному южанину присущи богатое воображение, невероятная находчивость, остроумие и виртуозное владение родным языком. Он прекрасный рассказчик, он любит и умеет поговорить, он — поэт в душе.

Некоторые ученые утверждали даже, что население Франции состоит из двух рас. Одна из них распространена на север от Сены, другая — на юг от Луары, в «промежуточных» же местностях живет смешанное население. Обе эти расы, северная — кельтская — и южная — лигурийская, отличаются и чисто внешними, физиологическими особенностями. Однако эта точка зрения является спорной.

Яркость метафор, пылкость воображения, страстность чувств — все это питалось и поддерживалось палящим солнцем и зноем юга, пышной растительностью, необычайным богатством красок и их оттенков в самой природе. Между хлебными полями и виноградниками здесь раскинулись многочисленные богатые города, из которых каждый представлял республику в миниатюре, и много великолепных замков — крошечных подобий императорского двора.

Юг Франции поддерживал тесные связи с Италией, Грецией и Востоком. Здесь вместе с мусульманами жили все народности, подвластные некогда Римской импе-

рии. Тут говорили почти на всех языках тогдашнего мира. Сюда свозились предметы и первой необходимости, и изысканной роскоши: шелка и шерстяные ткани Азии и Италии, оружие Дамаска, зеркала, драгоценные камни, золотые и серебряные вещи, восточные пряности и благовония.

Этот постоянный обмен богатствами сопровождался обменом идей и знаний. Здесь находили гостеприимный прием врачи и математики, получившие образование в центрах мавританской культуры — в Кордове и Гранаде. Греки завозили на ярмарки Нарбонны и Тулузы не только восточные ароматы и шелк, но и новые учения, подрывавшие авторитет господствующей Церкви. Культура мавров, их развитая наука, их изящные искусства, их изобретения проникали на полуиспанский юг Франции. А культура их достигла в короткое время настоящего расцвета. При завоевании каждого города арабы прежде всего строили мечеть и основывали при ней школу.

Благодаря образцовой системе орошения в Испании стало процветать земледелие. В то же время необычайно развилась и промышленная деятельность населения.

Большое внимание уделялось и образованию молодежи. Юноши с увлечением занимались науками в Кордове, Севилье, Толедо и других городах, сделавшихся научными центрами. Вообще, начиная с X века в Испании проявляется необыкновенный интерес к научным знаниям. Образовательные поездки стали почти заурядным явлением. Многие из халифов собирали книги и основывали знаменитые библиотеки.

Когда Кордовский халифат* разделился на несколь-

* Кордовский халифат — феодальное государство на Пиренейском полуострове со столицей в городе Кордове. Возникло из Кордовского эмирата, основано в 756 году Омейядом Абдаррахманом I, бежавшим в Испанию от преследований Аббасидов. К концу IX века эмират фактически распался на отдельные феодальные владения. Абдаррахман III восстановил политическое единство государства, в 929 году провозгласив себя халифом. Правители Кордовского халифата, так же как и кордовские эмиры, вели почти непрерывные войны с христианскими государствами на севере полуострова. Кордовский халифат, особенно в период наибольшего расцвета (X в.), был одним из самых передовых в экономическом отношении государств в Европе с высокоразвитым сельским крестьянством и ремесленным производс-

ко самостоятельных владений, отдельные владельцы стали соперничать друг с другом в просвещенном содействии наукам и искусствам, что также способствовало дальнейшему развитию культуры.

Таковы были жители Испании, ближайшие соседи провансальцев.

В те времена из-за Пиренейских гор в Лангедок и Прованс переселялись многие сотни ученых евреев — богословов, философов, астрономов, медиков, правоведов. Они переносили с собой в Южную Францию и тот свободный дух, который лежал тогда в основании тогдашнего арабского просвещения — любовь к философии, и жажду исследования. Эта была их отличительная черта. Арабы, в свою очередь, заимствовали ее, равно как и запас научных знаний, от ученых александрийских греков. Посредниками послужили еретики-несториане и евреи, которые жили среди тех греков, перенимая от них и их культуру. Особенно сильно воздействовали ученые евреи сначала на евреев Запада, потом и на западных христиан. Поток научных идей, равно как и поток своеобразного философского и религиозного настроения, шел из глубины времен и из далеких стран всевозможными путями, еще плохо исследованными до сего дня.

Цветущие общины Южной Франции — владения герцогов Тулузских получили богатое наследство: они привлекли к себе гонимых еретиков — как из христиан, так и из евреев. По свидетельствам хроники, «тулузские и сен-жильские еретики совсем не понимали того зла, какое может произойти верным католикам, если среди них будут жить люди других убеждений».

твом в государственных мастерских, в которых широко применялся труд рабов. Важное место занимали судостроение и горная промышленность. Значительно выросло число городов и увеличилось их население. В Кордовском халифате сложились яркие и своеобразные культура и наука. Ученым Кордовского халифата принадлежит видное место в сохранении традиций античной науки в Европе. Политика веротерпимости, которой придерживались правители Кордовского халифата до начала второго десятилетия XI века, способствовала участию в развитии науки и культуры как мусульман, так и немусульман. В начале XI века в Кордовском халифате наступил период феодальных смут (с 1009 по 1031 год сменилось шесть халифов, ни один из которых не обладал реальной властью). В 1031 году последний халиф Хишам III был свергнут и изгнан из Кордовы. Кордовский халифат распался на множество мелких эмиратов.

Процветало сельское хозяйство — экономическая основа средневекового общества. На плодородной земле в изобилии произрастали пшеница, просо и привезенная Колумбом кукуруза. Потоками лились оливковое масло и вино.

Таким образом, закладывалось основание провансальской культуры с ее свободой духа и враждебным отношением к авторитету папы, с презрением к папским посланиям (буллам) и насмешками над высокомерным духовенством и пороками римского двора.

Необходимо отметить еще одну очень важную особенность жизни юга Франции. Это борьба с магометанами, увлекавшая бойцов в Испанию, которая и воспитала в населении Южной Франции воинственную отвагу. Церковь пошла этой борьбе навстречу и благословила ее. Так на провансальской почве выросло европейское рыцарство.

Отсюда оно быстро распространилось по всем странам Западной Европы, так как вполне соответствовало понятиям и чаяниям населения. Не забудем, что именно здесь, в Южной Франции, раздалась впервые проповедь Крестовых походов, и отсюда уже она охватила всю Западную Европу. Здесь создавались рыцарские ценности. Храбрость рыцаря, его великодушие, его идеалы чести и любви, его набожность и нашли себе выражение в лирических песнях трубадуров.

Рыцарство было новой и могучей силой, и оно ввело в культуру Окситании особый культ прекрасной дамы. Однако необходимо отметить и влияние испанских арабов на отношение рыцаря к даме. Положение женщины у последних было свободнее, чем у других магометан. У них женщины принимали участие во всех сферах интеллектуальной жизни. Число женщин, прославившихся научными трудами и поэтическими произведениями, довольно значительно. По этой причине и создалось то уважение к женщинам, которое едва ли знал мусульманский Восток. Союз мужчины с женщиной облагораживался здесь духовным сближением.

Такой же свободой пользовалась женщина и на юге Франции. Здесь женщины могли быть обладательни-

цами земельной собственности и пользоваться в обществе большим влиянием. Среди местных дам было много образованных девушек. Прекрасная дама рыцаря-трубадура была поистине прекрасна.

Рыцарь избирал себе даму, которая отличалась прежде всего молодостью и красотой, а также умом, прекрасными манерами и любезным обращением с людьми. Он избирал ее себе как предмет рыцарской любви или служения. Один из трубадуров так изображает это рыцарское чувство: «В этой любви есть четыре степени: первая степень — любовь колеблющегося, вторая — любовь умоляющего, третья — любовь услышанного и последняя — любовь друга. Тот, кто стремится к любви и часто ухаживает за своей дамой, но не осмеливается поведать ей свою муку, по справедливости может быть назван колеблющимся, боязливым. Но если дама оказывает ему столько чести и так ободряет его, что он осмеливается поведать ей о своей муке, такой человек вполне правильно может быть назван умоляющим. Если умоляющий своей речью и просьбами достигает того, что она удерживает его при себе, дает ему свои ленты, перчатки или пояс, он поднимается уже на степень услышанного. Наконец, если даме благоугодно выразить свое согласие на любовь поцелуем, она делает его своим другом».

Избранный рыцарь терял свободу и становился в зависимость от своей дамы. Зависимость эта напоминала ту, в которую впадал вассал от своего сеньора. Рыцарь становился на колени перед своей дамой, клал свои руки в ее руки и клялся служить ей верно до самой смерти и защищать ее от всякого зла, от всякого оскорбления. Она же объявляла, что принимает его на свою службу, обещала раскрыть для него свое сердце, вручала ему перстень, поднимала его с земли и дарила ему свой первый поцелуй. Рыцарь носил любимые цвета своей дамы, которые всегда напоминали ему ту, с кем он был соединен клятвой.

Естественно, что союз этот обуславливался свободным согласием сторон. Если рыцарь, обязавшийся служить даме, обладал поэтическим даром, он должен был слагать в честь нее стихи.

На юге Франции рыцарское звание не было так тес-

но связано с обладанием землей, как на севере, владение землей не было здесь принадлежностью феодальных привилегий. Чаще, чем где-либо, рыцарское звание распространялось в Окситании на средние классы и даже на крестьян. Безземельное рыцарство образовало значительное сословие. Свободные от вассальных обязанностей, полные господа в любви и ненависти, рыцари поступали на жалованье к богатым баронам и крупным владельцам.

Именно среди рыцарей и появляются первые трубадуры — так называли поэтов, которые слагали свои песни на провансальском наречии. Трубадуры прославились как лирические поэты, выражавшие в своих, всегда сравнительно небольших, произведениях личные чувства и взгляды на то или иное лицо, на то или другое событие. Они противопоставляли себя авторам рассказов и новелл.

Добрая половина трубадуров принадлежала к рыцарскому сословию, и в числе их было много могущественных феодалов, графов, князей и даже королей.

Поэзия трубадуров пережила три периода:

период возникновения и развития литературных форм в X и XI веках,

период расцвета в XII и XIII веках,

период упадка и постепенного исчезновения трубадуров в XIV и XV веках.

Причина упадка провансальской поэзии заключается в том, что она прошла все стадии своего развития и ей суждено было умереть, как всему живому, естественной смертью, но нашли одновременно с севера и юга грозные тучи, которые ускорили эту смерть.

Романы и лирика трубадуров никоим образом не отвергали религию, но они были опасны для католической церкви, ибо в них утверждались внерелигиозные идеалы любви, чести и достоинства.

Юг Франции со всеми его знаниями и умениями, новой культурой и зародившейся ересью стал опасен для Рима. И Рим немедленно отреагировал. Против Прованса были развязаны жестокие войны.

Массовость еретическое движение приобрело в Европе в X—XI веках.

Известный русский ученый Н. А. Осокин писал:

«Вскоре после того как миновал 1000-й год от Рождества Христова, год ожидаемого многими конца света, по Европе прокатилась волна увлечений странными верованиями. Их общий источник лежал на Востоке, в отрогах Закавказья, где за несколько веков до этого существовало настоящее княжество еретиков-павликиан, сохранивших здесь, в укрытии от множества исторических бурь, представления тех поколений людей, что были свидетелями возникновения христианства, представления, которые теперь совсем не казались христианскими. Павликиане верили в то, что мир создан при участии злого бога, что Христос лишь принял облик человека, нисходя в юдоль страданий; они требовали от Церкви принципиальной отделенности от государства, они не принимали православную обрядность и авторитет как восточных, так и западных пап-патриархов. Понятия прошлого и будущего были для них абстракцией, ибо все, ради чего жил человек, происходило именно сейчас и здесь. Они не искали полутонов, пастельных оттенков; их мир был расцвечен всего лишь двумя красками — даже не красками, а крайностями полярного бытия, — белой и черной.

Когда византийские императоры одолели-таки странных еретиков, часть пленных павликиан поселилась во Фракии. Там они смешались со славянскими племенами, а затем оказались в сфере влияния Болгарского царства.

Именно там, в Болгарии, и сложилось учение богомилов — первый вал бури, впоследствии обрушившийся на христианскую Европу. Патарены Италии, альбигойцы юга Франции почитали богомилов как старших и мудрых братьев, хранящих нить некоей, уже известной нам традиции.

Однако самой знаменитой ветвью этой традиции стали все-таки альбигойцы — и из-за связи своей истории с возникновением инквизиции, доминиканского и

францисканского орденов, и из-за героической, чисто рыцарско-средневековой борьбы, на которую оказались подвигнуты местные виконты, бароны, графы и даже три короля — французский, арагонский и английский. Альбигойские войны не являются историей сугубо религиозных противоречий, они вплетены в общую историю культуры того времени, они прямо связаны с процессом складывания французской нации и французского государства»*.

Цветущее состояние Южной Франции было разрушено войнами, которые велись против нее крестоносцами севера по воле Иннокентия III — вот на сцене и появляется наш преступный папа. Его воля была исполнена в точности. 20 лет продолжались опустошительные войны, 20 лет земли Южной Франции подвергались разорению.

Умирающая поэзия юга стала в это время выразительницей злобного и мстительного чувства побежденных. Их неумеренная, как и все страсти, но совершенно понятная нам, посторонним судьям, злоба была направлена против Рима, изрекшего на них анафему, и против Северной Франции, взявшей на себя обязанности палача. На этой-то почве и выросло множество едких сатир против «обманов, измен, алчности, пороков и тирании духовенства», против хищной и вероломной жестокости северных французов. В сирвентах**, направленных против Рима, мы встречаем указания на те пороки его, которые вызывали впоследствии великое реформационное движение. Рим обвиняется в политике обмана, в чрезмерной алчности.

Рим же наносил удары Южной Франции не только потому, что она была пропитана альбигойской ересью, но и потому, что там процветала неприятная ему свобода совести.

Король Франции Людовик Святой пытался помочь южным провинциям страны и хоть как-то облегчить последствия бед, которые обрушились на Прованс по

* Работа Н. А. Осокина «История альбигойцев и их времени» цит. по: История ересей. М., 2007. С. 7.

** Сирвента — род поэзии трубадуров, жанр «служебной», а не любовной поэзии. Часто в сирвентах воспевали или проклинали войны, Крестовые походы и другие события общественной жизни.

воле и вине его отца и деда. Но разоренные гнезда баронов уже не вернули себе своего бывшего великолепия, прошлое величие погибло безвозвратно.

Почему же были разрушены баронские гнезда, истреблен цвет рыцарства, растоптана цветущая земля юга Франции?

Все дело в том, что с древних времен ересь, по выражению монаха-летописца, «свила себе на юге Франции в Провансе и Лангедоке прочное гнездо». С далекого Востока проникли сюда превратные идеи манихеев*, павликиан**, богомилов***, патаренов**** и катаров — так назывались в разных местах «дети одинаково мерзких заблуждений». Передаваясь из страны в страну, от одного народа к другому, из одного поколения в другое, идеи эти, изменяясь и развиваясь, достигли, наконец, юга Франции, счастливо миновав все заставы и таможи, воздвигаемые им на пути верными слугами папы.

Идеи эти усвоили люди всех сословий; их хранили в своей душе даже могущественные тулузские герцоги, владельцы замков и бароны Нарбонн, Венсен, Сен-Жиль, Фуа, Коммен, Альбизжуа. Их проповедовали и благородные рыцари, и мирные торговцы, ересь звучала в задушевных песнях провансальских трубадуров и в тихих песнях лангедокских поселян.

Еретики отвергали все книги Ветхого Завета, доказывая, что он уже отменен, а книги Нового читали на своем языке.

* Манихейство — еретическое течение в зороастризме, государственной религии Ирана. Его основателем был пророк Мани. Мани полагал, что наш мир сотворен злым духом, и проповедовал аскетизм, целомудрие и отказ от собственности.

** Павликианство — еретическое течение, зародившееся предположительно в древней Армении. Павликиане воспринимали земной мир как мир Сатаны, выступали против земных правителей, погрязших в роскоши и пороках, против распущенности духовенства и требовали упрощения церковных обрядов.

*** Богомилы — христианское еретическое течение, зародившееся в Болгарии. Его возникновение историки связывают с переселением манихеев во Фракию Константином V и с переселением павликиан в окрестности Филиппополя при Иоанне Цимисхий. Богомильские обряды прослеживаются у катаров.

**** Патарены — участники патарии, религиозного движения против духовенства и сеньоров.

Они учили, что Бог один, отрицали Троицу, считали, что причастие и брак вовсе не таинства*.

Они говорили, что Христос не «умирал и не воскресал», а слово Божие следует понимать духовно, а не буква в букву, ибо «буква мертва, а дух жив», что в деле религии следует повиноваться одному Богу, а не людям.

Они учили, что Бог создал души человеческие, а облек их плотью не кто иной, как дьявол, и люди должны носить плоть свою до тех пор, пока не освободятся от грехов и земных уз. Лишь тогда души вернутся в горнюю обитель, на небеса, а до тех пор будут странствовать и мучиться на земле, ибо катары отрицали и существование ада.

Еретики называли себя «нищими во Христе» и, что особенно ужасно для власть имущих, именно богатство и считали грехом.

Еретики учили не повиноваться властям, подбивали рабов не работать на господ, они считали смертным грехом клятву и божбу, убийство и войну. «Хотя бы за самое святое дело проливалась кровь, — говорили они, — она не угодна Богу».

Наконец, они говорили, что для всех народов — один Бог, один Отец, что все народы — дети одного Отца, что нет ни лучших, ни худших народов перед Богом, но в каждом народе есть дурные и хорошие люди.

Еретики не хотели знать «никакого христианства, кроме евангельского и апостольского» и вели простую, строго нравственную жизнь, не хотели знать монахов и епископов, которых считали грешниками и дармоедами, не признавали самого папы, утверждая, что давным-давно «господствующая церковь римская отказалась от истинной веры и сделалась вавилонской блудницей, тою бесплодною смоковницей, которую проклинал Иисус и повелел уничтожить».

Таковы были основные принципы «альбигойской ереси», получившей название от города Альби в провинции Лангедок — одного из центров движения катаров, или Добрых людей, или Старцев.

* Согласно новейшим исследованиям, любовные отношения катаров действительно давали основание инквизиторам для предъявления им обвинений в сексуальной распущенности, содомии и гомосексуализме. (См. в кн.: *Ле Руа Л. Э.* Монтайю, окситанская деревня. Екатеринбург, 2001.)

Историки считают, что катары — это миссионеры, пришедшие с Востока во время 2-го Крестового похода между 1140 и 1150 годами. Именно в это время святой Бернар Клервоский, активный борец с ересями, организатор и вдохновитель 2-го Крестового похода, объезжает юг Франции и с ужасом пишет, что церкви опустели, а в Верфее, одном из крупных замков Тулузского графства, не нашлось ни одного верующего, который захотел бы послушать его проповедь. Можно было сказать, что учение катаров победило учение католической церкви.

Главной же причиной нежелания Романии пребывать под властью Рима была, несомненно, развращенность нравов служителей католической церкви. Многие епископы посещали свои приходы только для сбора церковных податей. Многие священники, враждуя со своими собратьями, отлучали друг друга от Церкви. Многие скрывали свою принадлежность к духовенству и носили мирское платье.

Чем же катары привлекали народ?

Прежде всего тем, что в отличие от распущенных католических патеров, ведущих разудалую жизнь, это были люди-аскеты. Они всегда передвигались парами, пешком, всегда были одеты в черное. Они жили на подаяние верующих, а когда не занимались миссионерством, то проводили время в мужских и женских домах, очень напоминавших монастыри. Они избегали плотских утех и особенно осуждали супружеские отношения, ибо в результате в темницы человеческих тел могли попасть новые души. Они верили в перевоплощение, а потому не ели мяса и избегали не только убийства любого живого существа, но и любого вида насилия. Они осуждали клятву, ибо нельзя поминать всуе имя Господне.

Катары считали, что несовершенный земной мир, в котором так много несправедливости, лжи и греха, создан Сатаной, который заключил в тела невинные души — создания Бога, которые получают свободу только после смерти человека.

Чтобы перестать блуждать из одного тела в другое, возрождаясь вновь и вновь, следует принять крещение Духом — «утешение».

«Утешение» можно получить как в последний момент перед смертью, так и в самом расцвете сил. В первом случае обряд проходят люди, слабые духом, не способные отказаться от земных радостей. Во втором — сильные люди, которые и становятся наставниками паствы.

Получившие «утешение» становятся практически монахами. Они обязаны воздерживаться от сексуальных связей и всякой пищи животного происхождения. Им позволено есть только рыбу, ибо у рыбы холодная кровь и «отсутствует духовный жар» — помните русское выражение «холодный, как рыба»? Кроме того, катары верили, что рыбы размножаются самозарождением.

Многие не очень сильные духом люди, как мы уже говорили, принимали «утешение» перед самой смертью. Поскольку катары возражали против любого насилия, то совершить самоубийство — например принять яд или выброситься из окна — не могли. Но они нашли другой способ уйти из жизни. Они либо отказывались вообще принимать еду, либо принимали очень горячую ванну, а потом ложились на холодные мраморные плиты пола. В последнем случае им было «гарантировано» тяжелое воспаление легких с почти стопроцентным летальным исходом.

Надо особо отметить то, что после принятия «утешения» катары с радостью ожидали смерть — она освобождала их души из темницы человеческого тела. Именно этой радостью предвкушения душевной свободы и объясняется та готовность, с которой Добрые люди всходили на костры инквизиции.

Принявшие же «утешение» добровольно в расцвете сил становились пастырями. Их выделяли из толпы не только черное одеяние, бледный вид и страшная худоба — последствия аскетической жизни, но и то, что они практически никогда не оставались в одиночестве.

Сразу после совершения обряда человеку, которому предписывалось стать катарским священником, «давали» пару: мужчине — женщину, а женщине — мужчину. В этом заключался обычай товарищества до смерти — двое неразлучных катаров преданно и верно поддерживали друг друга в самые тяжелые моменты жизни.

Особенностью церкви катаров была, по мнению некоторых историков, несколько легковесная мораль для приверженцев Добрых людей — в противоположность строгому аскетизму самих катарских священников. Мораль для приверженцев полностью соответствовала легким нравам юга Франции. Поскольку грехи — следствие зла в мире, созданном дьяволом, то и судить за них не стоит слишком строго. Надо лишь покаяться — и получить прощение.

Наблюдались и другие особенности катарской церкви. Так, например, отрицая богатство, катары-священники вынуждены были принимать дары от верующих — для самой церкви. О накопленных богатствах катаров ходили легенды. Самые большие сокровища были, по преданиям, собраны в замке Монсегюр.

Этот замок принадлежал сестре графа де Фуа Эсклармонде. Ее принятие «утешения» привлекло внимание всей знати области. Об Эсклармонде де Фуа в Провансе сложено много легенд, и она до сих пор почитаема. Провансальская поэзия сделала ее королевой замка фей. Ее считали хранительницей величайшей святыни катаров.

Надо сказать, что среди катаров было много представителей знати и очень много женщин. Они вели себя с удивительным мужеством и, не говоря уже о том, что, принимая катаризм, они отказывались от привычного им с рождения образа жизни в богатстве и неге, с радостью — да, да! именно с радостью — восходили на костер или принимали мученическую смерть.

Так, Жеральда де Лавор, сеньора (собственница крупного земельного феода) Лавора, была истинной катаркой. В 1211 году после длительной осады ее город и замок были захвачены «войском веры», а саму Жеральду «добрые» завоеватели сначала отдали на поругание солдатам, а потом бросили живой в колодец, завалив его огромными камнями. Сеньора Лавора умерла дважды, ибо носила под сердцем ребенка.

Таково было учение катаров, и таковы были сами катары.

«Вряд ли все обращенные проповедниками катаров становились истинно верующими, — пишут М. Бейд-

жент и Р. Ли. — Есть подозрения, что многие относились к своей новой вере не более серьезно, чем другие христиане того времени относились к своему католицизму. Но катарская ересь, безусловно, казалась привлекательной. Для рыцарей, дворян, купцов, лавочников и крестьян юга Франции она, похоже, представляла приемлемую альтернативу Риму — гибкость, терпимость, великодушие, честность, которые нелегко было сыскать среди официального духовенства.

В практическом плане это обещало спасение от вездесущего клира Рима, от наглости клириков и от злоупотреблений коррумпированной Церкви, чьи вымогательства становились все более нестерпимыми. Не подлежит сомнению, что Церковь в то время была чудовищно развращенной. В начале XIII столетия папа говорил о своих собственных священниках, что они “хуже животных, валяющихся в собственных испражнениях”. Не случайно, видимо, крупнейший средневековый немецкий поэт-лирик Вальтер фон дер Фогельвейде (ок. 1170 — ок. 1230) писал: “О Господи, доколе Ты будешь почивать в своем сне?.. Поставленный Тобой охранять крадет богатство, которое Ты скопил. Твои наместники грабят здесь и убивают там. И за Твоими овцами присматривает волк”.

Епископы того времени описывались современником как “ловцы денег, а не душ, имеющие тысячу уловок, как опустошить карманы бедняка”. Папский легат в Германии жаловался, что находящееся в его юрисдикции духовенство предается роскоши и обжорству, не соблюдает постов, охотится, играет в азартные игры и занимается коммерцией. Возможности для коррупции были огромными, и мало кто из священников прилагал какие-либо серьезные усилия, чтобы удержаться от соблазна. Многие требовали платы даже за выполнение своих официальных обязанностей. Венчания и похороны могли проходить только после их оплаты. В причастии отказывалось до получения пожертвования. Даже умирающего не причащали, пока не выколачивали из него нужную сумму. Право даровать индульгенции, освобождение от наказаний вследствие отпущения грехов, давало немалый дополнительный доход.

На юге Франции подобная коррупция особенно процветала. Имелись церкви, например, в которых мессы не служились более тридцати лет. Многие священники пренебрегали спасением душ своих прихожан и занимались коммерческой деятельностью или заправляли большими поместьями. Архиепископ Турский, известный гомосексуалист, бывший любовником своего предшественника, потребовал, чтобы вакантное место епископа Орлеана было отдано его же любовнику. Архиепископ Нарбонна так и не удосужился посетить город или свою епархию. Многие другие духовные лица пировали, заводили себе любовниц, путешествовали в пышных экипажах, имели при себе огромный штат челяди и вели жизнь под стать верхушке дворянства, в то время как вверенные их попечению души прозябали в страшном рабстве, нищете и грехах.

Потому едва ли удивительно, что существенная часть населения этих земель, далеких от какого-либо духовного благополучия, отвернулась от Рима и приняла воззрения катаров. Едва ли удивительно также, что Рим, столкнувшись с таким массовым вероотступничеством и заметным падением доходов, все больше тревожился за свое положение. Такая тревога была небезосновательной. Существовала очень реальная перспектива замены вероучением катаров католицизма как господствующей религии на юге Франции, а отсюда оно могло легко распространиться и повсеместно*.

Наместник святого Петра на земле папа Иннокентий III не мог хладнокровно смотреть на это «погибшее стадо», и мир увидел, как духовная рука папы протянулась к вооруженной и закованной в сталь руке «великого покровителя Церкви» — французского короля — и благословила меч, блескующий в этой руке. И, указывая на Прованс, папа сказал королю: «Пора идти на помощь Богу! Тебе известно, возлюбленный сын наш, что светская власть имеет право употреблять меч вещественный, когда духовный не в силах остановить нечестия, что государи должны изгонять дурных людей из своих владений и что Церковь, в случае их нерадения, имеет

* Цит. по: *Бейджент М., Ли Р.* Цепные псы Церкви. Инквизиция на службе Ватикана. М., 2006.

право отнимать их достояние. Мы просим и увещеваем Ваше Величество присоединить все земли еретиков в Ваше потомственное владение; ты можешь владеть ими ненарушимо. Итак, трудись неустанно и дружно вместе с нами, как и подобает королевскому великолепию, для ускорения этого дела».

Баронам папа сказал: «Вы обязаны верностью и присягой служить королю против всех, кто нападает на королевство, а государство не имеет более опасных притеснителей, как еретики — люди инаковерующие и инакомыслящие. Кто не будет огнем и мечом искоренять еретиков, тот сам еретик. Кто укрывает еретиков, кто не доносит на них, — тот вместе с ними достоин наказания».

В те времена мало кто сомневался в учении католического святого, блаженного Августина, доказывавшего, что еретиков надлежит преследовать, что насилие необходимо и полезно, благословлено Богом. «Разве не сказано в Писании, — поучал Августин, — принуждайте войти всех, кого встретите? Разве апостол Павел не был приневолен насилием со стороны Христа почитать истину? Разве Сам Христос не говорил: “Никто не приходит ко Мне, кого не приведет ко Мне Отец?” Наконец, Сам Бог не пощадил Своего Сына и отдал его ради нас палачам. Значит, человек, преследующий еретиков, следует Писанию — подражает Богу. Начальник же — есть Божий слуга, отомститель в наказание делающему зло».

Мнение святого Августина было мнением господствующим, и, не вникая в его существо, это мнение разделяла и была убеждена в его справедливости не только толпа — «темная толпа, паства, стадо», но особенно же пастыри — люди, возвышавшиеся над толпой.

И слова папы не могли остаться гласом вопиющего в пустыне. Они нашли отзвук и сочувствие и у знати, и у простого народа. Тем более что среди поддержавших папу было много людей, видевших в учреждении инквизиции и борьбы с еретиками выгоду практического свойства.

Папа ничем не брезговал, чтобы воздвигнуть на еретиков огонь и меч. Он писал французскому королю, что христиане — должники евреев, отправляясь на войну

против альбигойцев, могут не платить своим кредиторам процентов не только текущих, но и прежних, а уплата капитала, по повелению папы, может быть отсрочена. Он писал, что все отправившиеся на борьбу с катарами получают полное отпущение грехов. А затем папа разрешил склонять еретиков к сдаче ложными обещаниями.

Инквизиторы также не особо утруждали себя и доказанием вины катаров. «Если вы спросите еретиков, — пишет святой Бернар, — то окажется, что они самые лучшие христиане; в речах их вы не найдете ничего предосудительного, а дела их не расходятся со словами. Согласно своему нравственному учению, они никого не обманывают, никого не притесняют, никого не ударяют; щеки их бледные от постоянных постов, они не сидят сложа руки и трудами снискивают себе хлеб». У нас в руках — невероятный в своем цинизме документ, подтверждающий невинность гонимых. Добавить тут нечего.

Гений и злодей Иннокентий III

Кем же был папа Иннокентий III?

В миру он звался Лотарио де Сеньи и был человеком весьма просвещенным. Он получил два образования: теологическое — в Парижском университете, а юридическое — в Болонском. Время правления Иннокентия III — пик политического могущества папства.

Он был очень честолюбив и на деле претворил в жизнь идею единого государства, в котором в руках папы сосредоточились и высшая светская, и духовная власти. Он стал верховным правителем всех католиков. Он был прекрасным дипломатом и блестящим руководителем.

Он был необыкновенно умен и объективен, ибо прекрасно видел не только ересь других, но и недостатки в организации католической церкви. Он говорил, что именно духовенство несет главную вину за все беды христианского мира. Чтобы успешно противостоять ереси, клир должен пользоваться уважением и доверием в среде верующих, чего он давно уже не достоин.

Все эти качества позволили папе создать настоящую империю, для защиты границ которой были органи-

зованы не только Крестовые походы, но и Тевтонский орден (1199 год), и орден меченосцев (1202 год). Братья-меченосцы не отличались нравственностью и присущим монахам смирением и любовью к ближнему: так, первый же магистр ордена был убит одним из братьев-рыцарей. Но не это было главным для папы. Гораздо важнее другое — ордены ставили своей целью защитить католические Германию и Польшу от славянских и прибалтийских язычников.

Однако скоро распространение христианства для папских посланцев отошло на второй план. Возобладало другое — захват новых территорий, прежде всего прибалтийских. К счастью, соединенные силы литовских язычников и православных христиан разбили меченосцев в 1236 году под Саулисом (Шяуляем). В противном случае с прибалтийскими государствами произошло бы то же самое, что случилось с югом Франции.

Но если забыть о неудавшихся попытках напасть на русское и прибалтийское государства, в целом завоевательная кампания папы Иннокентия III была очень успешной.

Папа именовал себя не только «наместником святого Петра»*, но и «наместником Иисуса Христа». Именно в его время появилась двойная тиара — особый головной убор римских пап. Тиара символизировала соединение в руках папы двойной власти: духовной и светской. Иннокентий III выступал с доктриной о превосходстве папской власти перед королевской.

В начале своего правления он установил папскую власть над Северной Италией, изгнав оттуда императорских чиновников, а в 1198 году стал регентом малолетнего сицилийского короля Фридриха II (1194—1250).

Интересен тот факт, что именно при короле Фридрихе борьба между Священной Римской империей и папством достигла исключительного ожесточения. Надо полагать, что опекун Иннокентий III, давший малолетнему Фридриху прекрасное воспитание, сумел-таки досадить ему своими доктринами и восстановить его

* «Наместником святого Петра» папа римский назывался потому, что, по Священному преданию, первым епископом Рима был глава апостолов Петр.

против власти духовной. Фридрих был даже отлучен от Церкви и объявлен Антихристом.

Образ императора Фридриха II — воинственного рыцаря, покровителя науки и искусств, борца с римским папой — был столь привлекателен для современников, что после его смерти возникла легенда о том, что он не умер в 1250 году, а скрылся, чтобы появиться в конце времен, реформировать Церковь и установить царство всеобщего мира. Во второй половине XIII века в Италии и Германии постоянно появлялись самозванцы, выдававшие себя за почившего императора. Одним из таких самозванцев был Фридрих Деревянный Башмак, который в 1285 году был сожжен инквизицией как еретик.

Но вернемся к папе Иннокентию III.

После подчинения, как мы теперь знаем — на время, малолетнего короля Сицилии папа получил возможность интриговать, надо заметить — необыкновенно талантливо, в Германии, ибо Фридрих II вскоре был избран королем и этой страны.

Потом папа поссорился с королем Англии Иоанном Безземельным* и смог подчинить его себе старым как мир способом всех церковников: он отлучил английского короля от Церкви, а на саму Англию наложил интердикт — запрещение отправлять богослужения и обряды. Быть может, без церковных служб англичане бы и прожили, хотя это и весьма сомнительно, а вот существовать без свершения крестин, похоронных обрядов, венчания и причащения люди не могли. Кроме того, папа призвал христианских рыцарей отправиться Крестовым походом на Англию. А потому хитрому, но абсолютно бесталанному Иоанну ничего не оставалось, как примириться с папой. Англия была отдана Церкви в лен, а сам Иоанн объявил себя вассалом папы. Вассалами Церкви за короткое время признали себя и короли Португалии, Арагона, Венгрии, Дании и даже — на недолгий срок — царь православной Болгарии Калоян.

* Иоанн был прозван Безземельным потому, что не смог удержать владения династии Плантагенетов на континенте, прежде всего Францию.

Иннокентий III был очень умным, хитрым, изворотливым политиком, прекрасным дипломатом и очень решительным человеком. Именно такой папа и мог учредить святую инквизицию. Королей и страны он подвергал отлучению и индикту, если не помогало — объявлял Крестовые походы. Затем дело дошло и до физического уничтожения непокорных — то есть еретиков.

Первые его усилия были направлены, как мы уже говорили, против альбигойцев, ересь которых сильно укрепилась на юге Франции.

Заметив, что еретики-катары не поддаются никаким увещаниям и пренебрегают папскими буллами, недовольный к тому же способом борьбы, применяемым против них епископами, Иннокентий III принял решение послать в зараженные местности особых эмиссаров, уполномоченных искоренить то зло, против которого епископы (до этого времени лишь они имели право на искоренение ереси) оказались бессильными.

В 1203 году папа поручил Пьеру де Кастельно и Раулю, монаху из Сито в Нарбонне, в своих проповедях вести борьбу против альбигойской ереси — что ими и было успешно исполнено. Ободренный этой первой победой, папа решил, наконец, привести в исполнение свой проект и ввести в католической церкви институт независимых от епископов инквизиторов, которым, как делегатам папского престола, было бы поручено преследование еретиков.

В обязанность эмиссаров входило именем папы, короля Франции Филиппа II и старшего королевского сына Людовика призывать графов, виконтов и баронов всего королевства к преследованию еретиков и в награду за их услуги давать им индульгенции.

Три папских эмиссара были наделены неслыханными полномочиями — они обладали всей полнотой власти в провинциях Экс, Арль, Нарбонн и во всех тех епископствах, где находились еретики.

Король Франции отнесся к этому призыву весьма холодно и воздержался от участия в этом Крестовом

походе, так же как графы Тулузский, Фуа, Безье, Каркассон и Коммэнж, отказавшиеся изгнать из своих владений большое количество спокойных и покорных подданных, ибо их изгнание было бы настоящим разорением для всего края. С другой стороны, епископы, недовольные ущемлением своих прав, тоже чинили всевозможные препятствия появившимся эмиссарам-инквизиторам. Посланники папы действовали слишком решительно, и в результате сопротивления, оказанного им вовсе не миротворческой миссии, папский легат Пьер де Кастельно был убит.

Папа не смог снести подобного оскорбления и организовал второй Крестовый поход против еретиков, прежде всего против Раймонда VI, графа Тулузского, которого он считал покровителем альбигойцев.

Он обещал крестоносцам, шедшим сражаться против своих же братьев-христиан, неслыханные милости. Папа говорил о следующем: все, кто примет участие в этой кампании, берутся под немедленную защиту папского престола; крестоносцы освобождаются от уплаты всех процентов по своим долгам и выходят из-под юрисдикции гражданских судов. Уже с самого начала похода папа даровал его участникам полное прощение всех их грехов и преступлений, при условии, что они прослужат минимум 40 дней.

Голосу папы вняли рыцари и бароны и все те, кто жил грабежом и войной. В 1209 году огромные силы крестоносцев во главе с бароном Симоном де Монфором ворвались в Лангедок. Решающую победу они одержали в 1213 году при Мюрэ.

Многих благородных рыцарей, бывших в войске де Монфора, прельстила возможность разбогатеть так быстро и так просто: стоит лишь взять да и отнять все добро у тех, от кого отнимать дозволено и во имя Христа, и во имя короля. Поэтому поход сопровождался грабежами и резней мирного населения. Печально известна бойня в Безье, произошедшая 22 июля 1209 года. Жители крепости не захотели выдать Добрых людей — альбигойцев, и «войско веры» взяло город. Его население было перебито до последнего человека. Только в одной церкви города было убито около семи тысяч человек.

Ужасно? Конечно, тем более что убивали везде, даже в Доме Божиим — храме, где с древних пор люди искали мира. И еще ужаснее слова папского легата Арно-Амальрика, который приказал: «Убивайте всех, Бог признает своих!» Слова, поражающие своей первобытной жестокостью, были произнесены человеком, который должен был бы проповедовать мир на земле, а вместо этого «санкционировал» массовое убийство мирных людей, намериваясь посеять ужас в стране, чтобы было легче ею овладеть. Можно ли удивляться, что «защитники» католической веры возбуждали в населении юга Франции ненависть и желание сражаться с ними, несмотря на заранее предрешенный исход этой неравной борьбы?!

Большая часть захваченных земель досталась Симону де Монфору — так Церковь вознаградила его за труды праведные — избиение тысяч несчастных ни в чем не повинных людей.

В 1224 году в войны с альбигойцами вмешался король Людовик IX и в 1229 году присоединил к своим владениям Тулузское графство и ряд прибрежных земель. Волнения еретиков подавлялись им немедленно.

Таинственный Монсегюр

Однако последний оплот катаров — крепость Монсегюр — был взят лишь в 1244 году, почти после девятимесячной осады! Мы уже упоминали о его хозяйке, графине де Фуа, и о несметных богатствах катаров, хранившихся в крепости.

Монсегюр был прекрасно укрепленным замком, стоявшим на вершине горы. Для Добрых людей он являлся пристанищем, в котором они могли обрести покой после своих многочисленных поездок по стране. Но Монсегюр был и символом — святым ковчегом, настоящим замком Монсальват из легенд о короле Артуре, замком, в котором хранился святой Грааль.

Крепость пала, но знаменитые «материальные» сокровища Монсегюра — золото и драгоценные камни — исчезли. Осажденные смогли вывезти сокровища во время осады и спрятать их в пещерах Сабарте, где позднее укрылись последние катары. С тех пор об этих со-

кровищах ничего не известно, хотя попытки отыскать их неоднократно предпринимались, в том числе и в наши дни.

Известно также, что уже во время двухнедельного перемирия, заключенного между войсками инквизиции и катарами, четверо Добрых людей покинули Монсегюр, вывезя еще некое сокровище. Предполагается, что оно было «духовное» и сохранялось в замке до конца осады. Его спасли лишь в последнюю минуту. Историки предполагают, что сокровищем был Грааль.

Священный Грааль — чаша, в которую, по преданию, собрал кровь распятого Иисуса его ученик Иосиф Аримафейский, или чаша, из которой Христос причащал апостолов на Тайной вечере. Грааль хранится в невидимом замке Монсальват и показывается лишь достойному из достойных, ибо являет собой символ нравственного совершенства. Грааль приносит вечную молодость, счастье, утоляет голод и жажду.

В «Парсифале» — эпической поэме Вольфрама фон Эшенбаха (конец XII — начало XIII века) храм Святого Грааля стоит на ониксовой горе, стены его сложены из изумруда, а башни увенчаны пылающими рубинами. Своды блистают сапфирами, карбункулами и изумрудами. Сам Грааль, по мнению миннезингера, — это камень из короны Люцифера, падшего ангела, превратившегося в князя тьмы.

В средневековой Европе «граалями» именовалось несколько потиров (чаш). Существовала также легенда, что чаша Грааля хранится где-то в Азии и охраняется рыцарями ордена Храма, организованного по типу рыцарских монашеских орденов.

По одной из легенд, когда Монсегюр был в опасности, под стенами его собрались неисчислимые рати Люцифера. Им нужен был Грааль, чтобы заключить его в корону властелина, из которой он выпал, когда падший ангел был повержен с небес на землю. В момент наивысшей для Монсегюра опасности с неба явился белый голубь — символ Святого Духа — и клювом расщепил находящуюся неподалеку гору Табор. Эсklarмонда, хранительница Грааля, бросила бесценную реликвию вглубь горы. Гора сомкнулась, и Грааль был спасен. Ког-

да воины дьявола ворвались в замок, они поняли, что опоздали. В гневе они предали всех Добрых людей огню на Поле костров, но Эсклармонда поднялась на вершину Табора, обратилась в белую голубку и улетела в горы, в земной рай.

Грааль для католической церкви был символом ереси, и именно поэтому она столько сил положила на организацию Крестового похода против катаров. Кстати, поход этот был первым и единственным походом, направленным против христиан.

Историки отмечали, что крестоносцы вели себя с жестокостью, которая не имела себе равных, даже с учетом суровых нравов эпохи и религиозного фанатизма. Объясняя зверства инквизиции и крестоносцев, исследователи пишут, что они были вызваны угрозой самого существования Церкви, которая заключалась в быстром распространении катаризма в Романии. Кроме того, большая часть ученых склоняется к мысли о том, что католическая церковь стремилась любой ценой вырвать у окситанских катаров некое тайное знание, заключенное в Граале. Согласно преданию, катары утверждали, что власть человека над природой и над самим собой может стать безграничной, что бессмертие и контроль над силами природы в его власти и что все, происходящее во Вселенной, может быть ему известно.

Последние открытия в области психологии достаточно убедительно свидетельствуют о том, что существует высшее состояние сознания, отличное от сна и бодрствования, — состояние, в котором интеллектуальные способности человека многократно возрастают.

Гениальность — это лишь один из этапов того пути, который предстоит пройти человеку до полной реализации всех своих способностей. Известно, что в повседневной жизни мы не используем и десятой доли возможностей нашего внимания, памяти, интуиции. Если бы до нашего времени дошли фрагменты тайных знаний древних цивилизаций о материи и энергии, то они неизбежно были бы выражены на языке символов, понятном лишь для немногих посвященных. Ученые предполагают, что одним из таких символов и был Грааль. Так ли это, предстоит понять в будущем.

На сегодняшний же день историкам удалось доказать, что замок Монсегюр имел сложную и последовательную символику и был построен в соответствии с правилами астрономии. Он представлял собой, по сути, своеобразную астрономическую лабораторию, подобную Стоунхенджу в Британии.

Катары смело защищали свой замок, который одновременно был и храмом Грааля. Они всегда видели перед собой смерть на костре инквизиции и считали этот мир адом. Когда же большая часть гарнизона Монсегюра приняла «утешение», они умерли для земной жизни, а потому с радостью встречали смерть как избавление. Именно искренней верой и стремлением к свободе и объясняется легкость, с которой катары принимали приговор инквизиции после падения Монсегюра.

Гибель замка Грааля стала смертельным ударом для катаров, однако не положила конец их сопротивлению. Убежищем для последних катаров стали леса и горные пещеры. Чтобы добраться до несчастных, инквизиторы предприняли попытку уничтожить густые заросли ежевики и утесника. Это ответственное дело поручили некоему Бернгарду, которого народ немедленно окрестил Рубщиком кустарника. Но, в соответствии с прованской легендой, он нашел свою смерть на виселице.

Чтобы облегчить поиски еретиков, «добрые» инквизиторы стали натаскивать на них псов. Катаров травили в их родных горах, как диких зверей.

В 1325—1328 годах 500 катаров укрылись в пещере Ломбрив на левом берегу Арьежа. Там находилось святилище, алтарь которого представлял собой огромный плоский камень, густо поросший свечами сталактитов. Беглецы почти не выходили наружу, ибо свирепствовавшая инквизиция окончательно убедила их в том, что земной мир — порождение сатаны.

В 1328 году сенешаль короля Франции во главе большого военного отряда прибыл к пещере. Заметив опасность, катары предприняли попытку скрыться, взбираясь по отвесным склонам горы в верхний скит по лестницам, которые потом втаскивали наверх. Сенешаль, которому не удалось схватить Добрых людей,

приказал замуровать вход в пещеру. 500 человек умерли медленной смертью от голода и жажды.

Трагедия Ломбрива положила конец существованию церкви катаров.

Псы Господни

Во время первого похода в Окситанию сотни тысяч людей были вырезаны. Оставшиеся в живых признали власть папы и короля. Могущественные владельцы отдали себя, всех баронов и людей своих, и всю землю свою в полную волю возлюбленного господина своего, славного короля французов.

Но вот что было для папы особенно неприятно: еретиков сжигали, а ересь оставалась. Мечи и копья ее не искоренили, а лишь загнали куда-то глубоко-глубоко в души тех, кто спасся. Кровь и гонения не разубедили еретиков в их учении. «Одно дело меч и гонения, — говорили они, — а другое дело — истина». И всё глубже и глубже хоронили они в себе свои искренние убеждения.

Впрочем, папа не оставлял в покое и души людей. Его духовный меч искал способы победить душу и овладеть ею. А вслед за мечом духовным в душу человека вгонялся меч стальной.

Испанский проповедник и подвижник, монах святой Доминик, учредитель особого монашеского ордена и изобретатель четок, предложил, а папа благословил устроить особое судилище для искоренения ереси. Так возник святой трибунал — *Sanctum Officium*, то есть инквизиция, и «святое дело искоренения ереси» было предоставлено монахам ордена святого Доминика.

На столь полезное для государства дело, разумеется, тотчас же отыскались и большие средства. Один богатый человек, тулузский гражданин Челлани, проворачивавший выгодные дела и с духовенством, и со светскими властями, откликнулся на призыв святых отцов-доминиканцев и подарил им прекрасный обширный замок, так называемый Нарбоннский дом, и этот дом сделался главным и центральным гнездом святого судилища.

Нарбоннский дом был старинным и мрачным замком, и вид его вполне соответствовал святому судилищу. Над воротами замка прибили надпись «Дом инквизиции». На том же здании появился и герб доминиканского ордена — изображение голубя, несущего в своем клюве символ мира — масличную ветвь. Злой насмешкой казался и этот голубь, и эта масличная ветвь тем еретикам — жителям Тулузы, которые еще осмеливались считать «святое, благочестивое судилище» вовсе даже не святым и не благочестивым. Вскоре подобные же судилища стали учреждаться и в других городах Южной Франции.

Вот какими словами оправдывал их возникновение святой Доминик: «Сам Иегова* исполнял обязанности инквизитора, когда громил возмущившихся против него ангелов. Сам Иегова продолжал поступать так и здесь на земле, когда наказывал тех безумцев, которые создали башню Вавилонскую**. Затем Бог передал то же святое дело инквизиторства апостолу Петру, и тот прежде всего применил кару против Анания***. Первосвященники же римские — папы — непосредственные преемники святого апостола. От этих преемников и получают свою власть и свои права над людьми и святой Доминик, и другие монахи его ордена. А если и сам Бог тоже был инквизитором, и к тому же еще таким жестоким, почему бы и людям не подражать ему?»

И правда, как же не признавать за святым трибуналом полного права делать и с телами, и с душами людей

* *Иегова* — одно из имен Бога.

** Вавилонская башня, по библейским преданиям, была построена представителями разных племен, решивших воспротивиться решению Господа о рассеивании потомков Хама, который был непочтителен к отцу своему Ною, за что был отцом проклят. Вавилонская башня задумывалась как центр всех племен и знак их равенства. Люди в те времена, по преданию, говорили на одном языке, потому и смогли договориться о строительстве башни. Господь же смешал их язык так, что они не смогли общаться друг с другом и были вынуждены прекратить строительство башни.

*** *Ананий* — по библейским преданиям, один из обратившихся в христианство вследствие проповеди апостолов. Когда последователи Христа, владевшие землями, продавали их и приносили вырученные деньги апостолам, Ананий, продав имение, утаил часть денег и солгал апостолу Петру. Обличенный в тяжелом грехе лжи святому апостолу, Ананий пал бездыханным.

что угодно, если признано это право и за теми, кто повыше их?

«Не будучи достаточно сильными, чтобы остановить поношение Создателя, — так пишет папа настоятелю-доминиканцу, — но желая прекратить эту опасность гибели для душ заблудших, мы просим, убеждаем и приказываем сим апостольским посланием, дабы ты тех из братьев, вверенных тебе, которые научены закону Господню и которых ты признаешь склонными к этому делу, разослал по равным сопредельным местам твоего надзора, дабы они поучали клир и народ общему проповедью, где сочтут ее удобною. Пусть для основательного исполнения этого дела они изберут себе разные местности и займутся с особенным старанием еретиками и отлученными. Если же виновные и заключенные, будучи допрошены, не захотят вполне подчиниться приказаниям Церкви, то пусть тогда братья исполняют относительно их наши справедливые постановления против еретиков, вновь обнародованные, направленные на укрывателей, защитников и покровителей еретиков, действуя, однако ж, в пределах этих постановлений».

Доминиканцы были призваны «действовать»; местные же епископы, светские власти и люди всех состояний — «содействовать». Епископам внушалось, что они могут заседать на суде рядом с инквизиторами, если они сами того пожелают, а светским властям предоставлено было право посылать в трибунал своих уполномоченных, заседателей — «ассессоров» и получать треть имущества осужденных еретиков.

Статуты против еретиков, то есть истинный устав инквизиции, были написаны заранее; они разрешали доминиканцам с помощью пыток и тюрем заглядывать в самую глубину души каждого католика, искать там ереси и лжеучения и, найдя, искоренять таковые. Статуты и еще больше сама судебная практика давали инквизиторам широкие полномочия, а именно: осуждать невинных и оправдывать виновных, если то будет полезно по высшим церковным и государственным соображениям. Это был предел их полномочий, но до более широких пределов люди недодумались и до сего дня...

И инквизиция скоро показала себя. Получив право читать во всех душах, доминиканцы очень быстро открыли огромное число нераскаявшихся еретиков. Правда, инквизиторы в большинстве случаев не могли доказать ереси многих обвиняемых, но наглядных доказательств от них и не требовалось. Для обвинения достаточно было того, чтобы инквизитор был убежден в ереси некоего человека — и он уже имел возможность наказать подозреваемого, не доказывая его вины.

Самое ужасное, что инквизиторы не оставляли в покое не только живых еретиков, они не гнушались и преследованием мертвых, что особенно возмущало население Прованса и Лангедока. Если умерших уличали в ереси, то агенты инквизиции производили эксгумацию их останков и публично их сжигали. Эти омерзительные расправы не раз вызывали народные волнения в Тулузе и Альби.

Как известно, историю делают сильные личности. Так вот Доминик Гусман (1170—1221) — испанский монах из дворянской семьи — как раз и был той самой сильной личностью.

Доминик, окончивший Валенсийский университет, отличался умом, умел трезво оценивать ситуацию и смотреть правде в лицо. Когда он был послан в Лангедок для борьбы с ересью альбигойцев, то в отличие от других представителей Церкви не стал кичиться властью, чтобы деморализовать противников и укрепить колеблющихся, не стал окружать себя роскошью и свысока относиться к еретикам.

Прежде всего он посоветовал легатам ходить по дорогам юга Франции без всякой роскоши — пешком и без охраны, всего по двое, как, собственно, делали это и проповедники катаров. Именно он основал нищенствующий орден братьев-проповедников для борьбы с еретиками. Члены этого ордена должны были иметь глубокую богословскую подготовку, для того чтобы воздействовать на прихожан силой проповеди и вести диспуты с колеблющимися. Кроме того, члены ордена должны были воздействовать на верующих силой личного примера — опять же как катары.

Не вина святого Доминика — а его канонизировали

в 1234 году в том, что он не смог завоевать сердца жителей юга Франции. Он воздействовал на умы, но не мог затронуть струны душ верующих.

Бесспорно, он иногда торжествовал в диспутах.

Бесспорно, он вел очень строгий образ жизни — не менее строгий, чем Добрые люди.

Бесспорно, Доминик стал первым деятелем в истории Церкви, который отстаивал образованность и эрудицию в качестве неотъемлемого средства и инструмента проповедника.

Бесспорно, он искренне верил и так же искренне сражался за свою веру — он без страха в сопровождении одного только монаха пускался в дальние путешествия по дорогам Южной Франции, население которой было преимущественно критически настроено по отношению к католической церкви.

Несомненно и то, что он был почитаем большей частью французов, которые тысячами стекались на его проповеди, а после окончания службы стремились оторвать хоть крошечный кусочек от рясы Доминика, которого искренне считали святым.

Но вряд ли мы можем восхищаться сегодня методами его борьбы с еретиками, которых он «обращал» не только проповедью, но и пламенем костров. Он не раз призывал крестоносцев уничтожать инакомыслящих физически. Станный по крайней мере, если не сказать возмутительный, призыв для слуги Божьего, не правда ли?

И именно Доминик создал орден, которому папа Иннокентий III поручил вершить суд над еретиками. Именно доминиканцы и стали настоящими инквизиторами.

В 1215 году Доминик прибыл на Латеранский собор, где рассчитывал получить согласие папы на утверждение своего ордена, но собор принял постановление, запрещающее создание новых орденов. Тогда коварный Иннокентий III посоветовал Доминику использовать один из уже действующих монашеских уставов. И Доминик взял устав Августина. В 1216 году устав был утвержден папой Гонорием III. Этот же папа сделал эмблемой ордена собаку с горящим факелом в зубах, откуда у ордена святого Доминика возникло еще одно название — «Псы Господни» (*domini canes*).

Здесь будет уместно вспомнить легенду, по которой матери Доминика, испанской дворянке Хуане де Аза, незадолго до рождения сына приснился удивительный сон: будто бы она носит под сердцем собаку, которая затем является на свет божий с горящим факелом в пасти и предает огню весь мир. Когда же Хуана родила совершенно нормального ребенка, которого при крещении священник нарек именем Доминик, его крестной матери также было чудесное видение. Она увидела на челе младенца крутящуюся звезду, своим блеском озаряющую мир. Легенда стала явью — мальчик вырос, сжег огнем и мечом почти всю Европу, основал орден Псов Господних и стал известен во всем мире.

«Во время обряда канонизации, последовавшего за его смертью, у тех, кто знал его лично или наблюдал его в служении, были взяты и записаны показания, — пишут М. Бейджент и Р. Ли. — Из них складывается нечто вроде его портрета.

Доминик описывается как худощавый мужчина, который без устали молился по ночам и часто при этом плакал. Днем он устраивал публичные сборища, которые давали ему возможность проповедовать против катаров, и нередко раздражался слезами во время проповеди. Он неутомимо предавался аскезе и умерщвлению плоти. Молясь, он нередко бичевал себя железной цепью, которую носил на ногах. Он не расставался с грубой власяницей, пестрящей заплатами. Он никогда не спал на постели, только на земле или на досках. В то же время он был не лишен особого рода тщеславия. Судя по всему, он ясно сознавал свой образ аскета и не удерживался от того, чтобы подкрепить его, прибегая к некоторым слишком человеческим, мало подобающим святому хитростям и уловкам.

Например, подходя к харчевне или постоялому двору, где он намеревался провести ночь, он сперва делал остановку у ближайшего источника или родника и вдосталь утолял жажду, в то время, когда никто его не видел. Оказавшись в заведении, он укреплял в глазах постояльцев свою репутацию человека, ведущего строгий и аскетичный образ жизни, почти не прикасаясь к воде. Еще в 1206 году — во время своей поездки через Францию с

епископом Осмы и за два года до объявления Крестового похода против альбигойцев — Доминик основал монастырь в Пруле. Среди папских легатов, с которыми ему довелось познакомиться, был Пьер де Кастельно, убийство которого в 1208 году спровоцировало Крестовый поход. Речь, которую Доминик якобы произнес в Пруле вскоре после вспыхнувшей вражды, проливает некоторый свет на особенности его менталитета:

“Уже многие годы я пою вам сладостные слова, проповедуя, увещевая, плача. Но, как говорят в моей стране, там, где не действует ласка, действует таска. Теперь мы призовем на вас воинов и прелатов, которые, увы, соберутся вместе против этой страны... и заставят многих людей умереть от меча, превратят в руины ваши башни, опрокинут и разрушат ваши стены и обратят всех вас в рабов... Сила дубинки восторжествует там, где ничего не смогли поделать ласковые слова”^{*}.

В 1220 году доминиканцы отказались от владения собственностью, но мы должны помнить, что за босыми ногами и «голыми» руками доминиканцев стояла могущественная римская церковь. На деле страждущие и нищие монахи оказывались сильнее и богаче любого короля Европы.

Преемник Иннокентия III, Гонорий III, принял все меры к процветанию этого ценного ордена, и в скором времени его можно было обнаружить во всех христианских государствах, главным образом в Италии, ибо в Испании инквизиция появилась лишь несколько лет спустя, примерно в 1232 году, несмотря на то, что доминиканцы упрочились в этой стране раньше этого времени.

В 1224 году инквизиция уже действовала в Риме, куда проникла ересь, и император Фридрих II, вследствие увещеваний папы, объявил в Падуе конституцию, пункты которой мало отличались от постановлений, принятых на соборе в Латеране под председательством Иннокентия III.

Двадцатого апреля 1233 года папа Григорий IX основал всеобщую инквизицию в провинциях Бордо, Бурж, Нарбонн и Ош и вверил ее доминиканцам. Этот акт

^{*} Цит. по: *Бейджент М., Ли Р.* Цепные псы Церкви. С. 22.

вполне можно рассматривать как узаконенное рождение инквизиции в том виде, в каком она долгое время существовала в Европе.

Григорий IX сохранил за доминиканскими монахами должность инквизиторов и дал им в сотрудники францисканцев. Тем временем новые соборы, созванные в Тулузе, Мелене и Бозье, были заняты наделением своих судей всеми необходимыми полномочиями и снабжением их всеми средствами для удачного выполнения их священных обязанностей.

Сущность законов инквизиции заключалась в следующем:

«Все жители, в возрасте для мальчиков — от четырнадцати и для девочек — от двенадцати лет, должны дать клятвенное обещание, что они будут преследовать еретиков; а в случае отказа с ними будут обращаться как с подозреваемыми в ереси.

Те, которые не будут являться в трибунал для покаяния три раза в год, будут одинаково считаться подозреваемыми в ереси.

Все дома, служившие еретикам, будут уничтожены.

Всё имущество еретиков и их соучастников будет захвачено, причем дети их лишатся права получить из него хотя бы малейшую часть.

Добровольно обращенные еретики не имеют права жить в той же местности.

Они обязаны носить на своей одежде два желтых креста, один — на груди, второй — на спине, для отличия их от других католиков.

Наконец, ни один мирянин не имеет права читать Евангелия иначе как на латинском языке».

Церковь не была удовлетворена тем, что ее власть распространяется только на живых. Мертвым тоже не удалось избежать «Мировой руки», как иногда называли инквизиционные суды. Пример приговора умершему еретiku в 897 году дает папа Стефан VII, который велел выкопать труп своего предшественника папы Формоза, объявил его еретиком, приказал отсечь ему два пальца правой руки, которыми обычно папы благословляют верующих, и велел бросить обезображенное тело в Тибр. Однако верующие выловили труп святого отца из

реки и предали его земле. Через некоторое время, в 905 году, другой папа — Сергей III — снова выкопал труп несчастного Формоза, облачил его в папские одежды, чтобы усадить на престол, обвинить в ереси, торжественно вынести приговор, обезглавить, отрезать три оставшихся на правой руке пальца и снова бросить в Тибр. Вновь верующие выловили из реки останки папы-еретика и принесли в собор Святого Петра. И тут уж священство и клир перед папой Формозом были вынуждены склонить лики святых и приветствовать его со всеми почестями, ибо невиновность его была признана — Господь неизменно возвращал папу в церковь.

Инквизиторы, следуя примеру пап, тоже не стыдились откапывать трупы еретиков и действовать так, как будто они всё еще живы. Трупы сжигали, а пепел развешивали по полю. Если же светские власти, которые одни только могли приводить приговор в исполнение, ибо по церковному уставу ни один священнослужитель не мог причинить вреда человеку, отказывались или не торопились эксгумировать еретика, то им грозило отлучение от Церкви или, того хуже, обвинение в ереси.

Инквизиторы вообще ничего не стеснялись и не задумывались о том, как выглядят их действия со стороны. В манускрипте, принадлежащем перу Гийома Пелиссона, уроженца Тулузы, который вступил в доминиканский орден около 1230 года и стал в 1234 году инквизитором, несмотря на свою сравнительную молодость, описывается, как монахи отпраздновали канонизацию блаженного Доминика.

В 1234 году — в том году, когда, по словам Гийома, «была объявлена канонизация блаженного Доминика», — доминиканцы Тулузы устроили торжественную мессу. Участники совершали омовения перед трапезой, когда «по Божественному провидению» прокатился слух, что умиравшая поблизости от лихорадки женщина только что получила «консоламентум» — катарский эквивалент обряда причащения перед смертью — от неких еретиков. Оставив свои омовения, толпа доминиканцев в сопровождении епископа Тулузы бросилась в дом умирающей и ворвалась в ее комнату.

«Епископ... усевшись рядом с женщиной, начал про-

странно говорить с ней о презрении к миру и земным вещам... С великой осторожностью божий епископ вытянул из нее то, во что она веровала по многим вопросам, и почти всё это оказалось как раз тем, во что веруют еретики... После чего епископ сказал ей: «Значит, ты еретичка! Ибо то, в чем ты призналась, есть вера еретиков, а тебе должно быть ведомо, что ереси выявляются и осуждаются. Отрекись от них! Прими то, во что верует католическая церковь». [Епископ] обращал к ней эти и другие слова в присутствии всех остальных, но ничего не добился и никак не сломил женщину; напротив, она только больше упорствовала в своем еретическом упрямстве. Тогда епископ, который тотчас призвал викария и многих других лиц, именем Иисуса Христа незамедлительно осудил ее как еретичку. Сверх того, викарий велел взять ее на постели, в которой она лежала, на графский луг и немедленно предал ее огню».

Так доминиканцы Тулузы завершили свое празднование Дня поминовения недавно причисленного к лику святых Доминика человеческим жертвоприношением.

• • •

После введения и укрепления инквизиции во Франции и в Италии оставалось только учредить святой трибунал в Испании, что Григорий IX и не преминул сделать.

Что же касается папства, то оно, достигшее своего высшего развития при Иннокентии III, уже вскоре после его смерти стало клониться к упадку. Правда, папы по-прежнему гордились своим могуществом, но для многих было очевидно, что в это могущество народы верили все меньше и меньше. Все видели, что Крестовые походы, начатые по почину пап ради освобождения Гроба Господня, не удались, словно сам Бог пожелал не допустить, чтобы эта святыня досталась людям, только именующим себя христианами. Значит, к небу Рим не так близок на деле, как на словах. Когда же папы заявили, что неудачи Крестовых походов — наказание за грехи христиан, тогда глаза мыслящих людей обратились к папскому престолу и стали следить за поведением верховного понтифика.

Католический мир мало-помалу стал разочаровываться в Риме — чем дальше, тем больше. Ни один год, ни один день, ни один час не проходили для народного сознания бесследно... Одни смеялись над папством и распевали песенку, что викарий Христа за деньги делает с Христовым учением все что угодно.

Трубадур Монтаньягу писал: «Если послушать их, так они не хотят ничего, а если посмотреть на них, так берут всё». Английский поэт Мэн острил: «У папы сердце лежит больше к серебряным маркам, чем к евангелисту Марку».

Другие искали «новой веры». Сколько ни старались папы направить внимание верных католиков на жизнь загробную, а себе оставить господство в этой, — с таким разделом народы мирились все хуже и хуже. Движение против господствующей церкви проявилось в разных странах. Во Фландрии и Франции секта богочеловеков учила, что папа — антихрист, что можно спастись и без посредничества духовенства и святых, — для этого нужно лишь слиться душою с Богом. Появилось и быстро распространилось «Вечное Евангелие», написанное одним калабрийским монахом, который в этой книге доказывал, что «вот уже настает воплощение Святого Духа во всем» и что «Святой Дух начнет свое дело с того, что уничтожит католичество с папой-антихристом во главе». Амальрих Бернский проповедовал «Вечное Евангелие» в самом Париже.

В Нидерландах и Германии распространялись новые секты братьев и сестер Свободного Духа, бегинов и бегинок.

Университеты были переполнены людьми, неудержимо стремившимися к образованию. Этого стремления никто не мог остановить, хотя многие и хотели бы сделать это. Учение Аверроэса преподавалось профессорами с высоты кафедр. Здесь и там появлялись сочинения, стремившиеся показать истинное лицо папы. В Германии миннезингер Фогельвейде пел: «О, Небесный Отец, хранитель Твоей сокровищницы, папа, — вор; твои пастыри — волки, жрущие овец; твои судьи и другие власти — атаманы разбойников и убийц».

Но впереди других в этом отношении стояли про-

вансальские трубадуры. Они пели: «Все пороки идут из Рима, этого царства золота. Приглашаем всех христиан уничтожить эту червоточину. Они слынут пастырями, но на деле это обманщики, грабители и убийцы. Чем выше кто стоит, тем хуже; чем меньше в них правды, тем больше их ложь; чем меньше знания, тем больше коварства; милосердия у них нет совершенно. Никто еще не восставал так против Бога, как эти патеры восстают с древнего времени. Я не дерзну и рассказать о том, что они дерзают даже делать. Знатность не в породе, а в доброте сердца и в храбрости».

Жестокости, совершенные над альбигойцами, не заставили трубадуров замолчать и никого не убедили в непогрешимости папы. Они только усилили негодование против Рима.

Правда, провансальские еретики были принесены в жертву, и жертва эта была кровавая, но она не пропала бесследно: пятно альбигойской крови до сего дня не смыто с Латеранского дворца...

ФРАНЦИСКАНЦЫ, ТАМПЛИЕРЫ, ГРААЛЬ И ИНКВИЗИЦИЯ

Историки неоднократно отмечали, что католическая церковь в Средние века была удивительно бесстыдна и агрессивна, лила кровь и почти не задумывалась о впечатлении, которое она производит на свою паству.

Даже папы нисколько не стеснялись физически устранять своих конкурентов и активно привлекали к этому позорному действию инквизицию.

При папе Иоанне XXII состоялся один процесс, затем не раз повторенный инквизицией. Папа был сыном мелкого французского ремесленника из Кагора, города к северу от Тулузы, и, по неизвестным нам причинам, люто ненавидел епископа своего родного города. Став папой, Иоанн не забыл о ненавистном священнике и сместил прелата с занимаемой им должности, судил его и приговорил к пожизненному заключению. Но, не успокоившись на достигнутом, мстительный папа обвинил епископа в том, что тот затеял заговор против него, самого Иоанна XXII, и вновь предал суду инквизиции, который вынес ужасающий приговор. С живого прелата содрали кожу, а затем сожгли.

Когда изучаешь историю папства, временами возникает крамольная мысль, что многие из пап были настоящими садистами. Так, папа Урбан VI в 1385 году повелел схватить шестерых кардиналов, составивших против

него заговор. Инквизиторы арестовали кардиналов, бросили их в тюрьму и применили к ним полный арсенал пыток. Мучения же своего самого ненавистного врага кардинала Венецианского папа доверил бывшему пирату, которого сделал приором сицилийского ордена иоаннитов. Ему было приказано так пытать кардинала, чтобы прогуливающийся под окнами Урбан VI мог слышать крики мучимой жертвы.

Весть о неслыханном поведении главы католиков облетела Европу, и на помощь кардиналам поспешил Карл, король Венгерский и Неаполитанский. Урбан обратился в бегство, но не забыл прихватить с собой и истерзанных кардиналов. Один прелат по дороге умер, остальных с трудом довели до Генуи и поместили там в тюрьму. Священники находились в таком ужасном состоянии, что городские власти просили папу проявить к ним милосердие. Но Урбан VI был непоколебим. По петиции короля Английского был освобожден лишь один из кардиналов — англичанин Адам Эстон, а остальных четверых никто и никогда больше не увидел.

«Отличился» и еще один папа — Иоанн XXIII, в миру Бальдассаре Косса. Он являлся приором того самого сицилийского ордена иоаннитов, который по приказу Урбана VI мучил его противников. Бальдассаре Косса был папой в 1410—1415 годах. Став верховным понтификом, он активно боролся с ересями, в частности с учением Яна Гуса. Вел длительную борьбу с королем Неаполитанским Владиславом, которая привела к изгнанию Иоанна XXIII из Рима. Папа бежал, но был арестован и 29 мая 1415 года низложен. Однако новый папа Мартин V освободил его и сохранил ему сан кардинала. В этом сане бывший папа и скончался.

Поведение Иоанна XXIII было настолько безобразным, что долгое время ни один папа не брал себе имени Иоанн. Только в 1958 году один из кардиналов, избранный папой, взял себе имя Иоанна XXIII. Это означает, что католическая церковь стремится полностью «забыть» деяния последнего и предать забвению сам факт существования Бальдассаре Коссы. Его с 1858 года называют антипапой.

От преследований инквизиции, от пыток и костра

святого трибунала, от ненависти пап и королей не был застрахован никто, даже самые ревностные служители Церкви Христовой.

Карающий меч инквизиции обрушился даже на головы монахов. Первыми жертвами стали тамплиеры.

Тамплиеры и Грааль

Орден тамплиеров, или «Братство воинов Храма»*, согласно Вильгельму Тирскому, архиепископу Акроскому, был создан в 1118 году, когда во время одного из Крестовых походов девять французских рыцарей дали иерусалимскому патриарху обет целомудрия, бедности и послушания.

Главными среди девяти рыцарей-основателей были Гуго де Пейн, вассал Гуго Шампанского, и Готфрид де Сент-Омер. Другие семь рыцарей также происходили из богатых и благородных семей Франции и французских же правящих домов.

Они взяли на себя обязанность оказывать вооруженную защиту паломникам, охраняя их на пути от морского берега к святым местам, от придорожных разбойников. Вильгельм Тирский пишет, что задача тамплиеров состояла в том, «чтобы обеспечивать безопасность на дорогах и трактах... уделяя особое внимание защите пилигримов». Эти люди отреклись от мира и соединили в своем ордене — монашеской организации — служение обществу с суровой военной дисциплиной «во славу Пресвятой Матери Божией» и сочетали монашеский образ жизни с рыцарскими правами. Тамплиеры подчинялись самой жесткой дисциплине, а все стороны их жизни регламентировались уставом.

Устав ордена Храма отличается от других монашеских уставов обращением к рыцарским чувствам. Руководители ордена всегда доверяли братьям-храмовникам, которые должны вести себя как достойные и благородные мужи. Одним из самых тяжелых последствий серьезного проступка было ограничение в вос-

* Орден тамплиеров, или храмовников, официально назывался Орденом бедных рыцарей Христа и Соломонова храма (*Pauperes Commilitones Christi Templique Salomonici*).

хождении по монашеской лестнице и запрещение нести знамя в бою.

Новый орден получил поддержку и поощрение со стороны как духовной, так и светской власти. Король Иерусалимский Болдуин II (младший брат Готфрида Бульонского) подарил тамплиерам часть своего дворца, примыкавшего к храму Соломона. С этих пор рыцари-монахи стали называться «бедными братьями во Христе и поборниками Иерусалимского храма», или храмовниками — рыцарями Храма.

Одним из основателей ордена был святой Бернар Клервоский (1090—1153), написавший для ордена Храма устав, который даровал им полную независимость и необходимость отчитываться в своих действиях только перед папой и Господом. Бернар написал также и «Похвалу новому рыцарству», как мы бы сейчас сказали, с агитационной целью. Он прославлял рыцарей-монахов и доказывал, что Евангелие не запрещает христианину брать в руки меч, если он борется с язычником. Однако по уставу тамплиерам было запрещено обнажать меч против христиан.

В уставе ордена, помимо подробных указаний о богослужениях и соблюдении постов, об обхождении с больными и бедными, тамплиерам предписывалось почтительное отношение к старикам и безусловное повиновение главам ордена. Мирских наслаждений рыцари ордена должны были избегать. Женатые рыцари также могли быть тамплиерами, но не имели права носить отличительные знаки ордена: его белый льняной плащ с алым крестом — символ мученичества — и белый полотняный пояс — символ сердечной чистоты.

Никаких украшений на оружии и платье не допускалось. Основатели и организаторы ордена продумали его повседневную жизнь до мелочей.

В уставе написано, какую одежду должны носить монахи. Так, им запрещалось носить модную в те времена обувь с загнутыми носами, которую, по словам современников, ввел граф Фульк Анжуйский по прозвищу Глотка, чтобы скрыть свои уродливые ступни.

Чтобы не смущать друг друга пустыми речами, храмовникам предписывалось вкушать трапезу молча. За столом были приняты особые жесты, при помощи ко-

торых монахи общались между собой во время еды. Так, чтобы попросить хлеб, надо было сделать пальцами круг; чтобы потребовать молока, надо было пососать мизинец; чтобы получить мед, надо было облизать палец, а рыбу — имитировать рукой движение плавников в воде.

Рыцари-монахи в мирное время должны были оставаться в кельях, делить общую трапезу и довольствоваться жестким ложем и простой постелью. Им предписывалось с радостью и без страха встречать смерть за святую веру и быть готовыми отдать жизнь за своих братьев-тамплиеров.

Благотворительность ордена Храма была велика. Монахи раздавали щедрые милостыни «приверженцам Христа», то есть христианам. Кроме того, в уставе содержатся удивительные по деликатности рекомендации братьям. Так, когда тамплиеров во время трапезы обносят мясом или сыром, то храмовникам рекомендуется отрезать себе кусок таким образом, «дабы и им было достаточно и, насколько возможно, кусок оставался красивым и целым. Так было установлено, чтобы можно было отдать оставшийся кусок какому-нибудь застенчивому бедняку, а бедняку было пристойно принять его». Забота о чести «застенчивого бедняка» вызывает по крайней мере уважение к рыцарям Храма.

В орден вступало много людей, ибо как сам устав, так и поведение тамплиеров отвечали господствовавшему в те времена в обществе духу рыцарства. Светские князья и правители осыпали рыцарей Храма богатыми дарами, не меньшие богатства жертвовали ордену и знатные семейства всех европейских государств. К концу XIII века тамплиерам принадлежало по меньшей мере 870 замков, прецепторий и домов по всему христианскому миру.

Орден состоял из двух полностью независимых отделений — в Иерусалимском королевстве и в Европе. В Иерусалимском королевстве орден боролся с мусульманами. В Европе же орден зарабатывал деньги, создавая систему командорств — монастырей с поселениями и ферм, на которых работали крестьяне и ремесленники.

Братья ордена, получая в дар земли, обрабатывали

их, осушали болота, раскорчевывали лесистые участки, вспахивали. Историки пишут о том, что храмовники фактически наладили систему земледелия в европейских странах.

Поскольку тамплиеры всегда защищали своих людей и заботились об их благополучии, то очень скоро орден стал пользоваться небывалым уважением не только среди знати, но и среди простого народа.

Командорство являлось монастырем, фермой и странноприимным домом — местом ночлега для путников и всех несчастных — в «одном лице». Между командорствами были проложены дороги, которые охранялись рыцарями Храма. Люди стали без всякой боязни передвигаться по стране, если знали, что путь их лежит по территории, принадлежавшей тамплиерам.

После изгнания крестоносцев из Палестины храмовники сосредоточили свое внимание на финансовых операциях, их орден стал общеевропейским банком. Вне всякого сомнения, тамплиеры были первыми настоящими банкирами Европы. Их замки в Париже и Лондоне превратились в мировые финансовые центры. Именно у них предпочитали хранить свои деньги и драгоценности богатые люди и монархи. Тамплиеры также выдавали ссуды под проценты.

Члены этого монашеского ордена изобрели первые банковские чеки. Вместо того чтобы возить с собой большие суммы денег, опасаясь ограблений, можно было оставить их в одной прецептории и получить в другой, предъявив прообраз современного банковского чека.

Постепенно орден, одна из богатейших организаций мира, начал возбуждать зависть и недоверие монархов. Особенно ненавидел орден король Франции Филипп Красивый (1268—1314)*.

Этот король, решения которого всегда отличались продуманностью и никогда не принимались спонтан-

* Французы нашли удачные прозвища для большей части своих королей, но при выборе прозвища Филиппу остановились не на его деяниях, а на его внешности. Филипп действительно был очень красив: высокого роста, белокурый, с правильными чертами лица. Он был храбр и благочестив, умен и, по меркам своего времени, нравствен, но отличался крайней жестокостью и не меньшей жадностью.

но, был проникнут верой в собственную непогрешимость, то есть в свое безусловное право творить правосудие. Филипп привык действовать путем конфискаций, вымогательств и шантажа по отношению к церковным сановникам, желающим улучшить свое сложное финансовое положение. Кроме того, колоссальные богатства тамплиеров постоянно разжигали алчность Филиппа.

«Учитывая роль, которую играли тамплиеры, — пишет в своей “Истории инквизиции в Средние века” Г. Ч. Ли, — едва ли удивительно, что тамплиеры вызывали всё возрастающую зависть и подозрение, а их высокомерие, их дерзкая надменность и крайняя заносчивость порождали еще большую враждебность. Но для нелюбви к ним существовали и более веские причины, по крайней мере, в том, что касалось Церкви. Еще в начале XIII столетия, когда был объявлен Крестовый поход против альбигойцев, папа Иннокентий III подверг орден критике, обвинив храмовников в своеволии и даже в вероотступничестве. Среди прочего тамплиеры подозревались в том, что принимали в свои ряды отлученных рыцарей, которые благодаря этому могли получить погребение в освященной земле, в чем иначе им было бы отказано. Они также были известны своим неуважительным обращением с папскими легатами. Рыцари Храма демонстрировали нехристианскую терпимость по отношению к мусульманам и иудеям. А во время Альбигойского похода они приютили в своем ордене немалое количество известных катаров. В самом деле, некоторые из их гроссмейстеров и региональных магистров происходили из видных катарских семей»*.

И далее: «Однако у Филиппа были причины и бояться тамплиеров. Со времен потери Святой земли в 1291 году орден был фактически бездомным, не имеющим постоянной базы или штаб-квартиры. На какое-то время тамплиеры поселились на Кипре, но остров оказался слишком маленьким для их грандиозных планов. Они завидовали рыцарям Тевтонского ордена, родственного их ордену, которые установили почти независимое государство в Пруссии и Ливонии, далеко на северо-востоке, вне пределов досягаемости каких-либо притя-

* Ли Г. Ч. Указ. соч. Т. 2. С. 326.

заний со стороны папской власти. Тамплиеры мечтали о том, чтобы самим создать подобное государство, но поближе к центру европейской активности. Их взоры были обращены на Лангедок, все еще пребывавший в разоренном состоянии после Крестового похода против альбигойцев. Перспектива появления автономного, самостоятельного и боеспособного государства тамплиеров в его собственной вотчине не могла не вызывать беспокойства у французского короля. У Филиппа, таким образом, имелся целый ряд благовидных предлогов и даже вроде бы веских причин для того, чтобы выступить против тамплиеров — и сделать это так, чтобы одновременно нейтрализовать их как угрозу и захватить их богатства. Разумеется, помогало то, что папа был его ставленником. Помогало и то, что инквизитор Франции Гийом Парижский числился в качестве его личного исповедника и близкого друга. Налицо были все предпосылки для сговора — и для того, чтобы Филипп мог действовать с видимостью полной законности»*.

Однако уничтожить орден, подчиняющийся напрямую папе римскому, сам король не мог, а потому обратился за помощью к папе Клименту V**, который своим назначением был обязан Филиппу Красивому. Папа был честолюбивым и умным политиком, хитрым и из-

* Ли Г. Ч. Указ. соч. Т. 2. С. 326.

** В 1304 году умер папа Бенедикт XI. Летом следующего года король Франции Филипп IV, или Филипп Красивый, сумел посадить на престол Святого Петра своего собственного кандидата Бернара де Гота, архиепископа Бордо. Новый понтифик принял имя Климента V и стал действовать по указке французского монарха. Этого, однако, было мало Филиппу, одержимому честолюбием и жадной господства. Чтобы еще больше укрепить свою власть, он пошел на радикальные меры: в 1309 году он похитил папский престол и перенес его из Рима в Авиньон. Ему суждено было оставаться в Авиньоне почти три четверти века, и все семь пап, всходившие на него в течение этих лет, были французами. Когда Григорий XI в 1377 году в конце концов вернулся в Рим, французские кардиналы избрали еще одного папу, впоследствии именовавшегося антипапой, который оставался в Авиньоне. «Великой схизме» 1378 года — конфликту между соперничающими папами или между папами и антипапами — суждено было продолжаться вплоть до 1417 года. В начале «авиньонского пленения», когда Климент V только вззошел на Святой престол, инквизиция оказалась перед лицом совершенно новой задачи. В прошлом она обращала свои силы на изобличение еретиков. Теперь же ей предстояло схватиться с самым могущественным из числа всех подобных институтов христианского мира того времени — рыцарями Храма.

во-ротливым дипломатом, но обладал слабой волей и отличался изрядной трусостью, а потому отказался участвовать в уничтожении ордена Храма. Тогда Филипп решил действовать тайком и сам стал готовить инквизиционный процесс над тамплиерами.

Ему во многом помогло то обстоятельство, что два монаха были изгнаны храмовниками из ордена за ряд серьезных проступков. Обиженные изгои предложили королю сведения о самых ужасных преступлениях и порочной жизни тамплиеров. На основании этих показаний и было возбуждено следствие против ордена Храма по обвинению в отрицании Христа, ереси и порочном образе жизни.

Основными обвинениями, предъявленными храмовникам, были:

1) при вступлении в орден неопита наставник уединялся с ним за алтарем или в другом месте, где заставлял его три раза отречься от Спасителя и плюнуть на крест;

2) неопита раздевали донага, и наставник, по одной версии, три раза целовал его в заднюю часть, в пупок и в уста, а по другой — «во все восемь отверстий»;

3) неопиту внушали, что содомский грех достоин похвалы;

4) веревка, которую тамплиеры днем и ночью носили поверх сорочки как символ целомудрия, освящалась тем, что ее обвивали вокруг идола, имевшего форму человеческой головы с длинной бородой и почитаемого руководителями ордена;

5) священники ордена при совершении богослужения не освящали Святых Даров;

6) рыцари поклонялись некоему коту, который иногда являлся им на их собраниях;

7) рыцари поклонялись идолам в виде головы, которые были в каждой провинции; именно идола дали ордену все блага и богатства.

Тринадцатого октября 1307 года все тамплиеры во Франции и Великий магистр ордена Жак де Моле были внезапно арестованы, а имущество ордена конфисковано вопреки всем существующим законам и в нарушение дарованных храмовникам привилегий.

В Париже был учрежден инквизиционный суд над

арестованными, который возглавил доминиканский монах и духовник короля Гийом де Ногаре.

Гийом де Ногаре, умный и хитрый, злой гений Филиппа Красивого, был первым, кто воспользовался обвинениями в ереси в политических целях. Обвиняя служителей Церкви «в заблуждениях и омерзениях», он добивался их смещения с занимаемых должностей и преданию их позору. В некоторых случаях его действия приводили к смерти высоких особ. Так случилось, например, с папой Бонифацием VIII, который пытался поставить свою власть выше власти французского короля. Ногаре, по приказу короля, обвинил Бонифация в ереси и арестовал его. Один из верных друзей Ногаре в его присутствии (а по другой версии — сам Ногаре) дал папе пощечину, не сняв латной перчатки. 86-летний Бонифаций не смог перенести оскорбления и вскоре умер. Через 11 месяцев преемник Бонифация был найден. Им стал, исключительно стараниями Филиппа Красивого, Климент V. Вот почему новый папа ни в чем не мог отказать французскому королю, хотя и знал, что поступает против церковных законов.

В деле тамплиеров римский папа попал в очень неприятную ситуацию, ибо суд светский свершался над духовными лицами, что в то время было неслыханно. Папа пытался умерить священный пыл судей и требовал предоставить папской курии последнее решающее слово об участии подсудимых. Король в ответ обвинил папу в его измене Церкви, трусости и нерешительности в борьбе с ересями.

Униженный и опозоренный Климент V вынужден был прекратить свое безуспешное сопротивление. 12 августа 1368 года папа разослал по всей Европе письмо, в котором повелевал всем церковным и светским властям начать судебное преследование тамплиеров.

Главный процесс велся комиссией, назначенной самим папой из числа наиболее уважаемых французских прелатов в Париже, где под арестом содержалось 540 тамплиеров. Однако в ходе следствия над храмовниками был допущен целый ряд неслыханных вмешательств светских властей в ход судебного процесса, а в ряде городов произошло явное попрание закона. Дело в том,

что во французских городах Реймсе, Руане, Каркассоне были проведены сожжения тамплиеров на кострах. Это означало, что приговор был приведен в исполнение до окончания суда.

Ввиду подобных нарушений папская комиссия временно приостановила свою деятельность и возобновила ее лишь к концу года. В это время папе были представлены все документы суда для вынесения приговора. Папа созвал Вселенский собор, на котором 2 мая 1312 года и было принято решение уничтожить орден тамплиеров.

Многие братья-храмовники во время суда отреклись от своих показаний, вырванных у них угрозами и пытками. Один из них, Аймери де Вильер, заявил комиссии: «Если я должен буду погибнуть на костре, я не выдержу и уступлю, ибо слишком боюсь смерти. Я признал под присягой перед вами и признаю перед кем угодно все преступления, вменяемые ордену, я признаю, что убил Бога, если от меня этого потребуют»^{*}.

В Париже суд имел трагическое окончание. Пред главным собором французской столицы — собором Парижской Богоматери — 10 марта 1314 года пяти высшим должностным лицам ордена был объявлен приговор о пожизненном заключении. Одним из осужденных был магистр Жак де Моле, беспомощный старец, разбитый душевно и физически, промучившийся в застенках инквизиции почти семь лет. Он и другой руководитель ордена, Жоффруа де Шарне, опровергли возводимое на тамплиеров обвинение и в свою очередь обвинили короля в корысти и стремлении к захвату орденских богатств. Филипп Красивый немедленно приговорил этих двоих тамплиеров к сожжению, которое и произошло на следующий день. Два храмовника были сожжены на медленном огне.

Существует легенда, по которой перед смертью де Моле воскликнул, что заслужил столь ужасную смерть, ибо из любви к жизни и во избежание ужасных пыток, а также вследствие уговоров папы и короля подтвердил первоначально ужасные обвинения в преступлениях своего ордена. Кроме того, де Моле проклял и Климен-

^{*} Цит. по: Григулевич И. Р. Инквизиция. М., 1976. С. 190.

та V, и Филиппа Красивого и предрек им смерть в течение года. Когда же оба они вскоре заболели и умерли, народ увидел в этом божественную кару и уверовал в святость тамплиеров.

Папа умер 20 апреля 1314 года, всеми забытый и покинутый. Ночью пожаром была уничтожена церковь, в которой было захоронено тело Климента V. Сгорела и нижняя часть тела покойника. Останки его были перенесены в мавзолей, построенный родственниками, но и это место последнего упокоения папы было разрушено протестантами в 1577 году. Останки тела бросили в костер, а пепел развеяли по ветру.

Филипп Красивый скончался 29 ноября 1314 года от загадочной болезни. Его царствование возбудило в народе такую ненависть, что его сыну, королю Людовiku X, приходилось иногда прибегать к силе, чтобы заставить священников совершать панихиды по усопшему. Для Франции настали плохие времена, и многие были убеждены в том, что это кара за преступления, совершенные Филиппом Красивым, и искупление общей вины всего французского народа, пассивно участвовавшего в этих преступлениях.

Судьба ордена Храма в каждой стране была своя. Его отделения в большинстве государств Европы оказались захваченными светскими властями и другими монашескими орденами, но сами тамплиеры были отпущены на свободу. В Англии и Португалии храмовников оправдали.

В Англии, где король Эдуард явно был на стороне рыцарей Храма, сделали так, что, когда орден был распущен, те, кто оставался в тюрьме, были рассредоточены по различным монастырям — с пенсиями до конца их жизни. К тому времени целый ряд английских тамплиеров, как и многие рыцари-храмовники из Франции до них, спаслись бегством в Шотландию. Шотландия в то время находилась под папским интердиктом, а ее король Роберт Брюс был отлучен от Церкви. Поэтому папские эдикты не действовали в этой стране, и беглые рыцари могли надеяться найти там радушный приют.

Процесс над тамплиерами вошел в историю как са-

мая ужасная и позорная несправедливость средневековой католической церкви.

Вплоть до XVIII века во Франции сохранялась ненависть к кровавым преступлениям Ватикана и Лувра. Существует легенда, что во время Французской революции в рядах революционеров был замечен человек в длинных черных одеждах. Каждый раз, когда его клинок разил очередную жертву, он восклицал: «Это за альбигойцев, а это за тамплиеров!» И когда гильотина отсекала голову королю Людовику XVI, этот человек поднялся на эшафот и, обмакнув пальцы в королевскую кровь, воскликнул: «Народ Франции, я крещу тебя именем Жака де Моле и свободы!»

Такова официальная версия истории ордена Храма. Однако существуют и другие взгляды европейских историков на происходившие с тамплиерами события.

Все дело в том, что до наших дней дошло очень немного документов по этому делу инквизиционного суда, архивы католической церкви, касающиеся тех процессов, до сих пор закрыты. Поэтому поле для разгула фантазии историков и сочинителей обширно. Какая из выдвигаемых гипотез истинна, покажет время.

Один из французских медиевистов — исследователей эпохи Средневековья — Луи Шарпантье считал, что тамплиеры были не столько монахами, сколько миссионерами, подготовка деятельности которых по созданию европейской цивилизации была начата еще в V веке людьми, которых заботили судьбы мира. Завершающим этапом этой подготовки, по мнению Шарпантье, явилась «экспедиция» храмовников в Иерусалимское королевство, где им удалось найти некие документы, которые дали ордену знания о прошлых цивилизациях. Некоторые историки склоняются к мысли о том, что тамплиерам удалось отыскать Грааль.

Конечно, версия о таинственной находке на первый взгляд выглядит довольно фантастично: какие-то рыцари нашли колдовские книги или святой сосуд, благодаря которым смогли выстроить свой орден. Однако в последнее время ученые всё чаще говорят о том, что в Античности и даже ранее существовали цивилизации, обладающие действительно удивительными знаниями.

ми. Люди в очень отдаленном прошлом открыли тайны энергии и материи. Тому существуют доказательства. Так, в середине XX века немецкий инженер, которому было поручено построить в Багдаде канализацию, обнаружил в ящике местного музея под этикеткой «Предметы культа» электрические батареи, сделанные за десять веков до Вольты, во времена династии Сасанидов.

Так что теперь ученые-скептики уже не могут просто так, без доказательств, отказаться от версии о нахождении тамплиерами документов древних цивилизаций. Знания эти, по мнению Шарпантье, тамплиеры использовали в благих целях — прежде всего для восстановления мирной жизни в Европе, которая подверглась разграблениям сарацин и викингов. Тамплиеры стали восстанавливать сельское хозяйство, основывая собственные монастыри и фермы при них, строить дороги и мосты, стали обучать зодчих и ремесленников. Именно благодаря храмовникам в странах Европы появились великолепные церкви, многими из которых мы восхищаемся и в наши дни.

Существует версия о том, что свои знания тамплиеры зашифровали в росписях и барельефах готических храмов. Архитектура предшествовала письменности. Она, может быть, и представляла собой своеобразную форму письменности. Уже не один десяток историков и искусствоведов перевели море чернил, пытаясь безуспешно разгадать тайны иероглифических фигур, находящихся на главном портале собора Парижской Богоматери.

Показательно, что до 1000 года было мало или вовсе не имелось талантливых зодчих. Затем же наступает расцвет романского стиля, на смену которому приходит готика.

Между 1000 и 1300 годами во Франции построены все сколько-нибудь значительные соборы и монастыри — около двух тысяч. После 1300 года и до наших дней во Франции возвели не более 150 таких построек. И ни одно из них не может сравниться в красоте и величии с соборами Средних веков. Загадка возведения великолепных храмов и монастырей, на построение которых потребовалось огромное количество денег и

невероятное количество рабочих рук, до сих пор не нашла достойного объяснения.

Как мы уже говорили, причиной уничтожения ордена Храма историки считают жадность Филиппа Красивого. Однако большое внимание ученые обращают и на тот факт, что тамплиерам, по всей вероятности, были известны некоторые факты из истории раннего христианства, которые не могли нравиться католической церкви. Эти-то знания храмовников и были одной из причин их преследования и позднейшего уничтожения.

Согласно общепринятой концепции, Иисус Христос был Богочеловеком, Сыном Бога, который после распятия на кресте вознесся на небо. Однако учеными недавно было высказано еретическое, с точки зрения Церкви, предположение, что в одно и то же время жили два религиозных учителя, носивших одно имя, и что в евангельских сказаниях события жизни этих людей перепутаны.

Именно поэтому тамплиеры не поклонялись Иисусу, распятому на кресте, считая истинным учителем не его, а Пресвятую Деву Марию. Ниже мы рассмотрим еще одну версию поклонения тамплиеров Даме — тоже Марии, но Марии Магдалине*.

Естественно, что подобное учение противоречило

* *Мария Магдалина* — равноапостольная мироносица, получила прозвание «Магдалина» потому, что происходила из города Магдалы (Сирия), и «равноапостольная», потому что проповедовала Евангелие, подобно апостолам. Слух об Иисусе Христе и чудесах Его привел ее к Нему в Галилею, так как она была одержима бесами. Христос, видя веру Марии, изгнал из нее семь бесов. С этого времени Мария уверовала в Господа и сделалась одною из усерднейших учениц Его, ходила за Ним с другими верующими женами и служила Ему. Святая Мария присутствовала с великою скорбью и слезами при шествии Спасителя на Голгофу, при Его мучениях на кресте, при снятии со креста. В день Воскресения, еще до рассвета, раньше всех пришла к Гробу Господа, чтобы помазать тело Его ароматами. Тут она удостоилась видеть воскресшего Спасителя и сначала приняла было Его за садовника. По вознесении Господа на небо пребывала со святыми апостолами и с Богородицею, а по сошествии Святого Духа путешествовала с проповедью в Рим. Здесь со словами: «Христос воскрес!» поднесла она императору Тиверию красное яйцо, рассказала о страданиях Христа и обвиняла Пилата в несправедливом осуждении Его на распятие. Вот почему с того времени и вошло в обычай между христианами обмениваться яйцами в праздник Пасхи. В IX веке мощи Марии Магдалины перенесены из Эфеса в Константинополь. Часть мощей ее хранится на Афоне и в Иерусалиме.

всем канонам католицизма, ставило под сомнение самую истинность веры, а потому Церковь и король отправили тамплиеров на костер.

До сих пор не утихают споры и по поводу богатств ордена Храма, которые таинственным образом исчезли из монастырей тамплиеров. По некоторым данным, монахи-рыцари владели Медным свитком — одним из свитков Мертвого моря, найденных в Кумране. В этом свитке перечислялись места, в которых были спрятаны сокровища храма Соломона. Вот только неизвестно, нашли ли их тамплиеры.

Об ордене тамплиеров было высказано несметное число фантастических утверждений. Так, они якобы поклонялись загадочной голове и были почитателями дьявола.

Одна из загадочных теорий — о Даме Грааля и некоей даме, которой поклонялись тамплиеры. Высказывалось предположение, что поклонялись они вовсе не Пресвятой Деве Марии, а Марии Магдалине.

Многие исследователи библейской истории говорят о том, что в гностических книгах, которые, по словам американского ученого Линна Пикнетта, имеют такое же право считаться истинными, как и четыре канонических Евангелия, уделяется много внимания Магдалине. Она предстает в этих текстах не только постоянной спутницей Христа, но и его музой и наставницей. На этом утверждении строятся многие ереси. Значительная часть еретиков верила, что Иисус назвал Марию Магдалину «апостолом для апостолов», тем самым поставив ее выше Петра и всех других учеников.

Тамплиеры считали, что Дама мудрости — это двойник Христа в женском обличье. А некоторые исследователи (например, Д. Претсбэри и Э. Вильямс) текстов тамплиеров (их устава и других дошедших до нас записей) отождествляют эту даму с Марией Магдалиной.

Если это действительно так, то основной причиной ненависти инквизиции к рыцарям-храмовникам была вовсе не жажда наживы, а жизненная необходимость, ибо тамплиеры подвергали сомнению самые основы христианства.

Не меньше гипотез высказывалось и по поводу зага-

дочной печати тамплиеров, на которой изображен Абракасас.

В большинстве исторических описаний Абракасас предстает в виде фигуры с «головой петуха, телом человека и змеями вместо ног». В других же Абракасас — это магическое слово, использовавшееся гностиками для обозначения божества и источника 365 эманаций, которые соответствуют количеству дней в году. Если произвести с этим словом некоторые манипуляции в соответствии с числовой магией и подсчитать его числовое значение в греческом написании, то получится $A=1$, $B=2$, $R=100$, $X=60$, $S=200$ и при сложении ($ABRAXSAS=1+2+100+60+200+1+200$) получаем вновь число 365. То же самое число получается и при подсчете числового значения слова *mithra* — еще одного символа Бога и всеединства.

Об Абракасасе писал и Карл Густав Юнг, который называл его «солнцем и вечно зияющей пропастью пустоты», «красивым весенним утром и чудищем подземного мира», «ярким светом дня и темнейшей ночью безумия». И далее пишет: «Абракасас — это бог, которого трудно познать. Его сила — величайшая из всех, потому что человек не ощущает ее. Человек видит наивысшее благо солнца и бесконечное зло дьявола. Но Абракасаса он не видит, потому что Абракасас — это сама жизнь, которую нельзя постичь, мать добра и зла одновременно».

Двойственная природа Абракасаса ни у кого не вызывает сомнения, поэтому совершенно очевидно, почему именно этот символ использовали для своей печати тамплиеры. Он наполовину добрый, наполовину злой бог. Его петушиная голова предвещает рассвет и символизирует солнце, человеческое тело — аналог земли, а змеи вместо ног — предвестники темного царства, мрака и зла. В руках Абракасаса — щит (мудрость) и кнут (власть).

Та же символика отражена тамплиерами и на флаге ордена: он наполовину белый, наполовину черный. Иногда на нем изображается мальтийский крест.

Что же касается таинственной головы, которой поклонялись тамплиеры, то, по оставшимся свидетельствам допрошенных во время следствия братьев, это была то

ли человеческая голова, то ли голова, сделанная из серебра. Некоторые храмовники на суде утверждали, что она была с двумя или тремя лицами, некоторые — что лицо было одно, а сама голова была забальзамирована. Вместо глаз — карбункулы в натуральную величину. Были и такие, кто утверждал, что видел не просто голову, а идола в полный рост. Якобы звали идола Бафомет.

По мнению некоторых ученых, этой головой могла быть Туринская плащаница, на которой предположительно запечатлен как бы негатив лика Иисуса. Плащаница неожиданно появилась во Франции в сентябре 1356 года после гибели Жоффруа де Шарне, знаменосца короля Иоанна II в битве при Пуатье. На плащанице изображено лицо бородатого человека с глазами, похожими на карбункулы. В свернутом виде видно только лицо на полотне, а в развернутом — изображение предстает в полный человеческий рост*. В 1988 году при помощи радиоуглеродного анализа было установлено, что Туринская плащаница является подделкой XII века.

О таинственной голове ходят и вовсе уж невероятные средневековые легенды. В этих историях рассказывается о человеке, которого иногда прямо называли тамплиером, влюбленным в некую прекрасную даму. Но при жизни им соединиться было не суждено. История становится весьма зловещей и даже слишком отталкивающей после смерти дамы. Рыцарь откапывает ее тело

* Туринская плащаница, на которой, как считается, отпечаталось изображение распятого Иисуса, является средневековой подделкой. К такому выводу пришли итальянские ученые под руководством Луиджи Гарласкели, профессора химии из университета Павии, которые в октябре 2009 года доказали, что возможно воспроизвести «нечто такое, что имело бы те же характеристики, как плащаница». Ученые положили отрез ткани на добровольца, после чего стали втирать в плащаницу пигмент, содержащий небольшое количество кислоты. Затем пигмент был искусственно состарен с помощью нагревания ткани в печи и стирки. В результате большая часть пигмента была удалена с поверхности ткани, однако небольшое количество сохранилось в виде полустертого изображения, похожего на то, которое присутствует на Туринской плащанице. Затем исследователи добавили немного крови, прожгли в ткани дыры и подпалили материал по краям для придания еще большего сходства с «оригиналом». В 1988 году ученые установили, что четырехметровое полотно, в которое, по преданию, было завернуто тело Иисуса Христа после его распятия и смерти и в котором он был похоронен, было изготовлено в промежутке между 1260 и 1390 годами н. э.

и вступает с телом в преступную связь. В этот момент раздается скрипучий голос, который возвещает, что плод этого ужасного соития появится через девять месяцев и что тамплиеру надлежит закопать тело и вновь прийти на могилу в означенный срок. Через девять месяцев преступный тамплиер возвращается на могилу, откапывает возлюбленную и находит у нее между ногами человеческую голову. Рыцарь забрал голову с собой. Оказалось, она обладала чудесными свойствами и принесла ему удачу.

Как уже говорилось, существовало мнение, что тамплиеры поклонялись некому идолу Бафомету. Сам Бафомет известен с древних времен. Особенно много о нем стали писать в конце XIX века, когда французский оккультист Элифас Леви сделал «популярным» образ двуполого рогатого дьявола Пана.

Леви считал, что слово «Бафомет» — некий шифр, его надо читать не слева направо, а наоборот, разбивая на слога-слова «Templ omr ab». По его мнению, это аббревиатура латинской фразы «Templi omnium hominum pacis abbas», что переводится как «Отец Храма мира всех людей», то есть «Отец Храма Соломона».

По мнению других ученых, «Бафомет» — это арабское «Абуфихамат», что означает «Отец разума» или «Отец мудрости», то есть это суфийское обозначение бога.

Те же, кто считал, что тамплиеры владели головой Иоанна Крестителя и поклонялись именно ей, толковали слово «Бафомет» как состоящее из двух частей: «Баф» и «Метис», то есть «Крещение мудростью».

Английский исследователь Библии и один из переводчиков свитков Мертвого моря Хью Шонфильд также был уверен в наличии связи слов «Бафомет» и «мудрость». Он применил к этому таинственному имени метод расшифровки Атбаш — древнееврейской тайнописи*. В своей книге «Одиссея ессеев**» он пишет:

«Если написать слово “Бафомет” древнееврейскими буквами и применить к нему Атбаш, в результате получится “София” — “мудрость” по-гречески. Так, может, раскрыта вековая тайна! А что же тогда делать с боро-

* Метод расшифровки этой тайнописи состоит в замене первой буквы алфавита на последнюю.

** *Schonfield H. The Essene Odyssey. Dorset, 1993. S. 108.*

датой головой мужчины? В космогонической фигуре Адама Кадмона — Небесного Человека — его голова с бородой называется по-древнееврейски “хокмах” — “мудрость”. Греческая же София воплощает скорее женское, чем мужское начало, поэтому неудивительно, что у рыцарей Храма, по протоколам инквизиции, были шкатулки, украшенные “очень красивой женской головой из позолоченного серебра”^{*}.

Так нашли все-таки инквизиторы голову или нет у тамплиеров? В своей книге «Рыцари-тамплиеры. Новая история» Хэлен Николсон пишет, что во время судебного процесса два члена ордена на Кипре утверждали, будто ордену принадлежала голова святой Евфимии, которая после разгрома тамплиеров перешла во владение к рыцарям-госпитальерам.

История Средних веков полна загадок и легенд. По одной из версий, история ордена Храма тесно связана с жизнью Жанны д'Арк. Некоторые историки считают, что Жанна была особой королевского происхождения, внебрачной дочерью королевы Изабеллы Баварской, супруги короля Карла VI Безумного^{**}, и герцога Людовика Орлеанского. Новорожденная девочка была отправлена в безопасную деревню Домреми.

Считается, что в какой-то момент Жанну стали воспитывать храмовники, которые и готовили ее для подвига. Именно королевским происхождением Жанны и воспитанием ее в рыцарском ордене и объясняется факт столь легкого «доступа» Орлеанской девы к дофину Карлу VII — ее брату.

Если эта версия истинна, то совсем по-другому выглядит и сам суд над Жанной: для инквизиции она была не просто еретичкой, а еретичкой вдвойне — воспитанницей храмовников.

Францисканцы и инквизиция

Но инквизиция преследовала не только братьев-тамплиеров — они были далеко не единственными ее жертвами среди монашеских орденов.

^{*} *Schonfield H. The Essene Odyssey. Dorset, 1993. S. 108.*

^{**} Король был подвержен приступам безумия.

«Когда инквизицию призвали действовать против тамплиеров, — пишет Ч. Ли, — она уже приобрела опыт борьбы с другими официально признанными Церковью христианскими институтами. Большую часть предшествовавшего столетия она находилась в постоянной полемике, фактически враждовала с орденом, который был главным соперником доминиканцев в борьбе за власть и влияние. Это был орден францисканцев»*.

Именно францисканцы оставались основными врагами инквизиции после расправы с тамплиерами. И «Мировая рука», как только находился предлог, не забывала отправлять на костер очередную жертву из этого монашеского ордена.

Вскоре после заключительного заседания суда над тамплиерами в 1319 году инквизиция осудила как еретика францисканца Бернара Делисье, преподавателя из французского монастыря Нарбонны, поддерживавшего самые тесные связи с выдающимися умами своего времени.

Тут надо рассказать об истории ордена.

Основателем монашеского ордена францисканцев был святой Франциск Ассизский, в миру — Джованни Бернардоне (ок. 1181—1226). В юности, будучи сыном богатого итальянского купца, он, подобно святому Августину, вел жизнь разгульного повесы, но после плена и тяжелой болезни резко изменил свои взгляды на жизнь. Он основал орден монахов, которые должны были жить в полной нищете на пожертвования прихожан или на то, что зарабатывали поденной работой. Франциск Ассизский проповедовал любовь к людям и прочим творениям Божьим, противопоставлял жестокости своего времени смирение и покорность. Целью францисканских монахов была проповедь евангельского образа жизни в обществе, то есть жизни в мире, любви и согласии.

История земного пути святого Франциска очень показательна еще и потому, что он был как будто прямой противоположностью святого Доминика, которого, по сути, можно назвать отцом инквизиции.

* Цит. по: Ли Г. Ч. Указ. соч. Т. 2. С. 323.

Франциск пришел к монашеской жизни, в какой-то мере повторив путь Марии Магдалины, пройдя через распутство и испытания и обратившись в истинную веру. До двадцати лет он работал у своего отца, а затем отправился на военную службу и принял участие в одной из мелких военных кампаний, которые Ассизи вел против своих соседей. Тогда он и попал в плен, за которым последовало тюремное заключение. Считается, что именно в это время у него были то ли видения, то ли приступы некоей тяжелой болезни. Обрывочные сведения дают исследователям возможность предположить, что эта болезнь была каким-то видом нервного или психического расстройства. Как бы там ни было, но это стало началом обращения, и Франциск вернулся в Ассизи иным человеком. Он немедленно отправляется нищим паломником в Рим. С тех пор он стал проповедовать аскезу, заботиться о нищих и убогих и восстанавливать заброшенную церковь. Примечательно, что благое дело строительства храма он начал на деньги, вырученные за продажу товаров, которые украл у своего отца, и лошади, на которой их увез. Отец отрекся от него.

Его путь к Богу был действительно нелегким. Тут вполне уместно будет вспомнить слова Иисуса: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные, пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы. Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9:12,13).

Истинное же обращение Франциска случилось однажды утром в 1208 году, когда он слушал отрывок из Библии, читавшийся в церкви неподалеку от Ассизи, и услышал в нем слова Господа, обращенные лично к нему. Вскоре после этого он выбросил свои башмаки, облекся в темный балахон и пустился странствовать и проповедовать. Когда вокруг него стали собираться последователи, он составил устав для новой «организации». Согласно одному из ее положений, «братья не должны иметь никакой собственности, ни дома, ни места... но должны жить в миру как странники и пилигримы и просить подаяние».

Франциск учил, что человек должен относиться к

своему телу, как к ослу, и, соответственно, «подвергать его тяжелой ноше, часто бить бичом и кормить плохим кормом». Правда, перед смертью он выразил сожаление, что, «истязая себя в здоровом состоянии и в болезни, он таким изнурением согрешил против брата своего, осла». Смирение и терпение Франциск считал высшими добродетелями. Ему приписывается изречение: «Высшая радость состоит не в том, чтобы творить чудеса, излечивать больных, изгонять бесов, воскрешать мертвых, она также не в науке, не в знании всех вещей и не в увлекательном красноречии, она — в терпении, с которым переносятся несчастья, обиды, несправедливости и унижения».

Он призывал верующих отказаться от всякой собственности, оказывать помощь друг другу и добывать себе пропитание физическим трудом.

«Франциск и Доминик были почти сверстниками. Но если Доминик стремился к власти, Франциск стремился к отказу от всякой власти. Доминик для борьбы искал внешних врагов, тогда как Франциск — в гораздо большем согласии с традиционным христианским вероучением — сражался с грехом и искушениями внутри себя. Подобно некоторым еретикам-сектантам, Франциск стремился исповедовать образ жизни, соответствующий тому, который приписывали Иисусу и “первым христианам”, — пишет Г. Ч. Ли. — Если бы он жил на юге Франции или доминиканцы не были бы столь заняты преследованием там катаров, вполне вероятно, что его самого осудили бы как еретика. Вместе с Домиником он отражает два противоборствующих, диаметрально противоположных и откровенно фанатических аспекта средневековой церкви»*.

И далее: «Столь нищий и оборванный вид был у первых францисканцев, что чрезмерно усердные доминиканские инквизиторы иной раз принимали их за катаров или вальденсов. В результате одной такой ошибки, например, пятерых из них казнили в Испании. Как и первым доминиканцам, первым францисканцам предписывалось соблюдать обет бедности и запрещалось

* Ли Г. Ч. Указ. соч. Т. 1. С. 193.

иметь имущество, что вынуждало их существовать исключительно милостыней. В отличие от доминиканцев, однако, францисканцы были обязаны заниматься физическим трудом. Им также было отказано в некоторых утешениях, которые были дозволены их соперникам.

Большинство францисканцев в начале существования ордена были, к примеру, малограмотны и, следовательно, лишены интеллектуальных радостей и удовольствий, которые давало изучение схоластической и богословской литературы. И в то время как доминиканцы могли удовлетворять свои подспудные садистские или другие извращенные желания, преследуя еретиков, францисканцам было отказано и в этом. Неудивительно, что тяжелые требования францисканской дисциплины оказались не по силам многим членам ордена и многим из тех, кто готовился в него вступить»^{*}.

Сам же орден был создан в 1209 году, в то время, когда Альбигойский поход набирал обороты. Именно в это время папа Иннокентий III одобряет составленный Франциском устав и орден францисканцев становится «официальным» и признанным церковными властями. Со своими сподвижниками Франциск взял название «братья-минориты».

Еще через три года, в 1212-м, был создан женский францисканский орден бедных кларисок, названный так по имени ее основательницы — святой Клары, которая в то время была знатной дамой из Ассизи. В этом же году создается и третий францисканский орден — терциариев, членам которого разрешалось, при соблюдении францисканского аскетического устава, жить в миру, иметь семью и не носить монашеского одеяния.

Одной из составных частей учения Франциска была проповедь, потому он отправляется странствовать по Восточной Европе, а затем, присоединившись к крестоносцам, отправляется с ними в Египет, где в 1219 году присутствует при осаде и взятии Думьята — порта в дельте Нила.

А основанный им орден начал богатеть. Его глава, назначенный на время отсутствия Франциска, смог не только умело управлять монахами, по-прежнему забо-

^{*} Ли Г. Ч. Указ. соч. Т. 1. С. 193.

таться о нищих и больных, ухаживать за прокаженными, но и добиться его финансового благоденствия. Постепенно францисканский орден стал очень могущественным (так, в конце XIII века у него уже было свыше тысячи монастырей в разных европейских странах).

Вернувшийся из странствий Франциск, увидев произошедшие изменения, не стал ничего менять, а принял решение отойти от дел созданного им ордена. Он продолжал жизнь нищего проповедника, а орден все богател. Результатом богатства стала коррупция. По словам Г. Ч. Ли, «в 1257 году генералом ордена был избран человек, который впоследствии был канонизирован как святой Бонавентура. Одним из первых своих действий он разослал всем провинциальным главам циркуляр, в котором выражал сожаление по поводу того, какое бесчестье навлекли на францисканцев поглощенность мирскими заботами и жадность. Братья, сетовал он, всё больше впадали в леность и порок, предавались постыдному мотовству, возводили неприлично пышные дома, вымогали чрезмерные наследственные отказы и погребальные вознаграждения.

Прошло десять лет, но ничего не изменилось, и Бонавентура повторил свои инвективы, на этот раз еще более резко: “Гнусное лицемерие — утверждать абсолютную бедность, а затем отказываться со смирением принять отсутствие чего-либо; побираться по округе подобно нищему и купаться в роскоши дома”^{*}.

К концу XIII века орден начинают раздирать противоречия, в умах монахов, которые должны были бы жить в мире и согласии друг с другом, начинается брожение. Францисканцы оказались расколотыми схизмами. Собственно, первым «революционером» в рядах ордена стал сам Франциск, который, как говорилось выше, вернувшись из странствий, не стал жить в монастыре, а избрал жизнь странствующего монашествующего проповедника.

Многие члены ордена — так называемые «спиритуалы», или «обсерванты», — попытались сохранить верность догматам основателя их ордена — бедности не в теории, а на практике.

^{*} Там же. С. 194.

Неудивительно, что их бескомпромиссная позиция вскоре привела к конфликту с инквизицией, возглавляемой доминиканцами, и немалое их число было обвинено в ереси. Так, к примеру, в 1282 году обвинение было выдвинуто против Петра Иоанна Оливи (Пьер-Жана Олье), главы спиритуалов в Лангедоке, и хотя его впоследствии оправдали, его труды остались под запретом.

Многих обсервантов обвиняли в том, что они являются последователями Иоахима Флорского, цистерцианского монаха, обличавшего в конце XII века Церковь с позиции первоначального христианства и положившего начало иоахимистской секте, осужденной XII Вселенским собором.

Уже упоминавшийся нами Бернар Делисье был достойным учеником святого Франциска, действительно любил мир и окружающих его людей. Так, чтобы помочь нуждающимся, он продавал свои книги и делал долги. Он выступал на стороне катаров и не раз произносил обличительные речи против доминиканцев. По его призыву из башни во французском городе Каркассоне были освобождены томившиеся там последние рыцари Монсегюра.

Бернару даже достало мужества прямо заявить Филиппу Красивому, что в ереси можно было бы обвинить даже святых апостолов Петра и Павла, если бы их только подвергли пыткам и допросам инквизиции. Но Филипп, который в своем правлении опирался на суды священного трибунала, и не думал расправляться с инквизицией или запрещать ее. Напротив, он издавал указы, в которых призывал к беспощадному уничтожению ереси и еретиков на территории своего королевства. Разочарованный и ожесточенный, Бернар Делисье стал произносить проповеди, в которых обличал уже не только инквизицию и доминиканцев, но и самого короля.

Делисье принадлежал к тому «крылу» францисканцев, которых принято называть «спиритуалами». Как уже упоминалось, спиритуалы требовали строгого соблюдения заповедей Франциска Ассизского, прежде всего абсолютной нищеты монахов. Они утверждали, что, поскольку Иисус и его ученики не обладали никакими

материальными ценностями, христиане тоже должны отказаться от собственности.

Католическая церковь, всегда бывшая очень богатой, не могла согласиться с подобными утверждениями. И в 1322 году папа Иоанн XXII объявил ересью утверждение спиритуалов о том, что Христос и апостолы не имели собственности. Когда же спиритуалы не согласились с обвинением папы, тот призвал их к себе на диспут.

Вместе с другими спиритуалами пришел к папе римскому и Бернар Делисье. Он пытался защищать свои взгляды, но был обвинен в ереси и заточен в казематы инквизиции. Ему также вменили в вину, что он занимался колдовством, при помощи которого поднял восстание в Каркассоне и приблизил смерть папы Бенедикта XI.

Бернара Делисье держали в тюрьме два года — именно столько времени длилось следствие. На суде против Бернара выступили и его бывшие сподвижники, давшие ложные показания только ради спасения собственной жизни. В течение двух месяцев старого и измученного монаха подвергали жесточайшим допросам, длившимся многие часы. Ему говорили о том, что по законам инквизиции от суда его может спасти только полное покаяние. К старику были применены жестокие пытки, но Бернар все равно не сдавался. Лишь через два месяца он обессилел от пыток и стал давать противоречивые показания. После этого он смиренно отдал себя на милость суда и просил об отпущении грехов.

Но решение суда было немилосердно — Делисье приговорили к пожизненному заключению в цепях на хлебе и воде. По иронии судьбы, он был заточен в башню инквизиции в Каркассоне, из которой до этого по его призыву освободили рыцарей Монсегюра. Более милосердной к Бернару оказалась судьба — через несколько месяцев после вынесения приговора он скончался.

Бернар Делисье умер, но веру спиритуалов его смерть не поколебала. Их лидеры, в том числе и Петр Оливи, осуждали «плотскую», земную, католическую церковь и предвещали ее падение. Взгляды спиритуалов были объявлены ересью, почти все они были схвачены инк-

визиторами и преданы суду. Тело умершего Оливи извлекли из земли и сожгли, а прах его развеяли по ветру.

К началу XIV века отношения между официальной Церковью и спиритуалами обострились. В 1317 году папа Иоанн XXII под страхом отлучения приказал мятежным францисканцам подчиниться его авторитету и власти основного крыла ордена. Многие отказались и сделали схизматиками — так называемыми фратичелли.

К 1330-м годам движение спиритуалов было разгромлено.

Так папа римский и возглавляемая им Церковь расправлялись с неудобными людьми, представлявшими угрозу существованию католицизму.

«В течение последующих двух столетий отношения между инквизицией и францисканцами — и основным крылом, и схизматиками — будут по-прежнему оставаться ожесточенными, — пишет Г. Ч. Ли. — Вплоть до 1520-х годов мистически настроенных францисканцев все еще будут осуждать и судить как еретиков.

Кровная вражда между францисканцами и доминиканцами приобретала подчас характер беспрецедентного помешательства, равно как и инфантильного буквализма и догматизма. Так, к примеру, в 1351 году францисканский прелат Барселоны поднял вопрос о крови, пролитой Иисусом перед самым распятием на кресте и во время него. Эта кровь, по утверждению францисканца, упала на землю и утратила свою божественную сущность, так как была отделена от тела Иисуса. Она, следовательно, не вознеслась на небо вместе с Иисусом, но впиталась в почву. Как отметил один историк, “это был новый вопрос и несколько затруднительный в смысле демонстрации”.

Однако утверждения францисканца глубоко возмутили Николая Розелли, инквизитора Барселоны, который и без того негодовал на францисканцев, а теперь счел, что имеет новые основания для претензий к ним. Воспользовавшись открывшейся возможностью нанести удар по ордену-конкуренту, он отправил подробный отчет об этом деле папе. Папу также возмутили утверждения францисканца. Он тут же созвал конференцию

теологов, дабы изучить вопрос о пролитой Христом крови. Конференция разделила негодование отца Розелли и папы. Утверждения францисканца были официально осуждены. Всем инквизиторам были разосланы указания впредь арестовывать всякого, кто будет провозглашать столь крамольные положения. Францисканец, первым высказавший этот тезис, был принужден публично отречься от него.

На этом дело, однако, не закончилось. Находясь под пристальным надзором инквизиции, францисканцы, получившие запрет на публичное обсуждение вопроса о пролитой крови Иисуса, втайне продолжали отстаивать свою позицию. По словам одного комментатора, францисканцы с раздражающей логичностью доказывали, что вполне можно было уверовать в то, что кровь Христа осталась на земле, видя, как в Латеранской церкви — прямо перед глазами папы и кардинала — хранилась и почиталась как реликвия отсеченная во время обрезания крайняя плоть, а в Мантуе, Брюгге и в других местах верующим демонстрировались частицы крови и пота, пролитых во время распятия*.

Этот теологический диспут продолжался еще многие годы — почти сто лет, пока богословами не было вынесено заключение, что вера в первоначальный францисканский тезис — в то, что кровь, пролитая Иисусом в его последние дни, в действительности осталась на земле, — не противоречило учению Церкви.

Это лишь подлило масла в огонь, и францисканцы вновь взялись за яростные проповеди, открыто поддерживая положение о крови Христовой. Доминиканцы не уступили и начали преследование своих «противников», по всему христианскому миру со своих кафедр обличая францисканскую «ересь».

«Ссора, которая благоразумно держалась под спудом в течение большей части столетия, теперь с огромной силой разгорелась на глазах удивленного и озадаченного народа. Не желая усугублять вражду между орденами, папа поспешил созвать еще одну конференцию, чтобы вынести решение по вопросу, который посеял такую смуту, — писал Г. Ч. Ли. — Он, видимо, надеялся, что про-

* Ли Г. Ч. Указ. соч. Т. 2. С. 293.

блема отпадет сама собой благодаря бюрократическим проволочкам и административным механизмам. К его неудовольствию, участники конференции выказали бо́льшую склонность к полемике, чем ожидалось.

Каждая сторона избрала трех ораторов, и в течение трех дней, в присутствии папы и Священной коллегии, они дебатировали вопрос с такой страстью и ожесточенностью, что, несмотря на холодную зимнюю погоду, истекали потом.

Ни одна из сторон, однако, не смогла привести из Нового Завета какого бы то ни было свидетельства по существу спора, который, таким образом, остался нерешенным. Перебранки между доминиканцами и францисканцами продолжались во всех уголках христианского мира. Годом позже, в начале августа 1464 года, потеряв свое святейшее терпение, папа издал буллу, согласно которой всякое обсуждение этого щекотливого вопроса объявлялось под запретом — до тех пор, пока по нему не будет вынесено окончательное решение Святым престолом. Как показали дальнейшие события, Святому престолу не суждено было сформулировать свой ответ на этот вопрос, так как восемь дней спустя папа умер. Кардиналы, которые затем обратились к этой теме, снова не смогли прийти к какому-либо согласию. Новый папа сумел отложить дальнейшие дискуссии на неопределенный срок»*.

Вопрос о том, вознеслась ли на небо пролитая Иисусом кровь, так и остался нерешенным до наших дней и все еще довлеет над папским престолом.

* Ли Г. Ч. Указ. соч. Т. 2. С. 300.

УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ

Итак, «...устройство инквизиции, — пишет Г. Ч. Ли, — было настолько же просто, насколько целесообразно в достижении цели. Она не стремилась поражать умы своим внешним блеском, она парализовала их террором». Инквизиция была строго регламентированным (хотя и не с самого момента возникновения) учреждением и прекрасно отлаженным механизмом, который редко когда давал сбой.

О преступлениях, подпадающих под юрисдикцию инквизиции

При учреждении инквизиции основными целями были розыск и наказание еретиков, иначе говоря, инакомыслящих во всех проявлениях.

При этом четко разграничивались дела, которые могли быть в ведении церковного и светского судов. Так, виновные в преступлениях, не имевших отношения к религии, не могли быть заподозрены в ереси, и расследование их действий принадлежало по праву гражданским судьям. Однако иногда в такие дела инквизиторы все-таки вмешивались, поскольку, по мнению Церкви, преступления подобного рода не могли быть совершены без тлетворного влияния ересей, как, например, хула на Бога и его святых.

Иногда поводом для начала расследования служило просто попустительство подозреваемого. Так, если отлученный по тем или иным причинам от Церкви в течение года не подавал ходатайство об отпущении грехов и не особо ревностно стремился исполнить наложенное наказание, это было более чем весомым основанием для подозрения в ереси.

Под юрисдикцию судов подпадали не только сами еретики, но и сочувствующие им — «укрыватели, соумышленники и соучастники, оскорбляющие католическую церковь и поддерживающие ересь», а также те, кто не помогал, а иногда и препятствовал инквизиторам выполнять их обязанности. Причем в этот разряд могли попасть и очень богатые люди — в том числе и феодалы, которые по принуждению членов инквизиции клятвенно обещали изгнать из своих владений всех еретиков, но взятых на себя обязательств не исполняли.

Примыкали к таким «подозрительным» членам общества и жители городов (иногда даже правящая верхушка их), которые не соглашались отменить действующие в городах статуты и положения, идущие вразрез с распоряжениями инквизиторов.

Если, паче случая, на сторону осуждаемого становился адвокат или иной служитель Фемиды, которому, собственно, самим законом и предписывалась защита несчастного, то они тоже автоматически попадали в разряд ненадежных и подозреваемых.

Постепенно убийство еретика было возведено католическим учением в богоугодное дело, а в стане инквизиторов действовал принцип «Кто не с нами, тот против нас». При этом в расчет не брались ни родственные связи, ни болезни подозреваемых, ни элементарная порядочность, ни нравственные убеждения. Подозреваемого могли забрать даже в церкви, нарушая неприкосновенность святого места.

Однако подозрения не могли коснуться самого папы и его эmissаров, легатов и епископов, а также их родных. В случае получения доносов или возникновения подозрений на означенных лиц инквизитор имел право лишь переслать документы папе.

Постепенно к вышеперечисленным строгим мерам регламентации действий инквизиции добавились новые:

«Все жители, в возрасте — для мальчиков от четырнадцати и для девочек — от двенадцати лет, должны дать клятвенное обещание, что они будут преследовать еретиков; а в случае отказа с ними будут обращаться как с подозреваемыми в ереси;

те, которые не будут являться в трибунал для покаяния три раза в год, будут одинаково считаться подозреваемыми в ереси;

все дома, служившие еретикам, будут уничтожены;

всё имущество еретиков и их соучастников будет захвачено, причем дети их лишатся права получить из него хотя бы малейшую часть;

добровольно обращенные еретики не имеют права жить в той же местности;

они обязаны носить на своей одежде два желтых креста, один на груди, второй на спине, для отличия их от других католиков;

наконец, ни один мирянин не имеет права читать Евангелия иначе как на латинском языке».

Личности инквизиторов, их права и обязанности

Инквизиторами были в основном доминиканцы и францисканцы. Однако среди них можно было встретить и монахов других орденов, и даже людей без сана.

Климент V (1305—1314) установил минимальный возраст инквизитора в 40 лет, но бывали и моложе.

Историки характеризуют инквизиторов как людей решительных, жестких и жестоких, полных энергии, отнюдь не отличающихся смирением, а, наоборот, стремящихся к власти и славе, в достаточной степени увлеченных мирскими благами. Другими словами, это были ярые фанатики своего дела и отчаянные карьеристы. Их принципом было справедливое возмездие.

Они происходили из самых разных слоев общества. Роберто Ле Бург, доминиканец, раскаявшийся катар, был назначен в 1233 году инквизитором в район Луары, где отличился кровожадностью. Через два года он

сумел стать инквизитором всей Франции, за исключением южных провинций. За массовые казни и грабежи его прозвали Антиеретическим Молотом. Жестокости, чинимые Ле Бургом, угрожали вызвать всеобщее восстание во Франции, что вынудило папу отдать приказ арестовать его. Ле Бург был осужден на пожизненное заключение. И это чуть ли не единственный случай в истории инквизиции, когда инквизитор был наказан церковными властями за свои преступления. С другими инквизиторами очень часто расправлялись местные жители, что позволяло канонизировать убийц и возводить их в ранг святых.

Инквизиторов в конечном итоге назначал папа, который являлся верховным главой священного трибунала. Инквизиционный суд, как чрезвычайный, не подлежал цензуре, контролю ни со стороны папских легатов, ни со стороны руководителей монашеских орденов, назначавших инквизиторов.

В 1245 году папа Иннокентий IV решил, что инквизиторы должны получать прощение грехов от других инквизиторов, таким образом, они становились практически неподсудны и освобождались от повиновения руководителям своих монашеских орденов. Инквизиторы получили право являться непосредственно к папе и решать возникшие проблемы и вопросы.

Однако самостоятельно инквизиторы не могли справиться с возложенными на них обязанностями — настолько велики были провинции — отведенные им «наделы». Поэтому им было даровано право назначать себе помощников — эmissаров, которые могли быть приняты на службу или уволены лишь самим инквизитором. Как правило, таких эmissаров, или викариев, как их также называли, инквизиторы посылали в отдаленные уголки подвластных им территорий.

Как мы уже говорили во вступлении, всякому, даже королю, кто препятствовал деятельности инквизитора или подстрекал к этому других, грозило отлучение от Церкви. «Ужасная власть, — отмечает Г. Ч. Ли, — предоставленная таким образом инквизитору, становилась еще более грозной благодаря растяжимости понятия “преступление”, выражавшееся в противодействии ин-

квизиции; это преступление было плохо квалифицировано, но преследовалось оно с неослабной энергией. Если смерть освобождала обвиненных от мщения Церкви, то инквизиция не забывала их, и гнев ее обрушивался на их детей и внуков».

Организационно же инквизиторами и их «отделениями» в разных странах руководили сначала генерал-инквизиторы, которые назначались папой, а впоследствии — различные учреждения Римской курии.

Генерал-инквизиторство было учреждено в середине XIII века папой Урбаном IV (1261—1264), который назначил на эту должность своего доверенного кардинала Каetano Орсини. Последний оказался очень талантливым организатором и прекрасным интриганом, что после кончины папы Урбана IV позволило ему легко занять его место под именем папы Николая III (1277—1280). Орсини, став папой, в свою очередь, назначил генерал-инквизитором своего племянника кардинала Латино Малевранку. Ему он хотел передать в наследство свой «трон», но тут уже возмутились кардиналы, провалившие Малевранку на очередных выборах папы. После смерти последнего пост генерал-инквизитора оставался некоторое время вакантным. Он был занят еще только один раз при Клименте VI (1342—1352). Но поскольку с этим постом были связаны одни неприятности и зависть кардиналов, со временем его упразднили.

Когда возникло протестантство, католической церкви пришлось принимать меры по борьбе и с этой ересью. Поэтому в 1542 году возникло новое учреждение — «Священная конгрегация римской и вселенской инквизиции». «Честь» ее организации принадлежит папе Павлу III.

С течением времени, когда дел стало много, инквизиторам потребовались помощники, и они стали получать их от местных епископов, с которыми и так находились в тесном контакте. Именно местные епископы давали инквизиторам формальное разрешение на проведение арестов, на начало следствия. Они часто присутствовали на пытках и почти всегда — на судебном процессе.

Инквизитор и епископ действовали с общего согла-

сия, и тем не менее каждый из них имел право самостоятельно преследовать виновных. Постановления о взятии под стражу могли быть утверждены лишь одновременно ими обоими. То же самое касалось пыток и окончательного приговора, для каковых заключение обоих было необходимо. Когда же мнения их расходились, они обращались к папе.

Если инквизитор был не в состоянии поехать в соседний город для проведения дознания или по иной надобности, то он отправлял туда назначенного им же самим эмиссара или викария. Последние имели право даже выносить приговоры. Уже в 1248 году Валансьенский собор прямо обязал епископов объявлять и исполнять решения инквизиторов под угрозой, что им будет запрещен вход в их собственные церкви. А уже очень скоро (а именно в 1257 году решением папы Александра IV) епископы перестали иметь «право голоса» — и инквизиторы сосредоточили всю деятельность в своих руках.

В XIV веке инквизиторы стали прибегать к услугам так называемых квалификаторов, которые осуществляли «юридическую поддержку». Как правило, они тоже были церковниками и следили за тем, чтобы судебное производство инквизиции не противоречило по сути существовавшим гражданским законам. Они же помогали в случае затруднения с поиском необходимых церковных актов, уставов, булл и декретов. Как правило, при ознакомлении «юрисконсульта» с делом обвиняемого оригиналы документов никогда не предоставлялись, а изготавливались специальные копии, из которых были со всем тщанием изъяты имена еретика, доносчика, свидетеля и всех сопутствующих конкретных «географических» деталей.

Содержали обвиняемых очень часто в епископской тюрьме, однако с течением времени инквизиция стала строить свои здания судов — чтобы быть совершенно уверенными в надежности охраны узника.

Судебный процесс «обставляли» — прежде всего внешне — в соответствии с существующим гражданским законодательством. К примеру, на суде обязательно был обвинитель (прокурор), также из монашеской среды.

На пытках и во время допросов всегда присутствовал врач, который следил за тем, чтобы обвиняемый или обвиняемая не скончались раньше времени, а также проводил осмотр тела в поисках «ведьминых» отметин или по другой медицинской причине. Ну и, конечно, приговор приводил в исполнение палач.

В карательном приговоре инквизиторы имели прямую материальную заинтересованность. Если первые инквизиторы действовали исключительно из идеологических побуждений, то вскоре им уже полагалось вознаграждение в виде конфискованного имущества. Историки Церкви особо отмечают, что инквизиция никогда не располагала вкладами, пожертвованиями или иными средствами, кроме материальных поступлений в результате собственной деятельности. Тем самым жестокость «Мировой руки» подпитывалась необходимостью зарабатывать на хлеб насущный, а террор был направлен не только на членов гражданского общества, но и на самих себя.

Сохранились документы — своеобразные учебники инквизиторов, один из которых написан Бернаром Ги, свирепствовавшим, в частности, в Лангедоке. Его часто цитируют, поскольку это — квинтэссенция поведения инквизитора, который должен быть «деятелен и энергичен в своем рвении к истинной вере, в деле спасения души и истребления ереси», активен физически и никогда не поддаваться лени. При этом инквизитор никогда не должен гневаться, а, напротив, всегда обязан сохранять спокойствие. Как истинный служитель Церкви инквизитор не должен бояться смерти, а потому не подобает ему отступать перед лишениями и грозящими ему опасностями и напастьми, однако самоубийство — великий грех, а потому не стоит самому искать приключений и безрассудно стремиться навстречу опасностям. Нельзя поддаваться на уловки мирян и склоняться на сторону пришедшего, не выслушав других свидетелей. Рассудительность — одно из основных качеств, которые необходимы инквизитору, поскольку ему часто приходится оказываться в ситуациях, в которых кажущееся на первый взгляд невероятным оказывается впоследствии истиной. А потому инквизитор должен внимательно рас-

следовать дело, не задумываясь о впечатлении, которое он произведет на окружающих, и не ища любви и популярности. Не стоит ему и быть неоправданно жестоким и бесчувственным, отказывая в отсрочках и в смягчении наказания, не имея на то особых оснований. Он всегда должен в первую очередь думать о своем деле.

Бернар Ги дает даже строгие указания о том, каким должно быть выражение лица инквизитора при вынесении приговора: «Когда он выносит смертный приговор, то выражение лица его должно свидетельствовать о сожалении, чтобы не казалось, что он действует под влиянием гнева и жестокости, но приговор его должен оставаться неизменным. Если он накладывает денежное наказание, то лицо его должно сохранять строгое выражение, чтобы не подумали, что он действует из алчности. Пусть в его взгляде проглядывают всегда любовь к правде и милосердие, чтобы не думали, что его решения вынесены под влиянием алчности или жестокости».

«Однако, — пишет И. Григулевич, — было бы ошибочным считать, что свою главную задачу инквизитор видел прежде всего в отправке еретика на костер. Инквизитор в первую очередь добивался превращения еретика из “слуги дьявола” в “раба Господня”. Инквизитор стремился вырвать у еретика раскаяние, отречение от еретических верований, заставить примириться с Церковью. Но чтобы такое превращение действительно произошло и не было бы очередным обманом лукавого, обвиняемый должен был, в доказательство искренности своего раскаяния, выдать своих единоверцев и их друзей и сообщников».

Соотношение веры и неверия — вот основной вопрос инквизиции. Было бы неверно говорить исключительно о корыстных целях представителей католической церкви, которые стремились к конфискации имущества обвиняемых. Скорее всего, многие из них действительно верили, что разоблачают ужасный пакт человека с дьяволом.

Основная задача инквизитора — не налагать наказания, а спасти души несчастных, направив их на путь спасения и подвергнув их наказаниям. Они были пастырями, которые пытались излечить (пусть и жестоко!) своих заблудших духовных детей.

В результате «разоблачения» человек осуждался и ему выносился приговор. Совсем не обязательно это была смертная казнь*. Было бы неправильно говорить о какой-то патологической жестокости инквизиторов. Они искренне верили, что делают всё во благо Церкви и Бога и мешают распространению ереси.

Другой вопрос, что ересь сама по себе была столь страшным преступлением, что очень часто ее нельзя было «замолить» и «отработать» епитимьей. И тогда виновного ждал один путь — на костер.

Чтобы определить главные принципы, которыми должна была руководствоваться инквизиция, в 1243 и 1244 годах в Нарбонне созвали большое собрание епископов Нарбонна, Арля и Экса. В результате были приняты установления — каноны, которые и стали уставом инквизиции.

*Механизм действия инквизиции: процесс
расследования, проведение пыток, суд, вынесение
приговора, осуществление казни*

Инквизиторов назначал папа или делегат апостольского престола. Сообщение об этом назначении немедленно посылалось королю. Тот, в свою очередь, издавал дополнительный королевский указ, который предписывал трибуналам всех тех городов, через которые должен был проехать инквизитор, оказывать ему всяческое содействие. В понятие «содействие» входило: предоставление помещений для проживания инквизитора и производства им расследования, обеспечение всем необходимым для жизни в данном городе или селении, арест людей, подозреваемых в ереси по указанию инквизитора, заточение их в тюрьму, указанную инквизитором, а также исполнение установленного наказания.

Трибуналы были передвижные и стационарные. Стационарные трибуналы находились в крупных городах, в «штаб-квартирах» инквизиции. Но принцип работы и передвижных, и стационарных судов был одинаков.

Передвижные трибуналы появлялись в небольших

* Об ошибочности мифа о смерти миллионов жертв инквизиции см. в главе, посвященной ведовству.

местечках или приходах, где был замечен «всплеск» ереси. К священнику в сопровождении свиты, в которую входили секретарь, два мирянина-помощника и иногда стражники, являлся монах, доминиканец или францисканец. Было бы ошибочным считать инквизиторов глупыми людьми или садистами. Они все были хорошо образованы (по меркам своего времени), чаще всего прекрасными ораторами и — самое главное — искренне верили в свою миссию.

По прибытии в город инквизитора к нему приходил комендант, который поступал в полное его распоряжение. Первым делом он приносил клятву исполнять все приказания инквизитора, направленные против еретиков, а также со всем тщанием производить их розыск и арест. В случае неповиновения комендант, как и другие должностные лица, мог быть не только отлучен от Церкви, но и на определенное время, до снятия с него анафемы, лишен занимаемого места.

За несколько дней до своего появления в городе инквизитор извещал духовные власти о назначении на какой-нибудь ближайший праздничный день «общего собрания», когда он мог обратиться к народу. Такие собрания проводились как в церкви, так и на соборной площади.

Прежде всего инквизитор читал проповедь, призывая заблудших вернуться в лоно Церкви и покаяться, а прочим жителям предписывал явиться к нему в течение шести или десяти дней и сообщить все, что им известно о лицах, виновных или подозреваемых в ереси. Пришедшим на такое «собрание» сразу даровалось отпущение грехов на срок от двадцати до сорока дней (по усмотрению самого инквизитора).

В случае недонесения на еретиков жителям угрожали отлучением.

Также объявлялось, что люди, виновные в ереси и явившиеся добровольно до окончания объявленного срока от двадцати до сорока дней (по некоторым источникам — от пятнадцати до тридцати), получают отпущение и будут подвергнуты лишь легкому церковному наказанию. Закон о такой «милости» был принят в 1235 году.

Раскаявшийся еретик должен был не только покаяться сам, но и указать на тех, кого он также подозревал в ереси и инакомыслии. В случае неявки еретикам угрожал суд по всей строгости закона.

Если же инквизитор получал донос, то первым делом бумагу регистрировали, но не рассматривали до окончания отпущенного срока помилования. Если же «потенциальный» еретик все же уклонялся от явки с добровольным признанием, то по окончании срока к инквизитору вызывался не он, а доносчик, который должен был аргументировать свои показания — прежде всего предъявить доказательства и указать дополнительных свидетелей.

Так велось предварительное следствие. Надо сказать, что все этапы строго документировались и в зале суда всегда был секретарь, который вел записи. Другой вопрос, что он записывал и какие копии дел выдавал осужденным.

После окончания следствия назначалось время ареста обвиняемого, который очень часто и предположить не мог о появлении на него доноса, который, как показывают документы, в большинстве случаев писался ближайшими соседями. Как свидетельствуют историки, инстинкт самосохранения породил множество отвратительных примеров, когда друг доносил на друга, муж доносил на жену и детей, матери — на дочерей, то есть действовал принцип «Самое главное — успеть донести первому, пока не донесли на тебя».

Несчастный обвиняемый попадал в полную изоляцию — с момента ареста он не мог общаться ни с кем из знакомых, да и желающих выразить сочувствие не находилось: все боялись за собственную жизнь. Его помещали либо в епископскую или общественную тюрьму, либо в появившиеся со временем специальные инквизиторские тюрьмы.

После ареста еретика (подозреваемого) представители отправлялись в его дом, где полностью описывали имеющееся имущество. Кроме того, немедленно налагался арест на все движимое и недвижимое имущество семьи. Члены семьи обрекались на нищету и влачили жалкое существование, потому что не было желающих

им помочь. В схожей ситуации оказывались и кредиторы обвиняемого, потому что они теряли свои долговые обязательства. Историки инквизиции описывают случаи, когда жены, дочери и сестры даже самых богатых аристократов после заключения кормильца под стражу вынуждены были заниматься проституцией.

Однако в некоторых странах обвиняемого не арестовывали, а вызывали сразу в суд, где подвергали допросу.

С самого начала возникновения инквизиции одним из основных принципов ее существования была таинственность — прекрасное средство тотального влияния на чужие мозги и психику, иными словами, психологическое оружие, которое помогало запугивать народ, «разделять и властвовать». Таинственность провоцирует возникновение слухов, которые также «давят на психику» и заставляют людей волноваться, то есть рожают страх, который легко может разрушить человеческую жизнь.

Часто обвиняемые проводили несколько месяцев в тюрьмах в полном неведении, и лишь по истечении нескольких месяцев заключения инквизиторы посылали к ним «гонца», который должен был внушить подследственным желание испросить «аудиенцию» у инквизитора, поскольку общим правилом трибуналов было стремление всегда выставить обвиняемого в качестве просителя.

Измотанный томительным ожиданием, обвиняемый, как правило, соглашался и являлся перед судьями. Тогда его допрашивали так, как будто суд не знал, в каких именно преступлениях его обвиняли. Преступление, которое преследовал инквизитор, было духовным, уголовные действия виновных не подлежали его юрисдикции. Простое сомнение считалось ересью.

Для того чтобы получить у подозреваемого признание, его всячески запугивали и запугивали. Часто обвиняемые признавались в том, чего не совершали, сразу же, чтобы избежать мучительного заточения, изнуряющих допросов и невероятных по своей жестокости пыток.

Вот примерный образец допроса, которым рекомендовал руководствоваться инквизитор Бернар Ги:

«Когда приводят еретика на суд, то он принимает самонадеянный вид, как будто он уверен в том, что невинен. Я его спрашиваю, зачем привели его ко мне. С вежливой улыбкой он отвечает, что он ожидает от меня объяснения этого.

Я: “Вас обвиняют в том, что вы еретик, что вы веруете и учите несогласно с верованием и учением святой Церкви”.

Обвиняемый (поднимая глаза к небу с выражением энергичного протеста): “Сударь, вы знаете, что я невинен и что я никогда не исповедовал другой веры, кроме истинной христианской”.

Я: “Вы называете вашу веру христианской потому, что считаете нашу ложной и еретической, но я спрашиваю вас, не принимали ли вы когда-либо других верований, кроме тех, которые считает истинными римская церковь?”

Обвиняемый: “Я верую в то, во что верует римская церковь и чему вы публично поучаете нас”.

Я: “Быть может, в Риме есть несколько отдельных лиц, принадлежащих к вашей секте, которую вы считаете римской церковью. Когда я проповедую, я говорю многое, что у нас общее с вами, например, что есть Бог, и вы веруете в часть того, что я проповедую; но в то же время вы можете быть еретиком, отказываясь верить в другие вещи, которым следует верить”.

Обвиняемый: “Я верую во все то, во что должен верить христианин”.

Я: “Эти хитрости я знаю. Вы думаете, что христианин должен верить в то, во что веруют члены вашей секты. Но мы теряем время в подобных разговорах. Скажите прямо: веруете ли вы в Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святого?”

Обвиняемый: “Верую”.

Я: “Веруете ли вы в Иисуса Христа, родившегося от Пресвятой Девы Марии, страдавшего, воскресшего и восшедшего на небеса?”

Обвиняемый (быстро): “Верую”.

Я: “Веруете ли вы, что за обедней, совершаемой священнослужителями, хлеб и вино божественной силой превращаются в Тело и Кровь Иисуса Христа?”

Обвиняемый: “Да разве я не должен веровать в это?”

Я: “Я вас спрашиваю не о том, должны ли вы веровать, а веруете ли?”

Обвиняемый: “Я верую во все, чему приказываете веровать вы и хорошие ученые люди”.

Я: “Эти хорошие ученые принадлежат к вашей секте; если я согласен с ними, то вы верите мне, если же нет, то не верите”.

Обвиняемый: “Я охотно верую, как вы, если вы поучаете меня тому, что хорошо для меня”.

Я: “Вы считаете в моем учении хорошим для себя то, что в нем согласно с учением ваших ученых. Ну, хорошо, скажите, верите ли вы, что на престоле в алтаре находится тело Господа нашего Иисуса Христа?”

Обвиняемый (резко): “Верую этому”.

Я: “Вы знаете, что там есть тело и что все тела суть тела нашего Господа. Я вас спрашиваю: находящееся там тело есть истинное тело Господа, родившегося от девы, распятого, воскресшего, восшедшего на небеса и т. д.?”

Обвиняемый: “А вы сами верите этому?”

Я: “Вполне”.

Обвиняемый: “Я тоже верую этому”.

Я: “Вы верите, что я верю, но я вас спрашиваю не об этом, а о том, верите ли вы сами этому?”

Обвиняемый: “Если вы хотите перетолковывать все мои слова по-своему, а не понимать их просто и ясно, то я не знаю, как еще говорить. Я человек простой и темный и убедительно прошу вас не придирайтесь к словам”.

Я: “Если вы человек простой, то и отвечайте просто, не виляя в стороны”.

Обвиняемый: “Я готов”.

Я: “Тогда не угодно ли вам поклясться, что вы никогда не учили ничему несогласному с верою, признаваемой нами истинной?”

Обвиняемый (бледнея): “Если я должен дать присягу, то я готов поклясться”.

Я: “Я вас спрашиваю не о том, должны ли вы дать присягу, а о том, хотите ли вы дать ее”.

Обвиняемый: “Если вы приказываете мне дать присягу, то я присягну”.

Я: “Я не принуждаю вас давать присягу, ибо вы, веря, что клясться запрещено, свалите грех на меня, который принудил бы вас к нему; но если вы желаете присягнуть, то я приму вашу присягу”.

Обвиняемый: “Для чего же я буду присягать, раз вы не приказываете этого?”

Я: “Для того, чтобы снять с себя подозрение в ереси”.

Обвиняемый: “Без вашей помощи я не знаю, как приступить к этому”.

Я: “Если бы мне пришлось приносить присягу, то я поднял бы руку, сложил бы пальцы и сказал: ‘Бог мне свидетель, что я никогда не следовал ереси, никогда не верил тому, что несогласно с истинной верой’ ”.

Тогда он бормочет, как будто не может повторить слов, и делает вид, что говорит от имени другого лица так, что не принося настоящей присяги, он в то же время хочет показать, что дает ее. В других случаях он обращает присягу в своего рода молитву, например: “Да будет мне свидетелем Бог, что я не еретик”.

И если его после этого спрашивают: “Поклялись ли вы?”, то он отвечает: “Разве вы не слушали?”.

Признание сопровождалось всегда изъявлением обращения и раскаяния. Инквизиция считала выдачу единомышленников доказательством чистосердечного обращения. Отказ кающегося еретика выдать своих друзей и близких принимался как доказательство того, что он не раскаялся, и его немедленно выдавали в руки светской власти.

Обвиняемому назначался адвокат, которого, однако, тот мог видеть лишь в присутствии инквизиторов. Да и сам адвокат был вовсе не адвокатом с современной точки зрения — он мог не защищать своего «клиента», а исключительно убеждать его признать свою вину.

Не видел обвиняемый и свидетельствующих против него, ибо их никогда не вызывали на очную ставку. В качестве свидетелей признавались даже еретики, которые оговаривали своих знакомых и малознакомых людей уже в состоянии помрачения рассудка. Даже пересказанные свидетелями слухи считались достоверными, если они были сообщены двумя свидетелями. Показания двух таких «сплетников» приравнивались к

показаниям «настоящего» свидетеля, который что-либо слышал собственными ушами или видел собственными глазами.

Показаний одного свидетеля было достаточно для признания вины подсудимого. При этом имя свидетеля еретика не сообщалось, поэтому он не мог опровергнуть его показания, ведь отвести свидетеля можно было только на основе сильной личной вражды. Для проформы у обвиняемого спрашивали, кто его враги. Как правило, названные люди не были свидетелями обвинения.

Когда у несчастного наконец было вырвано признание в ереси, его вновь «присоединяли» к Церкви, от которой отлучили сразу по аресту, и подвергали церковной каре. По прошествии времени, после отбытия наказания человек присоединялся к Церкви, анафема с него снималась. Однако если оказывалось, что осужденный вновь был замечен в том или ином проявлении ереси, то его ждало жесточайшее наказание: Церковь никогда не прощала дважды. Когда несчастный еретик становился рецидивистом, тщетны оказывались его попытки выражать готовность к покаянию — ему нельзя было избежать смертной казни. Единственная милость, которую ему оказывали, заключалась в том, что его не подвергали мучениям костра: после исповеди и причастия его душил палач, и сжигали его уже после смерти.

Довольно часто практиковались подсаживания «шпионов» к заключенным. К ним в камеру присылали агентов или просто уже обращенных еретиков. Такие люди пытались разговорить несчастного, а за дверью камеры скрывались свидетели и нотариус, которые подслушивали и фиксировали все слова жертвы.

Инквизитор последовательно применял все приемы, которые могли дать ему победу над несчастным, в том числе увеличение сроков следствия, когда между первым и вторым допросом могли проходить не только недели и месяцы, но даже десятки лет. Не стоит говорить, как мучительно было переживать такую «безвыходную» неизвестность. Не брезговали инквизиторы и ужесточением условий жизни узника: лишением постели и еды; сажанием на цепь в сырой яме.

Для получения признания инквизиция прибегала к пыткам, однако при наличии достаточного количества убедительных свидетельств суд мог вынести приговор и без признания подсудимого.

Разрешение производить пытки с целью раскрытия ереси было даровано инквизиторам в 1252 году папой Иннокентием IV (где пытка скрывалась под словами «умаление членов»), однако он запретил заниматься «грязным» делом самим инквизиторам и повелел им привлекать к этому гражданских лиц, то есть светскую власть. Церковные каноны запрещали лицам духовного звания даже присутствовать при пытке. В 1256 году папа Александр IV дал инквизиторам и их помощникам право отпускать друг другу грехи за «неправильности»: отныне непосредственно сам инквизитор и его помощники могли подвергать подозреваемого пытке. Однако пытка не должна быть излишне жестокой, и при ней ни в коем случае не рекомендовалось «проливать кровь». Особо надо отметить, что пытки с особенным рвением применялись в Испании, а вот первые инквизиторы относились к ним «с внутренним отвращением» и старались не прибегать к грубой силе.

В своих приговорах раскаявшимся осужденным инквизиторы назначали разные штрафы и персональные наказания, величина и продолжительность которых колебались в зависимости от обстоятельств и характера процесса: таковы были полная или частичная конфискация имущества, бессрочное или временное тюремное заключение; ссылка или изгнание; лишение чести, должностей, почестей и звания и права на таковые претендовать; наконец, все наказания, предусмотренные декретами Святейшего престола и соборов или же гражданскими законами.

Чаще всего накладывали епитимью.

Епитимья — слово греческое и означает «запрет». Это — благочестивые упражнения и лишения. Как, например, пост сверх назначенного для всех, ежедневное хождение в храм ко всем церковным службам, молитва домашняя, с определенным числом поклонов, раздача милостыни, путешествие к святым местам, отлучение от святого причащения на большее или меньшее вре-

мя. Епитимья имеет целью отучить грешника от дурных привычек. Так, ленивому молиться назначается молитва с определенным числом поклонов, скупому — раздача денег, неводерженному — пост и т. п.

При этом малейшее несоблюдение епитимий грозило жертве инквизиции новым арестом и еще более суровыми наказаниями. Такие епитимьи превращались в подлинные «подвиги благочестия» и не только морально терзали наказуемого, но и приводили его и его семью к полному разорению.

Отличительной чертой инквизиторского суда было то, что для него не существовало других смягчающих вину обстоятельств, кроме как полного подчинения обвиняемого воле его палачей. Нарбоннский собор в 1244 году указал инквизиторам, что они не должны мужа щадить ради жены, жену — ради мужа, отца — ради детей, единственным кормильцем которых он был; ни возраст, ни болезнь не должны были влиять на смягчение приговора.

Не только сами осужденные не могли вызвать у ревностных служителей Церкви сострадания, но и члены их семей, а также дети, поэтому в некоторых случаях наказание накладывалось на несколько поколений вперед. Иногда членов семьи лишали и всех гражданских прав.

В XIII веке, сразу после официального учреждения инквизиции, жертвы в принудительном порядке отправлялись в Крестовые походы, поскольку идея Крестовых походов постепенно становилась все менее и менее популярной. Но вскоре от этого отказались — чтобы не «разлагать» крестоносцев и не вносить смуту в их души.

Кроме того, иногда инквизиция постановляла, что осужденный должен носить отличительные знаки, часто — в течение всей жизни. И как тут не вспомнить фашистов и их стремление отметить «звездой» представителей еврейского народа! Впервые такие покаянные одежды, известные в Испании под названием «*san benito*», были придуманы святым Домиником в 1208 году. Первоначально они представляли одежду из холста с нашивками красно-оранжевого цвета в форме креста. Позже в Испании на осужденного стали надевать жел-

тую рубашку без рукавов с нашитыми на ней изображениями чертей и огненных языков из красной материи, на голову его нахлобучивали шутовской колпак. Осужденный с такими нашивками становился изгоем, парией — на всю жизнь.

Вот как сам Доминик описывал наказания инквизиции в письме, адресованном братьям-монахам:

«Всем верным христианам, которые ознакомятся с данным посланием, от брата Доминика каноника из Осмы, ничтожнейшего из проповедников, привет во Христе Иисусе. В силу власти, данной Святейшему апостольскому престолу (который мы призваны представлять), мы примирили с Церковью подателя сего послания, Понтия Роже, который, милостью Божией, отказался от секты еретиков, и приказали ему (после данной им клятвы исполнить наши приказания) добровольно дать священнику три воскресенья подряд провести себя в оголенном виде от городских ворот до дверей храма, избивая его при этом плетьюми. Мы также повелеваем ему, в виде наказания, не есть ни мяса, ни яиц; ни творогу и никаких других продуктов животного царства, и это в течение всей его жизни, за исключением праздников Пасхи, Троицы и Рождества Христова, в каковые дни мы приказываем ему есть всё в знак отвращения к его прежней ереси; поститься три раза в году, не употребляя в это время рыбы, оливкового масла и вина, и так до конца своей жизни, исключая время болезни и тяжелых полевых работ; носить духовную одежду как по крою, так и по цвету, с нашитыми по обе стороны груди крестами; ежедневно, если имеет возможность, бывать у обедни и присутствовать при всенощной накануне воскресных и праздничных дней; знать наизусть все дневные и ночные богослужения, читать “Отче наш” семь раз днем, десять раз вечером и двадцать раз ночью; жить в чистоте и относить раз в месяц данное послание кюре его прихода в Серери, которому мы повелеваем наблюдать за поведением Роже, обязанного выполнять все предписанное до тех пор, пока господин легат не известит нас о своей дальнейшей воле: а если вышеназванный Понтий от чего-нибудь отступит, мы повелеваем его считать клятвенно-

преступником, еретиком и отлученным от Церкви и разлученным с обществом верных и т. д.».

Однако не всем жертвам удавалось выжить в застенках инквизиции.

Если пытки не помогали, еретик упорствовал и отказывался признать себя виновным, его с соответствующими сопроводительными бумагами передавали в руки светским властям, поскольку только гражданский суд мог продолжать расследование и выносить приговор. Копия дела выдавалась в этом случае и самому обвиняемому, однако в ней бывали чаще всего искажены обстоятельства дела, а также вычеркнуты имена свидетелей и доносчика. Также еретик мог обжаловать решение инквизиторского суда и подать жалобу папе, но, как правило, папа отклонял такие кассации, поскольку обвиняемый продолжал сидеть в тюрьме, а вот инквизитор всегда имел возможность приехать в Ватикан и лично разъяснить свои действия.

Когда инквизиция принимала окончательное решение в отношении упорствующего еретика, она отрекалась от него, отпускала его «на волю», что вовсе не означало освобождения, а было началом смертного пути. Несчастного передавали светским властям, повелевая им «наказать еретика по заслугам», то есть предать его смерти.

В некоторых странах передача осужденного в руки гражданской власти происходила уже на эшафоте, непосредственно перед смертью. О процедуре оглашения приговора — собственно аутодафе — и самой казни мы будем рассказывать в главе, посвященной испанской инквизиции, поскольку именно с Испанией и связано это страшное действо.

Сейчас же лишь подведем итоги и скажем, что с введением инквизиции впервые в истории был запущен официальный отлаженный механизм уничтожения людей, включавший в себя весь процесс расследования, суда, вынесения приговора, проведения пыток и казни. А уж затем этот печальный опыт был использован диктаторами во многих странах мира, в том числе и в нашей...

САМЫЕ ИЗВЕСТНЫЕ ЖЕРТВЫ ИНКВИЗИЦИИ

Инквизиция, как мы уже говорили, была, по сути дела, разведывательным и карательным органом католицизма. Она обладала всем, что нужно для организации борьбы с ересью, ведь главной ее целью и была эта борьба. Инквизиция быстро разработала способы разведки и распознавания ереси во всех ее мельчайших проявлениях, дабы безошибочно и безжалостно отличать «волка в овечьей шкуре» и уметь изобличить грешника, как бы он ни прикидывался невиновным.

Двумя формами отступничества от истинной веры, по мнению инквизиции, были колдовство и ересь. Ересь — это отклонение от догмата, а колдовство, или дьяволизм, — служение дьяволу. И то и другое одинаково подлежало искоренению.

От преследования «ревнителей веры» не мог быть застрахован ни один человек, какое бы положение в Церкви или государстве он ни занимал. Ниже мы и расскажем о самых известных, с нашей точки зрения, жертвах инквизиции. Естественно, что этот «список» очень субъективен.

Святая орлеанская колдунья

Одной из служительниц дьявола, колдуньей и святой была Жанна д'Арк (1412—1431), национальная героиня Франции, возглавившая борьбу своей страны с Англией

и возведшая на французский трон наследника престола принца Карла.

Колдунья и святая? Именно так.

В 1431 году инквизицией в Руане Жанна была сожжена на костре по обвинению в волшебстве и ереси, а в 1456 году — всего через 25 лет после мучительной смерти — по ходатайству короля Карла VII, которого она возвела на престол и который пальцем не пошевелил для ее спасения, процесс Жанны был пересмотрен, и папа Каликст III признал несчастную девушку невиновной.

В 1928 году она была канонизирована как защитница Франции и сейчас даже считается покровительницей телеграфа и радио. В ее честь в стране учрежден национальный праздник, который отмечается каждое второе воскресенье мая.

Как все начиналось и что мы знаем о Жанне?

Жанна родилась в семье бедного крестьянина в деревне Домреми, затерявшейся на границе Шампани и Лотарингии. С раннего детства Жанну отличали глубокая набожность, прилежание и отменное трудолюбие.

В 13 лет ей стали слышаться голоса и являться в видениях святой Михаил и святые Екатерина и Маргарита. Святая Маргарита была изображена в часовне родной деревушки Жанны в мужской одежде и с мечом. Именно так будет одеваться и сама Жанна. Святые призывали ее идти к наследнику престола и убеждать его напасть на осадивших Орлеан англичан.

В то время на французскую корону, кроме наследного принца Карла, претендовали англичане. Начало ссорам между Англией и Францией положил когда-то Генрих Плантагенет, получивший почти половину французских земель в приданое за своей женой Элеонорой Аквитанской. Во времена принца Карла старые распри вспыхнули с новой силой и привели к войне, которая продлилась с небольшими перерывами сто лет и вошла в историю под названием Столетней войны.

Среди крестьян, которые были очень религиозны, существовало мнение, что Бог не допустит подчинения Франции ненавистным англичанам и чудесным образом спасет страну от чужеземцев. Мечтательная и впе-

чатливая Жанна целые дни проводила в молитвах и просила Господа спасти ее родину. Первый раз попытку избавить Францию от захватчиков по велению голосов святых Жанна предприняла в 1428 году, когда пришла к коменданту города Вакулера, в которой собрались преданные наследнику силы, и умоляла охрану пропустить ее к Карлу. Но девушку никто не стал слушать.

Неудача не смутила Жанну. Она вернулась домой и стала рассказывать землякам о возложенной на нее Богом миссии, о видениях и о своем святом долге изгнать англичан из страны. Жанне стали верить, и в 1429 году она повторила попытку поговорить с комендантом Вакулера. Комендант не счел рассказы девушки заслуживающими внимания, но двое рыцарей доставили Жанну к дофину в замок Шинон.

На этот раз ей удалось убедить советников Карла VII доверить ей армию. Как раз перед появлением девушки при дворе стало известно пророчество, которое гласило, что Бог пошлет Франции спасительницу в образе юной девственницы. Когда явилась Жанна, ей устроили допрос с пристрастием и пригласили на совет священников и богословов. После беседы с Жанной они пришли к выводу, что ею руководят высшие силы. А специальная комиссия из придворных дам во главе с тещей дофина удостоверилась, что Жанна является девственницей.

Легенда гласит, что Жанну подвергли испытанию — действительно ли она обладает даром прорицания и откровения. Для этого, когда она первый раз явилась к наследнику престола, во время торжественной встречи Жанны на трон посадили не Карла, а подставное лицо. Дофин же смешался с толпой придворных. Но Жанна, которая никогда ранее принца Карла не видела, узнала его в толпе придворных и преклонила перед ним колени. Кроме того, согласно легенде, Жанна во время той встречи прочла тайные мысли Карла, который сомневался в законности своих прав на престол, и сказала ему: «Перестаньте мучиться, ибо вы имеете законное право на трон». После этих знамений дофин уверовал в Жанну.

Вдохновленные новой святой войска сняли осаду с

города Орлеана, что обеспечило перелом в ходе войны, а Жанну народ наградил почетным титулом Орлеанской девы. В белых рыцарских доспехах, верхом на белом скакуне Жанна была действительно похожа на ангела, посланца Божьего.

Согласно легенде, перед выступлением войск к Орлеану Жанна вновь продемонстрировала свои провидческие способности. Она попросила дофина послать гонца в церковь Святой Екатерины в Фьербоа за мечом, который хранился за алтарем. Гонец действительно обнаружил за алтарем в земле заржавленный меч, который и привез Жанне. Одна из хроник того времени заявляет, что Жанна никогда в Фьербоа не бывала.

Орлеанская дева настояла на походе Карла в Реймс для проведения коронации и миропомазания, что утвердило государственную независимость Франции. Хотя, по мнению советников принца Карла, взять Реймс было невозможно, вера в святость Жанны и избранность ее Богом воодушевили войска. Жанна бросила клич: «Кто верит в меня — за мной!» И под ее знамена стал стекаться народ.

Соотечественники боготворили Жанну и переносили на нее черты Пресвятой Девы Марии, целомудрием спасающей от бед родную Францию.

Но если французы считали Жанну святой, то англичане уверяли, что она ведьма, и в страхе бежали с поля боя. Последние утверждали, что простая крестьянка не может вести себя на поле боя, как истинный воин и опытный военачальник. Примеров ее мужества и полководческих способностей было множество. В разработке планов сражений и расположения войск она выказывала полное понимание дела, всегда первой являлась на место битвы, действовала разумно и осторожно.

Надеясь освободить Париж, Жанна повела отряд в Компьен, где в 1430 году попала в плен к союзникам англичан и была передана в руки епископа города Бове. Англичане, чтобы оправдать свои поражения, обвинили Жанну в связи с дьяволом и отдали ее в руки инквизиции.

На предварительном слушании дела Жанна держалась с поразительным самообладанием. Следствие под-

вергло ее унизительному осмотру и удостоверилось в том, что д'Арк по-прежнему девственна. Это заключение поставило под сомнение обвинение инквизиции в колдовстве Жанны, ибо, по представлениям того времени, каждая ведьма просто была обязана совокупляться с сатаной.

Однако возглавлявший следствие епископ Кошон из Бове не собирался отступать. И последовали изматывающие допросы, на которых Жанна подтвердила, что ей являлись трое святых, которых она видела, обнимала и даже целовала. Попытки к Жанне не применялись, чтобы исключить самооговор.

Начался процесс, на котором Орлеанской деве было предъявлено обвинение по семидесяти пунктам, среди которых были колдовство, ворожба, вызывание духов и знахарство, кладоискательство, лжепророчество, а также ересь.

Обвинение в колдовстве не было доказано, и пункты, касающиеся ведовства, отпали. Обвинение сократилось до двенадцати статей. Самыми серьезными были обвинения в ереси, ношении мужской одежды, непослушании Церкви и способности видеть призраки.

После оглашения доказанных инквизицией обвинений Жанна отказалась покаяться в грехах, но, когда ее объявили еретичкой, она испугалась, что будет передана в руки англичан, заочно приговоривших ее к сожжению, и приняла решение покаяться. Жанна подписала документы, в которых отрекалась от своих ранних показаний и признавала, что все ее видения были дьявольским наваждением. Она поклялась вернуться в лоно истинной церкви и никогда больше ей не прекословить.

За отречение от своих идеалов Жанне заменили сожжение на костре пожизненным заключением. Но в темнице она снова слышала голос святых, которые упрекали ее в предательстве и отступничестве от Бога. Якобы по их приказанию Жанна вновь облачилась в мужской костюм, который сняла после подписания отречения. Однако некоторые историки утверждают, что причиной «обратного переодевания» были вовсе не голоса, а коварство тюремщиков-инквизиторов, же-

лавших погубить Жанну и отобравших у нее женское платье.

Но так или иначе 28 мая 1431 года Орлеанскую деву объявили упорствующей еретичкой, отлучили от Церкви и 30 мая передали английским властям. В тот же день на площади Руана она была привязана к столбу и сожжена.

Казнь Жанны привела в трепет всех, кто находился на площади, даже ее палача. Последний утверждал, будто нашел на пепелище ее сердце, так и не сгоревшее в пламени костра инквизиции.

Такова в кратком пересказе трагическая история Золушки из Домреми, которая на короткое время стала властительницей умов, а потом была предана и сожжена. Однако в этой истории есть много «темных» мест. Прежде всего — что за голоса слышала Жанна? И в чем была сила воздействия простой необразованной крестьянки на французский народ? Неужели только вера в свое призвание? Вряд ли, ибо вера народа в Жанну быстро бы умерла, если бы люди не видели реальных результатов ее деятельности. С другой стороны, если бы не было почвы, на которой выросли семена, посеянные Орлеанской девой, едва ли Жанна д'Арк совершила бы свой подвиг. Для него было много благоприятных условий, в том числе и склонность девы к галлюцинациям, и определенный дар предвидения.

Знаменитый русский психиатр П. И. Ковалевский писал о том, что у Жанны были настоящие галлюцинации, первую из которых она видела в возрасте двенадцати лет. В видениях ей являлись архистратиг Михаил и святые Маргарита и Екатерина в том самом виде, в котором были изображены в церкви Домреми на иконах.

Историки говорят, что родители знали о голосах, которые слышала их дочь. По словам ее матери, когда Жанне исполнилось 15 лет, отец девочки видел сон, в котором ему открылось, что его дочь пойдет во Францию с вооруженными людьми. С тех пор Жанна была твердо убеждена, что действует по соизволению Божию.

Жанна утверждала, что голоса она слышала лишь во время колокольного звона, и психиатры делают из это-

го вывод, что звуки колоколов преобразовывались в слуховые галлюцинации лишь благодаря ее собственной религиозной и патриотической экзальтированности и необыкновенному воображению. В основе галлюцинаций лежали мистическое настроение Жанны, недостаточное образование, твердая вера в предрассудки, предания и суеверия, общее политическое положение страны, настроения общества, крайне беспокойная жизнь как всей Франции, так и отдельных личностей в этой стране и искреннее желание девушки осуществить свою мечту и спасти Родину.

Жанна искренне верила в действительность видений и была верна им до самой своей гибели, потому что это совпадало с ее глубокой верой в Бога и Пресвятую Деву Марию, с ее беспредельной любовью к Отечеству, верноподданническими чувствами к королю и желанием помочь стране. Неудивительно, что она смело шла и в бой, и на костер, ибо все она делала по воле Божией.

Историки отмечают, что в легенде о Жанне д'Арк трудно отделить правду от вымысла. Это, например, касается дара предвидения. Но как бы то ни было, Жанна д'Арк вошла в историю под именем Орлеанской девы — народной героини Франции, стала символом всепобеждающей веры и самоотверженности.

Однако с именем Жанны связан еще и целый ряд легенд, которые предлагают альтернативные версии происхождения, жизни, смерти, а также чудесного спасения Жанны д'Арк. Некоторые из них современной академической наукой решительно отменяются, а к некоторым наука относится с настороженным интересом.

Николай Коперник и Джордано Бруно

Николай Коперник (1473—1543) — польский астроном и мыслитель, врач и изобретатель. Он родился в маленьком городке Торуни на берегах реки Вислы в семье купца. В возрасте десяти лет мальчик лишился отца и стал воспитываться у дяди — каноника Луки Ватцельрода (Ватценроде), который дал племяннику прекрасное воспитание.

Коперник учился в Краковском университете, извест-

ном своими преподавателями, а потом заканчивал образование в итальянских университетах Болоньи и Падуи. Затем он вернулся в Польшу, несколько лет работал секретарем и помощником у своего дяди, к тому времени ставшему епископом, а после его смерти поселился в городе Фромброк, где, благодаря стараниям дяди, уже давно числился каноником и где в одной из башен костела оборудовал себе астрономическую лабораторию. Инструменты для своих наблюдений Коперник изготавливал сам.

Начал он с попыток усовершенствовать канонизированную Церковью геоцентрическую систему мира, изложенную в «Альмагесте» Птолемея. В те времена считалось, что в центре мира находится Земля, а вокруг нее движутся Солнце, звезды и планеты. Такую систему называли геоцентрической — от греческого слова «гея» — «земля». Постепенно же Коперник пришел к созданию новой гелиоцентрической системы мира, согласно которой Солнце, а не Земля, занимает центральное положение, Земля же является одной из планет, обращающихся вокруг своей оси и вокруг Солнца. Учение было названо гелиоцентрическим от греческого слова «гелиос» — «солнце».

Свою теорию Коперник изложил в книге «Об обращении небесных сфер», которую не спешил издавать, ибо знал, что непременно подвергнется преследованию инквизиции. Церковь считала, что неопровержимым доказательством геоцентрической системы мира является Библия, в которой сказано, что Солнце движется вокруг Земли. Но еще более неопровержимыми оказались расчеты Коперника.

Труд ученого вышел «в свет», как мы теперь говорим, практически в день его смерти, по некоторым данным — за несколько месяцев до смерти. Однако Коперник не смог его увидеть, потому что находился в коме. Изложенное в книге учение Коперника устраняло противоположность земного и небесного, законы природы оказались едиными для всей Вселенной в целом и Земли в частности.

Теория Коперника рассматривалась католической церковью как ересь, и именно поэтому в 1616 году его

книга «Об обращении небесных сфер», опубликованная в 1543 году, была внесена в «Индекс запрещенных книг» и оставалась под запретом до 1828 года.

Почему же инквизиторы запретили книгу Коперника через 73 года после ее появления? Это произошло благодаря издателю и богослову Осиандеру, который в предисловии к ней написал, что теория Коперника — не новое объяснение устройства Вселенной, а всего лишь способ более простого и удобного расчета путей движения планет. Невежественные монахи не смогли разобраться в сложных расчетах Коперника и не сразу запретили книгу, положившую основу новым представлениям о мире.

Кроме того, необходимо отметить, что резко отрицательное отношение к новой теории у католической церкви сложилось не вдруг. В начале Реформации католическое духовенство старалось поддерживать все, против чего ополчались лидеры протестантизма. Так, Мартин Лютер выступил с резкой критикой астрономической теории Коперника, а вот папа Климент VII одобрил гелиоцентрическую концепцию, о которой ему поведал один из кардиналов. Однако уже с начала XVII века все идеи Коперника стали считать одними из самых опасных ересей.

На памятнике Копернику в его родном городе Торуни благодарные потомки написали: «Остановивший Солнце, двинувший Землю».

Что же такое «Индекс запрещенных книг»?

Так называется издававшийся Ватиканом в 1559—1966 годах список произведений, чтение которых запрещалось верующим под угрозой отлучения от Церкви. Издание таких списков являлось одним из способов борьбы католической церкви с антикатолическими воззрениями, с научным и социальным прогрессом.

В «Индекс запрещенных книг» включались тысячи названий, среди которых находились произведения великих писателей, ученых и мыслителей: «Божественная комедия» и «Монархия» Данте, книги О. де Бальзака, Ж. П. Сартра, Абеяра, Спинозы, Канта и многих других. Не повезло и труду Коперника.

Сторонником его гелиоцентрической системы был

Джордано Филиппо Бруно (1548—1600), итальянский философ и мыслитель, выступивший с учением о единстве и материальности Вселенной.

Бруно родился в семье бедного солдата и в 17 лет постригся в монахи. Однако пробыл Бруно в монастыре всего десять лет, ибо ему пришлось бежать оттуда, опасаясь преследований за свои представления о строении Вселенной и суда инквизиции.

Долгие годы он провел вдали от родины, жил в Праге, Лондоне и Париже, где читал лекции и участвовал в научных диспутах. Он стал популяризатором идей Коперника и повсеместно рассказывал о них.

Однако Бруно пошел дальше своего учителя. Он развил представления о гелиоцентрической системе и выдвинул положение о множественности обитаемых миров.

Но инквизиция преследовала Бруно не только за научные взгляды. Ученый решительно отвергал представления о загробной жизни, а в религии Бруно видел силу, порождавшую войны, раздор и пороки в обществе. Он подвергал критике религиозную картину мира и большую часть христианских догматов, отрицал наличие Бога, Творца мира. Такое католическая церковь простить ему не могла.

В 1591 году Бруно принял приглашение на работу от богатого венецианца Джованни Мочениго и переехал в Венецию. Однако вскоре Бруно и Мочениго поссорились. Надо сказать, что Бруно вообще обладал удивительной способностью наживать себе врагов, прямо говоря в лицо людям, что они глупцы. 23 мая 1592 года Мочениго направил венецианскому инквизитору свой первый донос на Бруно, в котором писал:

«Я, Джованни Мочениго, доношу по долгу совести и по приказанию духовника о том, что много раз слышал от Джордано Бруно, когда беседовал с ним в своем доме, что мир вечен и существуют бесконечные миры... что Христос совершал мнимые чудеса и был магом, что Христос умирал не по доброй воле и, насколько мог, старался избежать смерти; что возмездия за грехи не существует; что души, сотворенные природой, переходят из одного живого существа в другое. Он рассказывал о

своем намерении стать основателем новой секты под названием “новая философия”. Он говорил, что Дева Мария не могла родить; монахи позорят мир; что все они — ослы; что у нас нет доказательств, имеет ли наша вера заслуги перед Богом».

Если Бруно действительно говорил такие вещи, то неудивительно, что после повторных доносов 25 и 26 мая он был брошен в тюрьму. Однако венецианским инквизиторам Бруно оказался не по зубам, и переубедить его им не удалось. В 1593 году философа перевели в Рим. В течение семи лет инквизиция безуспешно пыталась заставить его отречься от своего учения. И это лишний раз говорит о том, что многие мифы о «Мировой руке» — действительно мифы. Не проще ли было просто убить Бруно без суда и следствия. Но дело тянулось семь лет, велись бесконечные диспуты и допросы, и только когда все средства были исчерпаны, 17 февраля 1600 года Бруно предали сожжению, но не как еретика, а по формальному поводу — как нарушителя монашеского обета. Хотя поводов для объявления беглого монаха в ереси было предостаточно: он вслед за Николаем Кузанским сделал ряд поистине революционных научных догадок, опередивших эпоху и обоснованных лишь последующими астрономическими открытиями: о бесконечности Вселенной, о том, что звезды — это далекие солнца, о существовании неизвестных в его время планет в пределах нашей Солнечной системы, о том, что во Вселенной существует бесчисленное количество тел, подобных нашему Солнцу. Бруно отвергал средневековые представления о противоположности между Землей и небом. Он один из первых предположил возможность жизни на других планетах, обитаемость других миров.

Во время объявления приговора Бруно, славившийся своим красноречием, подобно Сократу, заявил судьям, что им приходится с большим страхом объявлять ему приговор, чем ему его выслушивать. Известно, что его привели на место казни с кляпом во рту, чтобы лишить возможности в последний раз смутить умы присутствовавших на казни, привязали к столбу, что находился в центре костра, железной цепью и притянули

мокрой веревкой, которая под действием огня стягивалась и врезалась в тело. Бруно сожгли на костре в Риме на площади Цветов. Взойдя на эшафот, Бруно сказал: «Сжечь — не значит опровергнуть! Грядущие века меня оценят и поймут!»

Ученый оказался прав и на этот раз: в XIX веке на месте казни Бруно был поставлен памятник — человечество действительно по достоинству оценило труды великого мыслителя. Однако даже спустя 400 лет глава католической церкви отказывался рассмотреть вопрос о его реабилитации*.

Плагатор Галилей

В любой энциклопедии вы прочтете, что Галилео Галилей был итальянским ученым, одним из основоположников экспериментально-математического метода в естествознании. Он сделал ряд важных научных открытий в области механики и астрономии. Открытия Галилея подтвердили истинность гелиоцентрической теории Коперника и идею бесконечности Вселенной, физическую однородность земных и небесных тел, существование объективных законов природы и возможность их познания. После выхода в свет в 1632 году сочинения Галилея «Диалог о двух главнейших системах мира — птолемеевой и коперниковой» ученый был подвергнут суду инквизиции и был вынужден отречься от своих взглядов. Однако отречение носило формальный характер.

В 1979 году папа Иоанн Павел II признал, что Галилео Галилей (1564—1642) был незаслуженно осужден Церковью, и дело ученого было пересмотрено.

Таковы сухие факты. Но как дело обстояло в действительности? Можем ли мы восстановить истину и по-

* «Папа Иоанн Павел со мной говорил по-русски. Он сказал мне, что мое предложение реабилитации Джордано Бруно принять нельзя, так как Бруно в отличие от Галилея осужден за неверное теологическое утверждение, будто его учение о множественности обитаемых миров не противоречит Священному Писанию. “Вот, дескать, найдите инопланетян — тогда теория Бруно будет подтверждена и вопрос о реабилитации можно будет обсудить”» (из интервью с академиком Владимиром Арнольдом // Независимая газета. 2001. 27 декабря).

нять, почему инквизиция не сожгла Галилея на костре, как многих других ученых Средних веков?

В своей книге «Занимательная физика. О чем умолчали учебники» Н. В. Гулиа убедительно доказывает, что Галилей удивительно быстро нашел общий язык с инквизицией. В опубликованных ныне допросах инквизиционного суда написано, что Галилея только «увещевали», а он довольно быстро согласился с этими «увещаниями».

Правда о взаимоотношениях Галилея с инквизицией и папой Павлом V, который обещал ученому свое покровительство, была установлена в результате анализов документов с помощью рентгена, ультрафиолетового излучения и даже специальной графологической экспертизы в 1933 году. Было выяснено, что документы неоднократно исправлялись, подчищались и фальсифицировались. Истина для почитателей Галилея оказалась нерадостной — ученый никогда не отстаивал своих взглядов и быстро отрекся от того, от чего ему предложила отречься инквизиция.

Кроме того, в XX веке выяснилось, что Галилей присвоил себе изобретение голландского ученого Иоганна Липпершея, который придумал и запатентовал подзорную трубу. Как это случилось? Очень просто. Голландец запатентовал свою трубу в 1608 году, а в 1609 году Галилей «изобрел» свой телескоп и предоставил его в распоряжение венецианского правительства, которое за это пожизненно закрепило за ним кафедру в университете и назначило огромное по тем временам жалованье.

Оказалось, что плагиат — кража интеллектуальной собственности — существовал и в те далекие времена.

Данте Алигьери

А вот великий писатель, итальянский поэт Данте Алигьери (1265—1321), был истинным борцом за свои убеждения.

Все знают его «Божественную комедию» — поэму, которая занимает одно из главных мест в истории мировой литературы. Поэма написана от первого лица. Ее герой — сам Данте — странствует по кругам ада, чисти-

лищу и раю, общается с душами умерших, однако неземное зачастую оказывается неотделимо от мира реального.

Данте был католиком, верил в Бога и чтил высшее правосудие, обрекавшее грешников на мучения в аду. Но как истинный гуманист он не мог согласиться с некоторыми очень жестокими приговорами Господа, ведь в преисподней часто оказываются души людей достойных и глубоко несчастных. Так, Данте жалеет обжор и язычников, прорицателей и самоубийц. Иногда сострадание его так велико, что он не может сдержать слез. Особенно трогает Данте судьба несчастной Франчески да Римини, попавшей в ад из-за любви.

Естественно, что подобное осуждение Божественной воли не могло не раздражать инквизицию, которая выражала недовольство «Божественной комедией» еще и потому, что догмат о чистилище был введен и утвержден католической церковью намного позже создания поэмы. Описание путешествия Данте по чистилищу уже являлось чистой воды ересью. Поэтому нет ничего удивительного в том, что его поэма была немедленно запрещена католической цензурой.

Данте был неуютен католической церкви и тем, что всегда являлся активным борцом с римским папой и принимал участие в политической борьбе во Флоренции. За противодействие пропапской политике правительства города он был вынужден бежать в 1302 году из Италии и до конца своих дней прожил в изгнании.

В трактате «Монархия» Данте отстаивал идею светской всемирной империи, призванной положить конец политическим распрям, алчности и насилию. Папе римскому в ней отводилась не роль всемирного диктатора, каким он хотел быть, а лишь духовного руководителя. В XVI веке «Монархия» была внесена инквизицией в «Индекс запрещенных книг».

Трактат был очень актуален во времена Данте, когда итальянские города отстаивали свою независимость в борьбе с папой и немецким императором и превратились в богатые города-республики. Но внутри каждой такой республики не прекращались распри и борьба между горожанами, которые делились на «жирный на-

род» — богатых и «тощий народ» — бедных ремесленников. Знатные роды тоже враждовали между собой.

Еще со времен борьбы с германским императором возникли две партии — гвельфы и гибеллины. Первые боролись с папой и императором, а название свое получили от имени соперников императорской семьи герцогов Вельфов. Гибеллины же были прозваны так по имени родового замка Вейблинга германских императоров из династии Гогенштауфенов и во всем поддерживали политику правящих классов.

Данте принадлежал к партии гвельфов и боролся за независимость своей родной страны. Его заочно приговорили к сожжению на костре инквизиции. Однако когда к поэту пришла мировая слава, Флоренция предложила ему вернуться на родину, но выдвинула такие унижительные условия, включая непереносимое отречение от собственных взглядов, что Данте отклонил это предложение.

Последние годы жизни он провел в городе Равенне, где скончался и был похоронен. Флоренция неоднократно обращалась к властям Равенны, в том числе в наши дни, с просьбами перезахоронить прах Данте во флорентийской земле, однако Равенна неизменно отвечала отказом.

Ян Гус, Иероним Пражский и Мартин Лютер

На всей территории Священной Римской империи в Средние века постоянно вспыхивали восстания против католической церкви и папы римского. В XV веке началась эпоха борьбы за перемены, получившая в истории название эпохи Реформации. Одним из первых деятелей этой эпохи стал чешский богослов Ян Гус, национальный герой чешского народа.

По преданиям, чешское княжество было создано легендарным Чехом. Одной из первых княгинь Чехии была Любуша, мудрая красавица, отстаивавшая независимость своей страны. Вместе с мужем — князем Пржемыслом она основала Прагу. От них пошла и династия чешских королей Пржемысловичей.

Чехи боролись против немецкой экспансии, но си-

лы оказались неравны, Чехия была побеждена и вошла в состав Священной Римской империи. Однако борьба за независимость Чехии не прекращалась. В стране нашлись люди, стремившиеся к освобождению родной страны. Одним из таких национальных героев был Ян Гус (1371—1415).

Родился Ян Гус в бедной крестьянской семье в местечке Гусинец в Южной Чехии. Он обладал прекрасными способностями и тягой к знаниям, потому и смог закончить Карлов университет в Праге, в котором стал преподавать, а через некоторое время возглавил это учебное заведение, избранный его ректором. Оставаясь университетским профессором, Гус с 1402 года проповедовал в специально построенной Вифлеемской часовне в Праге, которая превратилась в центр распространения реформаторских идей.

Гус обличал продажность католического духовенства, торговлю индульгенциями — специальными грамотами об отпущении грехов, по которым можно было получить даже прощение такого тяжкого греха, как убийство. Он выступал также против роскоши и богатства духовенства, против немецкого засилья в Чехии и призывал лишить Церковь собственности.

Гус считал, что нельзя слепо подчиняться Церкви, но нужно думать самим, применяя слова из Священного Писания: «Если слепой поведет слепого, оба в яму упадут». Каждый христианин должен искать правду, даже рискуя благополучием, спокойствием и жизнью.

Эта критика нравилась чешским дворянам-шляхтичам, мечтавшим захватить церковные земли. Поддержал Гуса и король Вацлав IV. Король даже подписал так называемый Кутнагорский декрет, превративший Пражский университет в истинно чешское учебное заведение. Руководство перешло в руки чехов, а немецкие магистры были вынуждены покинуть университетские стены.

Чтобы распространить свое учение, Гус не только проповедовал с кафедры: он приказал расписать стены Вифлеемской часовни рисунками с назидательными сюжетами и сложил несколько песен, которые стали народными.

В 1409—1412 годах Ян Гус полностью порывает с католицизмом, ставит авторитет Священного Писания выше авторитета папы. Тот немедленно отреагировал, и в 1413 году появилась булла верховного понтифика, в которой он отлучал Гуса от Церкви и грозил отлучить те города, которые предоставят чешскому проповеднику убежище.

Гус был вынужден покинуть Прагу и в течение двух лет жил в замках покровительствующих ему дворян Южной и Западной Чехии. В изгнании Гус написал свою главную книгу «О Церкви», в которой выступал за полную реорганизацию структуры католической церкви, а также отрицал особое положение папы и необходимость усиления его власти. Но он никогда не отвергал церковные догматы. В эти же годы Гус завершил перевод Библии с латыни на чешский язык, заложив тем самым основу для создания чешского литературного языка.

Римский папа потребовал, чтобы Гус прибыл на церковный собор в немецком городе Констанце. Целью собора было объединить Римскую католическую церковь и прекратить Великий западный раскол, который к этому времени уже привел к троепапству, то есть к существованию трех пап одновременно.

Гус, получив охранную грамоту императора Сигизмунда I, решил приехать в Констанц и отстаивать перед духовенством свои взгляды. Однако в нарушение всех обязательств он был схвачен и брошен в тюрьму святой инквизиции, в которой провел семь месяцев. Ему угрожали, его допрашивали, его уговаривали и предлагали отречься от своих взглядов и сочинений. Убедившись, что от Гуса не удастся добиться самообвинения и отречения, собор объявил его упорствующим еретиком, лишил священнического сана, отлучил от Церкви и приговорил к сожжению на костре.

Казнь Гуса была назначена на 6 июля 1415 года. В тот день состоялось самое торжественное в истории инквизиции аутодафе. Гусу дали в руки так называемую чашу искупления, и один из епископов провозгласил формулу проклятия: «О проклятый Иуда! За то, что ты покинул совет мира и перешел в стан иудеев, мы отбираем от тебя этот сосуд искупления!» Но Гус не остался в

долгу: «Я верю во всемогущего Господа Бога, во имя Которого я терпеливо сношу это унижение, и уверен, что Он не отберет от меня Его чашу искупления, из которой я надеюсь пить сегодня в Его царстве!»

Стражники зажали ему рот руками. Семь епископов сорвали с него священническое облачение и вновь призывали его отречься. Гус заявил: «Не отрекись!»

Прежде чем отправить осужденного на костер, следовало его соответствующим образом подготовить к этому «акту веры». Гусу обрезали ногти и обрили голову, а затем надели на нее шутовскую бумажную тиару, разрисованную чертями, на которой красовалась надпись «Се ересиарх».

При этом возглавлявший процедуру епископ сказал Гусу: «Мы поручаем твою душу дьяволу!» Но Гус и тут нашелся что ответить: «А я посвящаю свою душу самому всепрощающему Господу Иисусу Христу!»

Гуса поставили на несколько вязанок дров в заранее приготовленном для казни месте и веревками привязали к толстому столбу. Веревки удерживали его тело в области лодыжек, выше и ниже коленей, паха, бедер и подмышек. И тут кто-то заметил, что Гус обращен лицом на восток. Восток же в христианской церкви является символом светлого царства Иисуса Христа. Лицом к востоку погребаются усопшие. Но так хоронят лишь истинных верующих, поэтому Гуса, как еретика, развязали, повернули лицом к западу и вновь привязали к столбу.

Когда огонь уже занялся, по одной из легенд, некая старушка подбросила в костер вязанку хвороста. Она искренне верила, что инквизиция сжигает еретика. Гус лишь воскликнул: «Святая простота!» Эта фраза стала крылатой.

Когда костер прогорел, произошла еще одна ужасная и возмутительная сцена. Наполовину обуглившийся труп разрезали на кусочки, кости тщательно разрубили, а остатки и внутренности бросили в новый костер. Когда же все сгорело до пепла, инквизиторы специально проследили, чтобы прах еретика был выброшен в воды Рейна. Святые отцы боялись, что останки мученика Гуса будут храниться в народе как реликвия. Впоследствии Гус действительно был объявлен святым.

Человек, осужденный инквизицией. Рисунок Ф. Гойи. Альбом С. Лист № 85. Мадрид. Музей Прадо. 1808—1814 гг.

Каменный голубь. Один из немногих артефактов, принадлежавших катарам.
Частное собрание. Тулуза

Замок катаров Монсегюр в Лангедоке

Крепость катаров Каркассон в Лангедоке. XII—XIII вв.

Крест катаров

Святой Грааль.

Иллюстрация А. Рэкхема.
1917 г.

Памятник убитым катарам
вблизи Монсегюра

Римский папа
Иннокентий III
и святой Доминик.
Фреска. XIII в.

Жак де Моле, последний
Великий магистр
ордена тамплиеров.
Рисунок XIX в.

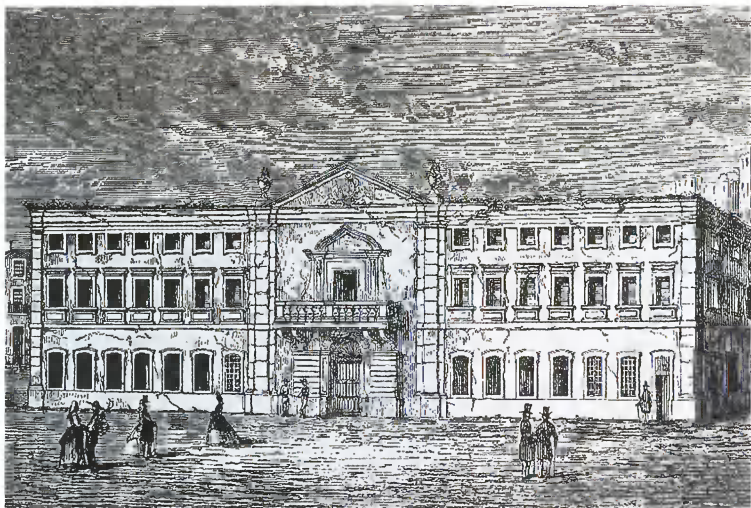
Монета и печать
тамплиеров

Святой Доминик.
Б. Дженнари. 1649 г.

Святой Франциск.
Караваджо. 1595 г.

Дворец инквизиции в Лиссабоне. Гравюра. Первая половина XIX в.

Прибытие инквизиции в город

Пытки инквизиции. Гравюра. XVIII в.

Допрос свидетеля в трибунале инквизиции

Аутодафе. Гравюра. XVII в.

Пытка водой.
Книжная иллюстрация.
Антверпен. 1556 г.

Процессия
с приговоренными
к аутодафе

Задушение перед сожжением

Аутодафе

Жанна д'Арк. Ф. Бенувиль. Середина XIX в.

Алессандро Калиостро

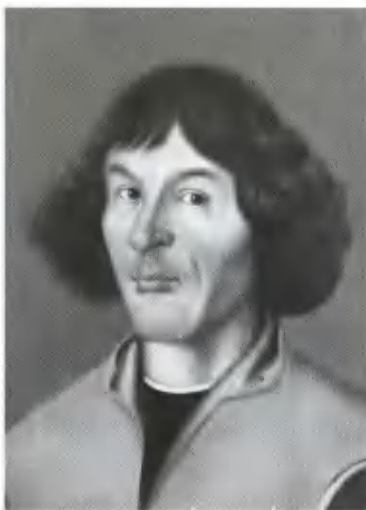
Джакомо Казанова

Сожжение Яна Гуса. Миниатюра из хроники Шпицера. 1485 г.

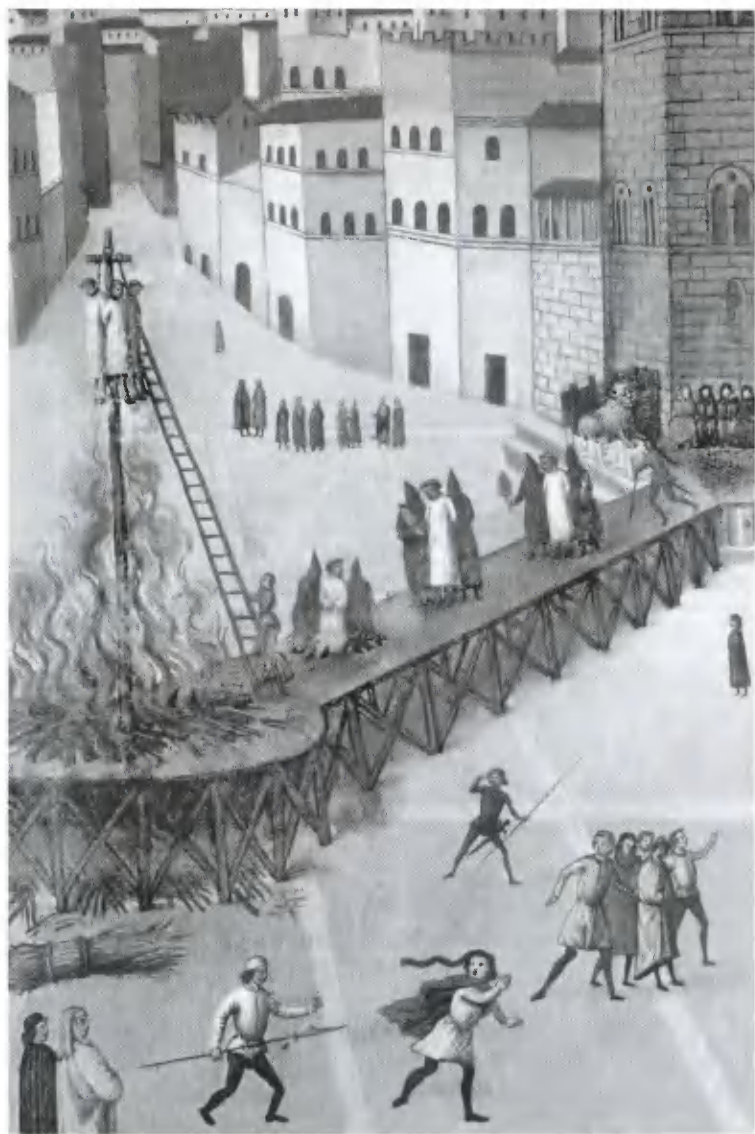
Джордано Бруно

Николай Коперник

Галилей перед судом папской инквизиции. *Фрагмент.*
Ж. Н. Робер-Флёри. 1847 г.

Казнь Савонаролы и его сторонников. Фрагмент.
Флоренция. Музей Сан-Марко. 1498 (?) г.

«Из той пыли... Безобразие! С такой порядочной женщиной, которая за гроши всем оказывала услуги, такой усердной, такой полезной — и так обойтись! Безобразие!». Ф. Гойя. Из серии офортов «Капричос». Лист № 23. 1799 г.

Иероним Пражский (ок. 1371—1416), чешский ученый, поддерживавший реформаторские идеи Гуса, его друг, узнав об аресте своего сподвижника, немедленно приехал в Констанц, но также был схвачен и заключен в тюрьму. пытки и мучительное пребывание в темнице подорвали мужество Иеронима, и под давлением католических священников он отказался от своих взглядов. Но это была всего лишь временная слабость. На очередном заседании церковного собора, когда Иероним должен был подтвердить свои показания и прилюдно отречься от своих сочинений, он заявил, что никогда более не будет отказываться от своих взглядов, за которые готов умереть на костре. Он подтвердил, что является убежденным сторонником Гуса. Церковный собор в Констанце осудил Иеронима, и 30 мая 1416 года он был сожжен.

После смерти Гуса и Иеронима чешская шляхта взялась за оружие. В стране начались войны против немецких рыцарей и папы римского. Папа организовал пять походов против Чехии. В историю эти войны вошли под названием Гуситских. Последователи Гуса — гуситы — под руководством слепого полководца Яна Жижки применили новую тактику в бою: вагенбург — скрепленные цепями повозки в качестве оборонительного укрепления и захвата плацдарма для последующих атак. При этом гуситская телега представляла собой прообраз нынешних боевых машин. Экипаж состоял из восьми—четырнадцати человек, среди которых были два арбалетчика, несколько копейщиков, два бойца, управлявшихся с лошадьми, несколько человек, поддерживавших щиты, и собственно десант. Гуситам удавалось почти во всех сражениях побеждать католическое войско.

В результате Гуситских войн на соборе в швейцарском городе Базеле Церковью был принят документ, получивший название «Компакты», в котором за чехами признавались некоторые права. Чехи смогли легализовать гуситскую церковь, католическая же церковь потеряла все свои владения в этой стране, которые перешли к дворянству Чехии.

Но у гуситского движения были и отрицательные стороны, ибо оно раскололо страну в религиозном от-

ношении. По словам современников, возник «раздвоенный народ». Этот разлад и привел в начале XVII века к новой гражданской войне.

Гуситское движение стало прообразом европейской Реформации XVI века. Ее же вдохновителем был Мартин Лютер (1483—1546), немецкий религиозный деятель.

Мартин родился в семье рудокопа. Бедный мальчик в детстве, учась в школе, был вынужден зарабатывать деньги на пропитание пением церковных песен под окнами горожан. Однако ему удалось окончить университет и получить степень магистра «свободных искусств». Лютер хотел далее изучать юриспруденцию, но, испытывав острое чувство страха перед гневом Господним, постригся в монахи. По поводу его ухода в монастырь существует следующая легенда. Якобы в июле 1505 года, когда Лютер возвращался в университет, погостив у своих родителей, он был застигнут в пути грозой. Упав на землю при страшном ударе молнии, он в ужасе закричал, обращаясь к святой покровительнице своего отца: «Святая Анна, спаси меня! Я стану монахом». Исполняя этот обет, он в скором времени вступил в орден августинцев, отличавшийся строгим уставом.

Лютер был ревностным монахом и очень способным человеком. В 1512 году он получил степень доктора богословия и стал профессором библеистики в университете города Виттенберга.

Первоначально он надеялся заслужить рай суровым образом жизни, но вскоре пришел к убеждению, что человек не в силах совершить нечто настолько благое, что позволило бы ему по праву претендовать на милость Бога. Однако изучение Библии привело его к отрицанию основных тезисов католической религии. Он считал, что Божественная благодать может быть достигнута только путем личной веры, а не при помощи неких добрых дел.

Тщательно изучив церковную систему покаяния, Лютер удостоверился, что грехи, которые он не в состоянии был одолеть и искоренить, всё же могут быть прощены. Он обнаружил, что не способен даже исповедать все свои грехи: некоторые из них ускользают из памяти, а другие совершаются вообще бессознательно, так что

человек не видит своей греховности, пока Бог-Судия не укажет на них перстом. Мистический путь, состоящий в отказе от всякой борьбы и уповании на чудо и милость Бога, не представлялся ему удовлетворительным решением, так как для Лютера Бог был «огнем поядающим».

Лютер пришел к убеждению, что спасение человека зависит исключительно от Божьей благодати, которая стала доступной только благодаря жертвенной смерти Христа. Христос — это в первую очередь не грозный Судия, осуждающий грешников, а Искупитель, принявший крестную смерть. Для спасения человеку необходимо только уверовать и принимать все то, что сделал ради него Бог, хотя его собственная греховность никогда не может быть вполне преодолена. Это убеждение и легло в основание богословской системы Лютера, центром которой стало учение об оправдании верой.

В 1517 году Лютер прибил на дверях церкви бумагу с девяносто пятью тезисами, в которых отстаивал свои принципы. При этом он произнес свою знаменитую фразу: «На том стою и стоять буду!» Обвиненный Римом в ереси, он отказался предстать перед судом инквизиции, а в 1520 году публично сжег буллу, отлучающую его от Церкви.

Лютер был основным «создателем» новой веры — протестантизма, которая признавала абсолютный авторитет Библии, единоспасающей «личной веры» и отменяла церковный культ. Лютер считал, что каждый человек может сам обращаться к Богу без помощи священников, а основой веры человека должны быть не указания папы, а Библия. Чтобы каждый мог читать ее, Лютер перевел эту книгу с латинского на свой родной язык — немецкий.

Само слово «протестантизм» произошло от латинского «протестовать», то есть Лютер создал новое течение в христианстве, которое «протестовало» против католицизма и отвергало его. Протестанты выступали против папы и его приказов, навязывания воли и образа жизни.

Довольно быстро после возникновения новой религии страны Европы разделились на католические и протестантские. К последним относятся Швеция, Нор-

вегия, Дания, Англия, Голландия и часть Германии. Интересно, что борьба с инквизицией не прекращается в этих странах и по сей день — правда, в весьма цивилизованной форме. Так, в 2003 году жители Норвегии, чьи родственники были сожжены судом веры как ведьмы и колдуны и чье родство удалось доказать по церковно-приходским книгам, предъявили иск своему правительству с требованием возместить потомкам сожженных моральный и материальный ущерб.

Граф Калиостро и Казанова

Среди жертв инквизиции был и Жозеф (Джузеппо) Бальзамо, более известный как граф Алессандро Калиостро — сицилийский маг, парапсихолог, алхимик и целитель, человек невероятно влиятельный и, несомненно, талантливый.

До сих пор историки не могут договориться, был ли Калиостро удачливым и ловким обманщиком или действительно одаренным ученым. Тем не менее имя его и в наши дни известно очень хорошо, он, безусловно, одна из колоритнейших фигур в мировой истории.

Родившийся в бедной семье в Палермо в 1743 году, Калиостро, по легендам, уже с детства проявил свой дар прорицателя и мог предсказывать будущее. Увлечшись оккультизмом, он много путешествовал и в 23 года оказался на Мальте. Там его покровителем стал сам Великий магистр ордена мальтийских рыцарей. Бальзамо серьезно занимается алхимией, изучает Каббалу и оккультные теории Пифагора. В это же время он меняет имя, отныне называясь «граф Калиостро», взяв фамилию своей крестной — графини из обедневшей аристократической сицилийской семьи.

Через некоторое время он отправляется в новое путешествие и в Риме встречает свою будущую жену, красавицу Лоренцу Феличиани. И вот уже супружеская чета колесит по Европе и Англии, проводит всевозможные оккультные «сеансы» и продает эликсиры жизни и прочие волшебные зелья. Калиостро предсказывает выигрышные числа в лотерее, заклинает духов и демонов, гадает на магическом кристалле и занимается цели-

тельством, в 1777 году в Англии Калиостро становится масоном. Впоследствии он создал свою масонскую ложу, ритуал которой пытался распространить по всей Европе.

В 1785 году удача отвернулась от дотоле везучего Калиостро: он и его жена стали жертвой разоблачения обмана в «деле об ожерелье королевы», в котором не принимали участия. Амбициозный кардинал де Роган, который хотел получить пост первого министра короля Людовика XVI, решил завоевать расположение королевы Марии-Антуанетты, подарив ей кольцо стоимостью в 1 миллион 600 тысяч ливров. Королева в знак благодарности за такой поистине царский подарок непременно уговорит своего мужа даровать кардиналу вожделенный пост министра. Так уверяла де Рогана графиня де Ламот, которая взялась передать королеве чек на означенную сумму. Кардинал клюнул на предложение графини. Однако приобретенное ожерелье госпожа де Ламот оставила себе. Обман раскрылся, кардинал пошел к королю и был арестован. Графиня же от всего откристилась и заявила, что кольцо у нее якобы украл Калиостро вместе со своими сообщниками. Всех обвиняемых, в том числе и графа с женой, заключили под стражу и судили. Калиостро чудом удалось выпутаться из неприятностей, и вместе с женой он уехал в Англию. Оттуда граф написал «открытое» письмо общественности Франции, в котором предсказал Великую французскую революцию.

В 1789 году он прибыл в Рим, ища аудиенции у папы Пия VI, который, как ему мнилось, должен был отнестись с сочувствием к его масонскому ритуалу и принять его на благо Церкви. Это могло показаться наивным, однако в действительности Калиостро нашел римский клир крайне восприимчивым к своим проповедям и свел дружбу с высокопоставленными фигурами в целом ряде католических институтов, включая орден мальтийских рыцарей. Окрыленный своим успехом, он учредил в Вечном городе свою собственную «египетскую масонскую» ложу, которая предположительно собиралась во дворце Мальтийского ордена. По дошедшим до нас свидетельствам, в число ее членов входили не только рыцари и знать, но также функционеры-клирики,

священнослужители и по меньшей мере один кардинал.

Папа, однако, уже передал досье на Калиостро Священной канцелярии. В конце декабря 1789 года — спустя примерно семь месяцев после своего приезда в Рим — Калиостро арестовали вместе с восемью членами его ложи, среди которых был американец. В течение следующих восемнадцати месяцев он подвергался допросам в Кастель-Сант-Анджело.

Двадцать первого марта 1791 года Священная канцелярия осудила его за «ереси и преступления против Церкви» и приговорила к смертной казни. Однако папа Пий VI этот приговор заменил на пожизненное заключение.

Четвертого мая 1791 года папа приказал, чтобы все документы и манускрипты, масонские регалии и одеяния Калиостро были сожжены муниципальным палачом на Пьяцца Санта-Мария Минерва. Одна папка с документами, содержавшая отдельные бумаги, личные записи и письма, по-видимому, каким-то образом избежала этой участи. В 1970-х годах итальянский автор Роберто Джервазо обратился с просьбой предоставить ему этот материал для изучения, но получил отказ от главы Священной канцелярии.

Сам Калиостро был заключен в одиночную камеру, лишенную света и свежего воздуха, в тюрьме Сан-Лео. Примерно через четыре года его перевели в подземную камеру, где он и умер 7 марта 1795 года. Предположительно от апоплексического удара.

Лоренца Калиостро тоже была осуждена и приговорена Церковью к пожизненному заключению в одном из женских монастырей в Риме. По некоторым данным, она умерла в 1794 году.

Несмотря на такую трагическую развязку, по Европе, Америке и России долго ходили слухи о том, что Калиостро жив и инкогнито путешествует по миру.

Другим известным масоном, ставшим жертвой Священной канцелярии в Италии, был современник Калиостро Джованни Джакомо Казанова де Сенгалыт (1725—1798). Нам он известен как ловелас и совратитель невинных девушек, но на самом деле этот образ —

маска, созданная им самим в мемуарах, изданных уже после его смерти.

Казанова действительно отличался вольным нравом и непристойным поведением, за что и был исключен из семинарии. Он много путешествовал и, как и Калиостро, стал масоном в 1750 году. Позже он напишет, что вступление в ложу было обязательной ступенью в образовании, развитии и карьере всякого умного молодого человека с хорошим воспитанием, желавшего оставить след в мире.

Он также прославился своими занятиями магией и алхимией, за что и был схвачен инквизицией после возвращения в родную Венецию. Сначала его принуждали шпионить за масонами и другими подозрительными фигурами, а затем заключили в тюрьму. В конечном итоге, при обстоятельствах, достойных приключенческого романа Дюма, ему удалось бежать, после чего он вступил на путь, который и сделал его впоследствии известным.

Посмертно изданные мемуары Казановы создали ему репутацию авантюриста, шарлатана, мошенника, соблазнителя и любовника, победам которого позавидовал бы сам Дон Жуан. Но кроме того, его мемуары — талантливое описание жизни, обычаев и нравов того времени. Казанова, безусловно, был очень даровитым писателем. Его литературное наследство, помимо мемуаров, включает в себя несколько исторических трудов, написанных по-итальянски, и роман, написанный по-французски.

В 1788 году он опубликовал подробный отчет о своем пребывании в застенках Священной канцелярии и о своем побеге из заключения — «*Histoire de ma fuite des prisons de Venise*», который является одним из ценнейших источников имеющихся у нас сведений о деяниях Священной канцелярии во второй половине XVIII столетия.

• • •

Мы рассказали лишь о самых известных жертвах инквизиции, но общее число прошедших через руки этой «святой организации» огромно. Далеко не все они были

сожжены на костре, но все были притеснены и ущемлены в правах, всем была нанесена глубокая душевная травма и испорчена жизнь.

Говоря об истории Средних веков и уж тем более об истории инквизиции, нельзя не поразиться массовым истреблениям людей и очень низкой оценкой человеческой жизни и личности. Люди в невероятных количествах гибли, задыхаясь в дыме и пламени инквизиционных костров, в мучениях отдавали Богу душу в темницах и на поле боя. По Европе текли ручьи, реки и едва ли не моря человеческой крови.

Историки даже писали, что степень величия героев была в прямой зависимости от количества пролитой ими крови. Но что ужаснее всего, так это то, что все изощренные жестокости и кровавую резню нередко устраивали во имя Создателя и во славу Божию.

ВЕДЬМЫ И ВЕДОВСТВО

С конца XIV до второй половины XVIII века, в течение почти четырех столетий, во всех странах Европы не переставали пылать костры, раздуваемые невежеством, фанатизмом и суеверием, и тысячи невинных людей после страшных мучений и пыток обрекались на смерть по обвинению в связи с дьяволом и в разных чудовищных колдовских преступлениях. О миллионах сожженных говорили до недавнего времени не только простые люди, но и большинство историков. Но в последние 30—40 лет появилось большое количество исследований, которые ставят под сомнение число жертв процессов над ведьмами, определяя его в сотни тысяч человек.

Миф о числе умерщвленных в ходе процессов над ведьмами был во многом создан немецким врачом Г. К. Войгтом (*Voigt*) в 1791 году, когда он объявил, что в результате неких подсчетов стало ясно: число казненных ведьм во всем мире равно 9 442 994. Этот «миф о миллионах» жив и в наши дни. В бестселлере «Код Да Винчи» (2004) утверждается, что в результате «женского холокоста» в Средние века было убито пять миллионов человек.

Сейчас же исследователи считают, что число казненных в Европе и Америке не может превышать 60 тысяч. Если в одном из самых авторитетных в середине про-

шлого века исследований о колдовских процессах Рассел Хоуп Роббинс* пишет о 200 тысячах повешенных и замученных в период 1450—1750-х годов, то ученые, выпустившие книги на эту же тему за последнее десятилетие, значительно сокращают число жертв. Так, историк Уильям Е. Монтер после изучения 35 тысяч документов о процессах над ведьмами, охватывающих период 1560—1660-х годов, говорит не более чем о 75 тысячах жертв, а немецкий исследователь Вольфганг Берингер — уже о 60 тысячах, американец Брайан П. Ливак называет цифру 45 тысяч, а немка Рита Фолтмер говорит о числе жертв между 50 тысячами и 60 тысячами человек**.

Тем не менее 60 тысяч человек — цифра очень большая, огромная, особенно если вдуматься, что речь идет не просто о некоем числе процессов и вынесенных обвинительных заключений, а о конкретных людях — 60 тысячах прерванных жизнью невинных жертв.

Они сжигались во имя «Бога, короля и правосудия».

Ниже приводится таблица, в которой даны сведения о процессах над ведьмами на основе большого исследования под руководством американского профессора Голдена***:

Страна (название современного государства)	Число судебных процессов над ведьмами	Численность населения в начале XVII века (ок. 1600 года)
Норвегия	300	400 000
Дания	1000	570 000
Швеция	300	80 000
Финляндия	115	350 000
Россия	300	15 000 000
Германия	25000	16 000 000
Польша	2000	3 400 000
Италия	500	13 100 000

* См.: *Robbins R. H. The Encyclopedia of Witchkraft and demoinology.* New York, 1959.

** См. например: *Bebringer W. Hexen.* München, 2000; *Voltmer R. Vom getrüben Blick auf die frühneuzeitlichen Hexenverfolgungen.* 2006.

*** Данные даются по кн.: *Hagen R. B. De europeiske trolldomprosessane.* Oslo, 2007.

Испания	300	8 100 000
Португалия	7	1 000 000
Франция	3000	19 000 000
Бельгия	1600	1 600 000
Нидерланды	150	1 500 000
Англия	300	5 000 000
Ирландия	4	1 000 000
Шотландия	1300	1 000 000

Разум населения большей части Европы оказался помраченным, и причиной тому была вера в колдовство, которая, впрочем, существует и в наши дни. Средним же векам принадлежит весьма сомнительная честь возведения этой веры в систему, в миросозерцание, господствовавшее во всех классах общества. Однако так было далеко не на всех этапах Средневековья.

Церковь всегда осуждала и преследовала колдунов, но до определенного времени, а именно вплоть до XIV века, никогда не устраивала массовых процессов над ведьмами, которые, как кажется современному человеку, и характеризуют то время. Кроме того, дела о ведовстве подлежали как светским судам, так и церковным. Это были дела «смешанной юрисдикции» (*delictum mixti fori*). Нам известно, что в первые 200 лет существования инквизиции римские папы неоднократно пресекали попытки подчинить эти дела церковной юрисдикции, подчеркивая их второстепенный характер и предупреждая, что они только излишне загрузят инквизицию и воспрепятствуют выполнению непосредственных ее функций по преследованию ереси.

Так, в 1260 году папа Александр IV предупреждал инквизиторов: «Порученное вам дело веры настолько важно, что вам не следует отвлекаться от него преследованием другого рода преступлений. Поэтому дела о гадании и колдовстве надобно вести инквизиционным порядком только в тех случаях, когда они определенно отзываются ересью; во всех же прочих случаях их надо оставлять за учрежденными для того ранее судами»^{*}.

^{*} Цит. по: *Сперански* М. Ведьмы и ведовство. М., 1906. С. 129.

В какой-то момент положение дел меняется. Почему? Исследователи так до сих пор и не пришли к единому мнению. Крупнейший медиевист С. Г. Лозинский в своей «Истории папства» пишет:

«Значительное число погибших на кострах “ведьм” составляли женщины с нарушенной психикой, больные истерией, “одержимые”. В Средние века, численно превосходя мужчин, ввиду неучастия ни в войнах, ни в междоусобицах, ни в опасных предприятиях, ни в изнуряющих занятиях, ни в тяжком, подрывающем силы труде, женщины оказывались в избыточном количестве и наполняли собой монастыри и всевозможные богоугодные и благотворительные учреждения.

Больные женщины оказались в роли самых сильных представителей дьявола, и Церковь не щадила сил, чтобы вырвать с корнем этих наиболее опасных и упорных еретичек, и в этой кровавой расправе продолжала творить свое гнусное преступление. Она никогда и нигде не отрицала сношений женщины, идущей на костер, с дьяволом, она никогда не называла ее больной, и слова обезумевших жертв выдавала как признание реальной связи преступницы с врагом человеческого рода.

Сжигая женщину как опаснейшую преступницу, Церковь лишь укрепляла в обществе идею ведовства и дьявольщины и сеяла вокруг себя безумие, которое тут же делалось жертвой всепожирающих appetitов Церкви. Будучи источником опаснейшего суеверия, питая все слои населения губительным ядом фантасмагорий, Церковь не могла, конечно, искоренить того дела, которое ею же возвращалось»*.

Ему возражает историк И. Григулевич: «Чтобы колдовство и ведовство превратились в объект массового преследования и стали подсудными инквизиции, они должны были в свою очередь превратиться в ересь — “явно запахнуть ересью” (*baeresim manifeste sapis*). Наличие “пакта с дьяволом” еще не превращало колдуна или ведьму в еретиков, так как отсутствовал важнейший элемент, без которого Церковь считала немислимой ересь, — тайная, заговорщицкая организация. Ее не было, но ее создали, вернее, выдумали инквизиторы.

* Цит. по: Лозинский С. Г. История папства. М., 1986. С. 245.

Умудренные опытом, они знали, что еретиков без организации не бывает. Ведьмы и колдуны, утверждала Церковь, — воины Сатаны, значит, принадлежат к “сатанинскому воинству”, к “синагоге Сатаны”. Доказательством же существования “синагоги Сатаны” для извращенного ума инквизиторов являлись мифические “шабаши ведьм”. Раз была выработана эта “гениальная” схема, то подтвердить ее не представляло особого труда. Любой инквизитор с помощью палача мог заставить любую женщину признаться в принадлежности к “синагоге Сатаны” и в участии в шабашах и на этом основании осудить ее за ересь и бросить в костер.

По мере укрепления инквизиции в различных странах христианского мира она все чаще начинает привлекать к суду “колдунов” и “колдуний”, выколачивая из них угрозами и пытками всё более чудовищные признания о сговоре с Сатаной и в совершении кощунственных, еретических и позорнейших деяний и всякого рода гнуснейших преступлений. В 1324 году в Ирландии францисканец Ричард Ледредом судил по обвинению в колдовстве 12 человек — семь женщин и пять мужчин. Они обвинялись в том, что отреклись от Христа, оскверняли таинства, приносили жертвы дьяволу, который являлся перед ними то в образе мавра, то черной собаки, то кота, распутничали с ним и его друзьями. Обвиняемые признались, что варили в черепе обезглавленного преступника из мозгов некрещеного младенца, особых трав и всякой несказанной мерзости зелье, которым околдовывали правоверных христиан. Некоторые из обвиняемых бежали, остальных сожгли. В 1335 году в Тулузе инквизитор Петр Ги судил несколько колдуний, которые “признались” ему под пыткой, что заключили пакт с Сатаной, летали на шабаш, где поклонялись повелителю преисподней, принимавшему облик гигантского козла, предавались с ним блуду, ели мясо младенцев и пр. и пр. Хотя потом обвиняемые отказались от своих показаний, их предали сожжению.

Такого рода процессы вызывали всеобщий ужас и негодование, страх, недоверчивость и подозрительность среди верующих, чувство незащищенности и обреченности, убеждали их в том, что только Церковь и инкви-

зиция могут уберечь их от кошмарных козней сатаны и его гнусного воинства»*.

Однако в 1970-е годы в Европе и Америке появились и иные толкования причин возникновения массового преследования ведьм, связанные прежде всего с развитием движения феминизма. Утверждают, например, что ведьмы, которых преследовали инквизиторы, якобы были жрицами некоей древней языческой богини (*Goddess*), которая являлась воплощением Матери-Природы. Поклонение богине восходит к временам палеолита. Некоторые антропологи предположили, что первый «бог» была женщина, которая, согласно самым ранним мифам, самооплодотворилась, создала Вселенную из самой себя и правила в мире в одиночестве. Все ранние общества, по этой теории, были матриархальными, а мудрость и благоденствие даровала женщина.

Начало заката золотого века богини приходится на промежуток времени между 1800 и 1500 годами до н. э., когда Авраам, первый пророк еврейского бога Яхве, жил в Ханаане. В христианской традиции началось подавление культа богини и преследование ее жриц, которыми и были средневековые ведьмы.

В 1984 году американский психиатр Ж. Ш. Болен высказал предположение, что великая богиня, представленная архетипами различных греческих богинь, продолжает играть ведущую роль в подсознании женщины. Архетипы являются образцами женских персоналий. Каждая женщина имеет позитивные и негативные стороны, великие силы, которые может использовать в жизни.

Однако существует и еще одна версия объяснения причин неожиданного взрыва преследования ведьм, которая представляется автору этой книги более «разумной» и «обоснованной».

Сейчас уже не возникает сомнений в том, что официальная церковь никогда не была полной владычей умов народов по всему миру. Всегда традиционной доктрине противостояли ереси — неофициальные учения, отрицающие самые основы того, что навязывалось господствующей религией. Так происходило и в Запад-

* Григулевич И. Р. Инквизиция. С. 161—162.

ной Европе. Церковь могла многое: казнить и миловать, отнимать земли и наказывать того, кто восставал против ее догматов или кого ей вздумалось обвинить в этом. Словом, была очень и очень могущественна.

Но среди тех, кто верил в христианского Бога и Его святых, было немало и таких, кто продолжал веровать в старые, еще языческие ценности. Нам известны Крестовые походы против язычников, живущих в Пруссии и на территории современной Прибалтики, которые уже в XII веке объявляла католическая церковь.

«Давно известно, что боги любой религии имеют тенденцию превращаться в демонов той религии, которая приходит ей на смену. До прихода христианства на территориях Римской империи был распространен культ бога Пана, считавшегося верховным божеством, господином природного мира, — пишут Р. Ли и М. Бейджент в своей книге «Цепные псы Церкви. Инквизиция на службе Ватикана». — Пан, изображавшийся с козлиными рогами, хвостом и копытами, властвовал над буйной, дикой, не признающей жалости и внешне хаотичной жизнью природного мира. Он пользовался исключительными прерогативами в вопросах сексуальности и плодородия. С помощью Церкви Пан был демонизирован и наделен демоническими характеристиками. Прецеденты таких превращений имелись в изобилии. Приведем только один пример. Столетиями раньше финикийская богиня-мать Астарта была подвергнута принудительной смене пола и трансформирована в демона Аштарота. С падением Римской империи большинство сельских жителей Европы продолжали почитать Пана или его порой более древних аналогов в той или иной форме — к примеру, Эрне Охотника, рогатого бога Кернунна, Робина Лесного Разбойника или Робина Доброго Малого, которые в конце концов слились в образе Робин Гуда.

И не одного Пана. Вдоль границ современных Франции и Бельгии римская богиня Луны и охоты Диана была известна как Диана Девяти Огней и объединялась с ее древней предшественницей Ардуиной, от которой ведут свое название Арденны. Подобные божества продолжали почитаться, несмотря на появление и на-

ступление христианства. Европейские сельские жители могли посещать по воскресеньям церковь, слушать мессу и усваивать на каком-то уровне своего сознания обряды и учения Рима. Но в то же время они по-прежнему оставляли блюда с молоком и делали многие другие подношения, дабы задобрить древние силы, таящиеся в окружающих их лесах. И украдкой обращались в соответствующие дни года к Вальпургиевой ночи*, или «шабашу ведьм», к языческому наблюдению за солнцестояниями и равноденствиями, к ритуалам плодородия, к праздникам и карнавалам, в которых заметную роль играли боги древней религии, пусть и в закамуфлированной и христианизированной форме. К тому же почти в каждой общине неизменно была, по крайней мере, одна пожилая женщина, почитаемая за свою мудрость, свое умение предсказывать счастье или заглядывать в будущее, свои навыки повивальной бабки. К ним часто обращались за советом в сокровенных делах, особенно женщины, с большей охотой, чем к местным священникам. Священник олицетворял силу, которая могла определить посмертную судьбу и долю человека. Но было немало житейских ситуаций, для которых эта сила зачастую представлялась чересчур величественной, чересчур грозной, чересчур суровой, чересчур абстрактной или недостижимой, чтобы докучать ей. Сельская же «старая ворожея» указывала путь к более близким и достигаемым силам. Именно с ней, а не со священником, советовались по таким вопросам, как погода и урожай, благополучие скота, личное здоровье и гигиена, сексуальность, зачатие ребенка и роды**.

Церкви не то что в Средние века, но даже в наши дни не удалось искоренить веру в сверхъестественные существа, которые в свое время были языческими богами — эльфов (альвов), гномов, троллей и фей. Хотя время от времени она делала попытки демонизировать

* Вальпургиева ночь — отмечается с 30 апреля на 1 мая. По германскому поверью, служит ежегодным праздником ведьм, собирающихся в эту ночь вокруг своего повелителя, Сатаны, на высокой, недоступной горе Броккен. Там они и справляют свой «шабаш».

** Цит. по: *Бейджент М., Ли Р.* Указ. соч. С. 77.

их. К демонам относили и живых мертвецов, представления о которых существовали у древних германцев*.

Христианская церковь превращала древних богов в демонов. Превращались в них и другие «персонажи» язычества. Так, демонов видели в призраках. Поэтому, например, среди разных видов гадания, которое церковные авторы считали суеверием и «призывом демонов», особенно осуждаемым является некромантия — гадание с помощью вопрошания мертвых. Чтобы вызвать к жизни мертвеца, уточняют известнейшие теологи Августин, Лактанций, Исидор Севильский, нужно смешать воду и кровь, так как известно, что демоны любят кровь и не смогут устоять перед искушением, а поэтому сразу же появятся. Тогда-то и можно будет задать им вопросы.

Как видим, сами теологи верили в привидения и живых мертвецов и даже боролись с ними — весьма успешно. Так, в Житии святого Германа Оксеррского есть рассказ об усмирении им грозного живого мертвеца. Во время своих странствий святой в поисках ночлега пришел к какому-то заброшенному дому. Крыша его покосилась, деревья проросли сквозь пол. Святой было засомневался, стоит ли искать укрытия от зимнего холода в столь ненадежном месте и не лучше ли провести ночь под открытым небом, но его любопытство подстегнула

* В европейский фольклор — сказки, предания и легенды — живые мертвецы и упыри «пришли» из северных сказаний. Умершего лишали возможности «восстать из могилы» самыми изощренными способами: им связывали большие пальцы ног, отрубали голову и клали в ноги, опутывали могилу сетью, заваливали камнями или прорывали вокруг нее ров и напускали туда воду. В сагах часто встречаются рассказы о мертвецах, которые открыто нападают на своих живых родичей и убивают их или, являясь своим близким, тем самым провоцируют их болезнь и последующую смерть. В «Саге о людях с Песчаного Берега» рассказывается, как мертвый Торольв по ночам приходил спать к своей жене и довел ее сначала до сумасшествия, а затем и до смерти.

Очень опасным считалось даже просто посмотреть в остановившиеся глаза покойника — мертвец мог «взять живого с собой». Так, в одной из саг рассказывается, как девушка, взглянувшая в лицо покойному, тут же лишилась рассудка и к утру умерла. Поэтому погребальный обряд требовал, чтобы покойникам закрывали не только глаза, но и лицо.

На голову же колдунов, обладающих особо опасным взглядом, даже надевали кожаный мешок.

жившая по соседству супружеская пара. Старики рассказали, что дом стоит давно необитаемым из-за явлений в нем злого призрака. Как только святой человек услышал о призраке, то устремился к руинам так, будто бы это было «самое желанное для него место». Среди многих комнат нашел он одну, более или менее еще походившую на жилую. Там и расположился он со своими скромными пожитками и несколькими сопровождающими. Свита его немного поела, а святой, постившийся в те дни, воздержался от ужина. Когда подошло время ночных молитв и один из клириков свиты начал читать вслух, святой, утомленный постом и волнениями дальнего пути, глубоко заснул. Тут чтецу явилась внезапно ужасная тень и в доме зашумело, как будто град застукал по крыше. Испуганный клирик возопил о помощи. Святой епископ пробудился от сна и, увидев ужасный силуэт, воззвал к Господу и Его именем приказал призраку объяснить ему, кто он такой и что тут делает. Дух тотчас же повиновался и смиренным голосом поведал, что он и его спутники совершили множество преступлений в земной жизни. Тела их после смерти остались непогребенными, и они теперь не могут найти себе покоя, потому и пугают добрых людей своими появлениями. Призрак попросил святого походатайствовать за него перед Богом, дабы он смог обрести желанный покой. Рассказ привидения опечалил святого мужа. Он попросил показать ему место, где лежат непогребенные кости. Призрак со свечой в руке повел его через ночную тьму в самое сердце руин, и там «после многих трудностей» святой нашел искомое место.

Днем, при помощи окрестных жителей, сваленные в беспорядке друг на друга останки были извлечены из-под развалин, освобождены от висящих на них оков и обернуты в льняные покрывала — саваны. Затем кости предали земле, и святой заступник перед Господом молился за них. Так мертвые обрели покой, а живые — безопасность. Место это впоследствии было вновь заселено, поскольку ужасные призраки с тех пор больше никого не беспокоили своими появлениями*.

* Цит. по: Арнаутова Ю. Е. Колдуны и святые. СПб., 2004. С. 180.

Богиня мудрых женщин, о которой мы уже писали выше, тоже становится демоном. Например, в документе IX века упоминается «демон, именуемый сельскими жителями Дианой» и утверждается: «Некоторые дурные женщины, обратившиеся к Сатане... признают, что ездят по ночам с Дианой на спине неких животных».

Но в большинстве случаев Церковь старалась заменить языческого бога на христианского святого. Так случилось с ирландской богиней Бриггитой, богиней огня, на смену которой пришла святая с тем же именем. В 601 году папа Григорий I писал одному из настоятелей, что пришел «к заключению, что капища идолов среди тех людей ни в коем случае не следует уничтожать. Идолы должны быть уничтожены, но сами капища надобно окроплять святой водой, устанавливать в них алтари и помещать там мощи святых. Ибо если эти капища хорошо построены, их нужно очистить от поклонения демонам и посвятить служению истинному Богу. Мы уповаем, что тем самым те люди, видя, что их капища не разрушены, могут оставить свое заблуждение и, быстрее хлынув к своим излюбленным и привычным местам, могут узнать и возлюбить истинного Бога. А коль скоро они имеют привычку приносить в жертву демонам многочисленных быков, пусть ее заменит какое-то другое торжество, такое, как День освящения или праздники святых мучеников, чьи мощи покоятся там в раках»^{*}. Таким образом, Церковь старалась использовать не только языческих богов, но и места отправления культа — капища.

После начала активного преследования ведьм у Церкви появилась реальная возможность окончательно пресечь поклонение древним богам. Участие в древних языческих ритуалах было названо колдовством или ведовством. А вера в колдовство или ведовство была официально объявлена ересью — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

«С помощью того, что историк Хью Тревор-Роупер именует “средством расширенного определения ереси”, языческие основы европейской цивилизации бы-

^{*} Цит. по: Бейджент М., Ли Р. Указ. соч. С. 78.

ли поставлены под юрисдикцию инквизиции, — пишут М. Бейджент и Р. Ли. — По сути дела, эта юрисдикция распространялась даже на стихийные бедствия. Голод, засуха, наводнение, чума и другие подобные явления больше не объяснялись естественными причинами, но действием inferнальных сил. Не только сумасшествие, но даже припадки гнева или истерии стали приписывать одержимости дьяволом. Эротические фантазии теперь трактовались как посещения инкубов или суккубов. Повивальные бабки и традиционные сельские “знахарки” — ведавшие секреты лекарственных трав или дававшие мудрые житейские советы — были заклеены как ведьмы. Повсюду начали пропагандироваться страх и паранойя, поработившие всю Европу. И в этой атмосфере повсеместного террора десяткам, а возможно, даже сотням тысяч людей суждено было пасть жертвами санкционированного и узаконенного Церковью массового убийства*.

• • •

По сути дела, «официальное» преследование ведьм началось после издания в 1484 году папой Иннокентием VIII (1432—1492, годы папства: 1484—1492) буллы «Всеми силами души» («*Summis desiderantes affectibus*»), в которой борьба с колдовством провозглашалась одной из важнейших задач Церкви. До этого священники всех рангов были обязаны подчиняться так называемому Епископскому канону (*Canon Episcopi*), который еще в 906 году провозгласил колдовство плодом фантазии.

Однако с принятием буллы Иннокентием все изменилось.

По верованиям средневековых людей, власть над миром и над человечеством оспаривается двумя силами, почти равными по могуществу, но различными по своим принципам — Богом и Сатаной. Бог мог бы уничтожить Сатану и его силу, но Он сохраняет его и предоставляет ему право действовать в мире, искушать и совращать человечество — для того, чтобы последнее

* Цит. по: Бейджент М., Ли Р. Указ. соч. С. 82.

своим сопротивлением соблазну нечистой силы заслужило спасение.

Борьба ведется между этими двумя силами на равных основаниях, по установленным правилам: у Бога есть воинство Небесное, а у дьявола — легионы демонов. Сатанинское войско управляется начальниками, которых зовут Вельзевул, Асмодей, Магог, Дагон, Магон, Астарота, Азazel, Габорим. Теологи насчитывают в дьявольской армии 72 тысячи князей, графов и маркизов и 7 405 928 чертенят.

У человеческой души есть свои ангел-хранитель и демон-искуситель. Ангел и демон борются за душу человека. Всевышний установил это равенство сил в борьбе и дал врагу равное оружие — для возвышения человечества и для очищения души путем испытаний.

Основная цель дьявола — овладеть душой человека и вселиться в его тело, для чего существует великое множество хитростей. Сатана может явиться к женщине в образе галантного кавалера, к верующему — в облике благочестивого монаха, словом, он может принять образ, какой ему угодно, чтобы обольстить и соблазнить жертву. Причем соблазнить не только душу, но и склонить брренное тело человека к вступлению с ним, Сатаной, в плотскую связь. Дьявол может явиться в любое время суток и в любом месте — в богатом замке и в бедной хижине, в лесу и на многолюдных городских улицах.

Во всех слоях средневекового общества существовало твердое убеждение, что дьявол вмешивается во все человеческие дела. Присутствие черта предполагалось везде и в самых разнообразных видах: за каждым кустом или деревом, старым камнем или стеной, на чердаке и в колодце. Были демоны земные, водяные, воздушные, горные, лесные, подземные. Дьявол являлся также в образе зверя — дракона, обезьяны, собаки, кошки, жабы — или превращал людей, одержимых им, в зверей, преимущественно в волков, которые стаями и в одиночку нападали на людей и скот и вредили им.

Повсюду, пугали церковники, дьявол выслеживает жертвы, пользуется всяким случаем вступить в связь с человеком и отнять его от Бога. И когда это ему удастся,

он закрепляет свою власть над человеком посредством формального договора, подписанного кровью, и ставит на теле человека свой «чертов знак», или «дьявольскую печать». Одержимый дьяволом становится его рабом, он должен во всем ему повиноваться, исполнять все его приказания, совершать все преступления, которые ему внушает его повелитель.

Помните легенду о докторе Фаусте? Классический пример соблазнения души дьяволом. Доктор Фауст хотел возвыситься над Богом, познать все тайны бытия — надо заметить, ради благой цели: помочь людям стать счастливыми. Сатана охотно обещает помочь ему в познании мира — но в обмен на бессмертную душу. Доктор Фауст соглашается и не обращает внимания на знак Господень: в последний момент перед подписанием договора с дьяволом из надреза на руке у Фауста не идет кровь, которой он и должен скрепить договор. Сатана верой и правдой служит доктору Фаусту оговоренное время, а потом забирает с собой его душу и отправляется в ад. При этом выясняется, что жертва Фауста никому не была нужна: людям не требовались его знания и умения, а нужно было лишь получить побольше презренного металла — золота.

Но людей, подобных ученому Фаусту, как мы поняли из легенды, на свете мало, а потому Сатана предпочитает соблазнять бедных и наивных девушек, покинутых своими возлюбленными. Уж их-то на белом свете предостаточно. Соблазненные дьяволом девицы становятся ведьмами. На первых порах они перенимают его искусство, чтобы отомстить изменившим им юношам или своим соперницам. А затем «втягиваются» в процесс колдовства и «усваивают» дьявольскую науку. Именно так процесс превращения невинных дев в ведьм представлялся людям Средневековья.

Народ верил, что ведьма насылает болезни и бесплодие на людей и скот, губит тело и душу христиан, умеет вызывать грозы и ветры, насылает град на поля, мор на стада, сеет вражду и ссоры между людьми и изо всех сил старается испортить жизнь семейных пар, вселяя в супругов отвращение друг к другу. Какова цель ведьм, которые стремятся разрушить счастливые семьи? Про-

стая — помешать воспроизведению рода человеческого, или, говоря современным языком, помешать рождению детей. Почему? Да потому, что дети будут крещены в церкви и достанутся Богу, а раз так — надо будет опять бороться за их души, совращать и соблазнять их, тратить на это дело великое множество сил. А дьявол, который, не будем забывать, является «врагом рода человеческого», стремится облегчить себе задачу и призвать в свои ряды как можно больше помощниц-ведьм и помощников-оборотней. О последних мы еще поговорим особо.

Считалось, что ведьма могла навести порчу, взяв куклу, соответствующую определенному человеку и начав колоть ее булавками. Человек, на которого была направлена порча, начинал худеть, а вскоре умирал.

«Распространение христианства в Европе и активная борьба Церкви с суевериями, запрещающая веру в ведьм и колдовство, абсолютно не изменили народного отношения к вредоносной магии как к эффективному средству воздействия на тело и душу человека, — пишет Ю. Е. Арнаутова. — Более того, христианский ритуал значительно обогатил арсенал магических средств нанесения вреда. Вера прихожан в силу церковных ритуалов и предметов выражалась в поступках, свидетельствующих о том, что месса, церковная утварь, святые таинства понимались ими как своеобразное магическое средство, более того, подобно любому магическому средству, средство амбивалентное, пригодное и для добрых дел, и для нанесения вреда. Во время мессы, например, за алтарь или под него тайком ставили восковые фигурки людей, чтобы затем “наговорить” с их помощью кому-нибудь болезнь или смерть. Помимо “наговора” эти фигурки еще пронзали иглками или топили в воде, топили также и “наговоренные” серебряные монетки, считалось, что после этого жертва заболит и умрет в мучениях.

Начиная с XIV века подробные сообщения о колдовстве с восковыми изображениями, в котором были замечены и весьма высокопоставленные особы, встречаются в источниках очень часто. В 1317 году кагорский епископ Гуто был обвинен в попытке известить папу

римского Иоанна XXII при помощи “яда, колдовства с восковыми фигурами, пепла пауков и жаб, желчи свиный” и подобных непотребств. После допросов и пыток в присутствии самого папы мятежный епископ был сожжен на костре, а его пепел брошен в Рону*.

Ведьма могла с помощью «адамовой головы» — корня растения мандрагоры, выкопанной у подножия виселицы зубами собаки, которая оттого непременно умрет, — расстроить рассудок человека, превратить человека в животное, сделать женщину безумной. А еще с помощью дурмана она могла довести человека до яростного иступления, заставить его танцевать до полного истощения сил, натворить тысячу позорных дел, так что тот не будет сознавать того, что делает, не вспомнит об этом и потом.

Невежественные люди верили в чудеса, а вот люди практичные охотно пользовались находками травниц, которыми, по сути, ведьмы часто и являлись. Так, воры очень часто прибегали к настойке дурмана. Однажды они напоили ею палача одного французского города и его жену с целью отобрать у них деньги. Палач и его супруга пришли в такое неистовство, что всю ночь совершенно голые проплясали на кладбище.

Ведьмы, по представлениям людей того времени, были способны творить самые невероятные вещи. Так, считалось, что одним из средств, которыми дьявол снабжает ведьм для принесения вреда людям, была волшебная мазь или колдовской порошок, который делался из трупов новорожденных некрещеных младенцев, в особенности из их сердец, или из опилок костей этих детей, смешанных со слюной жабы. Достаточно всыпать кому-нибудь в пищу маленькую горсточку этого порошка, и человек заболевает неизлечимой болезнью. Некоторые ведьмы, по представлениям суеверного Средневековья, были столь сильны, что им было достаточно незаметно бросить на человека несколько крупинок порошка — и тот моментально умирал. Замечательно, что этот порошок терял свои магические свойства в руках обыкновенных людей, а действовал

* Арнаутова Ю. Е. Указ. соч. С. 282.

только в руках ведьм; это и служило на инквизиционных судах доказательством их виновности — такова была логика судей. Такое же магическое действие имела и волшебная мазь, которая, кроме того, служила для ведьм средством превращаться в какого-нибудь зверя — кошку, волчицу, собаку, чтобы в этом виде было легче вредить.

Существовали также магические слова, заклинания, которые ведьме достаточно было произнести, чтобы причинить всякие бедствия: портить поля, уничтожать посевы, вызывать мор скота, производить бурю, град и разные прочие ужасы.

Считалось также, что ведьмы не только мешали рождению детей, но и занимались убиением младенцев перед крещением. Тела детей ведьмы отдавали дьяволу или употребляли для своих колдовских целей.

Порчу и вред роду человеческому ведьмы могли наносить и вступая в половую связь с дьяволом и оскверняя свое тело. Земным плотским утехам с дьяволом часто предавались и замужние женщины, недовольные своими мужьями или стесненные нуждой.

Женщины во все века и до недавнего времени считались существами слабыми и подверженными порокам. Именно такими их представляли и в Средневековье, поэтому дьяволу всегда легче было приобретать власть над слабым полом, а не над сильной половиной человечества, и поэтому именно женщины — преимущественно его жертвы.

Дьявол является к женщине с хитрой речью, утешает ее в горе, обещает ей горы злата и камней, обволакивает ее заботой и сладкими речами — и в результате соблазняет бедняжку. Если же какая особь женского пола оказывается невосприимчивой к речам и уговорам Сатаны, он прибегает к испытанному веками мужскому способу убеждений: колотит несчастную и запутывает ее. Результат в обоих случаях — и добровольного, и принудительного соблазнения — один и тот же: женщина становится ведьмой.

На основании признаний осужденных инквизицией было твердо установлено, что дьявол охотнее вступает в связь с замужними женщинами, находя двойное

удовлетворение — в соращении самой женщины и в оскорблении брачного таинства. Инквизиторы, пытающие ведьм, были очень любопытны и старались на допросах узнать от обвиняемых о различных подробностях половых сношений с дьяволом — о форме полового органа у дьявола, об ощущении, испытываемом женщиной от совокуплений с дьяволом, и т. д. Ответы были различные, зависели от темперамента и фантазии женщины, и описания половых сношений с дьяволом часто между собою расходились. Но это служило в глазах судей только доказательством новых хитростей дьявола, умевшего разнообразить свои удовольствия и соблазны.

Обвинение в половой связи с дьяволом было самым излюбленным пунктом обвинительного материала против ведьм. Подозрение в этом преступлении падало на всех ведьм независимо от их возраста. Оно приписывалось как старым женщинам, так и девочкам-подросткам.

• • •

Самым важным актом сношений с дьяволом было участие в шабаше ведьм — как мы бы сейчас сказали — в «ведьминской тусовке». Эти оргии ведьм обыкновенно совпадали с христианскими праздниками — Пасхой, Троицей, Ивановым днем, Рождеством, а также происходили в мае (Вальпургиева ночь). В малом размере шабаш справлялся также и в будни, один раз в неделю. Местом для этих сходок ведьм выбирались горы или равнины, перекрестки, кладбища, развалины замка или даже городские погребя.

На эти сходки ведьмы ехали верхом на метлах и кочергах, предварительно намазавшись волшебной мазью. Путь обыкновенно проходил через дымовую трубу по воздуху, высоко над землей, иногда же ведьмы бегали на шабаш в образе собаки, кошки или зайца. Посещение шабаша было обязательно для ведьмы, потому что на шабаше происходило поклонение Сатане и совершались акты преданности ему и отступления от Бога и Церкви.

При открытии собрания Сатана садится на трон и все собравшиеся падают ниц пред ним, после чего поочередно подходят и отвешивают ему низкий поклон, повернувшись к нему спиной, целуют ему левую руку, левую ногу и задние части тела: на шабаше действует принцип «всё наизнанку». После этого участники торжественно отрекаются от Бога, Богородицы, святых и посвящают себя Сатане, называя его господином, творцом, богом. Затем все начинают кружиться и плясать, образуя круг, но повернувшись друг к другу спиной. Пляска сопровождается самыми бесстыдными оргиями, во время которых Сатана предается блуду с каждой из ведьм. Затем начинается пиршество. Самая старая ведьма, царица шабаша, садится рядом с Сатаной, и все размещаются вокруг трапезы. Трапеза состоит из самых отвратительных блюд, особенно много поедается жаб, трупов, печенок и сердец детей, умерших некрещеными; при этом не употребляется вовсе соли, хлеба и вина. После пиршества начинаются опять пляски и блуд. Когда бьет полночь, все снова падают ниц пред своим повелителем. Это момент наивысшего поклонения Сатане.

Одна из ведьм на суде описала Сатану — так, как она видела его на шабаше. По ее словам, он сидел за черной кафедрой. На голове у него была корона из переплетенных черных рогов. Кроме того, у него были два рога на шее и один на лбу, которым он освещал все сборище. Волосы у него были всклокочены, лицо бледное и хмурое, глаза круглые, слегка вытаращенные, огненные и пронзающие человека; борода, как у козла; шея и туловище безобразного сложения, тело частью человеческое, частью козлиное; руки и ноги, как у человека, только все пальцы одинаковой длины, костлявые и с когтями; руки согнуты, как гусиные лапы, а хвост длинный, как у осла; голос ужасный, но без тонов. Он вел себя очень надменно, а на лице его было выражение скуки и пресыщения. Такой вот «милый» портрет дьявола.

К концу шабаша происходила черная обедня. Это было святотатством, истинным надругательством над святой верой христиан. Сатана, облаченный в черную ризу, выходил на алтарь и пародировал обедню, повер-

нувшись спиной к дарохранильнице*. Это служило общим посмешищем: в момент возношения Святых Даров** он предлагал для поклонения свеклу или красную морковь. Вообще на шабаше всячески передразнивалось богослужение и все церковные обряды изображались в искаженном и смешном виде. Вновь обращенных Сатана крестил кровью и серой, и при этом все присутствующие издевались над истинным таинством крещения и наступали ногой на крест.

Оргии продолжались до появления зари и пения петухов. Тогда все исчезало и все разлетались в разные стороны. На пути ведьмы разбрасывали свои мази и яды на поля, скот и людей и сеяли повсюду порчу и пагубу. Чтобы вернуться незамеченной домой, ведьма часто принимала образ какого-либо домашнего животного — собаки или кошки.

О Вальпургиевой ночи — ночи, когда на горе Броккен собираются на шабаш ведьмы — сложено невероятное количество легенд и сказок. Многие из них рассказывались со свойственным народу юмором. Вот одна такая норвежская быличка о шабаше на горе Колсос («норвежском Броккене»), пересказанная известным художником и писателем XIX века Т. Киттельсеном:

«Йомфру Энерсен сидела в гостях у мадам Сиверсен и заливалась слезами, поражаясь злу и несправедливости мира. Из глаз ее катились слезы размером с кофейное зерно, да и из носа тоже капало, так что промокший насквозь платочек порхал по ее лицу.

Кто бы мог подумать, что она — ведьма! Но тем не менее уже через пару часов у себя дома она натирала свою метлу.

Она собиралась в горы, в Колсос, где намечался грандиозный шабаш. Сам дьявол обещал присутствовать на нем, да еще собирался прихватить с собой скрипку. Так что стоило принарядиться, и йомфру Энерсен с особым тщанием копалась в комоде, а по горнице были разбросаны кружева, кринолины, нижние юбки, флако-

* Дарохранильница — вместилище Святых Даров, сосуд для их хранения.

** Святые Дары — истинные Тело и Кровь Господни, вкушаемые под видом хлеба и вина в таинстве причащения.

ны с притираниями и всякие прочие дамские штучки. Наконец она собралась, уселась верхом на метлу и сказала: “Вверх и в Колсос!” И с этими словами вылетела в печную трубу, взметнув облачко золы.

Но за дверью стояла и подглядывала в замочную скважину кухарка Анне.

Сначала она никак не могла понять, куда это на ночь глядя наряжается йомфру Энерсен, но когда она увидела, как хозяйка достает из ящика комода рог козла и мажет из него какой-то мазью метлу, все стало ясно. Анне захотелось тоже отправиться на шабаш — только один разочек, чтобы взглянуть хотя бы одним глазком, она будет осторожна, и ничего плохого с ней не случится. Уж больно хотелось ей поразвлечься, ведь в доме у йомфру Энерсен жизнь кухарки была невеселой, она видела только грязные горшки да тарелки.

И она решительно вытащила ящик из комода хозяйки и щедро намазала его колдовской мазью. “Если я вернусь домой раньше хозяйки, то она ничего и не заметит”, — решила Анне.

Через трубу она в своем ящике пролетела с трудом, зато на свежем воздухе почувствовала себя прекрасно. Внизу, под дном ящика, чернела земля, которая как будто провалилась в громадную дыру. Вокруг проплывали пушистые облака, а блестящая луна перепрыгивала по ним с одного на другое. Анне захотелось потрогать луну — ну нет, это она сделает в другой раз! А ящик все летел себе и летел...

И вдруг он ринулся вниз, разорвав на кусочки облака. Бумс! Анне лежала на пузе на вершине Колсоса, а рядом валялся ящик из комода с треснувшим дном. Невдалеке на пригорке горел большой костер. Теперь надо было быть осторожной! Анне нашла три камня и положила их в ящик, а сверху пристроила две ветки в виде креста. А затем подобралась поближе к костру и притаилась в небольшой пещерке в горе.

Вокруг костра сидели ведьмы. Одни вязали чулки, а другие плели кружева.

Думаешь, они плели обычные кружева? Как бы не так! Сверху кружева были как кружева, а вот внизу извивалась кайма из настоящих змеиных головок. Да и вряд

ли бы тебе понравились ведьминские чулки. Верх у них тоже был очень даже хорош, зато в носке припрятаны были колдовство да гадости.

Ведьмы были заняты разговором. Они смеялись и сплетничали, перебивая друг друга, веселились и шутили. Спрятавшейся в пещере Анне было очень забавно их слушать.

Да и посмотреть ей тоже было на кого! Подумать только, вокруг костра сидели йомфру Энерсен, да, впрочем, это Анне знала наперед... Но вон там... рядом с ней... пристроилась йомфру Андриасен... а там вот Северине Трап! А рядышком Малла Бёрресен, у которой сегодня болели зубы... Нет, этого просто не может быть! Тут же сидит старая Берте Хаугане, которая продает чернику и от которой всегда пахнет хлебом... А сидит-то она рядом с фрёкен Ульрикой Пребенсен, которая всю жизнь нос задирает. Рядом с фрёкен, которая всегда говорит лавочнику: “Извольте обслужить меня без очереди!”

Анне даже закусила платок, чтобы не расхохотаться.

Ведьмы перемывали косточки своим соседям. В эту минуту они дошли до жены священника. Бедняжка! Как же живется ей с этой жирной малявкой, которая только надувает щеки, произнося свои проповеди! Остается только ей посочувствовать! А затем они стали по очереди обсуждать жену амтмана, жену сельского старосты и прочих дам.

Вскоре поднялся такой шум, что разобрать слова стало уже невозможно. И тогда йомфру Энерсен крикнула:

— Да плевать нам на них! Тьфу!

— Тьфу! Тьфу! Тьфу! — раздалось со всех сторон.

— И я плюю! — закричала старая Берте Хаугане. — Я тоже! — И все засмеялись.

Тут над костром пролетел большой черный ворон.

— Он сейчас явится! Он сейчас явится! — прокаркал он.

И вскоре среди колдуний появился высокий черно-волосый парень со скрипкой под мышкой и приветствовал дам:

— Доброго вечера, друзья мои!

— Добро пожаловать, добро пожаловать, дорогой дьявол! — раздался в ответ хор восторженных голосов.

Ведьмы потеряли голову от радости, что видят своего господина, но вскоре вспомнили, что сварили кофе к его приезду. Кофе был такой черный да крепкий, что от него глаза можно было вытаращить. А вот дьяволу все было нипочем: он любил все погорячее, поэтому лишь плевался огнем в каждую чашку кофе, что ему подавали.

А затем прыгнул вдруг в самую середину костра да стал наяривать на своей скрипке, чуть струны не порвал. Ведьмы же вскочили и пустились в пляс вокруг огня.

Ничего более ужасного Анне видеть и слышать не приходилось.

Это была не музыка, а скрежет железного гвоздя по стеклу, да и сам черт был страшен по-настоящему — с рогами на голове да в языках пламени. А как ведьмы скакали да прыгали! Они кружились в танце, как будто их увлек невидимый водоворот.

Но как бы страшно Анне ни было, смеяться ей хотелось до ужаса, и она все время кусала носовой платок. Хи-хи! Посмотрели бы вы сами на фрёкен Пребенсен, которая всю жизнь нос задирает, как шелковые юбки крутились вокруг ее тощих ног, а в уголках рта играла бесстыдная улыбка! А рядом прыгала Берте Хаугане да кричала: “Хей! Хей! Гоп!”

А уж йомфру Энерсен! Хи-хи-хи!

Но самое веселье настало, когда Малла Бёрресен прямо посередь танца упала плашмя да чуть не сломала свой длинный нос. Тут уж захохотали все — даже сам дьявол среди языков пламени!

Но Анне была хитра. Лучше уж повеселиться поменьше сейчас, но остаться в живых!

Она тихонько вылезла из пещерки, спустилась к ящичку из комода, вынула из него камни, забралась сама внутрь и приказала: “Вверх и вниз с Колсоса!”

А на следующее утро йомфру Энерсен стояла у комода и гадала, почему вдруг треснуло дно в одном из ящичков.

Малла Бёрресен объявила в деревне, что упала с лестницы, потому что на носу ее красовался большой пластырь.

Но настоящее испытание ждало Анне в местной лавке, куда она пришла за зеленым мылом. Ей даже при-

шлось вновь кусать свой носовой платок, когда туда вплыла, задрав нос, фрёкен Пребенсен в развевающихся шелковых юбках и надменно приказала продавцу: “Извольте обслужить меня без очереди! Мне надо шпилек на три скиллинга!”».

• • •

Многие ведьмы и колдуны, по представлениям своих современников, умели гадать на магическом кристалле. Горный хрусталь во все времена и у всех народов мира считался обладающим особыми свойствами. Древние авторы указывали, что хрусталь на спящем человеке избавляет его от страшных пугающих снов; носимый в перстне, он защищает его от зябкости и опасности замерзнуть; носимый в виде ожерелья, увеличивает у кормящей женщины количество молока; носимый под бельем с правой стороны живота, улучшает деятельность желчного пузыря.

И, конечно, из горного хрусталя традиционно делали шары для гаданий. Связь хрусталя с ясновидением объясняли тем, что кварц, совершеннейшей формой которого является хрусталь, — это кожа планеты, которой она чувствует космос и астральный мир.

В Средние века гадание на хрустальных шарах, или магических кристаллах, было одним из самых распространенных. Гадание происходило в темной комнате при свечах, от пламени которых на поверхности шара возникали отблески. Гадающий концентрировал внимание на шаре, смотрел на него, не отводя глаз, и постепенно кристалл как бы исчезал в тумане, а затем появлялось видение. Первый раз можно было гадать не более пяти минут. Постепенно время гаданий можно увеличивать — но не более чем на несколько минут за один сеанс. Когда глаза начинали слезиться, это означало, что опыт следовало заканчивать. Как воспринимать увиденные картины — дело интуиции гадающего. Кристалл — лишь «проводник» в иной мир, ретранслятор картин прошлого, настоящего и будущего.

Этот вид гадания был известен и древним грекам, и мексиканцам, и арабам. Хали Абу Гефар упоминает о ма-

гическом шаре, инкрустированном сапфирами и украшенном астрологическими знаками, который использовали «маги, последователи Заратустры».

Каким именно должен был быть магический шар, мы узнаем из описания, оставленного средневековым ученым, аббатом Тритемом, наставником Корнелия Агриппы:

«Возьмите граненый прозрачный кристалл, размером с небольшой апельсин, круглый, как шар, без единого пятнышка. Положите его на середину тарелочки из чистого золота и поставьте тарелку на подставку из черного дерева или слоновой кости. Вокруг кристалла очертите круг и впишите в круг имя Тетраграмматон. По сторонам тарелки также напишите имена Микаэль, Габриэль, Уриэль, Рафаэль — имена четырех ангелов, господствующих над Солнцем, Луной, Венерой и Меркурием».

Четыре буквы, составляющие имя Тетраграмматон, являются древнееврейскими символами *yodh*, *he*, *waw* и *he*, *mn*. Поскольку это божественное имя в позднем иудаизме считалось священным, то при чтении священных книг его заменяло слово «Господь» — *Adonai*. Поэтому, когда в текст вставлялись гласные для обозначения традиционного произношения, то к согласным добавлялись гласные из слова Иегова, и имя, таким образом, читалось христианами как *Jehovah*.

О гадании на шаре существует множество легенд, в одной из которых фигурирует английский ученый и мистик Роджер Бэкон (1214—1292), прославившийся не только научными трактатами, но и своими познаниями в области магии. В ней рассказывается о двух юношах, которые долго не были в родных местах и очень скучали по своим семьям. Они попросили Бэкона посмотреть в магическом кристалле, что делают их отцы. К несчастью молодых людей, пока их не было дома, отцы рассорились друг с другом. И в тот момент, когда Бэкон посмотрел в шар, он увидел ужасающую сцену распри родителей и гибель одного из них. Юноши, которые также наблюдали эту сцену, не выдержали и принялись «выяснять отношения», а затем вытащили кинжалы и убили друг друга.

Скипетр короля Шотландии был увенчан хрустальным шаром, диаметром два с четвертью дюйма, а королевский жезл — большим бериллом. Эти камни являлись друидическими амулетами, и сэр Вальтер Скотт в своей «Истории Шотландии» писал, что среди жителей шотландских гор они известны как «Камни Власти».

Очень часто гадание на кристалле совершалось ребенком, а заклинание (которое состояло в повторении ряда древнееврейских имен) произносил священник. Дети (ангелы Божии) гадали на шаре исключительно для того, чтобы доказать, что ничего дьявольского в этом процессе нет. Греха в гадании не было, если оно шло на благо общества и не противоречило правилам морали, то есть совершалось из добрых намерений.

Однако к гаданию на кристалле прибегали и темные силы. Всем нам известный доктор Фауст просил Мефистофеля добыть ему магический кристалл, и дух отправил Фауста к известному ему мастеру. Изготовить хрустальный шар нужно было в часы Марса, то есть в первый, восьмой, пятнадцатый и двадцать второй час вторника. Кристалл нельзя было получить в подарок, его надо было выкупить.

Сразу же после покупки горный хрусталь Мефистофеля опустили в святую воду, в которой крестили мальчика-первенца, и оставили там на три недели. По прошествии этого времени сосуд с водой и камнем отнесли на кладбище и вылили на могилу, а затем прочли шестую главу Откровения святого Иоанна и произнесли заклинание. После совершения «черного» обряда Мефистофель приказал закопать кристалл в могилу, на которую вылили воду, и оставить там на три недели. За это время шар должен был стать обителью духов.

При гадании имело значение и «окружение». В книге Дж. Кунц, посвященной магии камней, приводится очень интересный случай, произошедший с кристаллом английского мага, доктора Ди: «В одной из его рукописей упомянут факт, который имел место 10 марта 1582 года, когда Келли увидел в кристалле отражение стола, на который нужно было положить кристалл. Специальные указания в связи с этим были направлены ангелом Уриэлем. Стол должен был быть квадратным, его сторона и

высота — размером в два локтя. Он должен был быть изготовлен из “ароматного дерева”. Положить на него нужно было *Sigillum Dei** — диск толщиной в один и $\frac{1}{8}$ дюйма и диаметром 9 дюймов, сделанный из чистейшего бесцветного воска. На диске должны были быть изображены крест и магические буквы A.G.L.A. — транслитерация в романский алфавит первоначальных древнееврейских слов, означающих: “Ты велик навеки, о, Господь”. Еще четыре печати меньших размеров нужно было положить под каждую ножку стола. Они представляли собой геометрические фигуры с изображением семи священных имен Бога и семи имен ангелов — Заботиэля, Задкиэля, Мадиниэля, Самелиэля (Семешиэля), Ногабиэля, Корабиэля (Кокабиэля) и Лаваниэля, покровителей семи планет — Сатурна, Юпитера, Марса, Солнца, Венеры, Меркурия и Луны. Потом гадающему явилось изображение этого стола и кристалла на нем. О нем сказано:

“Стол нужно накрыть полотном из красного шелка, размером немного шире стола, и заложить его края по углам. На шелк нужно положить обрамленный камень и главную печать”.

Ди говорит о том, что не обязательно помещать кристалл в черное или темное пространство, так как цвет как бы нейтрализует чувство страха, которое может вызвать темнота».

В средневековых «рекомендациях» по гаданию на магическом кристалле из горного хрусталя говорится, что перед началом сеанса хорошо выпить отвар или чай из цикория, который обладает тонизирующим воздействием и «связан» с зодиакальным знаком Весов, придающим камню магические свойства.

Наиболее благоприятным является период, когда луна вступает в фазу полнолуния, ибо тогда Луна «управляет» горным хрусталем и бериллом.

• . . .

Ведьмами часто объявляли знахарок — женщин, сведущих в медицине. Таких «ведьм» сейчас называют травницами.

* Печать Господа (лат.).

Бесконечное разнообразие народно-медицинских приемов и способов врачевания и в Средние века, и в наши дни сводится в конце концов к лечению травами. Из трав готовили отвары, их прикладывали к больному месту, ими окуривали больных и все помещение, подвешивали в доме над кроватью или над порогом, носили при себе как амулеты.

Кора дуба лечила диарею, стебли чеснока, привязанные к колыбели младенца, охраняли его от сглаза и колдовства, семя льна, смешанное с луком, повышало сексуальность, паслён, девясил, мята применялись при болезнях, вызванных, как считалось, альвами и другими мифическими существами, полынь защищала от сглаза, а тимьян, зверобой, лук-порей отгоняли всякую нечисть и нейтрализовывали действие колдовских чар.

Средневековые лекарки, объявленные «исчадиями ада», пользовались растениями семейства пасленовых, которые также называют в народе «травами-утешительницами». Растения эти весьма опасны и могут употребляться как для успокоения, так и для возбуждения человека. Они встречались и встречаются повсюду под ногами и у любого плетня. Неверно взятое количество растительного сырья может оказаться смертельным для человека. Неудивительно, что травниц поэтому считали ведьмами — ведь они могли устанавливать точные пропорции лекарства и даровать либо жизнь, либо смерть больному.

Травницы использовали и всем знакомые томаты (после открытия европейцами Нового Света), называемые в народе также «яблоками любви», и вербишник (царский скипетр), употребляемый для примочек. Но брали они для своих лекарств и более опасный горький паслён, вкус которого из сладкого постепенно превращается в нестерпимую горечь. Но благодаря этой горечи и наступающему временному омертвлению тканей утихает боль. Это было болеутоляющее, анальгетик, вызывающий анестезию. Паслёном также лечили многие кожные заболевания. Еще большей «обезболивающей» силой обладает паслён черный.

Ведьмы, дававшие обращающимся к ним людям травы, сильно рисковали. Растения, смешиваемые в одну

кучу под общим названием «ведьмовские травы», были смертельно опасными, а потому и ведьм, в руках которых находились эти травы, люди считали отравительницами. Толпа, слепая и жестокая в своей боязни, могла в одно прекрасное утро забить ведьму камнями до смерти, устроить ей «испытание водой», попросту — утопить. Или прибегнуть к еще более жестокому средству — набросить на шею несчастной лекарке веревку, притащить на церковный двор и устроить благочестивое зрелище для всех желающих, бросив ведьму в костер.

Травницы собирали лекарственные растения в определенные дни, часто ночью или на рассвете, что не могло не вызывать страха и ужаса непосвященных. Несмышленный подросток-пастушок, увидев травницу, рассказывал затем в деревне о том, как шныряла ведьма в старых развалинах, оглядываясь по сторонам, и что-то бормотала себе под нос. Какой ужас! Ведь ведьма могла заметить подпаса и превратить его в ящерицу, черепаху или летучую мышь... Она собирала какую-то поганую траву, бледно-желтую с черно-красными, точно адское пламя, бороздками. А сам стебель растения — точно косматый человек, весь покрыт длинными, черными, липкими волосами.

Вот так и рождались легенды. Так травниц, которые могли помочь и помогали больным, объявляли колдуньями и волокли на костер. А страшным растением была белена, обладающая не только опасными свойствами, но и болеутоляющими.

Другое из ряда таких же ядовитых лекарственных растений — белладонна, красавка, оказывающая успокоительное действие во время родовых болей.

Поскольку «ведьмовские травы», как правило, были ядовиты, то невежественные люди считали, что они от Сатаны, который использует эти средства для того, чтобы воздействовать на душу; с их помощью он дает человеку забвение, любовь, грезы, посылает любую страсть.

Самое удивительное, что лекарственные травы — или многие из них — ввели в обиход травниц сами монахи. Так, уже в раннее Средневековье разведение этих растений стало традицией, по крайней мере в бенедик-

тинских монастырях. Идеальным образцом целебного «огорода» стал «садик» («hortulus») монастыря Райхенау с пряными и лекарственными растениями, воспетый в VIII веке аббатом Валафридом Страбоном в его знаменитом одноименном трактате, где приводится перечень растений. Большинство из них в начале IX века предписывал разводить в своих поместьях Карл Великий.

Но была и обратная связь: народные традиции в употреблении трав неизбежно оказывали влияние на монашескую медицину. Хильдегарда Бингенская (XI век) в своих трактатах рекомендует не только признанные авторитетными медиками древности растения, но и «местные» травы (72 вида). Алтей, например, хорош при кашле, одуванчик, как считалось, очищает кровь и улучшает пищеварение не хуже тмина, а снотворным эффектом обладают не только южные растения — мак, конопля, но и обыкновенная белена. Тюрингская ландграфиня Елизавета в 1231 году тоже лечила пациентов своего госпиталя в Марбурге преимущественно травами. В каменном декоре, по сей день украшающем ее гробницу, можно распознать изображения многих считавшихся в те времена целебными местных растений — копытеня, лютика, плюща, переступени.

Ю. Е. Арнаутова пишет: «В народной медицине, магической по своей природе и сути, лечение травами основывается не только на их “естественных” целебных свойствах. Многие растения из тех, что применяются в народной медицине и вообще в магии, на самом деле не имеют или почти не имеют целебного эффекта. Так, на легендарном “лугу бессмертия” — *Odains ackr*, — который, по преданию, находится где-то в горах Исландии и дает вечную жизнь и молодость всякому, кто туда попадает, росли тем не менее самые обычные травы — лютики, дикие ирисы, земляника.

Но лечение — всегда ритуал, и всякое средство в нем, даже самый простой отвар из трав, является тщательно разработанным ритуальным символом, о первоначальном, глубинном значении которого теперь можно строить только догадки. Роль растений в мифопоэтических представлениях и их использование в ритуальной практике в большей степени определяются наличием осо-

бого растительного (“вегетативного”) кода в культуре и принадлежностью к многочисленным системам классификации, нежели их “естественными” свойствами. К. Леви-Строс подчеркивал, что все растения и животные известны человеку не потому, что полезны, напротив, многие считаются полезными, так как уже известны, включены в единый глобальный классификационный комплекс, при помощи которого человек ориентируется в окружающем мире, а “причины, по которым общества выбирают для использования некоторые естественные продукты, что, в свою очередь, приводит к созданию особых обычаев, или же от них отказываются, зависят не только от присущих этим продуктам свойств, но также от придаваемого им символического значения”.

Символическим значением или, иными словами, “магической силой” многие растения и другие предметы наделяются в культуре “автоматически”, на уровне бессознательных коллективных представлений, в основе этого процесса лежат сложные семантические механизмы. К примеру, столь популярный в любовной магии и как средство от бесплодия корень мандрагоры имеет вид человеческой фигурки без головы. Нить, которой производили измерения больного, чтобы исцелить его таким образом, или которой связывали в пучки целебные растения — красного цвета, а красный цвет, как известно, в магической практике является субститутом крови. Чеснок, отгоняющий всякую нечисть, обладает резким запахом, так же как и рута, подобно многим ароматическим растениям нашедшая применение в культе мертвых, — ее сажали у могил, венки из нее возлагали покойникам на голову. Перед нами — простейшие формы семантизации, когда предмет наделяется символическим значением на основе его отдельных характеристик по форме, цвету, материалу. Каждая из этих характеристик в свою очередь может иметь дополнительный символический смысл (символика круга, креста, цвета) и может коррелировать с более общими классификаторами, характерными для мифологической модели мира, например, с основными семиотическими оппозициями: внутренний — внешний, живой — мертвый, правый — левый, день — ночь и т. п.

П. Г. Богатырев в своей работе о магических обрядах и верованиях в Закарпатье показал, что в большинстве случаев невозможно дойти до первоначального объяснения ритуала не только для доисторической индоевропейской эпохи, но даже для эпохи относительно недавней. Глубинная семантика ритуалов и их символов является достоянием коллективного бессознательного и недоступна носителям культуры, а те объяснения, которыми располагают их исполнители в исследуемый период, являются обычно вторичными и по прошествии времени меняются. Так, изменяющиеся условия жизни исподволь приводят и к изменениям мотиваций использования тех или иных лекарственных средств при определенных заболеваниях. В Средние века не последнюю роль в этих переменах сыграло распространение христианства.

Не только в “официальной” культуре — в иконографии, книжной миниатюре, архитектурной пластике, но и в фольклоре многие растения стали связывать с христианской символикой. Некоторые из них превратились в постоянный атрибут христианских персонажей (например, розы, лилии, выюнки, маргаритки стали считаться цветами Девы Марии), а те, которым прежде молва приписывала связь с древними германскими богами, перешли под покровительство Христа, Богоматери, святых. По данным О. Говорки и А. Кронфельда, из 205 используемых в позднее Средневековье и в начале Нового времени растений названия по меньшей мере одиннадцати включали имена из христианского пантеона святых. Зверобой стал “травой св. Иоанна” (нем. *Johanniskraut*), чабрец — “травой св. Марии” (нем. *Marienkraut*), дудник или лесной дягиль (лат. *Angelica silvestris*) — “ангельским корнем” (нем. *Engelwurz*), а его ближайший родственник дягиль лекарственный (лат. *Archangelica officinalis*) — даже “архангельским”. Корень его издавна известен своими мочегонными и потогонными свойствами, а также как средство для улучшения пищеварения, с позднего Средневековья используется для ароматизации ликеров (бенедиктин, шартрез). Другое (народное) “христианское” название дягиля — “корень святого Бенедикта” (нем. *Benediktuswurz*).

Иногда практика использования какого-нибудь растения получала весьма пространное объяснение. Так, во времена чумных эпидемий середины XIV века распространилось убеждение, что колючник бесстебельный (*Carlina acaulis*) — растение давно известное главным образом из-за своего корня, который вместе с сочным цветоложем образует довольно толстый стержень сладковатого миндального вкуса, обладающий потогонным, мочегонным и слабительным эффектом. Оно способно предохранить и от чумы, так как назначено для этого самим Господом. Как рассказывается в легенде, по-видимому тогда же и возникшей, однажды Карлу Великому (который жил за шесть столетий до эпидемии “черной смерти”) во сне явился ангел и объявил, что Бог укажет ему средство против чумы: это будет то растение, в которое воткнется выпущенная им поутру стрела. Проснувшись, великий император будто бы последовал указанию Провидения и, выйдя на крыльцо, пустил в воздух стрелу, которая и упала в куст колючника. “Отмеченное Богом” растение стали носить при себе для защиты от чумы и как средство против усталости, привязывали скоту, чтобы уберечь от мора, а также, как и прежде, готовили из него слабительный порошок для лошадей — *putvis equorum*.

Сбор трав и приготовление снадобий из них издревле сопровождался определенным ритуалом, предназначенным или наделять их магической силой, или активизировать уже имеющуюся. Едва ли существовало в Средние века хотя бы одно дикорастущее целебное растение, которое не собирали бы в строго определенное время, например, при убывающей луне, или до восхода солнца, или “пока не высохла роса”, чистыми и пустыми руками, или, напротив, имея в руках что-нибудь железное, избегая прикасаться руками к земле, молча ли, с заклинанием или какой-нибудь иной церемонией. Мандрагору, например, чтобы лишить ее изначальной вредоносной силы, долго мыли в проточной воде, которая еще в дохристианской мифологии разных европейских народов считается очищающей и вообще благотворной во всех отношениях. Число стеблей, собранных в пучок, также не было произвольным: 3, 7, 9, 72.

Церковь с подозрением относилась к сбору дикорастущих трав, всегда готовая видеть в этом род колдовства, однако их применение в медицинских целях все же не возбраняла. Запрет был наложен только на ритуалы и заклинания, сопровождавшие сбор трав и приготовление лекарства, а также разного рода “колдовские”, то есть немедикаментозные напитки.

Важно отметить, что, поскольку Церковь не отвергла ритуала как системы воздействия на внешний мир, она всеми силами стремилась заменить старые, сохранившиеся еще со времен язычества ритуалы и заклинания на христианские. По мнению официальных теологов, травы действительно обладали целебной силой, но, как писал на рубеже X—XI веков англосаксонский проповедник и церковный реформатор архиепископ Эльфрик, эту силу вложил в них Бог, а не человек вызвал ее своими заклинаниями. Как и все физические объекты, растения содержат божественные достоинства, которые могут быть активизированы только путем обращения к Богу, а потому альтернативу языческой (то есть древней народной) магии Церковь усматривала прежде всего в молитве и знаке креста. При сборе трав запрещалось произносить какие-либо заклинания, — и Церковь строго следила за этим, — зато рекомендовалось чтение “Отче наш” и “Верую”. С конца X века набирает темпы и процесс замены архаических заклинаний, в том числе и произносимых обычно над травами, на христианские формулы-благословения. На исходе XIII века в обиход вошли также внелитургические, народные, формулы благословений, существовавшие параллельно с подвергшимися христианской редакции старыми народными заклинаниями.

Формирование разнообразных христианских ритуалов, направленных на “усиление” целебного воздействия трав, непрерывно шло на протяжении всего Средневековья. Подобно большинству других форм “церковной магии”, они включали в себя множество приемов, позаимствованных из народной практики, и, соответственно, множество языческих символов. Так, для исцеления от эпилепсии касатик, пeon или руту связывали в 12 пучков и над каждым из них 9 раз (свя-

щенное число в германской мифологии) читали “Отче наш”. Растения высушивали и растирали в порошок, который затем должен был пролежать на алтаре в церкви в течение 9 месяцев. Лишь только тогда лекарство, как считалось, обретало целебную силу.

Подобно тому как в дохристианскую эпоху травы собирали в определенные, обычно связанные с языческими празднествами дни, уже в высокое Средневековье их сбор стали приурочивать к христианским праздникам, прежде всего ко дню Вознесения Марии (15 августа), Иванову дню, праздникам святого Петра и Пасхи. В эти дни травы освящали в церкви. Процедура церковного благословения трав стала отчасти своеобразной заменой “языческих” магических действий над ними. По данным А. Франца, благословляли барвинки, вербену, зверобой, валериану, репейник, укроп, монашій корень (арнику), мак, вереск, лютики, одуванчики, горчицу, лук, чеснок, можжевельник, полынь, пучки колосьев и полевых цветов. Из одних растений готовили целебные отвары, другие использовали скорее как амулеты. Пучки трав развешивали в доме, над порогом, на стенах, для защиты не только от болезней, но и от огня, молнии, непогоды (зверобой, к примеру, отгонял тучи с градом), вешали в скотном сарае, клали в колыбель младенцу и себе под изголовье, носили на шее. Именем святого Стефана, например, благословляли положенные на алтарь цветы, пучки которых подвешивали потом в доме “для здоровья”. В праздник Семи спящих в Эфесе юношей (27 июня*) собирали вербену, которой лечились потом от головной боли и бессонницы. Некоторые растения считались едва ли не универсальными целебными средствами. Буквице, например, приписывали способность лечить не менее 72 болезней да еще помогать в любовных делах, руту также применяли едва ли не при всех болезнях и для противодействия врагам — “видимым и невидимым” (возможно, здесь сыграла роль своеобразная, похожая на крест, форма ее листьев)»**.

* 27 июня этот праздник отмечался в Германии, тогда как в Италии, Франции, Англии — 27 июля.

** Арнаутова Ю. Е. Указ. соч. С. 207—208.

Одной из тайн ведьм было также изготовление любовного напитка. Сведения относительно такого напитка и других приворотных средств, которыми пользовались ведьмы, обычно очень фантастичны.

Частое упоминание «варварскими правдами» и «покаянными книгами» разнообразных напитков из разряда тех, что, по общему мнению, *mentes hominum turbant*, то есть «извращают ум человека», свидетельствует о популярности в Средние века всевозможных «отворотных» и «приворотных» зелий, любовных напитков. Помимо этого, по словам Бурхарда Вормсского, «коварные женщины» умели готовить еще и такие напитки (по-видимому, сильное снотворное), которыми опаивали своих мужей, чтобы беспрепятственно совершать адюльтер, пока те спят.

Любовные напитки были весьма различны. Одни из них вызывали возбуждение, волновали кровь, как все те возбуждающие снадобья, которыми изобилует Восток. Из других весьма опасны были напитки, с помощью которых можно вызвать всякого рода иллюзии, лишит человека воли, отдать его в полное распоряжение другого. Были, наконец, и такие, которыми хотели испытать силу страсти, узнать, до какой степени страстное желание может изменить все чувства, заставить все, что имеет отношение к предмету любви, даже вещи весьма малоприятные, принимать как высшее благо.

Вернуть утерянную любовь старались при помощи «любовного» пирога. Пекся такой пирог на пояснице обнаженного человека — дамы или кавалера, что, естественно, было нестерпимо больно. На спину клалась доска, на которой и разводился огонь. Вот уж воистину — любовь зла!

Пирог, пропитанный страданиями и любовью, подносится возлюбленному. И как только тот съедает этот подарок, странное волнение охватывает его, голова начинает кружиться, кровь приливает к сердцу. Он краснеет, он весь пылает. Он охвачен бешеной страстью, вечным, неутолимимым желанием. Колдовство свершилось.

Каким образом ведьмы добивались результата? На этот вопрос не может дать однозначного ответа ни один человек. Наверняка они были сведущими травницами и

хорошо знали возбуждающие эффекты растений. Но большую роль играло и внушение, в том числе и самовнушение. Современные врачи признают, что человек может излечиться только в том случае, если верит в свое выздоровление — получается эффект «самогипноза». Именно этим и пользовались знахарки, приготовляя свои настои из лечебных трав. Однако это — тема отдельного разговора, на который у нас в этой книге просто нет места.

«Диапазон применения трав в повседневной жизни был весьма широк, их использовали не только как целительные средства, но и как средства нанесения вреда. Изготовление разного рода вредоносных, тем более смертоносных напитков (*morbiferam pottorem*) каралось “варварскими правдами” и Церковью наравне с колдовством, разновидностью которого они, собственно, и считались, — пишет Ю. Е. Арнаутова.

«Как колдовские и противоречащие христианской морали расценивались также контрацептивные напитки. “Когда развратничают и хотят уничтожить свой плод, — сетуют авторы пенитенциалиев, — делают так, чтобы вытравить его своим колдовством или своими травами, так что плод или погибнет, или будет изгнан, или, если еще не зачали, делают так, что и не зачнут”. В напитки, предназначенные для прерывания беременности или для контрацепции, входили печеночница, лютик, душистая полынь, вермут, желтый люпин, одна из разновидностей можжевельника, спорынья. Во время месячных пили отвар, изготавливаемый из смеси календулы, петрушки, майорана, тимьяна, лаванды, тмина, розмарина, мирта, шафрана, а также маргариток и клубней кукушкиных слезок. Считалось, что такой напиток воспрепятствует беременности в будущем, хотя, как видим, состав его был абсолютно “невинным”: календула обладает противовоспалительным эффектом, маргаритки — слабым кровоостанавливающим, а кукушкины слезки — вообще никаким. Может быть, “особые” свойства приписывались напитку благодаря большому числу разных ароматических средиземноморских растений в его составе? Наличие этих же растений заставляет подозревать “научное” происхождение его рецепта.

Гораздо более эффективным и действительно народным средством прерывания беременности была спорынья — паразит ржи, грибок, содержащий ядовитые алкалоиды — эрготамин, эрготоксин — вызывающие сильные спастические реакции. Спорынья была общеизвестна в основном благодаря тому, что очень часто в низших слоях общества, которым был доступен только ржаной хлеб, зараженная ею мука вызывала отравления, порою принимавшие характер эпидемий, подобных, например, описанной в 1125 году в хронике Робера Дюмона.

Церковь выступала также и против распространенных снадобий из трав, которые, как считалось, лечили от бесплодия, и осуждала бездетных людей, надеявшихся обзавестись ребенком, но “не от Бога, а с помощью нечестивых снадобий (*sacrilegis medicamentis vel arborum sucis*)”. Вюрцбургский епископ Бурхард (VIII век) так отзывался об этом в своих проповедях: “...Кому Бог не хочет дать сыновей, пусть те не пытаются получить их с помощью каких-нибудь трав, или дьявольских филактерии (род амулета), или нечестивых ладанок”^{*}.

Ведьмы, как считали в Средневековье, могли превращаться в волков сами и могли превращать в серых хищников других людей. Волки-оборотни крали из домов взрослых и детей и пожирали их.

Полагали, что превращение в волка — излюбленный способ дьявола вредить роду человеческому. В писаниях того времени мы находим указания на трактирщиков, которые якобы давали своим посетителям какие-то снадобья в сыре и таким образом превращали их в животных.

Надо сказать, что верование в оборотней существовало в той или другой форме во всех странах Европы. Оно в особенности было распространено там, где было много волков — в Норвегии, Ирландии, Греции, даже у нас в России. В Италии же ведьмы большей частью превращались в кошек.

Вера в оборотней принимала в некоторых местах Европы характер настоящей эпидемии. Все дело в том, что существует особая форма безумия, во время кото-

^{*} Арнаутова Ю. Е. Указ. соч. С. 290.

рой больные воображают себя превращенными в зверей. Так случалось и в Средние века. Многие воображали себя обросшими шерстью, вооруженными ужасными костями и клыками и утверждали, что во время своих ночных скитаний они разрывали людей, животных и детей.

Дольский парламент во Франции нашел даже нужным в 1573 году издать следующее постановление: «Ввиду полученных верховным судом Дольского парламента сведений, что часто видят и встречают человека-волка, похитившего уже нескольких маленьких детей, которых затем более не видали, и нападавшего в поле на некоторых всадников... названный суд, в предупреждение большого зла, разрешил и разрешает жителям этих и других мест, невзирая на существующие законы об охоте, собраться с рогатинами, алебардами, пиками, пищалями, дубинами и учинить охоту по названному оборотню, преследовать его всюду, где только можно его найти, поймать, связать и убить, не отвечая за это никаким штрафом или взысканием».

Выслеживание этих оборотней и придание их суду составляло одну из главных забот администрации и судебной власти.

О ведьмах-оборотнях в Европе до сегодняшнего дня бытует невероятное количество историй. В одной из них рассказывается о некоем французском охотнике, который, однажды ночью промышляя в горах Оверн, подстрелил волчицу. У той оторвало лапу, но она, хромая, успела убежать. Охотник поднял лапу, положил ее в свою охотничью сумку и пошел в соседний замок просить гостеприимства и ночлега. Владелец замка принял его очень радушно и любезно осведомился у гостя, много ли он настрелял добычи. Чтобы ответить на этот вопрос, охотник хотел показать хозяину лапу волчицы. Но каково же было его изумление, когда вместо лапы волчицы в сумке оказалась человеческая рука с кольцом на одном из пальцев, по которому хозяин замка узнал, что рука принадлежит его жене. Он направился немедленно в комнату супруги и нашел ее раненой, скрывающей свое плечо, которое, как оказалось, не имеет руки. Убедились, что рука, которую принес охотник, как раз

подходит к плечу женщины. Тогда она призналась, что может принимать обличье волчицы. В таком виде она и встретилась с охотником, который ее подстрелил. Муж передал ее инквизиции, и она была сожжена.

А вот что об умении превращаться в животных, летать на шабаши пишет современная исследовательница средневековой медицины Ю. Е. Арнаутова:

«Особенный интерес представляет практика использования растений, содержащих токсические алкалоиды, а именно белены, дурмана, белладонны, борца волчьего, болиголова (цикуты), паслена и других (в Европе их насчитывалось не менее десятка), а также ядовитых грибов, прежде всего мухомора. Из них готовили не только яды; изначально снадобья из этих растений использовали главным образом в сакральных действиях, а в позднее Средневековье они входили в состав всевозможных ведовских напитков и мазей.

В основе действия этих снадобий — химические соединения, сегодня именуемые галлюциногенными, которые вызывают в организме различные изменения психических функций от простого обострения всех органов чувств и аффективных состояний до искажения восприятия реальности, времени, пространства и самоидентификации, а также зрительные, слуховые, тактильные галлюцинации. Для достижения состояния шаманского транса, во время которого, как верили, можно общаться с духами, древние скандинавы использовали мухомор. Содержащийся в нем мускарин — алкалоид нейротоксического действия — приводит шамана в невероятное возбуждение. С горящими глазами, весь дрожа, он совершает ритуал камлания. Пение его становится все громче, движения все хаотичнее, примерно через полчаса наступает наркотический сон — шаман “отправляется в путешествие” по царству мертвых. Употребление мухоморов вызывало токсический экстаз и “мистический опыт” и у участников греческих мистерий. Симптоматическая картина состояния “бешенства” у берсерков также заставляет предполагать наличие мухоморов в составе их ритуальных снадобий, рецепт которых хранился в глубокой тайне. Берсерки, упоминаниями о которых полны древнескандинавские

саги, — это воины, отличающиеся особой, нечеловеческой силой, в бою они впадали в неистовство, кричали, рычали, кусали от ярости края своих щитов и дрались до изнеможения, не чувствуя боли от ран. По-видимому, в такие минуты они идентифицировали себя с дикими зверями — волками, медведями (др.-исл. *berserkr* — медвежья шкура). Одни исследователи объясняли феномен берсерков психическим заболеванием, родом ликантропии (“волчья болезнь”), во время приступов которой в бешенстве человек становился нечувствительным к боли и верил, что превратился в дикого зверя. Другие связывали этот феномен с существованием тайных мужских союзов у германцев и использованием ритуальных снадобий. Экстатическое состояние начинается у берсерков с ощущения холода и озноба, зубы стучат, лицо отекает и краснеет (в других источниках — бледнеет), быстро нарастает психомоторное возбуждение, они впадают в ярость и набрасываются на окружающих, часто не разбирая, кто друг, а кто враг, “но как только буйство проходило, — сообщает ‘Сага об Эгиле’, — они становились слабее, чем бывали обычно”*. Действительно, вызванное мускарином возбуждение длится не более чем один день, затем наступает упадок сил и длительная апатия.

В позднее Средневековье, когда древняя народная вера в ведьм и оборотней получила поддержку Церкви и Европу с конца XV века захлестнула волна демономании и охоты на ведьм, тема магических растений, входящих в состав колдовских мазей и напитков, обрела новое звучание. Судя по протоколам инквизиционных допросов, обвиняемые в ведовстве и оборотничестве объясняли свою способность превращаться в волков и других животных и в этом обличье нападать на людей, а также летать на ведовские сборища — шабаши, где служилась “черная месса” в честь Сатаны, применением специальных мазей. В их состав входили обычно жир, вытопленный из сваренных живьем или выкраденных с кладбища младенцев, кровь летучей мыши, сажа, ароматические и ядовитые растения.

*Сага об Эгиле. Гл. 27.

Мази наносились на наиболее чувствительные, в особенности эрогенные, зоны тела. Разумеется, рассказы о рецептах подобных мазей, как и вообще все содержание “признаний” ведьм и оборотней (вервольфов), представляли собой фантастическую смесь архаических, уходящих корнями в народную магию, представлений о ведьме, варящей в котле свои зелья, — с одной стороны, и изощренных домыслов инквизиторов, начитавшихся трактатов по демонологии, алхимии, фармации, — с другой. Это была своеобразная традиция, отчасти навязанная допрашиваемым постоянно повторяющимися вопросами инквизиторов, отчасти вдохновленная “ведовским фольклором”, который был у всех на слуху в это смутное, голодное, страшное время. Однако, несмотря на то, что колдовские мази фигурируют в судебных протоколах как вещественные доказательства крайне редко, их, по-видимому, всё же пытались изготавливать и использовать те, кто (по разным причинам) действительно считал себя ведьмой и оборотнем. Воспаленная фантазия оговоривших себя людей, питаемая массовыми представлениями о ведовстве и оборотничестве и общим духовным климатом эпохи, была лишь одной стороной дела. Рассказы обвиняемых об их превращениях в волков, козлов, кошек или полетах на шабаш, где они участвовали в ритуалах принесения обета верности Сатане, сопровождаемых дикими плясками и сексуальными оргиями, вполне могли быть следствием переживаемых ими галлюцинаций и ярких сновидений, вызываемых алкалоидами входивших в состав ведовских мазей растений, обладающих наркотическим эффектом. Эта мысль высказывалась некоторыми врачами еще в XVI—XVII веках. В качестве доказательства итальянский врач Делла Порта проделал следующий эксперимент: женщине, которая утверждала, что она ведьма, предложили в присутствии авторитетной комиссии из врачей и судей натереться используемой ею обычно мазью. Когда она сделала это, ее заперли в небольшой комнате и продолжали наблюдать за происходящим через щель в двери. Некоторое время спустя мнимая ведьма впала в бессознательное состояние, а когда пришла в себя через несколько часов, то подробно рассказала, как летала на шабаш и что там делала. Действительно, как подтверждается современ-

ными исследованиями, несмотря на то, что рецепты ведовских мазей варьировались и включали в себя множество экзотических компонентов вроде жира младенцев или земли с кладбища, своим наркотическим эффектом они обязаны главным образом содержащимся в их растительных ингредиентах ядовитым алкалоидам — аконитину, гиосциамину, скополамину, атропину, соланину и др. По всей вероятности, определенные субстанции мазей “обеспечивали” ощущения и галлюцинации определенного рода и содержания. К примеру, петрушка и сельдерей, со времен Античности считавшиеся “растениями Афродиты”, могли порождать сексуальное возбуждение и видения диких сексуальных оргий, борец волчий — ощущение падения вследствие нерегулярности сердечной деятельности, паслён, белладонна — ощущение полета, а психомоторное возбуждение, вызываемое белладонной, беленой, дурманом, могло облечься в видение неистовых танцев. Под действием алкалоида аконитина, содержащегося в большей части ядовитых растений, окружающая обстановка в снах и галлюцинациях часто окрашивается в зеленый цвет. В рассказах обвиняемых именно зеленым (реже — голубым) огнем горят свечи в руках участников “черной мессы”, и не потому ли в позднее Средневековье считалось, что зеленый — цвет дьявола? Однако подчеркну еще раз: в целом содержание, “сценарий”, всех этих видений и галлюцинаций, равно как и содержание вообще всех средневековых видений, снов, мистических откровений или систематического бреда сумасшедших было обусловлено всей средневековой культурой и ее духовным климатом, оно формировалось на основе характерных для той эпохи массовых представлений, фобий и в целом соотносилось с “содержанием сознания” людей Средневековья*.

«Молот ведьм»

В те далекие времена само собою разумелось, что предавшийся дьяволу — враг человечества, олицетворенное зло. Дьявол, как его рисуют идеологи Церкви, он

* Арнаутова Ю. Е. Западноевропейские средневековые «оборотни» // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 161—165.

же Сатана, он же царь тьмы, князь ада и великий искушитель — главный враг Бога, его соперник и хулитель.

Дьявол — падший ангел, низвергнутый с небес Богом за свои низменные пороки — зависть и гордыню, неустанно трудится, чтобы совратить верующих по всему миру и наделать человечеству пакостей. Он коварен, злобен, не знает жалости и сострадания, он похотлив и, по словам святого Августина, «божья обезьяна». Он обладает великой силой и постоянно соперничает с самим Богом, он искусен в колдовском искусстве, может принимать разные облики и преодолевать мгновенно огромные пространства, он способен даровать многие блага земные несчастным грешникам, но в результате потребует от них бессмертную душу.

Если Бог, по учению Церкви, трехлик, то дьявол многолик, его преступным ипостасям несть числа.

Если с дьяволом заключить договор, то он будет непременно его исполнять. Но не из добрых побуждений, которые ему неведомы, а лишь затем, чтобы не нарушать данного слова и не прослыть обманщиком и, следовательно, не потерять потенциальную жертву. А дать он может многое: любовь, красоту, ребенка, деньги, власть и могущество.

Дьявол, по средневековым представлениям, способен принимать вид мужчины (*инкубус* — сверху лежащий) и вступать в половую связь с женщиной или принимать вид женщины (*суккубус* — лежащий снизу) и отдаваться мужчине. Как поясняет авторитетнейший католический богослов Фома Аквинский в «*Summa Theologica*», когда от совокупления дьявола с женщиной рождаются дети, то они произошли от семени, которое приобрел дьявол от другого мужчины. При этом мужчина теряет свое семя, а дьявол выполняет одну из своих основных задач — делает мужчину импотентом.

Сексуальные козни дьявола — излюбленный сюжет средневековых богословов и инквизиторов.

Церковь соединила колдовство с преступлениями ереси и выставила положение: «Высшая ересь — не верить в колдовство». Поэтому она считала своей главной и важнейшей задачей борьбу с дьяволом и его орудиями.

ем — ведьмой. Главы Римской католической церкви — папы — издавали специальные указы, буллы, призывающие к уничтожению ведьм, и назначали для каждой местности особо уполномоченных инквизиторов.

В булле папы Иннокентия VIII, изданной в 1484 году, говорилось о том, что «в Германии многие лица обоего пола входят в союз с дьяволом, вредят людям и скоту, портят поля и плоды, отрицают христианскую веру и, побуждаемые врагом рода человеческого, совершают еще другие преступления». Поэтому два профессора теологии, монахи Генрих Инститорис и Якоб Шпренгер, были назначены инквизиторами с обширными полномочиями, один — для Верхней Германии, другой — для прирейнских областей. Они должны были «исполнять свои обязанности относительно всех и каждого, без различия звания и состояния, и наказывать тех лиц, которых они найдут виновными, сообразно их преступлениям: заключать в темницу, лишать жизни или имущества. Все, что они найдут нужным сделать для этого, они могут совершить свободно и беспрепятственно, призывая в случае надобности помощь светской власти».

Такие же буллы были изданы и для других стран. Постановлениями пап и духовных соборов предписывалось следить за распространением колдовства и без пощады искоренять всех причастных к нему.

Отцы Церкви и теологи посвящали колдовству обширные трактаты, в которых существование дьявола выводится из текста Священного Писания и вера в колдовство выставляется как основа христианской религии. Целые теологические факультеты университетов старались научно обосновать необходимость борьбы с дьяволом и издавали трактаты, излагавшие со всей академической систематичностью учение о союзе с дьяволом, о составе преступлений колдовства, о мерах преследования ведьм, о специальных формах следствия над ними и о наказании.

В 1489 году в Кельне был издан «Молот ведьм» — книга, приобретшая огромную известность и ставшая вскоре авторитетом для духовных и светских судов. Она принадлежит авторству упомянутых в булле Иннокентия VIII инквизиторов Шпренгера и Инститориса в

сотрудничестве с другим инквизитором Кремером и, с точки зрения современного человека, представляет настоящий бред или собрание сказок и легенд о колдовстве и ведьмах, сопровождающихся ссылками на тексты Священного Писания и труды Святых Отцов. Авторы также щедро делятся примерами из своего кровавого опыта. Книга построена в форме вопросов и ответов и состоит из трех частей.

В первой части излагается учение о дьяволе, о его власти над человечеством, о связи ведьм с дьяволом, о шабаше и о разных преступлениях ведьм. Вторая часть содержит указания, как бороться с дьяволом в лице ведьм, как их обнаруживать и преследовать, и рассказывает про разные хитрости и козни дьявола и всякого рода ужасы дьявольских наваждений. Третья часть представляет собой руководство для судей с подробными указаниями, как вести допросы, какие существуют признаки виновности, как добиться признания и т. д.

Авторы «Молота ведьм» утверждали, что одного подозрения в колдовстве уже достаточно для осуждения. Одним росчерком пера они отправляли на костер сотни и тысячи ни в чем не повинных людей.

Пытки для получения признания считались совершенно допустимыми и даже желательными. Пытать предписывалось до тех пор, пока ведьма не сознается, и если, несмотря на все пытки, она все-таки будет продолжать отрицать свою вину, следовало бросить ее в самую грязную тюрьму и держать там до тех пор, пока она добровольно или под влиянием новых пыток не сознается. Совершенно очевидно, что несчастная женщина рано или поздно признавалась в том, чего не совершала, да еще и оговаривала великое множество людей — только бы прекратить бесконечные мучения. Ужасный замысел инквизиторов и заключался в том, чтобы жертвы понимали всю безвыходность своего положения: шансов на спасение или хотя бы надежды на прекращение мучений у них не было. В XXI веке понять это абсолютно невозможно, но люди действительно верили в полеты на метле, превращение ведьмаков в оборотней, изготовление варева из младенцев, принятие колдовскими способами облика другого человека.

В «Молоте ведьм» совершенно серьезно (да иначе и быть не могло!) приводятся самые невероятные рассказы. Так, например, утверждается, что падучая болезнь, или эпилепсия, передается людям с помощью яиц, которые кладутся с телами умерших в могилы и главным образом с телами тех, кто тоже занимался колдовством. «Такие яйца, вынутые спустя некоторое время из гроба, давались с исполнением известного ритуала в питье или в еде. После этого вкусивший становился эпилептиком».

В другом месте авторы трактата о ведьмах повествуют о рабочем из Базельской епархии, который сделал одной сварливой женщине резкое замечание. В ответ женщина стала ему угрожать и сказала, что вскоре отомстит. Он не придавал ее угрозам никакого значения, но очень скоро заметил, что у него на шее образовался прыщ. Когда он начал его тереть и дотронулся до лица, то почувствовал, что его лицо и шея распухли. Присмотревшись, он увидел, что ужасающая проказа покрыла все тело. Недолго думая, он призвал друзей и представителей городского совета и рассказал им историю ссоры с указанной женщиной и припомнил ее угрозы. Вскоре предполагаемую ведьму взяли под стражу. Подвергнутая пыткам, она созналась в преступлении. Когда судья стал расспрашивать о причинах, побудивших ее к колдовству, она ответила следующее:

«Когда этот мужчина сделал мне резкое замечание, я вернулась домой в большом гневе, и злой дух стал допытываться о причине моей печали. Я рассказала подробности и настаивала на том, чтобы эта резкость была отомщена. Демон спросил: “Как же я должен ему отомстить?” Я ответила: “Хочу, чтобы у него распухло лицо”. Тогда демон удалился и навел на человека болезнь, которая оказалась значительно серьезнее, чем та, о которой я просила. Я никогда не думала, что он поразит его такой проказой». Ведьма эта была сожжена.

Сжечь человека за то, что у другого человека на шее вскочил прыщ! А если вспомнить русское пожелание, которое каждый из нас не раз слышал и сам произносил: «Типун тебе на язык!», то, в соответствии с инквизиторским трактатом, любого хорошо владеющего русским

языком гражданина вполне можно объявить ведьмаком или ведьмой.

Инквизиторы описывают, как одна замужняя и всеми уважаемая женщина явилась к ним и дала следующее показание: «Позади моего дома у меня имеется сад, прилегающий к саду моей соседки. Однажды я заметила, что кто-то истоптал мои грядки с овощами. Следы шли из сада соседки. Стоя перед калиткой к овощным грядкам, я, досадуя про себя на убытки и на то, что кто-то проходит из соседнего сада, заметила приближение соседки, которая спросила, не подозреваю ли я ее в совершении этих проступков. Зная, что о ней идет дурная молва, я ничего другого не сказала, как следующее: “Следы в траве указывают, откуда убытки”. В раздражении она удалилась. Она, видимо, думала, что я вступлю с ней в пререкания. Уходя, она произносила какие-то слова. Я их слышала, но разобрать не смогла. По прошествии нескольких дней я заболела, у меня были рези в желудке и сильно кололо с левой стороны. Боли были таковы, что мне казалось, будто два меча или два ножа воткнуты в мою грудь. Так я прострадала целые сутки, мешая соседям своим криком. Среди людей, пришедших провести меня и утешить, явился и некий горшечник, который был любовником моей соседки. Сказав несколько сочувствующих слов, он удалился. На следующий день он пришел снова и сказал: “Я хочу сделать опыт, чтобы узнать, не происходит ли ваше заболевание от колдовства. Если это так, то я верну вам здоровье”. Он взял свинец, растопил и вылил его в сосуд с водой, поставленный мне на живот. Заметив в воде различные изображения и фигуры, получившиеся из застывшего свинца, он сказал: “На вас наслали порчу. А под порогом входных дверей находятся некие предметы, при помощи которых на вас были наложены чары. Мы их найдем и устраним, после чего вы почувствуете себя лучше”. Он пошел с моим мужем, поднял порог и предложил моему мужу просунуть руку в образовавшееся углубление и вытащить то, что он там найдет. Муж так и сделал: вытащил восковую фигурку длиной с тарелку. Она была со всех сторон просверлена насквозь, а с боков в нее были воткнуты две иглы, идущие слева направо и справа налево. Там

же находились узелки с зернами, семенами и костями. Когда все это было брошено в огонь, я выздоровела, но не совсем. Хотя боли и колотье прекратились, появился и аппетит, я все же по сей день не совсем оправилась. Задавая горшечнику вопросы, как все это могло причинить мне болезнь, я хотела, чтобы он совсем меня излечил. Он мне сказал: “Где-нибудь в ином месте спрятаны другие предметы колдовства. Но я не могу их отыскать”. На мой вопрос, каким образом он нашел спрятанные ведьминские зелья, он ответил: “Я узнал это благодаря любви, с помощью которой один человек от другого узнает тайны”. Этим он указал на свою любовницу. В ней я узнала свою соседку». Таково было показание пострадавшей. Ведьму, само собой, сожгли.

Подобные истории можно услышать и в наше время. Предрассудки, связанные прежде всего с людским невежеством, удивительно живучи в веках. И хорошо бы помнить о том, что вера в ведьм и колдовство не так уж безобидна.

Но вернемся к «Молоту ведьм».

Пособие для инквизиторов за короткое время держало три издания и приобрело такой авторитет, что ему был присвоен статус закона. Папа Иоанн XXIII рекомендовал эту книгу к руководству всем епископам и высшим представителям светской власти.

Ведьма «обрела» вполне реальный образ. Как правило, она представлялась в виде уродливой старухи, сидящей на черном козле или на метле задом наперед, с прялкой в правой руке, летающей по воздуху и насылающей на поля и леса град и бурю.

Народные представления и практика процессов распространяли преступления колдовства преимущественно на женщин. «На одного мужчину — десять женщин», — утверждают в виде тезиса все средневековые теологи и юристы. Это объясняется тем, что с волшебством соединяется таинственное, скрытное, более отвечающее характеру женщины, чем мужчины. Поэтому женщина искони считалась способнее мужчины на всякое колдовство. Уже древние находили волшебство исключительным достоянием женщин; кроме того, иудейско-христианская теология постоянно представ-

ляла женщину существом низшим, отверженным. Самый грех, по библейскому учению, сошел на землю через посредство женщины.

«Молот ведьм» утверждает, что дьяволу предаются преимущественно женщины, ибо женщины легковвернее, глупее и легкомысленнее мужчин. К тому же они невоздержанны на язык и любят рассказать о колдовских тайнах подругам, любят мстить тайно при помощи секретных средств. Говоря проще, легкомысленные, болтливые, завистливые и мстительные женщины — находка для дьявола.

Вот как об этом пишется в самом «Молоте ведьм»:

«Почему женщины более склонны к колдовству?

Относительно первого пункта, а именно, почему среди немощного пола так много ведьм, у нас есть, кроме свидетельств Священного Писания и людей, заслуживающих доверия, еще житейский опыт. Мы хотим сказать, не подвергая презрению всего немощного пола (через который Бог всегда творил великое, чтобы привести в смятение сильный пол), что в суждении о женщинах мнения в сущности не расходятся. Поэтому для увещания женщин и для проповедей им эта тема весьма подходяща. Они с любопытством послушают об этом, если только проповедь протечет в скромном тоне.

Некоторые ученые говорят: имеются на свете три существа, которые как в добре, так и во зле не могут держать золотой середины: это — язык, священник и женщина. Если они перейдут границы, то достигают вершин и высших степеней в добре и зле. Если над ними господствует добро, то от них можно ожидать наилучших деяний. Если же они попали под власть зла, то ими совершаются наисквернейшие поступки. О языке известно, что с его помощью большинство государств приняло христианство. Поэтому Святой Дух и явился апостолам в виде огненного языка. А основатель и отец ордена проповедников (доминиканцев) изображался в виде лающей собаки, несущей в пасти зажженный факел, чтобы он и до сегодняшнего дня прогонял своим лаем еретических волков от стад овец Христа.

Из житейского опыта мы знаем, что язык одного умного человека может предотвратить смерть бесчислен-

ного количества людей. С полным правом Соломон в своих притчах (гл. 10) говорит: “В устах разумного находится мудрость”. И далее: “Уста праведника поучают многих; а глупые умирают от недостатка разума”. Причина этому приведена там же (гл. 16): “Дело человека приготовить дух, а Бог будет управлять языком”.

Относительно духовенства (под ним надо понимать клириков и монахов обоего пола) вспомним слова Иоанна Златоуста*. В глоссе к евангельскому тексту об изгнании торгашей из храма он говорит: “Как все хорошее, так и все дурное идет от пастырства”. А Иероним (“Послание к Непоциану”) изрекает: “Избегай, как чумы, духовного ростовщика, ставшего из бедняка богачом и из неизвестного ставшего известным”. Святой Бернард Клервоский (“Собеседование” 23 на Песню песен), ведя речь о духовных лицах, говорит: “Если явный еретик восстанет, то он выталкивается и погибает. Если дикий враг делает то же, то от него, пожалуй, и добрые станут скрываться. Теперь же (когда на добрых нападают духовные лица) как их изгнать? Как от них спрятаться? Все — друзья и в то же время враги; все — свои люди, но не миролюбцы; все — наши ближние, но каждый ищет своего”. А в другом месте: “Наши прелаты стали Пилатами, хранители душ стали хранителями своего золота”. Бернард говорит также о настоятелях монахов, налагающих на своих подчиненных тяжелый труд, но не желающих помогать им ни в чем. Григорий Великий (в своем “Пастыре”) утверждает: “Никто в Церкви не вредит так много, как тот, который, имея священный сан, поступает неправильно. Никто не решается бросить ему обвинение. Проступок становится еще больше, если грешника продолжают почитать из уважения перед его саном”.

Что касается злости женщин, то в Книге сына Сирахова (гл. 25) говорится: “Нет ничего хуже злобы женщины. Соглашусь лучше жить со львом и драконом, нежели жить со злой женой”. В дополнение к этому там же го-

* * *Иоанн Златоуст* — церковный писатель и проповедник (ок. 344—407), архиепископ Константинопольский, автор многочисленных сочинений. Сочинения Златоуста — излюбленное чтение в Древней Руси. Все сочинения Златоуста переведены на русский язык.

ворится: “Всякая злость мала по сравнению со злостью женщины”. Поэтому-то Иоанн Златоуст в поучении на Евангелие от Матфея (гл. 10) увещевает: “Жениться не подобает. Разве женщина что-либо иное, как враг дружбы, неизбежное наказание, необходимое зло, естественное искушение, вожденное несчастье, домашняя опасность, приятная поруха, изъян природы, подмалеванный красивой краской? Если отпустить ее является грехом и приходится оставлять ее при себе, то по необходимости надо ожидать муки. Ведь, отпуская ее, мы начинаем прелюбодеять, а оставляя ее, имеем ежедневные столкновения с нею”. А Туллий (Риторика. 2) утверждает: “Мужчины влекутся к позорным деяниям многими страстями, а женщин же ко всем злодеяниям влечет одна страсть: ведь основа всех женских пороков — это жадность”. А Сенека в своих трагедиях произносит: “Женщина или любит, или ненавидит. Третьей возможности у нее нет. Когда женщина плачет — это обман. У женщин два рода слез. Один из них — из-за действительной боли; другой — из-за коварства. Если женщина думает в одиночестве, то она думает о злом”.

О хороших же женщинах идет большая, хорошая слава. Они делают мужчин счастливыми и спасают народы, страны и города. Всем известны высокие поступки Юдифи, Деворы и Эсфири. Поэтому апостол в I Послании к коринфянам (гл. 7) и говорит: “Если женщина имеет мужа, и он хочет с ней жить, то она не должна уйти от него. Неверующий муж освящается верующей женою”. В Книге сына Сирахова (гл. 25) читаем: “Блажен муж хорошей жены, и число дней его — сугубое”. Много похвального говорит он там на протяжении всей главы о хороших женщинах. А в притчах Соломона о таковых женщинах говорится в последней главе.

В Новом Завете их хвалят не менее, упоминая о девственницах и о других святых женщинах, привлечших языческие народы и государства к свету христианской религии. Прочти Викентия “Зерцало истории” (XXVI, 9) о венгерском государстве и о великой христианке Гилии, а также о франкском государстве и о девственнице Клотильде, обрученной с Хлодвигом. Много чудесного найдешь ты там.

Когда женщину хулят, то это происходит главным образом из-за ее ненасытной страсти к плотским наслаждениям. Поэтому в Писании и сказано: “Я нашел женщину горче смерти, и даже хорошая женщина предалась страсти к плотским наслаждениям”.

Мыслители приводят и другие основания тому, почему женщины более, чем мужчины, склонны к суеверию. Они говорят о трех основаниях: 1) они легковверны; демон жаждет главным образом испортить веру человека; этого легче всего достигнуть у женщин; 2) они скорее подвержены воздействию со стороны духов вследствие естественной влажности своего сложения; 3) их язык болтлив; все, что они узнают с помощью чар, они передают подругам; так как их силы невелики, то они жаждут отмищения за обиды с помощью колдовства.

Некоторые мыслители приводят еще другие основания, о которых проповедники должны говорить с осторожностью. Хотя в Ветхом Завете о женщинах и говорится больше нехорошего, чем хорошего, из-за первой грешницы Евы и ее подражательниц, однако вследствие позднейшего изменения слова Ева в “Ave” (радуйся) в Новом Завете из-за благодати Марии надо проповедовать и говорить много похвального о женщинах, как и говорит Иероним: “Все, что грех Евы принес злого, то благо Марии подвергло уничтожению”. Несмотря на это, из-за скверны колдовства, распространяющейся в последнее время более среди женщин, нежели среди мужчин, мы должны сказать после точной проверки материала, что женщины имеют недостатки как в душе, так и в теле, и что нет ничего удивительного в том, что они совершают больше позорных деяний. Они рассуждают и иначе понимают духовное, чем мужчины. Здесь мы сошлемся на авторитеты. Теренций* говорит: “У женщины рассудок легок, почти как у мальчиков”. Лактанций** в “Институции” утверждает: “Ни одна женщина, кроме Теместы, никогда не понимала философии”. В

* *Марк Теренций Варрон* (116—27 гг. до н. э.) — римский философ.

** *Луций Целий Лактанций Фирмиан* (ок. 250 — ок. 330) — церковный писатель; главное сочинение «Божественные институции» (наставления) в семи книгах.

притчах Соломона (гл. 11) приводится как бы описание женщины: “Красивая и беспутная женщина подобна золотому кольцу в носу у свиньи”. Ведь женщина более алчет плотских наслаждений, чем мужчина, что видно из всей той плотской скверны, которой женщины предаются. Уже при сотворении первой женщины эти ее недостатки были указаны тем, что она была взята из кривого ребра, а именно — из грудного ребра, которое как бы отклоняется от мужчины. Из этого недостатка вытекает и то, что женщина всегда обманывает, так как она лишь несовершенное животное. Ведь Катон* сказал: “Если женщина плачет, то она, конечно, готовит козни”. Также говорится: “Если она плачет, то она хочет ввести мужа в заблуждение”. Это видно по жене Самсона, которая разными способами досаждала мужу, пока не узнала его тайны и не покинула его, передав этот секрет своим единомышленникам. По примеру первой женщины видно, что женщины малoverны. Ведь на вопрос змеи, почему Адам и Ева не вкушают от плодов всех деревьев рая, Ева ответила: “Мы едим плоды от всех деревьев, кроме” и т. д., “чтобы мы, что может случиться, не умерли”. Этим она показала, что у нее не было веры в слова Бога. Это явствует и из этимологии слова “Femina” (женщина), происходящего от “Fe” (Fides — вера) и “minus” (менее). Таким образом, слово “Femina” значит — имеющая меньше веры. Ведь у нее всегда меньше веры. Это зависит от ее естественной склонности к легковерию, хотя вследствие Божьей благодати и природы у высокoблагословенной девственницы вера никогда не колебалась, чего нельзя сказать о всех мужчинах времени страстей Христовых.

Итак, женщина скверна по своей природе, так как она скорее сомневается и скорее отрицает веру, а это образует основу для занятий чародейством.

Что касается другой силы души — воли, то скажем о женщине следующее: когда она ненавидит того, кого перед тем любила, то она бесится от гнева и нетерпимости. Такая женщина похожа на бушующее море. Разные

* Катон — мнимый автор сборника о нравственных сентенциях на латинском языке (III век); сборник пользовался особой популярностью в Средние века.

авторитеты говорят об этом. Вот Экклезиаст (гл. 25): “Нет гнева большего гнева женщины”. Сенека (Трагед. 8): “Ни мощи огня, ни силы бури, ни удара молнии не надо столь бояться, как горящего и полного ненависти дикого гнева покинутой супруги”. Вспомним здесь и гнев женщины, которая возвела на Иосифа ложное обвинение и заставила бросить его в темницу вследствие того, что он не хотел впасть с нею в грех прелюбодеяний (Быт. 30). Немаловажное значение для увеличения количества ведьм надо приписать жалким раздорам между замужними и незамужними женщинами и мужчинами. Так обстоит дело даже среди женщин, посвятивших себя Богу. А среди других женщин? В Книге Бытия ты увидишь всю нетерпимость и зависть Сары к Агари (Быт. 21), Рахили к Лии (Быт. 30), Анны к Феннانه (1 Цар. 1), Мариами к Моисею (Чис. 12), Марфы к Магдалине (Лк. 10), которая сидела, когда Марфа прислуживала.

Понятно поэтому, почему Фороней, греческий король, в день своей смерти сказал своему брату Леонтию: “Мне ничего не доставало бы до высшего счастья, если бы отсутствовала женщина”. На это Леонтий: “Как может женщина мешать счастьем?” Король ответил: “Все женатые мужчины знают это”. Когда у Сократа спросили совета — жениться или не жениться, он сказал: “Если ты не женишься, то тебя приютит одиночество мыслителя. Твой род исчезнет. Чужой наследник возьмет твое состояние. Если же ты женишься, то у тебя будут вечные раздражения, жалобы и споры, укоры о приданом, злые морщины на челах родственников, болтливый язык тещи, наследники от чужого брака, сомнительные виды на будущее для своих собственных детей”. Это он вынес из собственного опыта. Иероним (“Против Иовиниана”) рассказывает об этом следующее: “У Сократа было две жены, характер которых он выносил с величайшим терпением, но все же не мог освободиться от их окриков, укоров и злоречия. Однажды, когда они снова на него напали, он вышел, чтобы избежать раздоров, и сел перед домом. Видя это, женщины вылили на него грязную воду. На это философ, не раздражаясь, сказал: ‘Я знал, что после грома следует дождь’”. О другом муже рассказывают следующее: его жена утонула в реке. Ища

ее труп, чтобы извлечь его из воды, он шел вдоль берега, против течения. Спрошенный, почему он ищет вверх, а не вниз по течению, он ответил: “При жизни жена всегда все делала наперекор. Может быть, она и после своей смерти будет поступать так же”.

Как из недостатка разума женщины скорее, чем мужчины, отступаются от веры, так и из своих необычайных аффектов и страстей они более рьяно ищут, выдумывают и выполняют свою месть с помощью чар или иными способами. Нет поэтому ничего удивительного в том, что среди женщин так много ведьм.

В их натуре никому не подчиняться, следовать своим собственным внушениям. Поэтому Теофраст говорит: “Если ты предоставишь к ее услугам целый дом, а за собой оставишь лишь какое-либо право голоса, то она будет думать, что ей не доверяют. Она начнет вступать в споры. А если ты не поторопишься ей уступить, она приготовит яд и будет искать помощи у кудесников и ясновидцев”. Отсюда — чародеяния.

Как выглядит господство женщины, смотри у Туллия (Парадоксы): “Тот ли свободен, кому жена приказывает, диктует законы, разрешает, запрещает по своему усмотрению и не дает права возразить? Я думаю, что такого мужа можно назвать рабом, заслуживающим сожаления, хотя бы он и был из уважаемой семьи”. Поэтому и Сенека в лице неистовой Медеи говорит следующее: “Чего ты колеблешься? Следуй счастливому натиску. Сколь велика месть, в которой ты находишь свою радость” и т. д. При этом Сенека показывает, что женщины не позволяют руководить собою, а хотят действовать по своему собственному усмотрению. Они сами накладывают на себя руки, если они могут отомстить. О подобной женщине Лаодикее Иероним рассказывает в своей книге о Данииле. Эта Лаодикеея, жена короля Антиоха из Сирии, ревнуя его к Веренике, другой его жене, умерщвляет сначала соперницу и ее сына от Антиоха, а потом отравляется и сама.

Почти все государства были разрушены из-за женщин. Троя погибла из-за похищения Елены. Многие тысячи греков нашли там смерть. Иудейское государство претерпело много невзгод и разрушений из-за сквер-

ной царицы Иезавели и ее дочери Гофолии, царицы в Иудее, которая умертвила своих внуков, чтобы царствовать после смерти сына. Обе эти женщины были в свою очередь умерщвлены. Много напастей испытало Римское государство из-за Клеопатры, египетской царицы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что мир и теперь страдает из-за женской злобы.

Из-за ненасытности женщин к плотским наслаждениям человеческая жизнь подвержена неисчислимому вреду. Поэтому мы можем с полным правом утверждать вместе с Катонem: “Если бы мир мог существовать без женщин, мы общались бы с богами”. И действительно, мир был бы освобожден от различнейших опасностей, если бы не было женской злобы, не говоря уже о ведьмах. Валерий писал Руфину: “Ты не знаешь, что женщина — это химера, но ты должен знать, что это чудовище украшено превосходным ликом льва, обезображено телом вонючей козы и вооружено ядовитым хвостом гадюки. Это значит: ее вид красив, прикосновение противно, сношение с ней приносит смерть”.

Ее другое свойство — это голос. По природе женщина лжива. Она лжива и в разговоре. Она жалит и ласкает в одно и то же время. Поэтому ее голос сравнивается с голосом сирен, привлекающих путников своими сладкими мелодиями и затем убивающих их. Они убивают, т. к. опустошают денежные мешки, крадут силу и заставляют презирать Всевышнего. Еще раз Валерий к Руфину: “Цветок любви — роза. Ведь под ее пурпуром скрываются шипы”. Притчи Соломона: “Мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее. Но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый”.

А как она ходит и себя держит? Это — суета сует. Не найдется ни одного мужчины, который так старался бы угодить Господу, как старается женщина — будь она не совсем уродом — понравиться мужчине. Примером тому может служить Пелагея, ходившая разряженной по Антиохии. Когда ее увидел святой отец по имени Ноний, он начал плакать и сказал своим спутникам, что он за всю свою жизнь не выказывал такого усердия служить Богу, какое показывает Пелагея, чтобы понравиться мужчинам. Святому старцу в конце концов удалось

обратить эту отвратительную грешницу на истинный путь.

Такова женщина, на которую горько жалуется Церковь и о которой Экклезиаст (гл. 7) говорит следующее: “Я нашел, что женщина горче смерти, она — петля охотника. Ее сердце — тенета, а ее руки — оковы. Кто угождает Богу, тот ее избегает. Грешник же будет ею уловлен”. Она горче смерти, то есть дьявола.

Она горче смерти, так как смерть естественна и уничтожает только тело. Грех же, начатый женщиной, умерщвляет душу через лишение благодати Божьей, а также и тело в наказание за грех.

Она горче смерти, так как смерть тела — явный, ужасный враг. Женщина же — скрытый, лстивый враг. Ее сердце — тенета, то есть неизмерима злоба, господствующая в ее сердце. Ее руки — оковы. Когда она участвует в наведении порчи на живые существа, она достигает того, к чему стремится с помощью дьявола.

Подведем итоги. Все совершается у женщин из ненасытности к плотским наслаждениям. Притчи Соломона говорят (предпол. гл.): “Троякое ненасытимо...” и т. д., “...а четвертое — это то, что никогда не говорит: ‘Довольно’, и именно — отверстие влагалища”. Вот они и прибегают к помощи дьявола, чтобы утешить свои страсти. Можно было бы рассказать об этом подробнее. Но для разумного человека и сказанного довольно, чтобы понять, почему колдовство более распространено среди женщин, чем среди мужчин. Поэтому правильное называть эту ересь не ересью колдунов, а ересью по преимуществу ведьм, чтобы название получилось от сильнейшего. Да будет прославлен Всевышний, по сие время охранивший мужской род от такой скверны. Ведь в мужском роде он хотел для нас родиться и страдать. Поэтому он и отдал нам такое предпочтение.

Какие женщины главным образом предаются колдовству?

Относительно того, какие женщины преимущественно занимаются колдовством, надо сказать следующее. Среди скверных женщин господствуют три главных порока, а именно: неверие, честолюбие и алчность к плотским наслаждениям. Эти-то женщины и преда-

ются чародеяниям. Последний из указанных пороков особенно распространен среди подобных женщин. Согласно Экклезиасту, он ненасытен. Поэтому, чем более честолюбивые и иные женщины одержимы страстью к плотским наслаждениям, тем безудержнее склонятся они к чародеяниям. Таковыми являются прелюбодейки, блудницы и наложницы вельмож. Их колдовство имеет семь видов, как говорится в булле “*Summis desiderantes*”, и касается поражения чарами способности любовного соития и зачатия во чреве матери. Вот эти виды: 1) они воспламеняют сердца людей к чрезвычайно сильной любви; 2) они препятствуют способности к деторождению; 3) они удаляют органы, необходимые для этого акта; 4) с помощью волшебства они превращают людей в подобию животных; 5) они делают женщин бесплодными; 6) они производят преждевременные роды; 7) они посвящают детей демонам, не говоря уже о других многочисленных порчах, наводимых ими как на животных, так и на полевые злаки. Об этом мы поговорим после. Теперь же мы приведем основания, которыми руководствуются ведьмы при своих чародеяниях. Прежде всего — о возбуждении чрезвычайно сильной любви или ненависти. Говоря о кознях ведьм, святой Фома (раздел IV, 34) приводит эти основания и указывает, почему Бог предоставил черту больше власти в области полового соития, чем в других областях человеческих действий. Вот его рассуждение: первое греховное падение человека, приведшее его под ярмо черта, произошло из-за полового акта. Хотя брак и был впоследствии освящен Богом, все же временами он разрушается чертом. Это, правда, не происходит путем дьявольского насилия: в противном случае дьявола надо было бы считать существом более сильным, чем Бога. Это влияние силы нечистого происходит с Божьего попущения и распространяется на временные или постоянные препятствия к совершению супружеского акта.

Опыт показывает, что ведьмы производят бесчисленное множество любовных чар среди людей различных состояний, возбуждая любовь, доводя ее до любовного исступления и мешая им слушать доводы разума. Это грозит уничтожением веры и усугубляется

тем, что эти ослепленные препятствуют возбуждению процессов против ведьм. А отсюда — ежедневный рост и распространение сей скверны. О, если бы опыт совсем не учил нас этому! Однако мы знаем, что ведьмами возбуждается в таинстве брака такая неприязнь между супругами и такое охлаждение в области полового соития, что они не в состоянии заботиться о потомстве через исполнение своих супружеских обязанностей»*.

• • •

Надо сказать, что подобные трактаты выходили и после «Молота ведьм». В них среди прочего подробно описывались процедуры вырывания признаний у подозреваемых.

Так, «Наставление по допросу ведьм», входившее в состав Баденского земского уложения 1588 года, советует добиться сперва у обвиняемой в ведовстве признания в том, что ей известно о существовании ведьм и об их «искусстве», а затем вести допрос по следующему «плану»:

«Не делала ли и она сама каких-нибудь таких штучек, хотя бы самых пустячных — не лишала ли, например, молока коров, не напускала ли гусениц или тумана и т. п.? У кого и при каких обстоятельствах удалось ей этому выучиться? С какого времени и как долго она этим занимается и к каким прибегает средствам? Как обстоит дело насчет союза с нечистым? Было ли тут простое обещание или оно скреплено было клятвой? И как эта клятва звучала?

Отреклась ли она от Бога и в каких словах? В чьем присутствии, с какими церемониями, на каком месте, в какое время, с подписью или без оной? Получил ли от нее нечистый письменное обязательство? Писано ли оно было кровью и какой кровью или чернилами? Когда он к ней явился? Пожелал ли он брака с ней или простого распутства? Как он явился? Как он был одет и, особенно, какие у него были ноги? Не заметила ли она и не знает ли в нем каких-нибудь особых чертовских примет?»

* Шпренгер Я, Инсистерис Г. Молот ведьм. М., 1990. С. 120—127.

Далее задаются вопросы о сексуальных контактах ведьмы с дьяволом, а затем необходимо узнать следующее:

«Давно ли праздновала она свадьбу со своим любовником? Как свадьба эта была устроена, кто на ней был и что там подавались за кушанья? Особенно, какие были мясные блюда, откуда было взято мясо, кто его принес, какой у него был вид и вкус, было ли оно кисло или сладко, было ли это мясо умерщвленных младенцев? Было ли у нее на свадьбе вино и откуда она его добыла? Был ли музыкант? И кто он был — человек или бес? Каков он был из себя? Сидел он на земле или на дереве или стоял? Какие на упомянутом собрании были их замыслы и когда у них решено было собраться снова? Где они ночной порой учиняли свои пирушки — в поле, в лесу или в погребках и кто, когда на них бывал?

Сколько малых детей съедено при ее участии? Где они были добыты? У кого были они взяты — или они были вырыты на кладбище? Как они их готовили — жарили или варили? На что пошла головка, ножки, ручки? Добывали ли они из таких детей тоже и сало и на что оно им? Не требуется ли детское сало, чтобы поднимать бури? Сколько родильниц помогла она извести? Как это делалось и кто еще был при этом? Не помогала ли она выкапывать родильниц на кладбище и на что им это надобно? Кто в этом участвовал и долго ли они это варили? Не выкапывала ли она также выкидышей и что они с ними делали?

Насчет мази. Раз она летала, то с помощью чего? Как мазь эта готовится и какого она цвета? Умеет ли она сама ее готовить? Всякий раз, как им понадобится человеческое сало, они обязательно совершают столько же убийств; и так как они вытапливают или вываривают сало, то их надобно спрашивать: что они сделали с вареным или жареным человеческим мясом?.. Для мазей им всегда необходимо человеческое сало из мертвых или из живых людей? Туда идет еще человеческая кровь, папоротниковое семя и т. п., но сало непременно туда входит, тогда как другие вещи иногда и опускаются. При этом от мертвых людей оно идет для причинения смерти людям и скотине, а от живых — для полетов, для бурь, для того, чтобы делаться невидимкой и т. п.

Сколько с ее участием напущено было бурь, морозов, туманов? Сколько времени это продолжалось и какой был в каждом случае вред? И как это делается и кто в этом участвовал? Был ли ее любовник-дьявол при ней на допросе или не приходил ли к ней в тюрьму?

Доставала ли она также освященные гостии* и у кого? Что она с ними делала? Являлась ли она также к причастию и потребляла ли его как следует?..

Как они добывают уродов, которых подкидывают в колыбели вместо настоящих младенцев, и кто им дает их? Как она вынимала у коров молоко и превращала в кровь? И как им можно от этого опять помочь? Может ли она также пустить вино или молоко из ивы?

Как они делали мужчин неспособными к брачному сожитию? Какими средствами? И чем им можно опять помочь? Точно так же, как она молодых и старых людей лишала потомства, и как им можно опять помочь?..»

От обвинений в ведовстве и пыток не спасались и дети. В 1628 году в Вюрцбурге были казнены две девочки и два мальчика одиннадцати-двенадцати лет. Они под пыткой признались в принадлежности к «синагоге Сатаны».

• • •

Средневековые священники-мужчины отказывали несчастным ведьмам даже в элементарном мужестве, ибо то, что некоторые из них переносили пытки, объяснялось вовсе не их силой воли или невиновностью, а исключительно их «животную похотливость, которая толкает к крайностям и заставляет женщин отдаваться дьяволу, чтобы испытать наслаждения чувственности».

Иезуит Фридрих Шпе, исповедовавший сотни «ведьм», прошедших через застенки инквизиции в Вюрцбурге, писал в своем трактате «Cautio criminalis» (1631): «Если обвиняемая вела дурной образ жизни, то, разумеется, это доказывало ее связи с дьяволом; если же она была благочестива и вела себя примерно, то ясно, что она притворялась, дабы своим благочестием отвлечь от

* Гостия (хостия) — евхаристический хлеб в католицизме латинского обряда, англиканстве и ряде других протестантских церквей.

** Цит. по: *Сперанский Н.* Указ. соч. С. 210—211.

себя подозрение в связи с дьяволом и в ночных путешествиях на шабаш. Если она обнаруживает на допросе страх, то ясно, что она виновна: совесть выдает ее. Если же она, уверенная в своей невинности, держит себя спокойно, то нет сомнений, что она виновна, ибо, по мнению судей, ведьмам свойственно лгать с наглым спокойствием. Если она защищается и оправдывается против возводимых на нее обвинений, это свидетельствует о ее виновности; если же в страхе и отчаянии от чудовищности возводимых на нее поклепов она падает духом и молчит, это уже прямое доказательство ее преступности... Если несчастная женщина на пытке от нестерпимых мук дико вращает глазами, для судей это значит, что она ищет глазами своего дьявола; если же она с неподвижными глазами остается напряженной, это значит, что она видит своего дьявола и смотрит на него. Если она находит в себе силу переносить ужасы пытки, это значит, что дьявол ее поддерживает и что ее необходимо терзать еще сильнее. Если она не выдерживает и под пыткой испускает дух, это значит, что дьявол умертвил ее, дабы она не сделала признаний и не открыла тайны»*.

Тем не менее встречались женщины, которые все-таки не признавались в предъявленных обвинениях.

«И все же, — пишет И. Григулевич, — палачи не всегда добивались желаемого результата. “Легче дрова колоть, чем вести дела об этих ужасных женщинах!” — восклицал один баварский судья XVII века. В протоколах инквизиции упоминается, что некоторые жертвы выносили пытки, не меняясь в лице и не издавая ни звука, “хотя в них били, как в шубу”. И объяснялось такое мужество не только тем, что жертвы находились в состоянии шока или “истерической анестезии”, но и подлинным героизмом многих женщин, предпочитавших принять всевозможные муки и смерть, чем ложными показаниями погубить и опозорить себя и своих близких. Разница в казни заключалась только в том, что раскаявшуюся и давшую показания ведьму сперва обезглавливали или душили, а потом сжигали, а “упорствующую” просто сжигали живьем или предварительно калечили, отрезая конечности или вырывая куски мяса раскаленными щипцами.

* Там же. С. 223.

Все эти жестокости производились публично, при огромном стечении народа, в присутствии детей, причем зрители были обязаны выражать им одобрение!»*

Женщина была объявлена теологами «сосудом зла и греха», ибо она, подобно прародительнице Еве, легко вступает в контакты с дьяволом.

Хотя в процессах о колдовстве фигурируют почти исключительно женщины, а мужчины — лишь в редких случаях, есть один очень известный процесс над колдуном и слугой Сатаны — Жилем де Рецем.

Синяя Борода и Альберт Великий

Помните сказку Шарля Перро о богатом дворянине, который убивал своих жен?

Однажды девушка вышла замуж за герцога Синюю Бороду, и вскоре после свадьбы муж объявил ей о своем отъезде и вручил ключи от замка. Ей разрешалось бывать повсюду, кроме комнатки в нижних покоях. Налюбовавшись на богатства замка, молодая женщина не удержалась от любопытства и нарушила запрет мужа. В потайной комнатке она обнаружила трупы тех женщин, на которых был женат Синяя Борода и которых он зарезал одну за другой. Выронив от страха ключ, она затем подняла его и тут-то заметила, что на нем появилось несмываемое кровавое пятно. Вернулся домой Синяя Борода и по этому пятну догадался, что жена открывала дверь запретной комнаты. Он заявил ей, что она должна умереть, но жена попросила свою сестру Анну подняться на башню и посмотреть, не едут ли их братья. Когда Синяя Борода уже было собрался отсечь бедной женщине голову, в замок ворвались подроспевшие братья и пронзили злодея шпагами. А сестра их стала наследницей всех богатств Синеи Бороды и со временем вышла замуж за достойного человека.

К чему же тут пересказана сказка и какое отношение Синяя Борода имеет к инквизиции и судам над колдунами и ведьмами? Самое прямое, ибо сказочный злодей — историческое лицо, бретонский дворянин Жиль де Лаваль, маршал де Рец, который прославился своими

* Григулевич И. Р. Инквизиция. С. 172.

жестокостями, убийствами женщин и младенцев и сатанинскими занятиями, за что и был казнен в 1440 году.

Полное имя сказочного злодея — Жиль де Монморанси-Лаваль, барон де Рэ, граф де Бриеннь (фр. *Gilles de Montmorency-Laval, baron de Rais, comte de Brienne*). Родился осенью 1404 года, казнен 26 октября 1440 года. Его имя пишут и как Жиль де Рэ (фр. *Gilles de Rays*), и как Жиль де Рец (фр. *Gilles de Retz*).

Жиль де Лаваль происходил из старинной французской аристократической семьи и получил блестящее по своему времени образование, которое развило в нем страсть к чтению и дальнейшему познанию тайн природы. Он собрал богатейшую библиотеку и тратил безумные суммы денег на приобретение новых книг и изготовление для них роскошных переплетов.

Оставшись в 11 лет сиротой, он попал под опеку своего дяди, человека старого и болезненного, который не смог сдерживать кипучие страсти и необузданный нрав своего воспитанника. Жиль скоро отбился от рук и повел в высшей степени беспорядочный и порочный образ жизни. В 1420 году он похитил свою кузину и женился на ней. По некоторым данным, на Катерине де Туар его заставил жениться дед, поскольку в результате этого брака, разрешение на который было дано Церковью из-за близкого родства брачующихся не сразу, к огромным владениям Жили прибавилось еще и большое поместье в Бретани (приданое жены). К тому же через свою кузину он породнился с будущим королем Франции Карлом VII.

Количество браков на этом не ограничилось (жены его умирали). По словам барона, занесенным в протоколы инквизиции, он с ранней молодости вел преступную и разгульную жизнь, которая и довела его впоследствии до преступления и казни.

Тем не менее не все так просто. Быть может, барон и вел разгульную жизнь, и женился не единожды, но у него оставалось время и на военные подвиги, и он сделал прекрасную военную карьеру.

С 1427 года Жиль де Рец принимал участие в военных действиях французской короны. Он был ветераном Столетней войны. Доподлинно известно, что Си-

няя Борода был горячим сторонником Жанны д'Арк, ее сподвижником и военным руководителем ее ополчения. После пленения Жанны он пытался ее спасти, собрал войско и двинулся к Руану. Но опоздал: Жанну уже казнили.

Во время коронования Карла VII в 1429 году он становится маршалом Франции, но удаляется в свое поместье и ведет междоусобные войны с де Буэлем. В 1432 году ненадолго возвращается «в свет», помогает Карлу в снятии осады Линьи. В 1433 или 1435 году он окончательно удалился в свое поместье, где был полновластным хозяином. Он по-прежнему ни в чем не стеснял себя и тратил много денег. В это время, как считалось ранее, у него проявились противоестественные наклонности: он крал мальчиков, творил над ними разные скверности, а затем убивал их. Народная молва приписывала маршалу де Рецу до восьмисот таких жертв, однако в протоколах суда инквизиции проставлена другая цифра — 140 детей. Позднее стало известно, что дети убивались не ради удовлетворения плотской страсти маршала, а были принесены в жертву.

Но это было уголовное преступление, не имеющее ничего общего с колдовством. По колдовской же части обвинения инквизиции ему ставились в вину занятие алхимией и связь с дьяволом.

В своем замке Жиль устроил алхимическую лабораторию, в которой работал итальянский маг Франческо Прелати, монах-минорит (францисканец). У этого кудесника был, по его словам, демон-помощник по имени Баррон. Многие историки отмечали, что при чтении протоколов допросов де Реца и Прелати они не знали, чему больше удивляться — наивности французского маршала или наглости итальянского шарлатана. Итальянец вытворял самые немыслимые вещи. Так, он однажды объявил Жилью, что демон Баррон решил помочь им и приволок в его комнату целую грудку слитков золота. Естественно, Жиль пожелал увидеть слитки. Умный мошенник повел его в свою комнату, но, отворив дверь, мгновенно отшатнулся и с ужасом сообщил маршалу, что в комнате на грудке золота расположился громадный зеленый змей! Жиль тем не менее настаивал на «зна-

комстве» со змеем и предложил взять распятие, чтобы христианская святыня спасла их от чудовища. Однако Прелати отговорил хозяина от столь необдуманного шага. Между тем демон, узнав одному ему ведомым путем о кознях маршала, разгневался и превратил золото в мишуру. Но Жиль поверил в эту сказку. Он написал кровью договор, в котором уступал Баррону свою душу в обмен на знание, богатство и могущество.

Жиль де Рец, вероятно, мог бы еще долго предаваться своим пагубным страстям, однако его сгубила людская зависть. Все дело в том, что для занятий алхимией и ведения разгульной жизни были нужны деньги, и маршал принялся продавать свои владения. Он уступал уголья своим ближайшим соседям — герцогу Бретани Иоанну и его канцлеру епископу Нантскому Малеструа. В договоре купли-продажи было условие: за маршалом оставалось право на обратный выкуп владений, то есть речь шла фактически не о продаже, а о залоге.

Историки доказали, что герцог и епископ из-за алчности и желания сохранить за собой владения де Лавалля отдали последнего на растерзание суду инквизиции. В конце августа 1440 года епископ Жан де Малеструа во время воскресной проповеди объявляет прихожанам о гнусных преступлениях «маршала де Рэ против малолетних детей и подростков обоего пола», о которых ему якобы стало известно, и просит людей, имеющих по вопросу какие бы то ни было сведения, сообщить ему об этом официально.

Основанием для такого категорического заявления стало обращение к нему 29 июля 1440 года супружеской пары Эйсе, которые утверждали, что их десятилетний сын исчез в одном из замков маршала. Никаких доказательств они не приводили. Самым удивительным было то, что ребенок пропал в декабре 1439 года, то есть за семь месяцев до обращения родителей к епископу Нантскому.

Тем не менее после объявления в церкви к секретарю де Малеструа стали приходить люди и рассказывать об исчезновении во владениях де Реца детей обоего пола. Тогда епископ обратился за помощью в инквизицию Бретани.

Результатом совместной работы епископа и инквизитора Жана Блуэна стало обвинительное заключение в 47 пунктов, основными из которых были обвинения в человеческих жертвоприношениях демону Баррону, в колдовстве и использовании колдовской символики, в убийстве невинных мальчиков и девочек, расчленении и сжигании их тел, а также выбрасывании трупов в ров (то есть в непридании земле по христианскому обычаю), в содомском грехе с мальчиками и растлении малолетних девочек, в оскорблении действием служителя католической церкви.

Жиль де Рец в начале процесса отказывался признавать себя виновным, но после долгого тюремного заключения и отлучения от Церкви признал свою вину, однако сначала показал, что виновен лишь в чтении алхимических книг. И в подтверждение своей правоты сказал, что готов пройти испытание каленым железом — *ордалию*. Однако инквизиторы решили иначе и приговорили маршала к испытаниям пытками.

После пыток он признался в содеянном и был приговорен к повешению и сожжению. Вместе с ним были казнены четверо его слуг. Тело маршала не было предано огню: его задушили на верху большой горы из дров, которые затем подожгли, а тело крючьями скинули вниз и отдали для погребения родственникам.

Историки не раз отмечали, что в деле маршала было много «темных» мест и странностей. Сам Жиль де Рец был казнен по приговору светского суда, а церковный еще полтора месяца продолжал разбор его дела и допрос свидетелей. В результате никого больше не казнили. Самое удивительное, что маг Франческо Прелати не был осужден, а по приказу герцога Анжуйского летом 1441 года выпущен из заточения. Были поставлены условия, которые ему пришлось исполнить, — это отречение от занятий оккультизмом и чтение наизусть Символа веры. Правда, на него была наложена еще и епитимья. После этого расследование дела маршала прекратили.

Странен и подбор присутствовавших на суде свидетелей, среди которых не было ни одного из пяти тысяч слуг барона. Те свидетельства, которые были получены

против де Реца, давались под пыткой. Также не вызывает сомнений и тот факт, что во владениях барона, в подземельях его замка не было найдено ни одного трупа или человеческих костей. Доказаны были только занятия алхимией.

По мнению многих, маршал признал обвинения потому, что боялся быть отлученным от Церкви, что говорит о невозможности для него заниматься колдовством и вступать в «пакт» с дьяволом.

В числе судей были враги и заимодавцы барона — епископ Нантский и сам герцог Иоанн V, который еще до окончания расследования отписал имение барона своему сыну. Некоторые историки сравнивают процесс по делу Жилья де Реца с судом над тамплиерами, настолько очевидна причина начала преследований в обоих случаях: надуманные обвинения были лишь предлогом для захвата чужой собственности.

В 1992 году по инициативе литератора Жильбера Пруто был организован судебный процесс, который проходил в Люксембургском дворце. Судебная коллегия, в которую вошли адвокаты, писатели, политические деятели (в том числе два экс-министра), ученые, изучила материалы инквизиционного суда, завещания и ленные грамоты. В результате был сделан ошеломляющий вывод: процесс оказался сфабрикованным. Спустя 552 года после казни Жиль де Рец был признан невиновным и официально реабилитирован.

Косвенным доказательством его невиновности служит и тот факт, что на месте замка барона в 1980-х годах провели раскопки, в результате которых не обнаружили никаких человеческих останков. Найдены и другие доказательства, полностью опровергающие обвинения маршала в убийстве детей. Так что вполне вероятно, что Жиль де Лаваль погиб из-за чужой жадности и подлости, а также из-за глупой веры невежественных людей в колдовство и ведьм.

Тут уместно рассказать и о том, что среди многих монахов, которые были канонизированы, встречались великие маги. О них слагались не менее увлекательные легенды, чем о Синей Бороде, но за занятия магией и колдовство их никто не осуждал. Одним из таких «ге-

роев» истории Церкви был Альберт Великий (*Albertus Magnus*), схоласт-доминиканец, теолог и ученый. А в его учениках ходил святой Фома Аквинский.

Первый являлся замечательным алхимиком и химиком, который выделил чистый мышьяк, открыл химический состав сурика и киновари, а также белого золота. Именно он вычислил формулу каустической соды и придумал способ ее изготовления. Он был очень увлечен исследованием целебных свойств растений и камней.

Родился Альберт в Германии в 1193 или в 1206 году. Место его рождения — Швабия — известно точно. А вот год рождения — нет. В 1223 году он стал доминиканцем, монахом этого ордена, и в 1260 году был назначен епископом Ратисбонским. Однако в 1262 году он вновь возвращается в орден, в свою обитель, где занимается преподавательской деятельностью. Будучи приверженцем аристотелевского учения, он пишет комментарии к трудам великого ученого, куда включает множество сведений о естественных феноменах.

Как уже говорилось выше, Альберт Великий увлекался магией и алхимией. В своем труде «Об алхимии» он пишет, что нельзя добиться полноты знания без изучения магии.

Умер Альберт 15 ноября 1280 года и похоронен в Кёльне.

В 1622 году он был причислен к лику блаженных, а в 1932 году — канонизирован как святой. Тем не менее о нем сохранились причудливые легенды, в которых Альберт предстает великим магом. Так, при помощи магии и астрологии он создал человекообразного медного андроида, который мог говорить и который стал его слугой. Однако он так много болтал, что утомлял монахов, и Фома Аквинский не выдержал и разбил его на мелкие кусочки.

По другой легенде, Альберт Великий сотворил однажды чудо в саду, чтобы удивить Вильгельма II, в то время графа Голландии, и заставить того продать ордену участок земли для строительства обители. Чудо произошло под Новый год во время ужина, на который были созваны именитые гости, в том числе и Вильгельм. Альберт устроил трапезу в заснеженном саду. Гости бы-

ли удивлены, потому что блюда на столе покрывал снег, однако святой пригласил всех сесть за стол. И как только началась трапеза, снег растаял, в саду зазеленели деревья и расцвели цветы, запели птицы и запорхали бабочки. Как только ужин был закончен, сад вновь сковала зимняя стужа. Вильгельм был действительно потрясен и продал Альберту приглянувшуюся тому землю.

Процессы над ведьмами

Вера в ведьм возникла вовсе не в Средние века. С древних времен существовали люди, которых соплеменники считали магами и колдунами, способными творить чудеса. Они могли помогать или вредить людям, способствовать урожаю или насылать град и ливни.

В раннем Средневековье ведовство рассматривалось как «злодеяние», подсудное светским судам. Народные же суеверия и уверенность в способностях ведьм летать, варить колдовские зелья и превращаться в кошек объявлялись Церковью нелепицей и следствием народного же «безумия». Ведьмы считались «грешницами не по злему умыслу», а священники должны были внушать прихожанам, что все рассказы о ведовстве — всего лишь ложь.

Отношение к ведьмам резко меняется в XII—XIII веках. Как раз в это время в Европе получает распространение ересь катаров, которые считали, что зло на земле происходит от дьявола. С ним-то ведьмы и вступают в добровольный союз. Следовательно, речь тут идет не о грехе «не по злему умыслу», а о добровольном предательстве Бога. Первая булла именно против ведьм была опубликована в 1326 году папой Иоанном XXII.

В XVI веке вера в колдовство овладела воображением Запада и, как зараза, распространилась по всей Европе с силой настоящей эпидемии. К началу XVII века открылась «охота на ведьм». Во многих странах Европы, где католицизм был силен, не находилось женщины, над которой не висело бы подозрение в колдовстве.

Но и протестантские страны не освободились от этого ужасного заблуждения. Сам Мартин Лютер был одним из глубоко верующих в силу дьявола. Он гово-

рил о своих разговорах с дьяволом, который по ночам бил у него оконные стекла и ворочал под его кроватью мешки с орехами. Дьявол являлся к нему, когда он писал свои сочинения, и он должен был вступать с ним в пререкания. Однажды, разозлившись на болтливого дьявола, Лютер запустил в него чернильницей с такой силой, что залил стену чернилами. Лютер разделял учение об инкубах и суккубах, демонах, которые соблазняют людей, потому что, по его мнению, дьявол охотнее всего совращает человека в образе юноши или молодой женщины.

С начала XVI века борьба с Сатаной в лице ведьм становится делом первой важности и преследование женщин, обвиняемых в колдовстве, входит в задачи религии и государства и принимает грандиозный размах. Во всех европейских странах начинаются судебные процессы над ведьмами.

Время «охоты на ведьм» совпало с эпохой Возрождения, идеалами которой были красота и гармония в природе и человек. Именно в эту эпоху человечество стало бороться с влиянием Церкви, с самим ее духом, которым были пронизаны почти все стороны общественной и частной жизни.

Преследование ведьм со стороны Церкви было одним из проявлений кризиса старой жизни. Менялся сам строй, основы привычного существования человека, что не могло не породить страха и неуверенности в людях. Немедленно возникло желание защититься — и козлами отпущения стали ведьмы и их главный козлогоний и козлолюкий предводитель — Сатана.

Анализируя «Молот ведьм», историки говорили, что это — ответ на рост индивидуализма, трактовка его проявления во всех областях (культура, политика, личное поведение) как результата дьявольских козней. Боязнь дьявола породила всеобщий страх и подозрительность, склонность к истерии и доносителству.

Процессы над ведьмами длились в Европе на протяжении почти четырех столетий. Число их жертв доходит до девяти миллионов. Невероятная цифра, тем более что мы говорили о ее завышенности в десять раз. Но также невероятны и абсурдны были и сами процес-

сы, во время которых приговаривались к сожжению женщины на основании самых смехотворных обвинений.

Обвинения в колдовстве часто принимали характер эпидемий. В той или другой стране Европы огромные толпы женщин одна за другой воображали себя состоящими в связи с Сатаной и делали перед судьями признания, в которых охотно расписывали во всех подробностях свое времяпрепровождение на шабаше и все обстоятельства, при которых вступили во власть дьявола. Так, спустя пять лет после сожжения Жанны д'Арк в городе Арра многие женщины вообразили, что участвуют в шабаше, и рассказывали утром удивительные подробности проведенной накануне ночи с Сатаной. Они все были сожжены живыми.

В 1504—1523 годах распространилась ужасная эпидемия демономании в Ломбардии. Искоренение ее было предоставлено монахам-доминиканцам, которые сжигали каждый год по тысяче ведьм. Во многих монастырях монахини оказались одержимыми бесами, и целые монастыри опустели, так как все монахини были сожжены.

XVI и XVII века были, как мы уже говорили, временем расцвета преследования ведьм. В Германии процессы о ведьмах начались позже, чем в других странах, но зато Германии принадлежит первое место по размаху, который приняла «охота на ведьм».

В Англии и Шотландии преследования достигали чудовищных размеров, в особенности в царствование короля Якова I. Король был ревностным защитником процессов и написал сочинение, посвященное демонологии, в котором, между прочим, полемизируя с противником преследований Реджинальдом Скоттом, говорит: «Некто Скотт имел бесстыдство публично опровергать в печатном сочинении существование колдовства, подтверждая таким образом старинное заблуждение садукеев, утверждающих будто духов не бывает». Король Яков считал борьбу с дьяволом делом чести. Он вообразил, что дьявол преследует его и строит ему козни за его усердие на пользу Церкви, а потому считает его самым злейшим своим врагом в целом свете. Король часто

присутствовал при допросах ведьм и принимал самое ревностное участие в процессах.

В 1603 году, вскоре после восшествия короля на английский престол, был издан закон, признающий колдовство наказуемым, независимо от причинения вреда, и не требующий никаких доказательств наличия преступления.

В 1662 году в Шотландии было сожжено 150 женщин. Один путешественник рассказывает, что ему пришлось в 1664 году видеть костер, на котором горели вместе девять женщин. Граф Мор рассказывает, как однажды несколько женщин, уже полусожженных, вырвались с пронзительным воплем из медленного огня, пытались бежать, но не смогли, и с богохульными, страшными криками упали в пламя в предсмертных судорогах.

Из Европы зараза перешла в Америку, где она нашла благоприятную почву в среде крайне суеверного пуританского духовенства и пуритански набожного населения.

* * *

Поскольку Церковь считала, что дьявол может принимать любые обличья, то ему ничего не стоило вселиться и в животных. Тем более что многие из них всегда считались помощниками Сатаны. Поэтому Церковь устраивала расправы и судилища и над животными и насекомыми. В роли обвиняемых выступали кошки, собаки, мухи, гусеницы, саранча, пиявки и даже майские жуки. Над последними инквизицией был устроен громкий судебный процесс, состоявшийся в 1479 году в Лозанне (Швейцария). Длился он ни много ни мало два года. В результате был вынесен приговор, по которому жуки должны были удалиться из страны.

Множество подобных судебных дел описывается в классическом труде Дж. Фрэзера «Фольклор в Ветхом Завете»:

«В Европе вплоть до сравнительно недавнего времени низшие животные в полной мере несли наравне с людьми ответственность перед законом. Домашних животных судили в уголовных судах и карали смертью в случае доказанности преступления; дикие животные

подлежали юрисдикции церковных судов, и наказания, которым они подвергались, были изгнание и смерть посредством заклинания или отлучения. Наказания эти были далеко не шуточные, если правда, что св. Патрик прогнал в море заклинаниями всех пресмыкающихся Ирландии или обратил их в камни и что св. Бернар, отлучив жужжавших вокруг него мух, уложил их всех мертвыми на полу церкви. Право привлечения к суду домашних животных опиралось, как на каменную скалу, на еврейский закон из Книги Завета. В каждом деле назначался адвокат для защиты животных, и весь процесс — судебное следствие, приговор и исполнение — проводился при строжайшем соблюдении всех форм судопроизводства и требований закона. Благодаря исследованиям французских любителей древностей были опубликованы протоколы 92 процессов, прошедших через суды Франции между XII и XVIII веками. Последней жертвой во Франции этой, можно сказать, ветхозаветной юстиции была корова, которой был вынесен смертный приговор в 1740 году нашего летоисчисления».

Во время салемиких процессов также были осуждены и преданы смерти два кота.

Известны случаи, когда обвиняемое животное подвергалось предварительному тюремному заключению. Его также могли подвергнуть пытке, а визг, издаваемый им, принимался за сознание своей вины. После такого «допроса» составлялся обвинительный акт, допрашивались свидетели, велись прения и выносилось решение.

При этом самое удивительное, что в документах тех процессов есть даже мотивировка приговоров: так, в 1405 году бык был приговорен к повешению «за недостатки (пороки)», а в 1474 году в городе Базеле был приговорен к сожжению петух за то, что снес яйцо и, таким образом, вошел в союз с дьяволом.

Животных во время казни иногда одевали в человеческое платье. Наказанием была смерть, повешение за задние ноги, иногда даже казнь «квалифицированная», соединенная с предшествующим изувечением. Историки приводят примеры применения даже «права помилования». Так, Филипп Бургундский помиловал стадо

свиней, осужденных на смертную казнь за то, что три свиньи из этого стада съели подпаска.

Светские суды XIV и XV веков нередко преследовали животных, причинивших смерть человеку, в особенности быков и свиней. А вот суды духовные и святая инквизиция рассматривали дела, в которых животное являлось источником общественных бедствий. И в истории канонического уголовного права есть много описаний процессов против насекомых и животных, истреблявших посевы, жатвы, виноградники. Испуганное население прибегало к помощи инквизиторов, которые сначала проводили молебны, но очень часто за ними следовали судилища нарушителей мира.

Причем и в этих случаях с точностью соблюдались все требования канонического процесса: подсудимым посылались троекратные оповещения, в речах защитников и прокуроров подробно взвешивались все доводы «за» и «против» обвинения. Так, в процессе 1587 года против червей, опустошивших виноградники, защита обжаловала приговор на том основании, что местность, в которую предписывали приговором удалиться виновным, была совершенно бесплодна.

Наказания в этом случае имели характер нематериальный: виновным повелевалось оставить местность, назначались отлучение, анафема их и т. д.

Особую группу составляли случаи, в которых животное являлось не столько виновником, сколько соучастником, и притом пассивным, таковы процессы о скотоложстве. В этом случае инквизиция рассматривала животных как воплощенного дьявола. Поскольку еще в книге Левит (20: 15) повелевалось вместе со скотоложниками умерщвлять и оскотоложественных животных, то такая норма права перешла и в светское законодательство, сохранившись до позднейшего времени. Так, во Франции до середины XVIII столетия животные в случаях такого рода подвергались даже сожжению, а прусское земское право 1795 года определяло, что таких животных нужно убивать или изгонять из страны.

Колдовство постепенно стали считать не только преступлением, которое рассматривает гражданский суд, но и преступлением против Бога. А потому в процессе должны были участвовать представители как светских, так и церковных властей.

Первоначально процессы по делам о колдовстве велись исключительно духовными судами, но затем по мере ослабления духовной власти, в особенности в протестантских странах, эти процессы всецело перешли в ведение светских судов. Часто для этих процессов назначался особый трибунал со специальным составом судей, так называемых «комиссаров ведьм». Во всех странах Европы были также специальные «комитеты», которые обязаны были повсюду выслеживать ведьм и доносить на них. Так как членам этих комитетов полагалась значительная доля из конфискованного имущества осужденных, то нет ничего удивительного в том, что они старались повсюду находить ведьм — преимущественно богатых.

Преступления делились на обыкновенные и исключительные. К последним относились оскорбление величества, измена и ересь. Эти преступления были, по законам Средних веков, столь велики, что суд по таким делам имел особые полномочия и мог в случае необходимости переходить границы установленного законом порядка.

Колдовство же считалось преступлением особенным, ибо совершалось тайно, во тьме, под предводительством темных сил. Сам дьявол помогал ведьме на суде, подстрекал ее отрицать свою вину и лгать, закалял ее против мучений во время пытки, затемнял память свидетелей, утомлял палачей и еще многими-многими способами вредил судьям. Дьявол, по мнению инквизиторов, часто присутствует во время допроса ведьмы и видим ведьмой. Большей частью он сидит под столом, высовывает язык, строит гримасы и угрожает ведьме, если она вдруг захочет признать свою вину.

Само собой, такой процесс требовал от судей особой стойкости и мужества — ведь бороться приходилось с самим дьяволом, и, чтобы его перехитрить и одолеть,

нужно было иметь особые средства и принимать исключительные меры. Для процессов о ведьмах были разработаны специальные и строгие судопроизводственные формы.

Для возбуждения обвинения в колдовстве достаточно было одного лишь подозрения, основанного на народной молве, на слухах и догадках по внешнему виду ведьмы, по случайным ее поступкам. Объективных доказательств не требовалось. Легко можно себе представить, как часто дела о ведовстве возбуждались на основании злобных наветов, из соображений корысти, мести или зависти.

Свидетелями могли быть опороченные, подвергавшиеся наказанию, даже малолетние дети. Часто показанием служил бред больных горячкой, с которых снимался допрос. Противоречия в показаниях свидетелей игнорировались, если они все свидетельствовали о виновности подсудимого. Имена свидетелей сохранялись в тайне.

Обвиняемому не давалось никаких средств защиты и отнималось право апелляции. Он не имел права возражения против обвинителей. Отвод можно было дать лишь в случае «смертельной вражды». Но как обвинить свидетеля в недоброжелательности, если даже не знаешь его имени?!

Подсудимому не разрешалось выбирать себе защитника. Суду самому полагалось назначить защитника верного и надежного, то есть твердого в вере. При этом следует учесть, что назначенный судом защитник в атмосфере всеобщего доносительства и вселенской подозрительности должен был быть очень осторожным, чтобы излишне пылкими речами не навлечь на себя подозрений в отрицании колдовства и в покровительстве ведьмам и самому не подвергнуться участи подсудимого. Кроме того, защитнику не сообщали никаких данных из допросов свидетелей.

Как мы помним, с XV века суды над ведьмами стали «чинить» инквизиторы. Они широко применяли пытки, которые считались самым действенным средством для получения признания. Инквизитору запрещалось обнаружить милость и снисхождение. Никакое раска-

яние не могло изменить приговор, даже если суд был уверен в искренности обвиняемого. Осужденные наказывались смертью на костре. Кроме того, невинная семья осужденного лишалась всего имущества, которое конфисковывалось и поступало в пользу доносчиков, членов суда и инквизиторов. В одной булле Иннокентия VIII говорится, что сыновьям еретика должна быть оставлена только одна жизнь — и то как милость.

Инквизиторы манипулировали обвиняемыми. Они имели право давать ложные обещания и прибегать к хитростям, например, обещать обвиняемому, что если он признает свою вину, то его не приговорят к смерти. Когда же суд подходил к концу, судья, давший это обещание, мог передать дело другому судье, который и выносил смертный приговор.

Ратовавшим за чистоту веры инквизиторам позволялось нарушать тайну исповеди — поступок, совершенно недопустимый для мало-мальски верующего человека. Исповедь обвиняемого могла считаться признанием.

Суд мог подослать к обвиняемому в тюрьму ловких людей, которые вкрадчивыми речами или другими искусными приемами входили к нему в доверие и вырывали у него какое-либо неосторожное признание.

Словом, инквизиторы действовали по принципу: «Цель оправдывает средства» и не останавливались ни перед совершением подлогов, ни перед подлостью или предательством.

Существование ведьм предполагалось повсюду — в каждом доме, в каждой семье. Требовалось только их распознать, выследить, уличить и арестовать. Странствующий инквизитор, или «комиссар ведьм», переходил с одного места в другое и везде старался собирать сведения о ведьмах — на основании допросов, доносов и слухов. Кроме того, он вывешивал объявления на дверях церкви или ратуши, в которых каждый обязывался под страхом отлучения от Церкви или уголовного наказания в течение двенадцати дней доносить на всех, кто чем-либо вызывал подозрение в причастности к колдовству. Как мы уже говорили, доказательства в действительном ведовстве не требовались — было бы желание навредить ближнему, оговорить невинного, захватить

имущество богатого. Доносчику обещалось благословение Неба и денежное вознаграждение и гарантировалось, что имя его будет держаться в секрете.

В некоторых селениях в церквях имелись даже особые ящики с отверстиями в крышке, куда можно было бросать анонимные доносы.

Чаще всего обвинение основывалось на факте вреда, будто бы причиненного подсудимой свидетелю лично или его имуществу. Причинную связь находили в таких случаях удивительно легко. Если у крестьянина заболело дитя или скот, если урожай пострадал от града и ведьма под пыткой сознавалась, что она с помощью дьявола нанесла порчу дитяти, скоту или производила град, то все было ясно. Причинная связь между фактом порчи и сознанием ведьмы не подлежала никакому сомнению, и участь ведьмы была решена. Раз существовало подозрение, все считалось знаком виновности.

Даже самые нелепые обвинения признавались истинными. Если вы трудно встаете по утрам — то дело вовсе не в ваших «биологических часах», а в пристрастии к колдовству. Наверняка ночью вы успели слетать на шабаш и повеселиться там с Сатаной и другими ведьмами и оборотнями. Чушь, скажете вы? Глупости? Может, оно и так, да только в Средние века вялость по утрам могла стать причиной для отправления человека на костер. Даже родимое пятно необычной формы на теле расценивалось как знак дьявола, с которым подозреваемое лицо было в сношениях.

Если подсудимая была испугана при ее задержании, то это служило явным признаком ее вины. Если же, напротив, она сохраняла присутствие духа, то вина ее была еще более очевидной, потому что никто, кроме дьявола, не мог дать ведьме присутствие духа.

Но самой опасной уликой, объясняющей, каким образом один процесс вел за собой обыкновенно сотни других процессов, было показание пытаемых о соучастниках. Судье недостаточно было получить признание подсудимой, ему еще было необходимо выяснить, кого ведьма видела на шабаше и кто ее научил предаться дьяволу. Доведенная до отчаяния пыткой и невыносимыми страданиями в тюрьме, полной безысходностью и вся-

ким отсутствием надежды на избавление, подсудимая называла первые попавшиеся имена или имена, подсказываемые ей судьей. Часто также злоба и гнев руководили обвиняемой, и она под пытками в отчаянии называла имена воображаемых врагов или тех, по чьей вине она считала себя, невинную, преданной суду.

Получается «ведьмовской» заколдованный круг. Одни из страха или зависти предают своих соседей, которые, под пытками, в свою очередь, оговаривают других соседей или своих обидчиков.

При задержании ведьм инквизиторы должны были принимать особые меры предосторожности, чтобы оградить себя от возможного колдовства. Так, ведьме ни в коем случае нельзя было стоять на земле, поскольку она могла бы тогда получить «подпитку» из преисподней, из подземного мира. Поэтому ведьму следовало вносить в тюрьму и в здание суда в корзине или на плечах, при этом желательно лицом вниз и спиной к судье, поскольку инквизиторы верили в «дурной глаз» и порчу. Ни в коем случае нельзя было допустить соприкосновения руками или другими частями тела, а также одеждой. На шее инквизиторы должны были носить ладанки со священной солью, освященные травы и свечной воск.

Обыкновенно по правилам судопроизводства обвиняемый считался оправданным, если он выдерживал пытку в продолжение целого часа, не сознавшись в приписываемом ему преступлении. Но когда дело касалось колдовства, то подобных ограничений не было. Закон обходили тем, что возобновление мучений называлось не «повторением», но «продолжением» пытки. Правда, для продолжения пытки требовались новые доказательства вины; но мы можем представить, как легко подобные доказательства находились на этих процессах! Ведь даже то, что пытаемая могла выдержать пытку, считалось новым знаком ее виновности, доказательством того, что ей помогал дьявол.

Не довольствовавшись двумя, тремя степенями пытки, пытали вплоть до получения признания. В 1591 году в немецком городе Нордлингене одну девушку пытали 22 раза. Только на двадцать третьей пытке она созна-

лась. В Баден-Бадене одну женщину пытали 12 раз и оставили ее сидеть после последней пытки в продолжение пятидесяти двух часов на так называемом «стуле ведьм» (особом пыточном кресле).

Как это ни удивительно, но были и такие, кто героически выдерживал все пытки, и судьям не удавалось вырвать у них признания. Это объясняется как невероятной силой воли, так и общим состоянием организма, который «отказывался» чувствовать боль.

Значительное число пытаемых умирало под пыткой или непосредственно после пытки. Это являлось только подтверждением подозрения: было ясно, что дьявол их умертвил, чтобы помешать им сознаться.

В тех редких случаях, когда заключенные, выдержавшие, не сознавшись, всевозможные мучения, выпускались на свободу, они должны были поклясться, что не будут мстить членам и слугам суда за вытерпленные муки.

Конечной целью всех допросов, угроз и пыток было признание. Суду нужно было во что бы то ни стало добиться от подсудимых сознания во всех возведенных на них обвинениях. К этому сводилось все судебное следствие, и в этом заключалась главная задача суда.

Содержанием этих признаний служили ответы на вопросы инквизиторов. «Молот ведьм» рекомендует, чтобы в первую очередь спросили у подозреваемой, верит ли она в то, что существуют ведьмы. Если она отвечает отрицательно, то это уже высшая ересь. После этого общего вопроса приступали к другим, касающимся отдельных пунктов обвинения.

Вот содержание первых шести вопросов:

Почему заключенная отрицает, что она ведьма?

Как давно она находится под проклятой властью колдовства?

Что ее к этому побудило?

В каком образе явился к ней впервые дьявол и в какое время — утром, днем, вечером или ночью?

О чем он с ней говорил, что делал и о чем уговорился?

Чего он от нее затем требовал и почему она согласилась?

Потом следует длинный ряд вопросов об оскверне-

нии церкви, о полетах на шабаш, о вырывании детей из могил, о плотской связи с дьяволом и т. д.

Эти вопросы в виде общей схемы должны были касаться всех видов колдовства, которые знали за ведьмами, и составляли вопросный лист генеральной инквизиции, который потом с ответами подсудимой на каждый вопрос («да» или «нет») приобщался к протоколу судебного заседания и давал материал для обвинительного акта и основанного на нем мотивированного приговора. Так как при первом допросе обвиняемые отвечали большей частью на предлагаемые вопросы отрицательно, а лишь потом под пыткой признавали свою вину, то ответы в вопросном листе менялись и отрицательные ответы постепенно заменялись положительными — до тех пор, пока весь лист не заполнялся соответственно желанию судей.

Часто пытаемые признавались в таких фактах, которые тут же, на суде, с очевидностью оказывались ложными, нелепыми, плодом фантазии. Так, одна женщина из города Фульд призналась, что убила колдовством своих детей и также одного чужого ребенка. Между тем оказалось, что все трое живы. Но суд такие нелепицы не смущали, и он принимал самые невероятные факты как истину, объясняя, что признание очевиднее, чем сама реальность.

Часто случалось, что признавшаяся при вторичном допросе отрицала свою вину и отказывалась от вырванного пытками признания. Тогда следовали новые мучения и новое признание. Признание было единственным выходом для этих несчастных. Оно по крайней мере сокращало страдания и приближало к тому, что было неизбежно — к костру.

Недели, месяцы, а часто и годы заключения в отвратительнейших тюрьмах, страшные муки, жестокое и унижительное обращение судей и палачей с несчастными и полностью деморализованными жертвами часто доводили заключенных до умопомрачения. От боли и потрясения они были готовы признать все что угодно, а потом и сами начинали верить в совершенные преступления. Они рассказывали о себе удивительные вещи с такими подробностями, точно это происходило в

реальности. Они действительно думали, что виновны в возводимых на них обвинениях, и искренно обвиняли себя и других, умоляли спасти их души, признавали себя недостойными жить, просили скорее сжечь их на костре, чтобы освободиться от власти дьявола и вернуться к Богу. Многие из них в этом состоянии решались на самоубийство.

Суд легко добивался от заключенных нужных ответов, заставляя повторять их вновь и вновь. В результате обвиняемые могли рассказывать только то, что служило утвердительным ответом на поставленные им вопросы. У них вырабатывался своего рода рефлекс — только так затуманенный болью разум мог прекратить мучения тела.

Процессы над ведьмами позволяют по достоинству оценить суеверие и невежество инквизиторов. И нет ничего удивительного в том, что инквизиторы обвиняли в чародействе людей, намного превышавших их ученостью.

Пытки инквизиции. Тюрьмы и костры

Очень часто нам кажется, что мы можем преодолеть боль, но как было выстоять против мучений, которым подвергали свои жертвы инквизиторы? Пытки были самые разнообразные и рассчитанные на различные степени физической боли — от тупой, ноющей до острой и нестерпимой. Приходится поражаться и удивляться изобретательности «святых отцов», с которой были придуманы эти страшные орудия пыток и с которой они умели разнообразить причиняемые ими муки.

Инструкции инквизиции от 1561 года оговаривали, что пытка должна применяться в согласии «с совестью и волей уполномоченных судей, в соответствии с законом, здравым смыслом и чистой совестью. Инквизиторы должны заботиться о том, чтобы пытка в каждом случае была оправданной и сообразующейся с законом мерой». Так что руки инквизиторов фактически были развязаны, и они могли творить, что хотели.

Часто различные пытки «комбинировались», образуя целую систему, в которой истязания делились на

категории, разряды, степени. Это была настоящая адская гамма мучительных терзаний. Ведьма переходила от одной степени мучений к другой, от одного разряда пыток к другому, пока не исторглось у нее признание.

Совершенно здоровые и очень мужественные люди уверяли после пытки своих палачей, что невозможно вообразить более сильной, более нестерпимой боли, чем та, которую они испытали. Под угрозой новых пыток они были готовы признаться в самых страшных преступлениях, о которых не имели ни малейшего понятия, и согласились бы охотнее десять раз умереть, если бы это было возможно, чем дать себя еще раз пытать.

Перед непосредственными пытками в застенках инквизиции подозреваемую подвергали некоторым испытаниям, чтобы убедиться в ее виновности. Одним из таких испытаний было «испытание водой». Женщину раздевали, что само по себе уже невероятно унижительно и может лишить остатков мужества, связывали «крестообразно», так что правая рука привязывалась к большому пальцу левой ноги, а левая рука — к большому пальцу правой ноги. Естественно, что любой человек в таком положении шевелиться не может. Палач опускал связанную жертву на веревке три раза в пруд или реку. Если предполагаемая ведьма тонула, ее вытаскивали и подозрение считалось недоказанным. Если же жертве удавалось тем или иным способом сохранить в себе жизнь и не утонуть, то ее виновность считалась несомненной и ее подвергали допросу и пытке, чтобы заставить признаться, в чем же именно заключалась ее вина. Испытание водой мотивировалось или тем, что дьявол придает телу ведьм особенную легкость, не дающую им тонуть, или тем, что вода не принимает в свое лоно людей, которые заключением союза с дьяволом стряхнули с себя святую воду крещения.

Вес ведьмы представлял весьма важное указание виновности. Существовало даже убеждение, что ведьмы имеют очень легкий вес.

Свидетельством виновности служило также то, что заподозренную заставляли произносить Отче наш, и если она в каком-либо месте запинаясь и не могла дальше продолжать, то признавалась ведьмой.

Самым обыкновенным испытанием перед пыткой, которому подвергали всех заподозренных, а иногда и в тех случаях, когда они выдерживали истязания, не сознавшись, было так называемое «испытание иглой» для отыскивания на теле «чертовой печати».

Существовало убеждение, что дьявол при заключении договора налагает печать на какое-либо место на теле ведьмы и что место это делается нечувствительным, так что ведьма не чувствует никакой боли от укола в этом месте, а сам укол даже не вызывает крови. Палач поэтому колол разные части тела, в особенности такие места, которые чем-нибудь обращали на себя его внимание (родимые пятна, веснушки и пр.), чтобы убедиться, течет ли кровь. При этом случалось, что палач, заинтересованный в уличении ведьмы (так как он обыкновенно получал вознаграждение за каждую изобличенную колдунью), колол нарочно не острым, а тупым концом иголки и объявлял, что нашел «чертову печать». Или он делал вид, что втыкает иголку в тело, а на самом деле только касался его и утверждал, что место нечувствительно и из него не течет кровь.

Как известно, организм человека имеет неизвестный нам «ресурс выживания» и в некоторых критических ситуациях может «блокировать» боль. Поэтому инквизиторы описывают немало случаев, когда подозреваемые действительно были нечувствительны к боли.

Прежде чем переходить к пыткам «в закрытом помещении», от подсудимых старались добиться добровольных признаний — но не простыми вопросами и угрозами, а угрозами. Обвиняемого предупреждали, что, если он не признает свою вину, судья будет вынужден добиться правды пытками. Если сломленные и обезумевшие от предварительных «испытаний» и боли люди после такой угрозы давали показания, то они считались «добровольными». Такое запугивание пыткой называлось *territion*, что мы бы перевели на русский как «психологический террор». Перед обвиняемым являлся палач, приготовлял все свои «инструменты» к пытке, попутно объясняя несчастному узнику их назначение, а иногда и закручивая некоторые из них на теле жертвы.

Особенно унизительна процедура «приготовления к пыткам» была для женщин, которых палач раздевал догола и осматривал внимательно все ее тело, чтобы убедиться, не сделала ли несчастная себя волшебными средствами нечувствительной к действию орудий пыток или не спрятан ли у нее где-нибудь колдовской амулет или иное волшебное средство. Чтобы ничто не осталось скрытым от глаз палача, он сбрасывал или сжигал факелом или соломой волосы на всем теле, как свидетельствуют протоколы инквизиционных судов, «даже и на таких местах, которые не могут быть произнесены пред целомудренными ушами». Подсудимую, нагую и изувеченную, привязывали к скамье и переходили к самой пытке.

Одной из первых пыток был «жом»: большой палец ущемлялся между винтами; закручивая их, палачи достигали такого сильного давления, что из пальца текла кровь.

Если это не приводило жертву к признанию, то брали затем «ножной винт», или «испанский сапог». Ногу клали между двумя пилами и сжимали в этих ужасных клещах до такой степени, что кость распиливалась. Для усиления боли палач ударял время от времени молотком по винту. Вместо обыкновенного ножного винта часто употреблялись зубчатые винты, так как, по уверению инквизиторов-палачей, боль достигала при этом сильнейшей степени. Мышцы и кости ноги сдавливались до кровотечения, и этого, по мнению многих, не мог вынести даже самый сильный человек.

Следующую степень пытки составлял так называемый «подъем», или «дыба». Руки пытаемого связывались на спине и прикреплялись к веревке. Тело поднималось, после чего или оставалось свободно висеть в воздухе, или опускалось спиной на колья-копья. Поднималось тело с помощью веревки, переброшенной через блок, который прикрепляли к потолку. Человека при этом так вытягивали, что нередко происходил вывих вывороченных рук, находившихся над головой. Тело несколько раз внезапно опускали вниз и затем вновь медленно поднимали вверх, причиняя жертве нестерпимые муки.

Судя по актам инквизиции, только немногие могли выдерживать пытку. И эти немногие большей частью сознавались непосредственно после пытки под влиянием увещаний судей и угроз палача. Заключение уговаривали сознаться добровольно, ибо в таком случае они могут еще спасти себя от костра и заслужить милость, то есть смерть от меча. В противном же случае они будут сожжены заживо.

Если у человека и после таких ужасных пыток оставались силы отрицать свою вину, то к большому пальцу его ноги привешивали всякие тяжести. В этом состоянии узника оставляли до полного разрыва всех связей, что причиняло невыносимые страдания, и при этом время от времени палач порол обвиняемого розгами. Если и тогда пытаемый не признавался, палач приподнимал его до потолка, а потом вдруг отпускал тело, которое падало с высоты вниз. В протоколах описываются случаи, когда после такой «операции» отрывались руки, за которые тело несчастного было подвешено.

Следующим шло испытание на «деревянной кобыле» — треугольной деревянной перекладине с острым углом, на которую сажали верхом жертву и на ноги подвешивали тяжести. Острый конец «кобылы» медленно врезался в тело по мере того, как оно опускалось, а грузы на ногах постепенно увеличивались после каждого очередного отказа сделать признание.

Была также пытка «ожерелье», когда кольцо с острыми гвоздями внутри надевали на шею. Острия гвоздей чуть касались шеи, а ноги при этом поджаривались на жаровне с горящими угольями. Судорожно извиваясь от боли, жертва натывалась на гвозди «ожерелья».

Поскольку заключенный мог быть подвергнут пытке лишь однажды, судьи объявляли в ходе пытки частые перерывы и удалялись, чтобы подкрепить свои силы закуской и выпивкой. Заключенный оставался на дыбе или кобыле и мучился часами. Потом судьи возвращались и продолжали пытку, меняя орудия.

Кое-где пытаемым давали опьяняющие напитки, чтобы ослабить их силу воли и заставить дать показания. Вот уж истинное ханжество: тех, кого судили за

приготовление колдовских напитков, инквизиторы не стеснялись опаивать тем же варевом.

Между орудиями пытки мы находим также вертящуюся кругообразную пластинку, которая вырывала мясо из спины пытаемого.

Если палач отличался особенным усердием, то он выдумывал новые способы пытки, например, лил горячее масло на обнаженное тело жертвы, или капал на нее кипящую смолу, или держал под ее руками, подошвами или другими частями тела зажженные свечи.

К этому присоединялись и другие мучения, например вбивание гвоздей под ногти на руках и ногах. Очень часто висевших пытаемых секли розгами или ремнями с кусками олова или крючьями на концах.

Но жертвам причиняли физические страдания не только «материальными способами». В Англии, например, применялась пытка бодрствованием. Обвиняемым не давали спать, их без отдыха гоняли с одного места на другое, не разрешая останавливаться до тех пор, пока ноги чудовищно не отекали и люди не приходили в состояние полного отчаяния.

Иногда арестованным давали исключительно соленые кушанья и при этом не давали ничего пить. Несчастные, мучимые жаждой, готовы были на всякие признания и часто с безумным взглядом просили напиться, обещая отвечать на все вопросы, которые судьи им задавали.

Дополнением к мучениям жертв инквизиции являлись тюрьмы, в которых содержались несчастные. Тюрьмы эти сами по себе были одновременно и испытанием, и наказанием для обвиняемых в колдовстве.

В то время места заключения вообще представляли собой отвратительные вонючие дыры, где холод, сырость, мрак, грязь, голод, заразные болезни и полное отсутствие какой бы то ни было заботы о заключенных за короткое время превращали несчастных, попадавших туда, в калек, в психических больных, в гниющие трупы.

Но тюрьмы, назначенные для ведьм, были еще ужаснее. Такие тюрьмы специально строились с особыми приспособлениями, рассчитанными на причинение

несчастливым возможно более жестоких мук. Одно содержание в этих тюрьмах было достаточно для того, чтобы в конец потрясти и измучить попадавшую туда невинную женщину и заставить ее признаться во всевозможных преступлениях, в которых ее обвиняли.

Один из современников той эпохи оставил описание внутреннего устройства этих тюрем. Это были толстые, хорошо укрепленные башни или подвалы. В них находились несколько толстых бревен, вращающихся около вертикального столба или винта. Бревна развинчивались или раздвигались, в отверстия между верхними бревнами клались руки, в отверстия между нижними бревнами — ноги заключенных. После этого бревна привинчивались или прибивались кольями или замыкались так плотно, что заключенные не могли шевелить ни руками, ни ногами. В иных тюрьмах находились деревянные или железные кресты, к концам которых крепко привязывались головы, руки и ноги заключенных, так что они должны были постоянно или лежать, или стоять, или висеть, смотря по положению креста. В других имелись толстые железные полосы с железными запястьями на концах, к которым крепились руки заключенных. Так как середина этих полос цепью была прикреплена к стене, то узники не могли даже пошевелиться.

Иногда к ногам вешали тяжелые куски железа, так что несчастные люди не могли ни вытянуть ног, ни притянуть их к себе. Иногда в стенах были сделаны углубления такого размера, что в них с трудом можно было сидеть, стоять или лежать; заключенные там запирались железными затворами.

В некоторых тюрьмах находились глубокие ямы, выложенные камнем, с узкими отверстиями и крепкими дверями сверху. В них узников опускали на веревках и таким же образом их вытягивали наверх.

Во многих местах заключенные страшно страдали от холода и отмораживали себе руки и ноги. После этого даже если их и выпускали на свободу, они на всю жизнь оставались калеками.

Некоторые узники постоянно содержались в темноте, никогда не видели солнечного света и не могли от-

личить дня от ночи. Они находились в неподвижности и лежали в собственных нечистотах, получали отвратительного качества еду, не могли спокойно спать, одержимые мрачными мыслями, злыми снами и всякими ужасами. Они страшно страдали от укусов вшей, мышей и крыс. К тому же они постоянно слышали ругань, злые шутки и угрозы тюремщиков и палачей.

И так как все это продолжалось не только месяцы, но и целые годы, люди, помещенные в тюрьму бодрыми, сильными, терпеливыми и в трезвом уме, очень быстро становились слабыми, дряхлыми, искалеченными, малодушными и безумными.

Неудивительно, что во время пребывания в тюрьме многие женщины впадали в иступленное состояние, у них начинались видения, и они представляли, что их посещает в тюрьме дьявол, который говорит с ними, дает им советы, указания, имеет с ними половые сношения. Об этих посещениях они потом рассказывали на допросах, стремясь прекратить невыносимую муку заключений и пыток, и это служило новым доказательством их виновности. Часто дьявол являлся в лице тюремщиков, которые совершали над заключенными молодыми женщинами зверские насилия.

Другие женщины впадали в состояние апатии и встречали мучения с удивительным равнодушием, которое судьи объясняли участием дьявола, помогающего ведьме переносить пытки без боли.

Итогом всего этого ужасного процесса было наказание — наказание в любом случае, даже если испытания пытками не приводили обвиняемую к признанию и не оказывалось достаточных доказательств к осуждению.

Но даже если свершалось чудо и несчастная получала свободу, радоваться ей было нечему. Совершенно искалеченная физически и морально, всеми презируемая и вызывающая отвращение женщина выпускалась на свободу не как оправданная, а как подозреваемая. Ее чаще всего ждали новое обвинение и арест.

Нередко выпущенным на свободу узникам инквизиции запрещался вход в церковь, а если и разрешался, то им отводилось в церкви особое место, отделенное от других. Даже в их собственном доме бывшие заклю-

ченные должны были быть изолированы и жить в отдельной комнате. Нередко этих несчастных отталкивала собственная семья, которая боялась принять их к себе обратно — из страха навлечь на себя подозрение или из-за того, что все-таки считала их во власти дьявола, несмотря на оправдание суда.

Но оправдательные вердикты были очень редки. Большой частью пытки кончались признанием, и за процессом следовала казнь. Осужденную сжигали на костре — живьем или после удушения или обезглавливания. На практике было взято за правило сжигать живьем лишь тех из ведьм, которые упорствовали и не обнаружили признаков раскаяния; по отношению же к раскаявшимся оказывалась милость, и их сжигали после предварительного удушения или отсечения головы.

Если по отношению к осужденным ведьмам допускалось «снисходительное облегчение наказания», то по отношению к оборотням оно считалось недопустимым, и они должны были быть сожжены живыми.

Приговор суда о предании ведьмы сожжению на костре обыкновенно вывешивался на ратуше к общему сведению, с изложением подробностей выяснившегося преступления.

Осужденную на сожжение волокли к месту исполнения казни привязанной к повозке или к хвосту лошади лицом вниз по всем улицам города. За ней следовали стражники и духовенство, сопровождаемые толпой народа. Перед совершением казни зачитывался приговор.

В некоторых случаях костер зажигался небольшой, с маленьким пламенем, для того, чтобы продлить мучения перед смертью. Сожжение было более или менее мучительное в зависимости от того, гнал ли ветер удушающий дым привязанному к столбу в лицо или, наоборот, отгонял этот дым. В последнем случае осужденный медленно сгорал, претерпевая ужасные муки. Нередко также осужденным перед казнью отрубали руки или палач во время исполнения приговора рвал раскаленными щипцами куски мяса из их тел.

Многие имели нравственную силу ждать молча последнего удара сердца, другие оглашали воздух душераз-

дирающими криками. Чтобы заглушать вопли несчастных, им затыкали рот. Окружающая толпа слышала только треск горящего костра и монотонное пение церковного хора — до тех пор, пока тело несчастной жертвы не превращалось в пепел...

Самые известные процессы над ведьмами

Первой известной ведьмой, которая была привлечена за колдовство в Ирландии, и первой в средневековой Европе осужденной за колдовство и ересь стала леди Элис (Алиса) Кителер (? — 1324). И она также первой из осужденных смогла оправдаться и отместить предъявленные ей обвинения.

Ее история — эта история Синей Бороды в юбке. Три мужа леди Элис умерли, и она наследовала их имущество, став одной из самых богатых женщин в округе. Когда же занедужил ее четвертый муж, Джон ле Поэр, то он сам и его дети от предыдущих браков стали подозревать леди Элис в наведении порчи. Вскоре ле Поэр нашел в вещах жены мешок с разными снадобьями и порошками, которые применялись в черной магии. В результате леди была обвинена в колдовстве.

Епископ Оссорский, Ричард Ледред, не замедлил поддержать обвинение, потому что лично был заинтересован в конфискации имущества богатой женщины. Он арестовал леди и ее сына, но благодаря связям семьи Кителер дело вскоре прекратили. Однако епископ не унялся, отлучил леди Элис от Церкви и приказал ей приехать к нему. Она отправилась в Дублин, а де Ледред обвинил ее сына в ереси.

Тогда влиятельная дама заставила власти арестовать епископа, но через 17 дней его выпустили. Далее последовала «дуэль» аристократки и епископа: благодаря могущественным связям они поочередно заключают друг друга в тюрьму.

В результате длительного противостояния леди Элис уехала в Англию, где жила в покое, а епископ де Ледред был осужден за ересь и изгнан из епархии. Он находился в опале долгие годы. Вплоть до XVII века «ведьминских» процессов в Ирландии больше не было.

Во Франции одной из первых крупных «охот на ведьм» стало преследование колдуний в Северной Франции в Аррасе в 1459—1460 годах. Подозреваемых жестоко пытали, обещая взамен на признание вины сохранить жизнь, но потом все равно сожгли на костре.

Поскольку это было одно из первых дел в Северной Франции, то процедура ведения процесса еще не была отработана: инквизиторы не знали, какие конкретно предъявлять обвинения в колдовстве и как именно это самое колдовство определять. После недавнего преследования вальденсов инквизиторы не нашли ничего умнее, как спутать ведьм с представителями этого еретического учения.

Началось все с ареста одного отшельника из местечка Лангре, которого обвинили в том, что он является вальденсом. После жестоких пыток несчастный признался не только в принадлежности к еретикам, но и в колдовстве, а также в участии в шабашах. В качестве своих соучастников он назвал имена двух людей. Это стало началом цепной реакции. После получения признания несчастного убили, а указанных им людей стали мучить.

Инквизиторы обещали сохранить людям жизнь, когда при помощи пыток старались вырвать у них признания: жгли им пятки каленым железом и заставляли пить уксус. По некоторым документам, доминиканцы, принимавшие участие в процессе, верили, что одна треть населения Европы является скрытыми, или тайными, ведьмами и колдунами, в том числе и некоторые католические епископы и кардиналы. Под пыткой почти все признавались в том, чего от них требовали мучители, а затем, вопреки данным монахами обещаниям, отправлялись на костер.

Среди казненных было много богатых и знатных людей, имущество которых конфисковывалось в пользу Церкви. В результате многие богатые торговцы и аристократические семьи спешно уехали из некогда процветающего Арраса и город превратился в почти безлюдное место.

Филипп Добрый, герцог Бургундский, был разгневан, узнав о творящихся безобразиях, и в 1460 году вмешал-

ся в деятельность инквизиции. Аресты прекратились. В 1461 году парламент потребовал освободить некоторых заключенных, а остальных освободил епископ Аррасский. В 1491 году парламент осудил деятельность инквизиции в этом городе.

В Германии невероятного размаха достигли преследования ведьм в XVI и XVII веках. Некоторые историки называют тот период «холокостом».

Небольшой город Бамберг считается местом, в котором прошло наибольшее количество процессов над ведьмами. Случилось это в 1620-х годах, когда в Бамберге правил Готфрид Иоганн Георг II Фухс фон Дорнхайм, которого прозвали «ведьминым епископом». Он создал эффективную систему уничтожения ведьм, особую структуру из судей, палачей и специально обученных людей, проводивших пытки. Была даже построена тюрьма для ведьм — «Дом ведьм».

Пытки были особо изощренными: людям не только загоняли иголки под ногти, дробили суставы и подвешивали на крюке, но и погружали их в ванны с ледяной водой и насыпанной туда известью, жгли перьями, намазанными серой. Пытки не прекращали до тех пор, пока измученная жертва не сознавалась во всем, что только хотели инквизиторы. По дороге на костер жертв жгли раскаленными щипцами, рвали куски мяса из тела и отрубали руки.

Многие богатые и знатные люди погибли из-за преступной воли фон Дорнхайма, в том числе и бургомистр Бамберга. В результате этого «холокоста» имущество «ведьминого епископа» увеличилось в несколько раз, он сказочно разбогател. Некоторые горожане бежали из Бамберга и обратились с жалобами к императору Фердинанду. Тот попытался вмешаться, но фон Дорнхайм не обратил на приказ императора никакого внимания. В результате общественного давления Фердинанд издал в 1630 и 1631 годах специальные указы против преследования ведьм.

Сын Фердинанда, Фердинанд II, в законодательном порядке регламентировал ведение процессов и проведение расследований. Он постановил, что обвинения должны предъявляться открыто и публично, у обвиняе-

мых должны быть адвокаты, а их имущество нельзя конфисковывать.

Одна из последних вспышек истерии процессов над ведьмами произошла в конце XVII века в США, в городе Салем штата Массачусетс. Именно благодаря этой трагедии в нашу жизнь вошло понятие «охота на ведьм» в современном значении этого выражения*.

В ходе процесса XVII века обвинения в колдовстве были предъявлены 141 человеку, из которых 19 были повешены, а одного задавили до смерти. Сразу скажем, что до сих пор историки не могут прийти к единому мнению об истинных причинах салемских процессов. Одни связывают их с политическими и экономическими проблемами Салемской деревни. Другие — с подавляемой сексуальной, возрастной или расовой враждой. Третьи толкуют об эрготизме — отравлении хлебной мукой, в которой завелся особый грибок, являющийся очень сильным галлюциногеном, способным вызывать самые разнообразные видения.

Все началось с детских обвинений. Совершенно неожиданно девочки, дочь и племянница священника-пуританина, и их подружки (в возрасте от двенадцати до двадцати лет) стали страдать странными припадками, забиваться в темные углы и издавать нечленораздельные звуки, при этом ужасно кривляясь и корчась.

Теперь уже невозможно узнать, притворялись ли девочки, чтобы скрыть свои занятия магией со служанкой священника Титубой из одного индейского племени, или действительно на них нашло затмение. Местный врач после осмотра поставил диагноз: околдованы.

Надо сказать, что салемское дело с самого начала было непростым, потому что в течение многих лет жители Салемской деревни не ладили с администрацией соседнего городка Салем на религиозной почве.

* В 1950-е годы в США развернулась известная, почти параноическая кампания сенатора Джозефа Маккарти по изобличению коммунистов — подлинных и мнимых. Тогда драматург Артур Миллер в своей пьесе «Салемские ведьмы» (в другом переводе — «Тигель») провел параллель между маккартизмом и салемскими процессами. С появлением пьесы Миллера понятие «охота на ведьм» сделалось общепринятой современной идиомой для обозначения любых попыток выявления предполагаемых врагов путем внушения и распространения коллективного страха.

Пуритане поселились в Салеме в 1626 году. До этого земли считались принадлежащими местным индейским племенам. В 1672 году поселенцы добились разрешения построить в своей деревне молельный дом и пригласить священника.

Пуритане, которые в достаточной степени «враждовали» с официальной Церковью, выдвигали особые требования к своим священникам. Прежде всего они были «выборные». Но местные жители никак не могли договориться, кого именно выбрать и кто вообще имеет право приглашать их в Салемскую деревню. В 1689 году в деревню прибыл Сэмюэль Пэррис, и местное общество раскололось на приверженцев нового священника и сторонников тесных связей с городом.

Когда в деревне появились одержимые, пуритане были уверены, что существует единственный способ их вылечить — убить колдунью. После многочасовых увещаний девочки, которые, по мнению многих историков, просто притворялись, начали давать показания и называли имя колдунов, которые наслали на них порчу.

В результате было арестовано три ведьмы, среди которых, конечно, была и Титуба. Последняя признала себя виновной и обвинила в колдовстве еще двух женщин. А затем рассказала, что в штате Массачусетс есть настоящая община ведьм, членами которой являются шестеро женщин. Так началась «охота на ведьм».

Поскольку массачусетские власти не имели права вести самостоятельное расследование, то первые полгода несчастные просто томились в тюрьме. Тем временем девочки стали называть имена новых «служительниц дьявола». Допросы у судей Дж. Хаторна и Дж. Корвина шли по одному сценарию: необоснованные обвинения, не подкрепленные уликами и доказательствами; припадки девочек в присутствии обвиняемых; рассказы о нападении призраков, которые насылаются ведьмами. Под следствие попали и женщины, и мужчины — в том числе и преподобный Баррафас, который служил в Салеме до Пэрриса и не сошелся характером с некоторыми прихожанами.

В мае 1692 года новый губернатор штата принял закон, по которому уже можно было проводить офици-

альную судебную процедуру. Губернатор решил создать для этой цели Гласный окончательный суд, первое заседание которого состоялось 2 июня. Далеко не все члены суда были согласны с предъявленными подсудимым обвинениями, но после того, как судья Солтонстолл вышел из состава суда, его самого обвинили в колдовстве.

После осуждения ведьм и колдунов выводили на салемский Холм виселиц, а после повешения бросали их тела в яму, поскольку ведьмы не заслуживали христианского погребения.

Поскольку истерия не утихала, а осужденных становилось все больше и больше, заседания суда стали проводить не только в Салеме, но и в других городах Массачусетса. Но далеко не везде им сопутствовала удача. Так, в Эндове некий горожанин, обвиненный девочками в колдовстве, не растерялся и подал на них в суд за клевету, требуя тысячу фунтов за возмещение морального ущерба. После этого обвинения с него были сняты, а обвинители отправились в другой город.

Однако судьи не переставали зверствовать, несмотря на то что в качестве улики они имели лишь показания девочек, которым были видения. Против видений как улики восставали многие священники, но до поры до времени их никто не слушал.

Случались и совершенно ужасные казни, ужасные даже для инквизиции. Так, Джайлс Кори задавили до смерти 19 сентября 1693 года за то, что он отказался признать правомочность суда, рассчитывая, что в этом случае его нельзя будет судить и приговорить, а также конфисковать имущество. Но он ошибался. Его приговорили к «мучительной и строгой казни», привезли на салемские поля и распластали на земле. Сверху на него положили большую деревянную доску, на которую стали один за другим класть тяжелые камни. Под ужасающей тяжестью у Джайлса вывалился язык, но шериф Джордж Коровин тростью запихал его обратно. Однако Кори не сдавался и на все обвинения отвечал требованием увеличить груз. В результате его просто раздавили.

Это была одна из последних казней.

Число обвиняемых выросло до пятидесяти человек, что заставило даже самых рьяных сторонников этих

процессов призадуматься, возможно ли такое количество ведьм в одном отдельно взятом штате. У потерявших девочек совсем пропали чувства реальности и самосохранения, и они посмели обвинить в колдовстве жену губернатора. Это уже был явный перебор, и 29 октября губернатор распустил Гласный окончательный суд, им же и учрежденный.

Однако в тюрьмах оставалось большое количество обвиняемых. Решено было провести повторные процессы, но не признавать в качестве улики видения. В результате суды стали выносить практически только одни оправдательные приговоры. Преследование ведьм было решено считать тяжким грехом, который требует искупления.

С 1703 года власти Массачусетса приступили к реабилитации осужденных, в 1771 году впервые в государственной практике компенсировали ущерб жертвам судебной ошибки.

Надо сказать, что салемские процессы до сих пор привлекают внимание не только историков и психологов, но и простых людей. В Денверс (нынешнее название Салема) приезжают множество туристов посмотреть своими глазами на Холм виселиц и посетить Музей ведьм, расположенный в бывшей церкви. Музей ежегодно посещают 140 тысяч человек.

Потомок судьи Хаторна (*Hathorne*) известный американский писатель Натаниэль Готорн (*Hawthorne*) добавил в свою фамилию букву «w», чтобы избежать неприятных ассоциаций. Он использовал семейную легенду о проклятии судьи ведьмой, несколько реальных фигур из салемских процессов и собственный дом с двускатной крышей в своем романе «Дом с семью фронтонами» (1851). Дом Готорна оставался на своем месте около Салемской гавани до 1958 года. А потом его перенесли на другое место. В 1959 году в нем открыт музей.

Наиболее опасным последствием процессов над ведьмами, как салемских, так и других, проходивших по всему миру, историки считают их «заразность». На деле выходило, что те, кому поручалось искоренять колдовство, были активными миссионерами, засеивавшими семенами этого поверья еще большие площади.

Выступления против преследования ведьм

Еще в XVI веке, в самый разгар преследования ведьм, время от времени стали раздаваться протестующие голоса против безумия, охватившего всю Европу и стоившего жизни стольким тысячам жертв инквизиции. Голоса эти были слабые, робкие, побуждаемые более жалостью и состраданием к несчастным людям, чем уверенностью в их невиновности, более возмущенные бесчеловечной жестокостью судей и палачей, чем убежденные в безумии своего века.

Удивительное, беспримерное в истории заблуждение, господствовавшее над умами в течение целых четырех столетий, подчинившее себе здравый смысл, чувство человечности, правосудие, науку, философию, имело слишком глубокие корни и обуславливалось слишком сложными и разнообразными причинами для того, чтобы реакция против этого заблуждения могла обнаружиться смело и энергично.

Нужно было иметь невероятное мужество, чтобы возвысить голос против преследования колдовства в то время, когда одно сомнение в существовании дьявола и ведьм признавалось высшей степенью ереси и для человека, выразившего чем-либо такое сомнение, соединялось с опасностью подпасть под обвинение в сношениях с дьяволом. Поэтому те немногие люди, которые сомневались в действительности колдовства и возмущались бесчеловечным преследованием ведьм, только робко и боязливо решались выступить против заблуждения своего века и в защиту несчастных жертв инквизиторского мракобесия.

Церковь, как мы знаем, отдавала судье и обвинителю имущество, конфискованное у обвиненных в колдовстве. Поэтому всюду, где церковное право оставалось в силе, число процессов увеличивалось и духовенство обогащалось. Всюду, где такого рода дела подлежали ведению светских судов, они постепенно становились редкими, затем и вовсе исчезали. Это можно сказать по крайней мере относительно Франции в период 1450—1550-х годов.

Первые проблески света проникли во Францию в

середине XV века. Пересмотр процесса Жанны д'Арк в парижском парламенте и ее оправдание заставляют задуматься о заблуждениях церковных судов. Жанна д'Арк — ведьма для Англии и для великих богословов Базельского собора, для Франции является святой. Ее оправдание можно считать началом эры веротерпимости. Парижский парламент* оправдывает также мнимых вальденсов (еретиков) из Арраса. В 1498 году эта же инстанция признает сумасшедшим объявленного ее членом колдуна и отпускает его на свободу.

В царствование королей Карла VIII, Людовика XII, Франциска I не было ни одного осуждения за колдовство. Наоборот, Испания под властью благочестивой Изабеллы и кардинала Хименеса принимается за сожжение ведьм. Женева, подвластная в то время (1515 год) своему епископу, за три месяца сжигает 300 человек. Император Карл V напрасно старается установить, что «дела о ведовстве, наносящем ущерб имуществу отдельных лиц, должны подлежать ведению светского суда, а не церковного». Напрасно налагает запрет на конфискацию имущества. Епископы, для которых этого рода дела были самыми выгодными, продолжают яростно сжигать людей.

Первое по-настоящему громкое слово протеста против фанатиков-изуверов Шпренгера и Инсистериса, их ужасного руководства — «Молота ведьм» и доминиканцев-инквизиторов было сказано легистом Констанца Молитором. Он высказал здравое соображение, что нельзя серьезно считаться с показаниями ведьм, ибо устами их говорит сам отец лжи — дьявол. Он смеется над чудесами дьявола, заявляя, что все это — пустые иллюзии. Насмешники Гуттен и Эразм в своих сатирах на идиотов-доминиканцев наносят косвенный, но сильный удар инквизиции. Кардан решительно заявля-

* Парижский парламент (*les Parlements, Parliamenta*) — так назывался во Франции высший суд, пользовавшийся очень важными политическими правами. Он образовался постепенно из королевской курии (*curia regis*), в состав которой входили, кроме непосредственных вассалов короля (крупных баронов и прелатов), высшие придворные чины (*Ministeriales domini regis*) и ближайшие советники короля, особенно из знакомых с правом клерков.

ет: «Ради конфискации они сами обвиняют, осуждают, изобретают в доказательство тысячи всяких историй».

Апостол терпимости — Шатильон, писатель XVI века, — настаивая, что не следует вовсе сжигать еретиков, не говоря уже о колдунах, выступает таким образом разом против католиков и протестантов.

Начало мрачного царствования Генриха II и Дианы Пуатье положило конец эпохе веротерпимости. При Диане снова принимаются жечь еретиков и колдунов. Екатерина Медичи, наоборот, окружает себя астрологами и магами, всячески покровительствуя им. Число их страшно увеличивается за это время. Колдун Труа-Эшель, осужденный в царствование Карла IX, считал, что их сотни тысяч, и заявлял, что Франция вся целиком — колдунья.

Но в Германии продолжают протесты против процессов над ведьмами. Одним из самых заметных «выступающих» был Генрих Корнелий Агриппа Неттесгеймский, генеральный адвокат в Меце. В своем сочинении «Оккультная философия» (1531) он обнаруживает скептическое отношение к магии и другим философским и научным воззрениям своего времени и касается суеверий и колдовства. Несмотря на то что он прямо не восстает против преследования ведьм, он тем не менее подпадает под подозрение, что находится в сношениях с дьяволом, и заключается в тюрьму. Он вскоре умер и, как рассказывали, перед смертью у него из затылка вышла черная собака, под видом которой скрывался дьявол, послуживший причиной его гибели.

Учеником Агриппы был голландец Иоханнес Вейер, придворный врач герцога Вильгельма IV в Дюссельдорфе, который под покровительством герцога и при его содействии энергично боролся против инквизиторов и преследования ведьм. В 1563 году вышла его книга о ведьмах и процессах инквизиции против них, державшая в короткое время шесть изданий и приобретшая большую популярность. Вейер смело выступал против бесчеловечного преследования ведьм и доказывал несправедливость этих обвинений и абсурдность приемов, практикуемых в процессах. Но Вейер все-таки не отрицал существования дьявола и возможности при-

чинения им вреда людям. Он старается только очистить это верование от грубых представлений своих современников о непосредственных телесных сношениях между дьяволом и человеком, объясняя многое из обвинений ведьм естественными причинами; вместе с тем он призывал палачей-инквизиторов к состраданию и человечности.

По мнению Вейера, «ведьмы — это большею частью слабые, старые, не вполне разумные женщины, которыми, когда они отягчены горем или недомоганием, овладевает бестелесный дух или дьявол, который путем ослепления и наваждения так сильно внушает им, что они причинили людям всякого рода несчастья, вред и порчу, что они начинают верить в действительность всего этого, между тем как они совершенно невинны». Вейер считает все случаи колдовства результатом фантазий и объясняет их галлюцинациями, которые насылает на «ведьму» дьявол помимо ее воли.

Поэтому Вейер считал преследование ведьм несправедливостью и в предисловии к своему трактату обращался с горячим воззванием к государям Европы, чтобы они остановили пролитие невинной крови. «Безумные, бедные женщины, — говорил Вейер, — одержимые злым духом, которых без пощады бросают в темную мрачную тюрьму, мучают под пытками, осуждают на смерть и сжигают на костре, оказываются виновными единственно на том основании, что они сознались в своих мнимых преступлениях. Только этим порядком судопроизводства объясняется то, что многие несчастные предпочитают один раз умереть в огне, чем много раз переносить бесчеловечные пытки. И бессердечные судьи, и палачи не хотят понимать, что часто проливается невинная кровь и что несчастные себя обвиняют только благодаря ужасным мучениям пытки. Ибо если какая-либо из них не сознается и выпускает дух под страшными пытками или решается в отчаянии на самоубийство в тюрьме, то судьи объясняют это тем, что дьявол свернул им шею, для того чтобы помешать им признаться и подвергнуться публичной казни».

Книга Вейера произвела сильное впечатление, она была запрещена католической церковью, а сам медик

обвинен в колдовстве и принужден был бежать из Дюссельдорфа в Мекленбург, где нашел защиту у графа фон Бентейма.

Сразу же по выходе книги разгорелась дискуссия между теологами и преследователями ведьм. Как это ни странно, книга Вейера вызвала еще более яростную борьбу с дьяволом, и конец XVI века в особенности изобилует процессами о ведьмах во всех странах Европы, где еще в течение двух столетий костры не перестают дымиться.

В 1690 году в Амстердаме на голландском языке вышла книга реформатского пастора Балтазара Беккера «Околдованный мир», в которой впервые объявляется война самому принципу колдовства и рассматривается учение о дьяволе и его власти на земле. Ссылками на Библию, историческими сопоставлениями и философскими рассуждениями Беккер разбивает всю систему ортодоксальных воззрений на природу дьявола, как темную силу, действующую в мире с соизволения Бога и рядом с силами добра для искушения человечества и для погубления человеческих душ. Он доказывает, что многие места из Библии, на которых основывается учение ортодоксии о дьяволе, совершенно не подтверждают этого учения и даже, напротив, находятся в полном противоречии с господствующими воззрениями. По Библии, Сатана вовсе не является всеильным князем тьмы, властвующим над тайнами природы, всезнающим, могущим иметь власть над человечеством и по своему желанию принимать различные образы и действовать во вред человеку. Он скорее падший дух, ввергнутый в бездну и там ожидающий суда и наказания, немощный, которому чуждо знание сокровенного в природе и который неспособен принять вид плоти, являться в образе и каким-либо образом действовать на физический мир. Представление о союзе ведьм с дьяволом — не более как поэтический образ, выдуманный древними языческими поэтами и принятый ортодоксальными представителями христианства как основа христианства. Он находится в противоречии с действительными основами евангельского учения и направлен на посрамление Церкви.

Книга Беккера имела огромный успех и вызвала во всем христианском мире сильное движение. В особенности она произвела большое волнение среди теологов. Появилось много ответных сочинений и полемических памфлетов.

Еще более сильный удар нанесло средневековому заблуждению о колдовстве знаменитое сочинение Кристиана Томазия «О преступлении магии», которое появилось в 1701 году и о котором современники говорили, что благодаря ему женщины получили возможность в безопасности состариться и спокойно умереть.

Хотя и после сочинения Томазия процессы над ведьмами продолжались и инквизиция по-прежнему сжигала колдунов, эти явления теряли эпидемический характер и возникали все реже. Отдельные правители издавали специальные постановления, вовсе запрещающие всякое преследование ведьм; другие устанавливали ограничительные правила употребления пыток, многие из них миловали и освобождали осужденных.

Между царствующими особами следует выделить Гогенцоллернов, которые жестко выступили против колдовства. Уже великий курфюрст Фридрих допускал много раз помилования и установил строгие требования относительно применения пытки, порядка допросов и признания. Лично он, однако, не был свободен от веры в дьявола. Это видно из того, что в Бранденбургском военном уставе он запретил под угрозой наказания пребывание в лагере колдунам, заклинателям оружия и всяким мастерам дьявольского искусства. Это же законоположение, допускающее даже смертную казнь, было повторено во второй главе отмененного его преемником военного устава от 1713 и 1724 годов. Тем не менее фактически процессы о колдовстве постепенно прекращаются.

Вы только подумайте. В начале XVIII века, которое кажется нам чуть ли не современностью, во всяком случае сравнительно недалеко отстоит от современных представлений морали, в официальном уставе есть статья о ведьмах!

Но особенно яростно выступал против преследования ведьм преемник Фридриха, король Фридрих Вильгельм, который 18 декабря 1714 года издал указ, требо-

вавший улучшения судопроизводства, и приказывал все приговоры ведьм к пыткам или к смерти посылать на его утверждение. В этом же указе особо оговаривалась слабая база доказательности процессов над ведьмами, «благодаря которой дела о колдовстве не всегда расследовались с соответственной осторожностью, а исходя из малодостоверных показаний, вследствие чего много невинных подвергались пыткам, погибали на костре и таким образом много невинной крови проливалось в стране».

Изменения в процедуре судов над ведьмами в Пруссии, начатые курфюрстом, были достойно закончены Фридрихом Великим, который окончательно отменил пытки в 1740 году.

Примеру Пруссии последовали и другие протестантские страны, где начиная со второй четверти XVIII века процессы над ведьмами совершенно прекращаются. В католических же государствах они еще продолжают в течение всего XVIII века.

В Австрии вера в ведьм была сильна, и в начале XVIII века процессы по обвинению в колдовстве получили сильную опору в новом уголовном уложении, изданном королем Иосифом I в 1707 году для королевства Богемского, маркграфства Моравского и герцогства Шлезвигского. Это уложение санкционировало почти в полном объеме все прежние постановления относительно преследования колдовства.

С вступлением на престол австрийской эрцгерцогини Марии Терезии в 1740 году был положен конец всем преследованиям ведьм, если не по закону, то по крайней мере фактически. Она приказала, чтобы все подобные процессы до объявления приговора были отправляемы ей лично на утверждение. Вместе с тем она назначила комиссию для выработки нового уголовного уложения.

Несмотря на просвещенные взгляды Марии Терезии, процессы против ведьм в католических странах ее короны не прекращались до самого исхода XVIII века, а в некоторых из них они продолжались даже в XIX веке. В Вюртемберге, Вюрцбурге, в особенности в Баварии встречаются процессы еще в последней четверти «просвещенного» XVIII века — по самым чудовищным обви-

нениям, напоминающим процессы во время расцвета преследования колдовства в XVI и XVII веках.

Во Франции в царствование Людовика XVI был издан эдикт, в котором отвергается существование ведьм и воспрещается судам впредь принимать обвинение в колдовстве. Парламент счел своим долгом сделать королю внушение, ссылаясь на то, что Священное Писание приговаривает к смерти любого, кто занимается колдовством, что у всех народов, начиная с древних времен, было правило подвергать колдунов смертной казни и что в самой Франции издревле установлено в практике и по закону преследовать колдовство и наказывать ведьм смертью. Это внушение, однако, не действовало на короля, и он не отменил эдикт.

Однако еще в XVIII веке часто встречаются обвинения в колдовстве и возникают процессы против ведьм. Только Великая французская революция законом от 22 июля 1791 года положила конец этим процессам, признав одержимых бесом больными и предписав передавать их в дома для умалишенных.

Долго продолжались процессы над ведьмами в Швейцарии. Еще в 1782 году была обезглавлена молодая девушка Анна Гольди, служанка одного врача, обвиненная в том, что она околдовала ребенка, вследствие чего тот заболел.

Позже, чем во всех других странах Европы, закончились процессы в Испании. Здесь в 1781 году была сожжена одна ведьма по обвинению в любовной связи с дьяволом. Преследование колдовства продолжалось в Испании и в XIX веке.

В официально католической Мексике процессы против ведьм прекратились, по меркам истории, совсем недавно. Последний приговор был вынесен там по всем правилам судопроизводства 20 августа 1877 года: пятеро женщин, обвинявшихся в колдовстве, были осуждены и сожжены на одном костре.

Такова история преследования ведьм на протяжении нескольких веков.

Однако не только колдуны и ведьмы имели связь с дьяволом. Враг рода человеческого не единожды пытался соблазнить и духовных лиц, прежде всего монахинь. Но об этом мы поговорим в следующей главе.

ОДЕРЖИМЫЕ И МОНАСТЫРСКИЕ ЭПИДЕМИИ XVII ВЕКА

Дьявол, как верили в Средние века, действует двояким образом. Или он совращает свою жертву, вступает с ней в союз, закрепляет с ее согласия свою связь с ней договором и дает ей колдовскую силу, посредством которой она, как его добровольная союзница, причиняет вред и наводит порчу людям. Или же он овладевает жертвой без ее ведома и помимо ее воли, вселяясь в ее тело, действуя через нее, говоря ее устами и пользуясь ею для своих богохульных и пагубных целей. Кроме того, верили, что вселить демона в человека может ведьма при помощи колдовства.

Личность человека, одержимого дьяволом, полностью подменяется его дьявольской сущностью, доминирующей в нем. Жертва даже физически может принимать (перенимать) некоторые черты демона (духа), в нее вселившегося.

В случае «совращения жертвы» инквизиторы имели дело с активными ведьмами, которые были виновны в преступлении колдовства и должны были быть сожжены. В случае «овладения жертвой без ее ведома», а также при помощи колдовства активной ведьмы женщины, которых называли одержимыми бесом, считались невинными и подлежали исцелению посредством заклинания и изгнания вселившихся в них бесов.

Одержимыми бесом, по мнению инквизиторов, мо-

гут быть также животные и даже трупы людей, которые оживают или превращаются в ходячих мертвецов. О таких одержимых бесом упоминается еще в Библии.

Люди считали, что ведьмы насылали демонов через материальные заколдованные предметы. Самым распространенным способом наслать одержимость считался способ заколдовать еду или что-то подмешать в нее. Были и специальные «лакомства», особо угодные дьяволу. Так, Анри Боге, судья, участвовавший в процессах над ведьмами во Франции XVII века и признанный специалист в этой области, один из апологетов инквизиции, утверждал, что таким любимым дьявольским блюдом были яблоки. Спрятавшись в них, Сатана продолжал свое черное дело, начатое им еще в райском саду. Боге в своем трактате «Discours des Sorciers», написанном в 1603 году, сообщает о происшествии, случившемся в Аннеси, расположенном в Савойе. Там местные крестьяне выбросили в реку яблоко, из которого доносились громкие вопли*. Судья был уверен, что яблоко было кем-то заколдовано. А вопили в нем злые демоны, которым не дали свершить начертанное.

Но, как уже говорилось, заколдовать можно любой продукт. Так, в своих «Диалогах» папа Григорий Великий рассказывал об одной одержимой служанке, в которую дьявол вошел, когда она съела листья салата, сорванного в саду.

Но в XVII столетии одержимость стала болезнью века, настоящей эпидемией, поразившей Европу. Большей частью эти бесовские эпидемии охватили женские монастыри, где уединенный образ жизни, религиозная экзальтация и сосредоточенность на мистических представлениях способствовали развитию среди монахинь

* Хотя демоны бесплотны и, казалось бы, голоса у них быть не должно, тем не менее звуки они издавать могут. Вот как об этом говорится в знаменитом «Молоте ведьм»: «Демоны лишены легких и языка, однако они могут иметь искусственные, согласно особенностям, тела, а также зубы и губы; поэтому они могут говорить не настоящим образом и не в собственном смысле. Но так как они имеют разум, то, если хотят выразить мысли, издают не голос, но звуки, имеющие известное сходство с голосом, и не так, как у людей, через вдыхание и выдыхание воздуха, но выпускают заключенный в принятом ими теле воздух наружу членораздельно, что доходит до ушей слушающего».

истеричности, которая и составляла, по мнению психологов и историков, сущность одержимости.

Зараза постепенно распространялась и вне монастыря — по окрестностям, доходила до самых отдаленных местностей. Огромные толпы женщин начинали впадать в странные состояния, бились в конвульсиях, кричали, мяукали, лаяли, принимали непристойные позы, ползали и катались по полу, причем заявляли, что они одержимы бесами, и называли имена этих бесов.

Медицина XX века установила, что конвульсии и припадки, потеря собственной индивидуальности и даже некоторые сверхъестественные явления — симптомы шизофрении, эпилепсии и истерии.

Однако для Церкви одержимость не является однозначным объяснением непонятного поведения человека. Только когда признаки одержимости сопровождаются поразительными сверхъестественными явлениями или неожиданным и сильным неприятием святых реликвий, католическая церковь расценивает это как проявление дьявольских козней.

Во время эпидемий священники непрерывно производили заклинания, переходя из одной церкви в другую. Некоторые из них сами делались жертвами одержимости и во время произнесения заклинаний падали на пол в конвульсиях, высовывая язык и проделывая все движения одержимых, из которых они изгоняли бесов.

В сочинении монаха Захарии, вышедшем в 1600 году и посвященном одержимости, приводятся следующие признаки одержимости злым духом:

«У одержимой злым духом язык опухает, покрывается темной коркой, вываливается изо рта, горло также опухшее; одержимая как бы задыхается, плачет, сама не понимая о чем; с гневом отвечает на вопросы и зачастую вовсе не хочет говорить. Стирает зубы и отказывается от пищи; обнаруживает ненависть по отношению к некоторым лицам; произносит бессмысленные слова. Она удручена чем-то страшным и как бы лишена всех чувств, бьет себя кулаками, рвет на себе одежду и волосы, дико вращает глазами, испытывает необычайный страх, а вскоре внезапно успокаивается. Подражает голосу различных зверей: рычанию льва, блеянию овец,

мычанию быка, лаю собак, хрюканью свиньи. Она скрежещет зубами, изо рта идет пена, и вообще ведет себя, как бешеная собака. Иногда ее насквозь пронизывает страшный зной или холод; она чувствует, что по ее телу бегают муравьи, скачут лягушки, ползут змеи, рыбы, мухи. Она слышит и видит сверхъестественные вещи. Когда священник кладет ей руку на голову, она чувствует то холод, то жар и кричит, если ей ставят Святые Дары на голову, восклицая: “Уберите это, я не могу выносить этого, мне дурно!” Затем она рычит, трясет головою, пытается опрокинуть Святые Дары, раздражается на священника и присутствующих. Ненавидит все церковные предметы, чувствует ужас при виде престола. Не желает смотреть на иконы и особенно на распятие, у подножия которого она извивается. Не произносит никаких молитв, и если хотят ее к тому принудить, то бормочет что-то непонятное; под влиянием заклинаний теряется, раздражается, рычит и отбивается. Будучи безграмотной, понимает наиболее трудные места Священного Писания и говорит на неизвестных ей языках; предсказывает будущее и творит сверхъестественные вещи».

Теологи выделяют несколько стадий одержимости:

момент фактического внедрения — когда злой демон непосредственно проникает в тело;

стадия, когда одержимый начинает принимать непристойные или неадекватные решения, возможно, становится безнравственным;

одержимый теряет над собой контроль и всецело подчиняется воле вошедшего в него дьявола, даже если понимает, что волю его подчиняло себе зло;

заключительная стадия — собственно одержимость.

Автор трактата, написанного в Руане в 1644 году, перечисляет несколько симптомов одержимости:

Человек признает себя одержимым.

Человек ведет греховный и непозволительный образ жизни. Очень часто у него рождаются необузданные сексуальные фантазии. Он может обнажиться и бегать голым*.

* При этом обнажение тела или «срамных» участков стало считаться неприличным лишь во времена позднего Средневековья. Само же ритуальное обнажение тела, восходящее, вероятно, к культовым

Человек совершенно не считается с существующими в обществе законами.

Человек постоянно чувствует себя больным — плохо спит, испытывает слабость и ломоту во всем теле, может извергать во время рвоты всевозможные предметы (последнее явление именуется аллотриофагией). Однако по поводу этого пункта многие теологи высказывали суждения, что это скорее признак насланного колдовства, а не одержимости.

Человек постоянно богохульствует.

Больной готов подписать или уже подписал договор с дьяволом.

Человека постоянно тревожат духи.

На лице больного появляются ужасные гримасы, а тело его сотрясают конвульсии. Человек так ведет себя потому, что старается стать ужасным, как сам демон, вселившийся в него. Богом человек создан по своему образу и подобию и потому прекрасен, а вот дьявола красота человеческая раздражает, и он старается испоганить ее. У больного мог раздуваться живот, он мог стремительно терять вес.

Очень часто от одержимого шел запах серы, ассоциировавшийся с огненной обителью дьявола.

Голос тоже может меняться до неузнаваемости — становится глухим, ворчащим, идущим как будто из утробы.

жертвоприношениям, долго сохраняло важное значение в магической практике. Так, обнаженная девочка действует в обряде вызывания дождя, описанном в XI веке Бурхардом Вормским. По народным поверьям, призраки бессильны против голых людей. Обнажив срамные места, можно спугнуть колдуна, ведьму или черта. Людям, которых по ночам мучают кошмары, народная мудрость рекомендовала, ложась спать, раздеться догола посреди комнаты.

В «Истории франков» Григория Турского есть любопытный сюжет о том, как к епископу города Веле явились посланцы некоего жителя Буржа, который возмнил себя Христом, «шутовски скачущие и пляшущие» обнаженными, чем немало удивили и возмутили епископа. В глазах епископа да и самого Григория Турского — людей иной культуры — поведение этих простых людей действительно выглядело крайне непристойным. С другой стороны, никого из церковных авторов не смущает, например, то обстоятельство, что паломники или умерщвляющие свою плоть аскеты ходили босиком, хотя обнажение ног, символизирующее в христианстве смирение и самоуничтожение, на деле является реликтом все той же практики ритуального обнажения тела.

Подробнее см. об этом книгу Е. А. Арнаутовой «Колдуны и святые».

Больной устает от жизни и часто стремится покончить жизнь самоубийством, что является одним из самых страшных грехов.

Больной легко впадает в ярость и не может контролировать себя.

Очень часто человек может считать себя животным, рычать, кусаться и даже набрасываться на других людей.

Иногда больные перемещаются по воздуху.

Довольно часто встречаются описания одержимости и в других религиозных трактатах. Один такой случай описан в «Молоте ведьм»:

«Во времена папы Пия II перед поступлением на должность инквизитора с одним из инквизиторов, пишущих эту книгу, произошел следующий случай: некий чех из города Дахова привез своего сына, священника, одержимого злым духом, в Рим для излечения. Один из пишущих эту книгу встретился с ними обоими за трапезой в гостинице. Во время трапезы, разговаривая с соседями, отец часто вздыхал и выражал свое желание, чтобы Бог помог ему добиться успеха в излечении сына. Полный сострадания к отцу, я начал допытываться о причине поездки и его печали. На это отец отвечал, говоря через голову своего сына, сидевшего между мною и им: “Ах, мой сын одержим. Я привез его сюда для излечения, невзирая на все затруднения и издержки”. Я спросил тогда, где же этот сын, отец указал мне на моего соседа по столу. Я внимательно посмотрел на него. Он чинно и скромно вкушал пищу и быстро отвечал на все вопросы. Я начал сомневаться и выразил мнение, что он совсем не одержим, но страдает последствиями какой-либо болезни. Тогда сын сам рассказал о своей болезни и о том, как и когда он стал одержимым: “Некая женщина, некая ведьма, — начал он, — навела на меня эту порчу. Когда я как-то стал ее бранить за ее возражения по поводу церковных распорядков и обошелся с ней слишком резко, так как она была очень упряма, она мне ответила, что я через несколько дней увижу, что со мною станет. Бес, вселившийся в меня, говорит, что ведьма положила какой-то околдованный предмет под неким деревом и что пока этот предмет не будет

удален, я не смогу оправиться. Но бес не хочет указать этого дерева”. Я не отнесся бы с доверием к его словам, если бы у меня не было опыта. Я его спросил, при каких обстоятельствах наступает одержимость. Он ответил: “Я лишаюсь способности здраво мыслить лишь тогда, когда я начинаю думать о божественных вещах или посещаю святые места. Бес, вселившийся в меня, сказал мне, что он никоим образом не допустит меня проповедовать народу, так как мои проповеди бесу очень не нравятся”. Его отец утверждал, что он был хорошим проповедником. Будучи инквизитором, я решил сопровождать его в течение пятнадцати дней и больше по всем святым местам, чтобы узнать болезнь подробнее. Когда мы посетили церковь Святой девственницы Пракседии, где находится часть мраморной колонны, к которой был привязан Спаситель во время бичевания, и то место, на котором был распят апостол Петр, то, при произнесении там церковных заклинаний, бес испускал ужасные крики и уверял, что он выйдет, но упорно продолжал оставаться. Одержимый оставался образованным, скромным священником, когда его не подвергали экзорцизмам. Одержимость в нем можно было наблюдать и тогда, когда он проходил мимо церкви и преклонял колени для приветствия славнейшей Девы. В этот миг дьявол высовывал свой язык изо рта одержимого и на вопрос, поставленный больному, не может ли он от этого воздержаться, он отвечал: “Я никак не могу противиться этому. Бес владеет всеми моими членами и органами — горлом, языком и грудью, чтобы говорить и кричать, когда ему захочется. Я слышу слова, которые он через меня говорит. Но я не могу ему сопротивляться. И чем благоговейнее прислушиваюсь я к проповеди, тем упрямее мучит он меня и при этом высовывает язык”.

В церкви Святого Петра имеется одна колонна, доставленная туда из храма Соломона. Чудодейственная сила этой колонны давала неоднократно исцеления от одержимости, так как Христос во время проповеди в храме Соломона опирался на нее. Я хотел испытать, не удастся ли помочь больному там, но и это не помогло. Неисповедимые пути Господни указали другой

путь исцеления. Несмотря на то, что одержимый пробыл весь день и всю ночь привязанным к указанной колонне, злой дух ни за что не хотел его покинуть. На следующий день, после прочтения разных экзорцизмов в присутствии столпившегося народа, нечистый был спрошен, на какую часть колонны облокотился Христос. В ответ на это он ухватился зубами за нее и, завывая, воскликнул: “Здесь стоял он! Здесь стоял он!” Но выходить из больного он упорно отказывался. На вопрос, почему он отказывается, им был дан ответ: “Из-за ломбардов”. Спрошенный о причине этого заявления, он ответил по-итальянски: “Все делают так и так”, причем он назвал отвратительнейший порок распутства. После этого священник спросил меня: “Отче, что обозначают те итальянские слова, которые бес только что произнес моим ртом?” Когда я ему дал объяснение, он сказал: “Слова я слышал, но не мог их понять”. Как потом оказалось, этот вид одержимости мог быть излечен только постом и молитвою, согласно словам Спасителя в Евангелии: “Этот вид бесов не чем иным не изгонится, кроме как постом и молитвою”. Один епископ святой жизни, который был изгнан турками из своей епархии, избавил его, Божьей милостью, от недуга и отпустил его радостным на родину, после того как провел с ним всю четырехдесятницу на воде и на хлебе, в посте и молитве*.

При этом Церковь считала, что для одержимости должны быть определенные причины. В уже цитировавшемся выше «Молоте ведьм» они определяются следующим образом:

«Рассмотрим пять оснований попущения Богом одержимости, а именно:

- 1) большая личная заслуга;
- 2) чужой легкий проступок;
- 3) личный простительный проступок;
- 4) чужой тяжкий грех;
- 5) личный большой проступок.

Эти же основания служат причинами одержимости с помощью ведьм.

* Шпренгер Я., Инсистерис Г. Молот ведьм. С. 224—225.

Не будет бесполезным привести примеры из Писания и из происшествий прошедшего времени — ведь новое находит свою опору в старом. Относительно первого вида говорится в “Диалогах” Севера, знаменитейшего ученика святого Мартина. Там мы читаем об одном священнике набожнейшего образа жизни, который обладал даром изгнания бесов в такой степени, что они спасались бегством не только от его слова, но и от его писем и телодвижений. В миру он обладал большой известностью и стал искушаем тщеславием. Хотя он и оказывал этому пороку мужественное сопротивление, однако он все же просил Бога для достижения большего смирения вселить в него на пять месяцев беса, что и случилось. Его надо было тотчас же связать и пользоваться всеми теми средствами, которые употреблялись против одержимых. По истечении пяти месяцев он освободился как от демона, так и от тщеславия.

Ни в коем случае нельзя представить, чтобы по указанному основанию кто-либо через околдование ведьмой стал бы одержим нечистым духом. Нигде мы не читали, чтобы подобное когда-либо происходило. Однако пути Господа неисповедимы.

Что касается второго вида одержимости, из-за чужих мелких проступков, то у Григория Великого имеется пример из жизни святого аввы Елевферия, простого скромного человека. Однажды он остановился переночевать вблизи женского монастыря. В его келью поместили без его ведома маленького мальчика, которого каждую ночь беспокоил бес. После ночи, проведенной в келье святого, демон покинул мальчика. Когда указанный авва узнал об этом, то поместил мальчика в свой монастырь. Некоторое время спустя авва сказал своей братии, неумеренно радуясь освобождению мальчика от злого духа: “Черт только подшутил над сестрами того монастыря, около которого жил мальчик. Он вряд ли был одержимым”. Когда авва отправился на богослужение, то он заметил, что указанный мальчик не пришел. Мальчика снова стал мучить бес. Лишь слезами и молитвою аввы и братии удалось в тот же день вновь изгнать нечистого из ребенка.

Если невинный становится одержимым вследствие легкого чужого проступка, то нет ничего удивительного в том, что и из-за собственного простительного или из-за чужого тяжкого греха люди становятся одержимыми бесами по наущению вѣдьм.

Относительно одержимости, возникшей из-за своей собственной вины, нам сообщает Кассиан (“Собеседование аввы Серена”, 1) следующее: “Авва Моисей, единственный и не сравнимый ни с кем муж, был наказан за свою резкую речь, произнесенную им в пустыне в споре против аввы Макария. В него вселился свирепый бес, под влиянием которого одержимый клал себе в рот человеческие испражнения. Надо думать, что это наказание Бог потому наложил на авву Моисея, чтобы в нем не осталось и следа греха. Это явствует из его чудесного исцеления. Непрестанной молитвой в смирении, которую творил Макарий, он скоро был освобожден от беса”. Подобное сообщается также Григорием Великим в его первом “Диалоге”, где он говорит об одной монахине, поевшей салату, предварительно не перекрестившись, и ставшей поэтому одержимой, но излеченной святым отцом Эквицием.

Относительно четвертого вида одержимости, а именно насланной за чужой тяжкий грех, святой Григорий Великий повествует там же следующее: однажды святой епископ Фортунат изгнал беса из больного. Изгнанный бес этот начал затем ходить по улицам города в образе паломника и кричать: “О, святой муж, о, епископ Фортунат! Смотрите, меня, паломника, он выгнал из странноприимного дома, и я не знаю, куда голову преклонить”. Один человек, сидевший за столом с женой и сыном, пригласил паломника разделить с ним трапезу. Когда он спросил о причине изгнания и услышал всякую ложь, возводимую на епископа, он радовался оклеветанию святого человека. Тогда черт вселился в сына этого злого отца, бросил его на горящие угли и изгнал его душу. Лишь тогда понял бедный отец, кого он пригласил к себе за стол.

Что касается пятого вида одержимости, то мы черпаем данные из Священного Писания и из житий святых.

Так, Саул, оказавший Богу неповиновение, стал одержимым (1 Цар. 15)*.

Исцеление одержимых производится путем молитв и заклинаний. Процедура заклинания сопровождается целым рядом приемов, она была торжественно введена в ритуал Церковью.

Изгнание демонов и сама процедура экзорцизма

Церковь различала изгнание духов и изгнание демонов (*demonic exorcism*). В случае изгнания духов экзорцист (изгоняющий) беседует с духом, подчинившим себе человека, и просит его оставить жертву. А в случае овладения одержимым демоном (дьяволом) изгоняющий прямо приказывает ему уйти из тела больного, отправиться в ад во имя Иисуса Христа, то есть собственно изгоняет его. Как бы ни был могуществен дьявол, он все-таки должен рано или поздно подчиниться воле Бога. Экзорцист также призывает себе на помощь всех святых, и в особенности — Деву Марию и архангела Михаила**, давнишнего противника Сатаны.

Слово «экзорцизм» произошло от греческого «exousia» — «клятва» и означает «приведение к присяге», «заклинание». «Приведение к присяге» не стоит понимать буквально, ибо в данном случае не Сатану приводят к присяге, а призывают высшие силы заставить дьявола действовать против его воли.

Во время процедуры изгнания духов происходят самые ужасные вещи — Сатана сопротивляется и отвечает на попытки экзорциста насилием. Поэтому в комнате, где проходит процедура, бьется и ломается мебель, помещение захлестывают волны горячего и холодного воздуха, а жертва может ужасно кричать. Иногда экзорцист, проводящий ритуал изгнания, может даже позволить себе избить одержимого, чтобы таким образом заставить дьявола выйти из тела несчастного.

* Шпренгер Я., Инсистерис Г. Молот ведьм. С. 221—222.

** Михаил-архангел, архистратиг — один из семи архангелов Божиих, защитник Христовой церкви и победитель Сатаны, вождь Небесного воинства. Слово «архистратиг» в переводе с греческого языка означает «военачальник». Михаил есть первый служитель Божественной славы, страж, защитник и забрал Божией чести.

Вот как описал экзорциста профессор-иезуит Малаки Мартин (*Malachi Martin*) в своей книге «Заложник дьявола» (1976):

«Обычно он активно участвует в делах церковного прихода. Реже он является ученым, занимаясь преподавательской деятельностью и научными изысканиями. Чаще всего он уже давно посвящен в духовный сан. Если можно говорить о среднем возрасте экзорциста, то это примерно 50—65 лет. Здоровье и крепкое физическое состояние не являются важной характеристикой для экзорциста. Также не особенно важны для него развитые интеллектуальные способности. Не имеют значения ученые степени (даже в области психологии и философии) и уровень собственной культуры...

Несмотря на то, что существует много исключений из правила, наиболее распространенные критерии для избрания экзорциста — его личное поведение, моральные убеждения, твердость веры, что не требует жизненной искушенности. Но эти качества должны быть естественной чертой характера избранника»*.

При этом всегда оставалась опасность, что экзорцист может оказаться в роли жертвы. Все зависело от силы его веры и личного мужества. Иногда изгнание дьявола занимало несколько дней, а то и недель и даже месяцев. Все это время изгоняющий демонов должен был быть крепок в вере и не поддаваться на всяческие дьявольские искушения, не обращать внимания на насмешки и издевки коварного искушителя, которому прекрасно известны все самые тайные грехи его противника.

Иногда случалось, что экзорцисту не только не удавалось изгнать Сатану, но и сам он становился его жертвой, особенно если испытывал чувство вины за некий проступок.

Теперь опишем саму процедуру проведения изгнания дьявола. Местом ритуала чаще всего избиралась спальня больного. Поскольку бесы имеют обыкновение бросаться вещами и швыряться мебелью, то все тяжелые предметы из комнаты удалялись. Также предпочитали

* Цит. по: *Гулли Р. Э.* Энциклопедия ведьм и колдовства. М., 1998. С. 221.

убирать и другие предметы интерьера, чтобы у дьявола не было ничего «под рукой». В помещении оставались в результате лишь кровать и столик с распятием, молитвенником, свечой и сосудом со святой водой. Дверные проемы и окна завешивались, но ни в коем случае не закрывались ставни и двери, потому что в комнату должен был поступать свежий воздух.

Если обряд проводил священник, то он облачался в белый стихарь* и пурпурную епитрахиль**. Обычно при совершении обряда экзорцист пользовался помощью ассистентов, в роли которых чаще всего выступали молодые священники, сами готовящиеся стать экзорцистами. Ведь при проведении ритуала изгоняющий демонов может ослабеть или даже погибнуть. И тогда ему на помощь обязан прийти ассистент, а иногда именно на его долю выпадает обязанность изгнать врага человеческого из тела одержимого.

Хотя изгнание демонов присутствует практически во всех религиях, официальный ритуал имеет только католическая церковь. Он описан в специальном трактате «*Rituale romanum*» (1614). Лишь в середине XX века, в 1952 году, в этот официальный документ были внесены небольшие поправки.

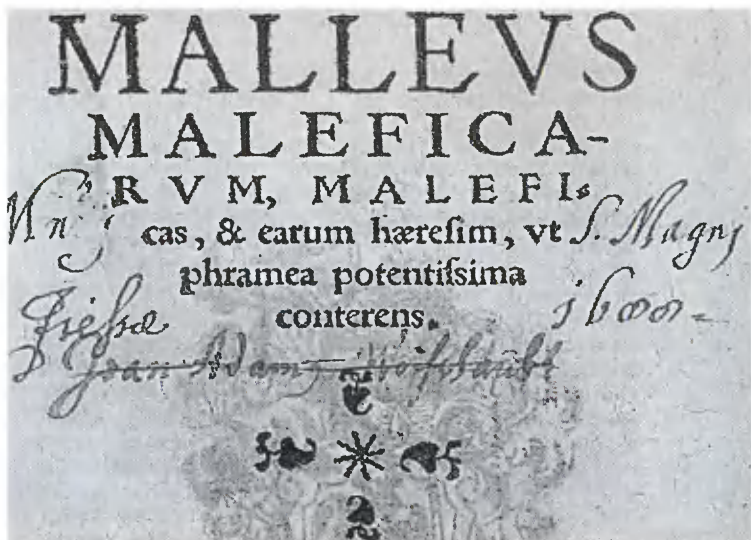
Дьявола заклинают на латыни и на родном языке священника, призывают нечистого духа удалиться в ад. Формул заклиний было очень много. Вот одна из них: «Изыди, злой дух, полный кривды и беззакония; изыди, исчадие лжи, изгнанник из среды ангелов; изыди, змея, супостат хитрости и бунта; изыди, изгнанник рая, недостойный милости Божией; изыди, сын тьмы и вечного подземного огня; изыди, хищный волк, полный невежества; изыди, черный демон; изыди дух ереси, исчадие ада, приговоренный к вечному огню; изыди, негодное

* Стихарь — длинная, ровная, с широкими рукавами одежда священнослужителей, которая указывает собой на ангельское служение носящих его, так как в подобных одеждах являлись ангелы, служа Господу во время земной его жизни.

** Еп и т р а х и л ь — передник, или орарь, сложенный вдвое и надетый на шею у священника и архиерея. Епитрахиль в переводе с греческого значит «одежда, носимая на шее». Епитрахиль есть знак благодати Божией, излитой на священника и архиерея для совершения таинств и всего их священного служения.

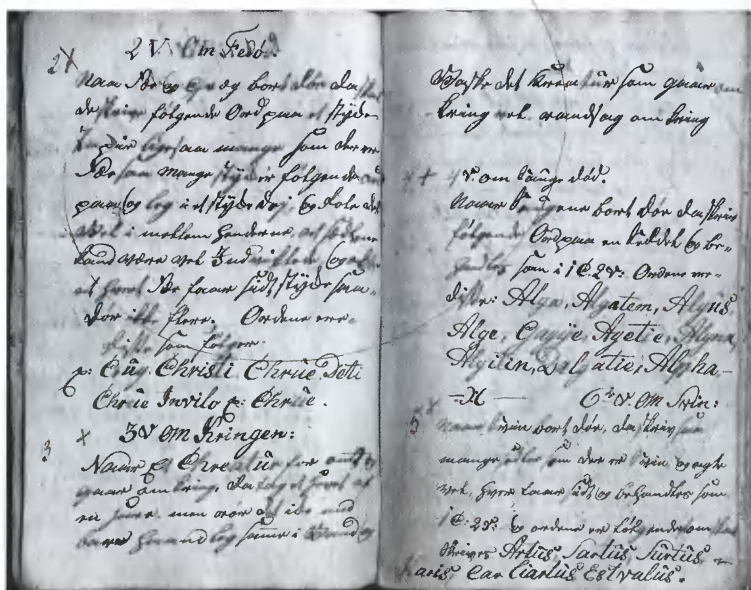

«Четыре ведьмы». А. Дюрер. Гравюра. Нюрнберг.
Национальный музей. 1497 г.

Титульный лист семнадцатого издания «Молота ведьм». 1520 г.

Черная книга. Норвегия. Конец XVII в.

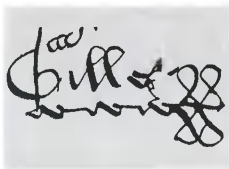

Ведьма. А. Дюрер. Гравюра. 1500 г.

Иллюстрация к сказке Ш. Перро «Синяя борода». Г. Доре. Гравюра.
1862 г.

Жиль де Рец
и факсимиле
его подписи,
оставленной
в его же деле

Алхимики.
Дж. Страдано.
Флоренция.
Палаццо Веккио.
1570 г.

Ведьмы, вызывающие дождь.
Гравюра по дереву. Париж.
Национальная библиотека.
Около 1489 г.

Лекарственное растение. Миниатюра
из «Liber herbarius unacum rationibus
conficiendi medicamenta» Риццардо.
Париж. Библиотека Бертолиана

Ведьма. Рисунок Сорденса. 1716 г.

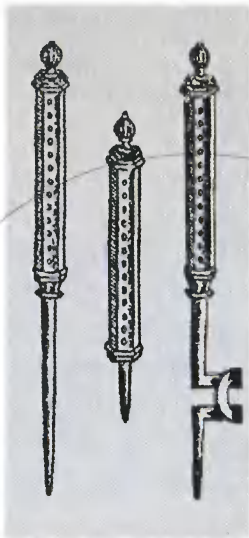
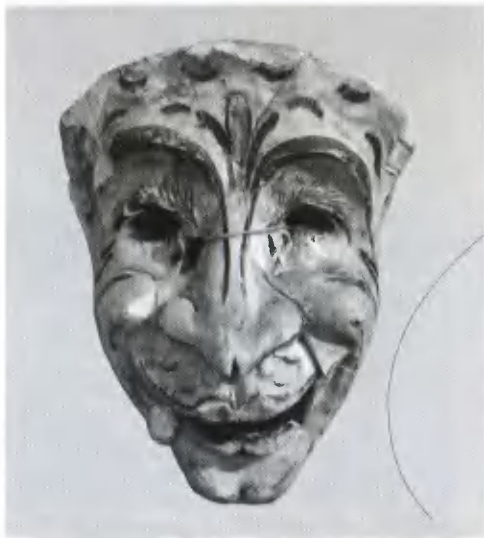

Иллюстрация к книге
«Ведьма» Мишле.
М. ван Меле. Эстамп.
Париж. Национальная
библиотека. 1911 г.

Дом ведьм.
Гравюра по дереву
из «Диалогов
о колдовской силе
Томаса Эрастуса».
Женева. 1579 г.

Раскрашенная итальянская маска, используемая в магических ритуалах. Палермо. Этнографический музей. XVIII в.

Орудия, которыми инквизиторы кололи ведьм

Женщина, обвиняемая в колдовстве, терпящая пытку, не подавая признаков слабости. Гравюра. XIX в.

Испытание водой.
Гравюра в «*Biblioteka actu
et scripta magica*». Париж.
Национальная библиотека.
1738 г.

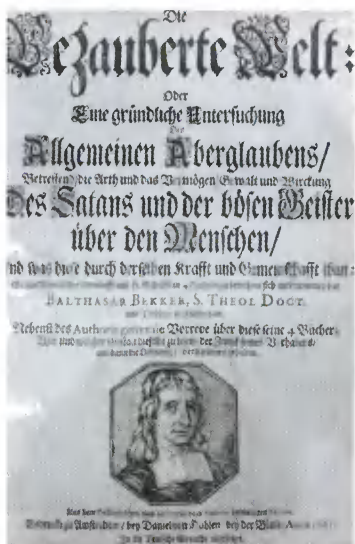
Анна Хендрикс, сожженная
в Амстердаме в 1571 году.
Ж. Льюкен. Офорт. 1685 г.

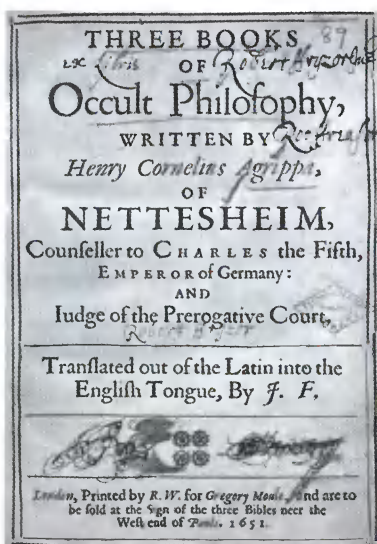
Бальтазар Беккер

Титульный лист книги Беккера
«Околдованный мир». 1691 г.

Агриппа Неттесгеймский

Титульный лист книги Агриппы
«Об оккультной философии». 1654 г.

Иоганн Вейер

Святой Мартен,
изгоняющий бесов
из одержимого.
*Неизвестный художник.
Кольмар. Музей Унтерлинден.
Конец XV в.*

Жанна де Анж. *Неизвестный художник. Гравюра по дереву. 1637 г.*

Допрос. *Дж. Бейкар. Из цикла «Салемские ведьмы». 1892 г.*

Судьи луденских бесов.
Неизвестный художник.
Гравюра. Париж.
Национальная библиотека

Пытки. Дж. Бейкар.
Из цикла «Салемские ведьмы».
1892 г.

Изабелла Католическая.
Фрагмент памятника в Мадриде

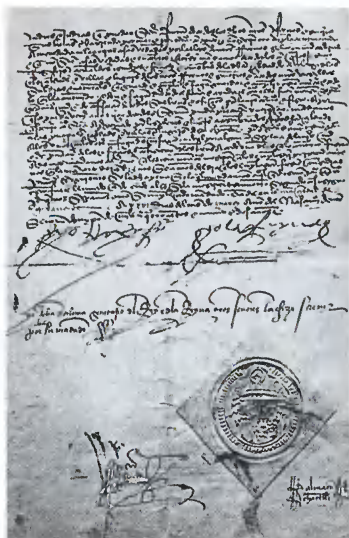
Томас де Торквемада

Святой Доминик,
сжигающий еретические
книги. П. Берругете.
Около 1500 г.

Знамя португальской инквизиции

Декрет об изгнании евреев из Испании

Шестеро детей,
убитых евреями
в Ратисбонне.
Р. Саделер.
Гравюра. Париж.
Национальная
библиотека.
Начало XVII в.

Арест ведьмы. Г. Пайл. 1883 г.

животное, худшее из всех существующих; изыди, вор и хищник, полный сладострастия и стяжания; изыди, дикий кабан и злой дух, приговоренный к вечному мучению; изыди, грязный оболститель и пьяница; изыди, корень всех зол и преступлений; изыди, изверг рода человеческого; изыди, злой насмешник, полный лживости и возмущения; изыди, враг правды и жизни; изыди, источник несчастий и раздоров; изыди, бешеная собака, подлая змея, дьявольская ящерица; изыди, ядовитый скорпион, дракон, полный злых козней; изыди, лакей Сатаны, привратник ада; изыди, козел, страж свиней и вшей; изыди, зараженное страшилище, черная ворона, рогатая гадина; изыди, лжец коварный, поганный, зачумленный...»

Другое заклинание, более короткое, было таково: «О, ты, душегубец окаянный, дьявол, несчастный дух, искуситель, лжец, еретик, пьяница, безумец! Заклинаю тебя, именем Господа нашего, выйти немедленно из этого человеческого тела; скройся в пучинах морей или исчезни в бесплодных деревьях или в пустынных местах, где нет ни одной христианской души, куда ни один человек не может вступить, и там пусть уничтожит тебя небесный огонь. Изыди, проклятый змий, ступай, спеши и, оставляя это Божие создание, не делай ему вреда, ни ему, никому другому, провались в преисподню ада и оставайся там до дня Страшного суда».

Все ритуалы изгнания дьявола проходят несколько стадий. Теологи выделяют следующие «этапы пути»:

1. Присутствие демона, когда изгоняющий и его помощник чувствуют, что в одержимом действительно находится бес.

2. Этап притворства, когда дьявольское отродье понимает, что его сейчас будут изгонять, и начинает притворяться, пытаясь ничем не выказать своего присутствия в теле жертвы. Поскольку демон предпочитает находиться в теле живого человека, а не в аду, то он затихает и старается «замаскироваться». Тут экзорцисту очень важно так или иначе заставить демона выдать себя и сказать, как именно зовут вселившуюся в тело больного сущность.

3. После этого наступает фаза ярости — кульминация

обряда, когда бес в буквальном смысле слова «бесится», являя свое истинное лицо. Он пребывает в смятении и ярости, пытается сбить изгоняющих его с толка, ужасно ругается и выкрикивает страшные оскорбления и ругательства. По комнате разливается зловоние, иногда явственно чувствуется запах серы. Часто раздаются громкие шумы и грохот. Демон начинает говорить о себе в первом лице, а о жертве — в третьем и тем самым окончательно и бесповоротно выдает себя.

4. На следующей стадии в комнате непрерывно звучат ужасные голоса, причиняющие людям нестерпимые страдания. Экзорцист должен игнорировать их, что совсем непросто.

5. Следующим этапом становится столкновение демона с Божественной, высшей, силой. Голоса постепенно затихают, а затем совсем смолкают, но начинается страшная физическая и нравственная борьба демона с противостоящими ему людьми, облеченными высшей властью.

6. Заключительным этапом ритуала становится изгнание демона, когда жертва освобождается от его присутствия. Очень часто, после того как дьявол покидает человека, жертва ничего не помнит о том времени, когда была одержима. Однако иногда человек помнит, как много ему пришлось пережить и претерпеть.

Порой дьявол уходит из тела человека, соприкоснувшись тем или иным образом со святыми реликвиями.

«Феноменологически область применения и действие реликвий не отличаются от применения и действия магических предметов в языческих культурах, — пишет Ю. Е. Арнаутова. — Реликвии были необходимы в суде для того, чтобы выиграть дело, они предохраняли или спасали от разбойников, пожара и стихийных бедствий, воины носили реликвии под шлемом или подшивали к одежде, чтобы уберечься от ран, заключали в рукоятке меча, чтобы обеспечить себе победу в поединке. Как все это напоминает сюжеты из скандинавских саг об особых, заговоренных рубашках, от которых отскакивает оружие противника, о мечах, всегда приносящих своему владельцу победу! Заключенные в специальные капсулы или мешочки реликвии святых — ключки са-

вана или одежды, земля с могил или пыль с надгробий подвешивались на шею или привязывались, подобно языческим амулетам — *hgaturae, hgamentae* — к поясу, к руке, к ноге. Карл Великий носил на шее как талисман сосудик из горного хрусталя с заключенными туда волосами Девы Марии.

Целительная сила реликвий, как считалось, передается даже при визуальном, а больше — при телесном контакте (магический закон контакта!). Это превалирование чувственного, телесного было существеннейшей чертой в почитании реликвий. Верующие всегда стремились к непосредственному контакту со святыми мощами — прикоснуться, поцеловать, потереть ими больное место.

С другой стороны, прикосновение или даже приближение реликвий способно исцелять и без предварительной просьбы и даже вопреки желанию страждущего. Напомню едва ли не хрестоматийную легенду о хромом, который жил своим убожеством, собирая большую милостыню. Когда же до него дошел слух о приближении к тому диоцезу, где он скитался, процессии с мощами великого чудотворца, этот калека пустился в бегство, чтобы избежать исцеления. Однако он не успел дойти до границы диоцеза, и, к его великому огорчению, исцеление свершилось, лишив его таким образом средств к пропитанию. Эту историю можно рассматривать как замечательный пример “магического” отношения к реликвиям, которое предполагает их “автоматическое” действие, по своему “механизму” подобное тому, какое приписывалось прежде, например, амулету из зуба или кусочка гроба. Впрочем, и зубы, и кусочки гроба, точнее, каменная крошка, соскобленная с саркофагов или со стен крипты, как уже говорилось выше, продолжали оставаться популярными средствами защиты своих владельцев от болезней и иных жизненных невзгод. Изменилась только мотивация их действенности, она стала объясняться Божественной благодатью (*gratia Dei*), которой располагают реликвии*.

А в «Молоте ведьм» читаем:

* Арнаутова Ю. Е. Колдуны и святые. С. 270.

«Мы уже доказали, что демоны, вследствие околдования, могут субстанционально обитать в человеке. Это происходит не из-за собственных преступлений одержимых, но вследствие их больших заслуг, или вследствие легких и тяжелых чужих проступков, или вследствие чужих позорных поступков. В зависимости от этих проступков меняется и вид одержимости. Об этом повествует Нидер в своем “Муравейнике”. Выше, при описании одержимости одного чешского священника, были указаны соответствующие средства врачевания. Но имеется еще три средства, а именно: 1) причащение; 2) паломничество по святым местам или предстательство праведников; 3) снятие отлучения.

Кассиан в первом из своих “Собеседований” утверждает, что употребление святого причащения в защиту от козней демонов никогда не воспрещалось. Скорее наоборот, наши предки советовали прибегать к нему по возможности ежедневно. Это служит для защиты тела и души. Принятое святое причащение обращает в бегство всякого духа, стремящегося обитать в теле человека. Таким способом был излечен от бесов авва Андроник. Таково мнение Кассиана.

Апостол говорит: “Да исследует человек самого себя и затем лишь вкусит от того хлеба” (т. е. причастия). Как же можно одержимым, лишенным способности пользоваться своим разумом, давать святое причащение? Ответ дается святым Фомой (III, вопр. 80). Он советует различать людей с помраченным разумом по следующим признакам: 1) люди с несильным разумом; их можно причащать; 2) люди, от рождения лишенные разума; им причащение давать не надо; 3) люди со слабыми признаками разума, у которых не исчезло благоговение к таинству; они достойны причаститься на смертном одре, если нет основания опасаться, что их вырвет или что они станут выплевывать Тело Господне. Поэтому в каноне XXVI, вопр. 6 говорится: “Если больной захочет раскаяться, но при появлении священника потеряет дар слова или впадет в беспамятство, надлежит за него свидетельствовать тем, которые слышали его слова. И если думают, что он стоит пред самой смертью, то пусть он будет примирен руковождением, а евхаристия пусть

будет вложена ему в уста". В "Комментариях к сентенциям Петра Ломбардского" (IV, 9) святой Фома, однако, советует не причащать одержимых, если есть уверенность в том, что они мучимы бесом за какое-либо свое преступление. Петр Палуданус прибавляет в своих "Комментариях", что в этих случаях таких больных надобно считать за отлученных, преданных Сатане.

Относительно излечения одержимых с помощью предстательства праведников или с помощью усердной молитвы много говорят жития святых. Ведь заслуги святых мучеников, исповедников и девственников требуют того, чтобы злые духи были побеждены молитвою и предстательством святых, пребывающих в лоне Отца. Также и молитвы праведных людей на земле ведут к исцелению одержимых. Об этом говорит Кассиан в вышеуказанном "Собеседовании".

Что касается снятия с одержимого отлучения, то надо сказать, что оно не общепринято и может применяться лишь в том случае, когда есть уверенность в том, что одержимость произошла вследствие церковного отлучения.

Святой Фома (Комментарии. IV, 8) учит, что принятие в члены Церкви ведет к преумножению благодати, укрепляет в добродетели и защищает от врага, тогда как отлучение лишает благодати и защиты и предоставляет больше власти демону над человеком. В первоначальной церкви отлученный был телесно мучим бесом. Отлучение служит не к проклятию, а к улучшению. Ведь Церковь обладает властью принять отлученного обратно в свою среду и вырвать его из когтей дьявола, когда она этого захочет. Таково мнение Фомы.

Если экзорцист примет отлученного в лоно Церкви, то это не является неуместным. Нидер дает понять, что экзорцист не должен переоценивать своих сил и остерегаться примешивать к этому возвышенному делу остроу или шутку или употреблять при этом суеверные или похожие на колдовство ритуалы.

Что касается переоценки экзорцистом своих сил, то Григорий Великий в своих "Диалогах" рассказывает следующее: одна женщина, по настоянию своего мужа, должна была согласиться на половое соитие с ним во

время заутрени при освящении церкви Святого Севастьяна. Сознывая греховность участия вслед за тем в церковной процессии, она все же к ней примкнула. Тогда в нее вошел злой дух, и она начала бесноваться на улице. Увидев это, священник, желая ей помочь, взял с престола покрывало и осенил ее им. Тотчас же демон вошел и в него, и он тоже стал бесноваться, доказав этим, что и он согрешил. Таково сообщение Григория.

Что остроты при экзорцизмах недопустимы, об этом сообщает Нидер следующее. В Кёльнской епархии священствовал один монах, бывший острым на язык и отличавшийся даром изгнания бесов. При одном таком изгнании сильно теснимый бес просил монаха указать ему, куда он может скрыться, когда он покинет тело больного. На это монах ответил: “Иди в мое отхожее место”. Когда же он ночью захотел опростать свой желудок, бес столь сильно начал мучить его возле отхожего места, что он с трудом спас свою жизнь.

Надо особенно остерегаться того, чтобы ставшие одержимыми через посредство ведьм не ставились под надзор ведьм же. Повествуя дальше о вышеупомянутой женщине, начавшей бесноваться во время церковного хода, Григорий Великий сообщает следующее: “Когда ее близкие передали ее на излечение ведьмам и те повели ее к реке, окунули в воду и стали творить наговор, то миллион бесов вторгся в нее, тогда как ведь лишь один подлежал изгнанию. Посему родственники отвели ее к святому епископу Фортунату, который полностью ее излечил ежедневными молитвами и постом”. Экзорцист, пользующийся при исполнении своих обязанностей травами, должен следить за тем, чтобы они были освящены. Вообще же применение при экзорцизмах музыкальных мелодий, трав и других средств не является предосудительным. В книге Товита (VI) приводится пример того, что сердцем и печенью рыбы возможно изгонять бесов. Ведь Рафаил сказал Товии: “Если кого мучит демон, то сердцем и печенью должно курить перед таким мужчиною или женщиною, и более этот человек не будет мучиться”^{*}.

^{*} Шпренгер Я, Инсистерис Г. Молот ведьм. С. 262—264.

Первая большая эпидемия была в 1610 (1611?) году в Провансе, в Эксе (*Aix-en-Provence*), в монастыре урсулинок.

Это дело было во Франции первым, где обвинение основывалось на показаниях одержимого бесом. До XVII века во Франции показания одержимых считались недействительными, поскольку большинство клириков полагали, что любые слова, произнесенные одержимым дьяволом, исходят не от несчастной жертвы, а от «отца лжи» (Ин. 8: 44), и потому не могут служить доказательствами.

В Эксе среди проявлений одержимости у монахинь преобладали сексуальные темы. У двух монахинь стали случаться припадки, которые внушили всем уверенность в том, что они одержимы дьяволом. Из них попытались изгнать дьявола, но безуспешно. Одна из монахинь внезапно призналась, что в ней сидят три дьявола, в том числе Веррин, добрый дьявол, один из демонов воздуха, и Левиафан, злой дьявол, любящий рассуждать и протестовать, и дух нечистых помыслов.

Кроме того, она заявила, что чародей, наславший на нее этих дьяволов, — патер Луи Гоффриди, бывший в то время приходским священником в Марселе. Другая монахиня, Магдалина де ля Палю, обезумевшая от страха, созналась также и в том, что Гоффриди испортил ее своими чарами и наслал на нее целый легион демонов, а именно 6666 «штук». Инквизитор Михаэлис, которому обе монахини были переданы для заклинаний, донес на чародея Гоффриди прованскому парламенту. Несмотря на защиту, которую Гоффриди имел в лице марсельского епископа и всего духовенства, он был арестован и предан суду.

Обвинение было основано на показаниях этих двух монахинь и Михаэлиса, наблюдавшего во время заклинания, как дьявол обращался со своими жертвами.

«Во время заклинания, — показывал Михаэлис, — Вельзевул продолжал терзать Магдалину, то с силою бросая ее на живот, то опрокидывая на спину; до трех или четырех раз он принимался душить ее за горло. За

обедом демоны продолжали истязать ее постоянно, пригибая ей голову к земле, а за ужином они ее пытали в течение целого часа, выворачивая ей руки и ноги с такой силой, что у нее кости трещали и все внутренности переворачивались; окончив истязания, они погрузили ее в такой глубокий сон, что она казалась мертвой».

Монахини показали, что Гоффриди, хотя делал вид, что не ест мясной пищи, на самом деле наедался до отвала мясом маленьких детей, которых он душил или откапывал из могил. Магдалина также показала, что священник совратил ее.

Несчастный Гоффриди клялся именем Бога и святых, что все эти обвинения ложны, но ему не верили. Связь между его чародейством и дьяволами, которыми были одержимы монахини, была вполне установлена показаниями монахинь, ибо мы помним, что инквизиция считала доказательством доноса и даже простое подозрение.

Гоффриди подвергают пытке, чтобы добиться признания; он понимает, что погиб, мужество его покидает, и он сознается во всех преступлениях, в которых обвиняется. Он сознался, что дьявол посещал его часто, что он обыкновенно поджидал Сатану у дверей церкви и заразил до тысячи женщин ядовитым дыханием, «дарованным» ему Люцифером. «Признаюсь и в том, — говорил он, — что, когда я желал отправиться на шабаш, я становился у открытого окна, через которое являлся ко мне Люцифер, и вмиг переносился на сборище, где я оставался два, три, а иногда и четыре часа».

На теле Гоффриди нашли «печать дьявола» — в трех местах, куда ему вонзали в тело иглу, и он не чувствовал никакой боли и кровь не текла. После этого его виновность не подлежала сомнению, и 30 апреля 1611 года его сожгли в Эксе, после того как он был отрешен от сана и палачом подведен к главному входу в церковь, где он должен был публично каяться и просить прощения у Бога, короля и правосудия.

Такова официальная «церковная» версия произошедшего. Тем не менее дело Гоффриди очень запутанно и крайне противоречиво. Существует несколько точек зрения на эту первую «бесовскую» эпидемию. Одна из

версий была изложена выше. Другая связана с самим существованием женских монастырей в Европе того времени.

Историки, располагающие многими документальными свидетельствами современников Гоффриди, убедительно доказали, что женские монастыри в Европе часто превращались в сэралы священников и настоятелей. В монастырях часто воспитывались девочки как из знатных, так и из простых семей. Как правило, многие из них умирали — от тоски и отчаяния. Их поражала жестокая монастырская болезнь, о которой еще в V веке писали ученые, — тупая скука, уныние в часы после полудня, тихая грусть, переходившая в страшную слабость, или бешеное неистовство. Последнее состояние и было определяющим во время бесовских эпидемий в женских монастырях.

Постепенно строгая система «затвора» в монастырях заменяется более свободной формой существования. К монахиням постоянно приходят посетители — по крайней мере их родственники, а кто знал наверняка, кто чей родственник?

Католическая церковь в это время поражает своим распутством. Например, в 1491 году во французском монастыре Кенуа духовник — единственный мужчина, посещавший монастырь, — смог стать любовником всех монахинь. В испанских же монастырях, конечно не во всех, но в очень многих, считалось, что священник, достаивая женщину своею любовью, таким образом освящает ее и потому грех с ним является священнодействием. Взгляд, очень распространенный и во Франции: в Париже любовниц духовенства обычно называли «освященными».

Во Франции, где короли использовали Церковь как инструмент укрепления светской власти за счет подавления протестантов, крупных феодалов и самоуправления областей, за поведением духовенства присматривал сам монарх. В стране царствовал закон, который «озвучил» король Людовик XIV: «Государство — это я». То же самое можно было сказать и о Церкви. Священники творили самые невообразимые вещи и предавались распутству. Не был исключением и Гоффриди.

По мнению историков, именно в роли «всеобщего» любовника он и подвизался в монастыре урсулинок. Кроме того, абсолютно точно установлен факт, что монахиня Магдалина действительно была его любовницей. Гоффриди совратил ее, когда она была еще его воспитанницей.

Гоффриди вошел в монастырь в качестве духовника Магдалины, но занялся другим делом. Урсулинки чувствовали его могущество, а поведение безумно влюбленной в него девочки заставило их заключить, что это — могущество дьявола. Всех их охватил страх, а многих и любовь. Воображение разыгралось вовсю, у томящихся от скуки женщин закружились головы. И в результате пятеро или шестеро с плачем и воплем заявили, что ими овладел дьявол.

Особенно усердствовала Луиза, которая, как полагают, была также влюблена в Гоффриди и навела на него «поклеп». Вероятно, Луиза действительно была одержима — только не бесом, а ревностью. Кроме того, она почти наверняка была не совсем нормальна.

Автор «Записок о государстве» (известных только по отдельным отрывкам из них, так как остальное весьма благоразумно было уничтожено, как слишком откровенное) — знаменитый отец Иосиф заявляет в своем труде, что ему посчастливилось открыть некую ересь, страшно распространившуюся и захлестнувшую собой бесконечное число духовников и руководителей монастырей. Это — плотская любовь, которой они предавались в женских обителях.

Самое интересное, что все это открылось слишком поздно. Дело зашло так далеко, что скрыть его стало невозможно. Капуцины клятвенно утверждали, что в одной Пикардии этим безумием мистической любви было охвачено 60 тысяч «наставников». Значит, всё духовенство, все духовники, все руководители монастырей. Надо, конечно, иметь в виду, что в это число входило много светских людей, горевших тоже усердием «спасать» женские души. Один из них — Демаре из Сен-Сорлена — прославил себя впоследствии талантливыми и смело написанными «Духовными утешами».

Чтобы понять, какой неограниченной властью, во

много раз большей, чем во все предшествовавшие времена, пользовался руководитель женского монастыря, надо принять во внимание некоторые обстоятельства.

Реформа монастырей, принятая Тридентским собором и устанавливающая более замкнутый образ жизни в них, серьезно начала проводиться только в царствование Людовика XII. До того на нее очень мало обращали внимания, и монахини принимали у себя весь высший свет и устраивали балы. После реформы лишь один мужчина — руководитель монастыря — являлся в него ежедневно и мог войти в любую келью. Таким образом, реформа эта, закрывая двери обители от всего мира, избавляла руководителя от всякого соперничества, давала только ему возможность видаться с глазу на глаз с монахинями и тем усиливала его влияние.

К чему приводило распутство в монастырях? В XVI веке медик Вейер писал, что многих монахинь любовь доводила до бешенства. Он рассказывает о весьма почтенном испанском священнике, который, зайдя случайно в один из женских монастырей в Риме, вышел оттуда сумасшедшим и заявил, что все эти супруги Иисуса принадлежат и ему, священнику, наместнику Иисуса. Он заставлял служить обедни, чтобы Господь даровал ему милость жениться на всем монастыре.

Чувственность стояла далеко не на первом месте у этих женщин. Прежде всего они хотели избавиться от скуки, разнообразить свое существование, отвлечься от монотонной жизни. Даже миряне, при всем разнообразии их жизненного уклада, старались добиться, чтобы исповедники разрешали им грех непостоянства. И духовенство сдалось. В обществе основным принципом стал принцип терпимости, а высшим правилом света провозглашалось следующее: «Ни за что не наказывать и надо всем смеяться».

Господствующий дух терпимости позволял кардиналу Тенсену открыто быть мужем своей сестры. Терпимость позволяла монастырскому начальству обладать монахинями, а тем открыто заявлять о беременности и самым законным образом регистрировать рождение детей. Глава каноников де Пиньян из Прованса открыто жил с монахинями своего края. У него их было шест-

надцать. Монастырское ведомство в один год получило от монахинь 16 заявлений о беременности. Такая гласность имела лишь один плюс: преступление монашеской — детоубийство — стало совершаться реже. Монахини де Пиньяна отдавали младенцев на воспитание крестьянам, которые усыновляли их и воспитывали вместе со своими детьми. Еще и в XIX веке немалое число крестьян считалось отпрысками благородного духовенства Прованса.

Но вернемся к эпидемиям.

Два года спустя, в 1613 году, одержимость охватила соседний монастырь в городке Лилле. Три монахини обвинили сестру Мари де Се в том, что она наслала на них злые чары. Самое примечательное, что во время дознания от сестры Мари были получены показания, очень похожие на признания сестры Магдалины из Экса. Она дала подробные описания шабашей ведьм: якобы по понедельникам и вторникам ведьмы спаривались с чертями, по четвергам предавались греху содомии, по субботам занимались скотоложеством, по средам и пятницам пели гимны дьяволу. Так их жизнь была расписана по дням, за исключением субботы, когда по «расписанию» был свободный день.

Не менее известным стало дело о луденских ведьмах. Эта эпидемия разразилась в 1631 году в монастыре урсулинок в Лудене (Лудуне).

Луденские бесы

Процесс против священника Грандье — почти «близнец» инквизиторского суда над Гоффриди. Та же драма, основанная на показаниях истеричных монахинь, обвиняющих священника в том, что он их околдовал. Та же процедура изгнания и заклинаний бесов и суда над несчастным духовником одержимых. Особенно известным в наши дни этот процесс стал во многом благодаря книге американского писателя Олдоса Хаксли «Луденские бесы» (1952).

По одной из версий, выдвигаемых историками, молодой священник Грандье, прибывший из Бордо в провинциальный Луден, был просвещен, любезен, обладал

даром хорошо писать и еще лучше говорить. В короткое время он перессорил весь городок, причем женщины были за него, почти все мужчины — против. Он становится заносчивым, несносным, старается поразить всех своим великолепием; отпускает насмешки по адресу кармелитов, говорит с кафедры дерзости против монахов вообще. На его проповеди собираются такие толпы, что можно задохнуться.

Женщины в его полном распоряжении. Необычайно нежна к нему дочь королевского адвоката Мадлен де Бру, а у дочери королевского прокурора, Филиппы Тринкант, от него ребенок. Именно ради дочери королевского адвоката Грандье пишет трактат, направленный против celibата (обета безбрачия).

В Лудене находился совсем небольшой монастырь урсулинок, населенный благородными, но отнюдь не богатыми девицами. Сам по себе монастырь был беден, при его основании ему было дано только одно помещение — старая гугенотская школа. Настоятельница, дама из очень знатной и родовитой семьи, горела желанием расширить и обогатить монастырь, сделать его известным. Весьма возможно, что она пригласила бы к себе Грандье, но в обители уже был священник, имевший прочные связи в крае, близкий родственник двух главных чиновников города — каноник Миньон. И вот оба они из признаний исповедующихся монахинь (настоятельница также исповедует их) делают ужасное заключение, что молодые монахини только и мечтают, что о Грандье, только и говорят о нем. По другой версии, именно Миньон, родственник Тринкант, подговорил монахинь дать против Грандье показания.

«Заговорщики» — каноник Миньон и настоятельница, а также еще двое весьма именитых и обиженных Грандье горожан среди покровительствуемых ими бедняков находят двух человек, которые соглашаются громко заявить, что больше не могут терпеть у себя такого развратного священника, колдуна, дьявола, вольнодумца, который «в церкви становится только на одно колено», насмехается над всеми постановлениями и дает разрешения в ущерб правам епископа.

Грандье же в ответ отправляется к самому королю,

бросается на колени и просит отомстить за нанесенное ему оскорбление. Король готов был стать на его сторону, но нашлись люди, донесшие королю, что оскорбление — это результат любовных походов Грандье и ярости обманутых мужей.

Церковным судом в Пуатье Грандье был приговорен к церковному покаянию и изгнанию из Лудена, то есть был обесчещен как священник. Но светский суд, пересмотрев дело, признал Грандье невиновным. За него был также и Сурди, архиепископ Бордо, стоявший выше епископа Пуатье. Благодаря личным связям среди сильных мира сего Грандье в течение года восстанавливает утраченные позиции и вновь получает прежние должности.

Оправданный священник, вместо того чтобы покинуть Луден, решает воспользоваться победой и останется в городе. Кроме того, он угрожает своим врагам и требует удовлетворения. Противники его, сами попав в опасное положение, вспоминают дело Гофриди из Экса, в котором дьявол, отец лжи, реабилитированный самым почетным образом, фигурировал в качестве свидетеля, заслуживающего веры как со стороны Церкви, так и со стороны чиновников короля. Отчаявшись в других средствах, они взывают к дьяволу, и тот появляется к их услугам в образе урсулинок.

Луденская история началась с того, что настоятельница и некая вполне послушная ей монахиня начали биться в конвульсиях и бормотать на дьявольском наречии. Другие монахини принялись им подражать.

Надо сказать, что о настоятельнице — Жанне де Анж — мы знаем довольно много из воспоминаний современников. До принятия иноческого сана она именовалась Жанна де Беклиер (Бециер) и была поистине воплощением святой. Но в то же время она отличалась странным нравом и обладала большими амбициями. Богатая и экстравагантная дочь барона, она ушла в монастырь, с одной стороны, будучи истинно верующей, а с другой — в надежде стать матерью-настоятельницей. Однако при виде привлекательного мужчины, каким, судя по всему, был Грандье, она потеряла голову, ее стали мучить странные грезы о святом отце, который яв-

лялся к ней во сне в виде сияющего ангела и говорил с ней, как истинный дьявол, соблазнял и склонял к греху. В результате Жанна стала кричать по ночам, бредить во сне и выкрикивать невозможные для монахини вещи.

На Жанну была наложена епитимья и произведена по решению Миньона, ее духовника, порка, но Жанна тише не стала. Постепенно инкубы стали овладевать и другими монахинями.

О новой эпидемии заговорили повсюду — даже в Париже при дворе. Французская королева — испанка с сильно развитым воображением и очень благочестивая — прислала в монастырь своего священника, а лорд Монтегю, заядлый папист, — своего верного чиновника, который все видел, всему поверил и обо всем донес папе римскому. Таким образом, чудо было признано. Все видели раны одной из монахинь и стигматы на руках настоятельницы — знаки, которыми отметил их дьявол.

Двор поверил, но сам Луден не верил нисколько. Эти дьяволы повторяли утром то, чему учили их накануне вечером. Они не сумели бы сказать ничего, если бы секретные увещеватели, старательно разучивая с ними дневной фарс по ночам, не учили их, как выступать и что говорить перед народом. Такова одна из версий. Во всяком случае, Жанна и одна из монахинь показали, что все насельницы одержимы двумя демонами — Асмодем и Забулоном, которых наслал на обитель отец Грандье, перебросив через монастырскую стену букет роз.

Крупный чиновник — судья города, выйдя из себя, сам явился взглянуть на фарс и пригрозил, что выведет всех на чистую воду. Таково же было тайное мнение об этих «чудесах» и архиепископа Бордоского, к которому апеллировал Грандье. Им было послано специальное распоряжение относительно монахов-экзорцистов с целью положить конец произволу урсулинок, тем более что епископский хирург, осмотрев девушек, заявил, что не находит их ни одержимыми, ни сумасшедшими, ни больными. Кто же они в таком случае? Несомненно, обманщицы.

Настоятельница монастыря растерялась. Ничего не стоило установить, что ее стигматы были нарисова-

ны и подновлялись каждый день. Но она приходилась родственницей королевскому советнику Лобардемону, которому поручили вершить суд над Грандье. Тот ставит в известность кардинала Ришельё, своего хорошего знакомого, что обвиняемый — приятель одного из многочисленных агентов враждебной Ришельё королевы Марии Медичи, что он сделался секретарем своей прихожанки и от ее имени пишет подлые памфлеты.

Ришельё, который не мог простить Грандье якобы написанной им в 1618 году клеветнической сатиры, а также памятуя о своей родственнице, сестре Клэр, которая находилась в монастыре, назначает Лобардемона главой комиссии и поручает ему арестовать смутьяна.

Грандье, по приказу Лобардемона, схватили и бросили в Анжерскую тюрьму. Его посадили в темницу в доме одного из его врагов, который приказал заделать камнем все окна, чтобы арестант там скорее задохнулся. Затем стали искать на теле обвиняемого «дьявольские знаки», втыкая в тело иголки и коля его копьем. Однако наблюдатели, такие как доктор Фурно, врач, готовящий Грандье к пыткам, и аптекарь из Пуатье, возражали против заключения инквизиции, в котором говорилось, что ведьмины отметки на теле несчастного найдены, так как сами таких знаков не видели, и утверждали, что их не видел никто. Грандье отвели в церковь, поставили лицом к лицу с девицами, которым Лобардемон вернул дар речи и которые при виде обидчика пришли в неистовство.

На обряды изгнания дьявола, которые проводят капucin отец Транквилл, францисканец отец Лактанций и иезуит отец Жан Жозеф Сурен, собирается множество людей.

Девушек признают одержимыми, что, без сомнения, способствует увеличению аудитории. Сюда приходят слушать из уст женщин то, чего ни одна никогда не решалась произнести до тех пор.

Помимо обвинений, выдвинутых монахинями против Грандье, о виновности несчастного свидетельствует его любовница, которая живописует о супружеских изменах, кровосмесительных связях, святотатстве и других страшных грехах, не просто совершенных свя-

щенником, а совершенных с «особым цинизмом», в самых святых местах храма.

Это становилось все более смешным, как, впрочем, и отвратительным. Даже то небольшое, что заставляли несчастных урсулинок зазубривать по-латыни, они коверкали вкривь и вкось. Публика находила, что дьяволы не могли бы выдержать экзамен за четыре класса приходской школы. Инквизиторы, ничуть не смущаясь, заявляли, что если дьяволы и не сильны в латыни, зато превосходно говорят по-ирокезски и на других столь же «известных» языках.

Гнусный фарс с расстояния в 60 миль в Сен-Жермене, Лувре, где находились король и двор, казался страшным, будоражившим нервы, чудом. Двор испытывал восторг и трепет. Ришельё велел заплатить и монахиням, и экзорцистам.

Столь великая милость еще больше воспламенила всю шайку и сделала ее совсем безумной. За сумасшедшими речами последовали бесстыдные поступки. Экзорцисты под предлогом, что монахини очень устали, отправляли их за город прогуляться и сами гуляли с ними. Одна из них забеременела. По крайней мере налицо были все признаки. Но на пятом-шестом месяце все исчезло, и дьявол, обитавший в ней, заявил, что это он из мести к бедной монахине придал ей вид беременной. В результате отца Грандье заставили изгнать дьявола из монахинь, поскольку именно он являлся очевидной причиной их страданий.

Наконец дело зашло так далеко, что даже несчастные монахини почувствовали, что на продолжение спектакля у них нет сил. Теперь они уже проклинали самих себя. Несмотря на то что их ожидала ужасная участь, если бы они сказали правду, несмотря на уверенность, что в таком случае им придется закончить жизнь в подземелье, они все же заявили в церкви, что это была только игра в дьявола и что Грандье невиновен. Жанна де Анж появилась в храме с петлей на шее и угрожала повеситься в случае, если она не сможет загладить свои преступления против Грандье и того осудят.

Так монахини погубили себя, но судьи не закрыли де-

ло. Не прекратило его и прошение, посланное от всего города королю. Грандье был приговорен к сожжению (18 августа 1634 года). Ярость его врагов была так велика, что, прежде чем сжечь его, они потребовали еще раз поискать иголками знаки дьявола на его теле. Один из судей изъявил даже желание, чтобы Грандье вырвали ногти, но хирург отказался сделать это.

Мучители боялись голоса с эшафота, последних слов казнимого. Так как в его бумагах нашли записку против безбрачия духовенства*, то люди, объявившие его колдуном, считали его еще и вольнодумцем. Вспоминали смелые слова мучеников свободной мысли, которые последние бросали в лицо судьям, вспоминали предсмертное слово Джордано Бруно. Грандье старались внушить, что если он будет вести себя благоразумно, то его избавят от огня, предварительно удушив. Слабовольный и развратный священник, любивший свое и чужое тело, обещал молчать. И действительно, он не сказал ничего ни по дороге, ни на эшафоте. Однако даже под страшными пытками он не признал себя виновным.

Когда все уже было готово к его сожжению, один монах, исповедовавший Грандье, не дожидаясь палача, поджег костер. Петля-гаротта, которая была на шее осужденного, оказалась завязана так, что ее невозможно было затянуть, и таким образом Грандье предстояло сгореть заживо. Он успел только воскликнуть: «А, так вы обманули меня!» Тут взметнулись языки пламени, и более нельзя было разобрать ничего, кроме криков.

По другим источникам, Грандье успел, преодолевая дикую боль, сказать отцу Лактанцию, что тот через 30 дней предстанет перед Богом, и священник умер в точно указанный срок. Причем перед смертью он неистово кричал: «Я не виновен в твоей смерти, Грандье!»

Отец Транквилл потерял рассудок и умер через пять лет, а отец Сурен стал одержимым тем же дьяволом, Исаакарумом, которым была одержима и Жанна де Анж. В течение многих лет несчастный священник был очень

* Для католического духовенства обет безбрачия, так называемый целибат, обязателен. Он был узаконен папой Григорием VII в XI веке, на практике же утвердился в XII веке.

болен, не мог самостоятельно одеваться, пить и есть, но потом один иезутский священник сумел его излечить.

До наших дней дошло не так много достоверных свидетельств и документов, которые позволили бы однозначно истолковать луденскую «истерию». Некоторые историки утверждают, что настоятельница монастыря урсулинок действительно вообразила, что была одержима бесом, который являлся к ней по ночам в виде недавно умершего священника. Вскоре и все остальные сестры стали видеть то же. Приступили к заклинанию духов, но во время ритуала спазмы и галлюцинации одержимых еще более усилились: они ложились на пол, ползали на животе, высовывали язык, который делался совсем черным, испускали крики, мяукали, лаяли и бредили. В бреду каждая рассказывала о своем дьяволе, какой он имеет вид, что он делает с ней, что говорит. При этом они произносили богохульства. Некоторые из них впадали в каталептическое состояние и делались сомнамбулами.

Урбан Грандье, по этой версии происшедшего, не был монастырским духовником, но он был известен в обители, так как возбуждал много толков о себе благодаря своему уму, красноречию и красоте. Кроме того, он сделался популярен своей оппозиционностью высшим церковным властям и своим памфлетом, направленным против кардинала Ришельё.

Слухи об одержимых в Лудене распространились по всей Франции. Многие приезжали из Парижа, Марселя, Лиля и других городов, чтобы посмотреть на деяния Сатаны. Брат короля, Гастон Орлеанский, приехал туда специально, чтобы видеть одержимых и присутствовать при процессе изгнания из них дьявола. Во время одного из таких процессов произошел любопытный случай: отец Сурен, производивший изгнание, сам сделался одержимым и стал вместе с заклинаемыми кататься по полу в конвульсиях и судорогах и заявил, что дьявол Исаакарум проник в него. Граф Орлеанский присутствовал при настоящем спектакле: монахини и настоятельница катались по полу, принимали самые неприличные позы, делали смешные движения, вы-

совывали языки, кружились вокруг церкви и при этом произносили ужасные богохульства. На основании показаний монахинь молва продолжала обвинять во всем этом аббата Грандье, который заключил союз с Асмодеем. Нашли даже письмо к нему, якобы подписанное Асмодеем (оно хранится теперь в Национальной библиотеке в Париже), в котором Асмодей дает обещание мучить сестер урсулинок в Лудене.

Ришельё, желая положить конец этому делу, послал в Луден специального эмиссара де Лобардемона, снабдив его неограниченными полномочиями. На другой день по прибытии в Луден Лобардемон приказал арестовать Грандье. Несчастный был брошен в тюрьму, а изгнания и заклинания бесов продолжались. По просьбе Грандье, а также для того, чтобы уличить его на очной ставке с одержимыми, ему разрешили самому производить изгнание. Его привели в церковь, где были собраны все одержимые, и в присутствии огромной толпы, собравшейся по этому экстраординарному случаю, Грандье приступил к изгнанию. Но тут случилось нечто невероятное: одержимые при виде Грандье, произносящего священные слова заклинания, пришли в такой раж, испускали такие ужасные крики, катаясь по полу, прыгая, извергая пену и произнося самые страшные богохульственные слова, что все присутствовавшие пришли в ужас. По распоряжению духовных лиц принесли договор Грандье с дьяволом и торжественно сожгли тут же, в церкви. После этого одержимые вошли в еще больший раж, окружили бедного Грандье и стали его рвать, кусать, волочить по полу, так что его еле вырвали живым из рук одержимых и отвели в тюрьму.

Через несколько дней собрался суд, и 18 августа 1634 года Грандье был приговорен к сожжению живым, после того, как он был подвергнут самым ужасным пыткам. При чтении рассказа о них одного из присутствовавших волосы становятся дыбом — до того они были бесчеловечны. Чтобы отыскать на его теле «чертов знак», ему рвали ногти рук и ног, размозжили кости ног так, что из них сочился мозг. Так как ноги были совершенно раздроблены, то его повезли к месту казни на повозке,

завернутым в солому. По дороге, перед главным входом в церковь, его стащили с повозки и заставили просить прощение у Бога, короля и правосудия. По прибытии на место казни Грандье положили на костер и еще раз прочли ему приговор. Площадь была густо запружена толпой народа, собравшегося со всех окрестностей, чтобы присутствовать при казни колдуна Грандье. Несчастный пробовал обратиться к людям с речью. Тогда окружавшие костер монахи стали бить его руками, палками и распятиями. Наконец один из них схватил факел и зажег костер. Медленный огонь охватил тело несчастного Грандье, которое в предсмертных корчах скоро скрылось в густом дыму...

Страшные припадки монахинь, вызванные луденскими дьяволами, не прекращались и после сожжения колдуна Грандье. Урсулинки продолжали бесноваться. Зараза перешла к мирянам города и распространилась далеко по окрестностям Лудена до соседнего города Шинона, где демонические припадки стали появляться у многих дам и девиц. Во всех церквях служились мессы и производились заклинания.

Луденская драма поразила умы; среди населения распространились припадки сумасшествия. В особенности она сильно подействовала на лиц, участвовавших в ней. Отец Сурен и другие заклинатели луденских бесов лишились рассудка, вообразили, что в них поселились дьяволы, и кончили жизнь, как одержимые, в конвульсиях и судорогах.

Якобы узнав о бесчинствах и распутстве монахинь после смерти Грандье, Ришельё, который и «спонсировал» все эти бесчинства, чтобы показать свою власть, прекратил выплаты устроителям этих представлений и утихомирил монастырь. Жанна де Анж, обвиненная отцом Суреном в беспутстве, умерла в 1665 году, как и сам отец Сурен.

Какая из приведенных версий истинная? Этого не знает никто — в истории с луденскими ведьмами, вероятно, точка так никогда и не будет поставлена. Нам же представляется вполне оправданным утверждение о том, что религиозный экстаз и некоторые особенности

психики послужили отправным пунктом возникновения таких эпидемий.

Что же касается ведьм, то от них легко было добиться нужных показаний и без пытки. Большинство из них, по мнению исследователей самого феномена истерии одержимости, были полусумасшедшими. Они признавались, что могли превращаться в животных. Так, итальянки частенько обращались в кошек и, проскальзывая в дверь, высасывали, как они заявляли, кровь у маленьких детей. В глухих лесных местностях — в Лотарингии, в горах Юры — женщины часто становились волчицами и, по их словам, пожирали прохожих (даже если там никто никогда не проходил). Их, конечно, сжигали. Девушки признавались, что отдались дьяволу, а между тем оставались девственницами. Сжигали и их.

Казалось, многие сами хотели, чтобы их поскорее сожгли, чувствовали какую-то потребность в этом. Иногда это делалось в припадке безумия и ярости, иногда с отчаяния. Одна англичанка, когда ее привели к костру, чтобы сжечь, обращаясь к народу, сказала: «Не вините моих судей! Я сама захотела погубить себя. Родители с ужасом отвернулись от меня, муж отступился. Мне пришлось бы вернуться к жизни совершенно обесчещенной. Я хочу лучше умереть... Я все налгала».

Историки и психологи писали о том, что эпидемии и одержимость бесами получили такое большое распространение именно по причине целомудренной и благочестивой жизни монахинь. В силу затворнического существования и отказа от земных радостей в психике монахинь не могли не утлеть святошество и непристойность. Ищущие духовного совершенства неизбежно подвергаются чудовищным искушениям, ибо сама плоть восстает против своего умерщвления. В обычном состоянии человек имеет силы подавлять в себе негативные чувства и мысли, не позволяя им проявляться в словах и действиях. Ослабленные же постом, постоянной молитвой и выполнением других монастырских обязанностей монахини довольно часто утрачивали власть над своими эмоциями. Истерическое поведение заразительно, а потому примеру одной

одержимой следуют другие. При массовых сборищах, на которых изгонялись бесы, у одержимых под воздействием ряда причин случались такие истерики, что при поощрении монахов-экзорцистов эти отчитки превращались в грандиозное шоу. Святотатства и непристойности всегда привлекали публику. Верующие впитывали их как губка, а на следующий день посмотреть на захватывающее зрелище приходило еще больше народа. А жадное любопытство публики всегда стимулирует энтузиазм лицедейства.

Такова природа монастырских эпидемий XVI—XVII веков.

ИНКВИЗИЦИЯ В ИСПАНИИ. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ИНКВИЗИТОР ТОРКВЕМАДА. ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ЕВРЕЕВ И МАВРОВ

Учреждение инквизиции в Испании

В 1231 году Испания была разделена на четыре христианских государства — Кастилию, Арагон, Наварру и Португалию — и на три мусульманских — Севилью, Кордову и Хаену. Кастилия вскоре поглотила три последних государства, тогда как Арагон присоединил к себе Валенсию и Майорку.

В 1232 году папа Григорий IX своим Равеннским декретом учредил инквизицию, о чем мы уже говорили выше, и в этом же году обратился к архиепископу Таррагонскому*, дабы уведомить его о наличии еретиков в испанских епархиях. Но сама инквизиция во всех испанских государствах, кроме Арагона, была учреждена лишь в 1478 году, а в Португалии — даже в 1536 году.

Инквизицию в Испании учредил своей буллой папа Сикст IV, который считал достаточным наличие всего лишь двух или трех инквизиторов старше сорока лет. При этом отличие института «Мировой руки» в Испании было в том, что подчинялась инквизиция не папе, а испанским королям. 27 сентября 1480 года в качестве инквизиторов были назначены два доминиканца, которые начали свою работу на юге, по соседству с Гранадой.

Первое аутодафе было проведено 6 января 1481 года — живыми на костре были сожжены шесть человек.

* Таррагона — город, в котором находилась резиденция архиепископа.

В одной только Севилье к началу ноября 1482 года возвели на огонь еще 298 жертв, а 79 человек отправили в застенки на пожизненное заключение.

В феврале 1482 года папа разрешил назначить инквизиторами еще семь человек. Все они были монахами-доминиканцами. Один из них, настоятель монастыря в Сеговии, стал известен во всем мире под именем Торквемады, которое стало нарицательным.

Испания, которой суждено было находиться под гнетом инквизиции до конца 1820-х годов, с самого момента возникновения в стране священного трибунала проявила к «суду веры» глубочайшую враждебность. Как только инквизиция начала свою деятельность на ее территории, как только стали производиться допросы, пытки и казни, начались народные волнения, тем более что еретические учения получили на испанских территориях особое распространение во время Альбигойских войн, ибо многие альбигойцы бежали сюда в поисках спасения.

Особенно сильна была ересь катаров в Арагоне, где инквизицию учредили в 1232 году. Пять лет спустя там состоялся первый инквизиционный процесс.

Инквизиция решила произвести на испанцев впечатление — и вполне преуспела в этом. В приверженности катарской ереси был обвинен уважаемый в стране граф Фойш. Как полагают, причиной ненависти, которой воспыал к графу епископ Понс де Виламур, стала тривиальная неприязнь — как мы бы сейчас сказали, епископ и граф что-то «не поделили», а в результате перед судом инквизиторов предстали сам граф, 45 его вассалов и — не удивляйтесь! — 18 экзгумированных тел предполагаемых еретиков. Последние 18 «обвиняемых» были сожжены на костре*. Но граф не растерялся, стал

* Инквизиция в Испании в самом начале своей деятельности стала преследовать мертвых, и, таким образом, даже могила перестала быть неприкосновенным местом «вечного успокоения». Можно было видеть, как они «орудовали» против тех, кто уже давно стал добычей червей, как инквизиторы вырывали их кости, сжигали останки на костре, забрасывали грязью самую память о них. Понятно, что такого рода действия не могли не вызвать народного возмущения, и один из инквизиторов, Педро де Кадирета, доминиканец, был растерзан разъяренной толпой. Ныне ему поклоняются как мученику.

бороться с несправедливостью и через 20 лет бесконечных процессов победил: епископ был смещен со своего поста, а граф полностью оправдан.

Потерпев ряд крупных и мелких поражений, инквизиция решила не усердствовать, и впервые еретики были приговорены к сожжению лишь в 1301 году — в Каталонии и в 1314 году — в Арагоне.

Но, как только инквизиция утвердилась в Каталонии и в Арагоне, областной собор, созванный по этому поводу, определил способ действий против еретиков и те церковные наказания, которым «смирившиеся» должны быть подвергнуты. Собор постановил, что «нераскаянные грешники» будут передаваться в руки судебной власти, чтобы пройти «через последние муки и испить чашу страданий до дна», а «смирившиеся» должны были в течение «десяти лет» стоять каждое воскресенье во время поста у дверей храма, одетые в покаянную одежду, на которой были бы нашиты два креста другого, чем одежда, цвета.

Во второй половине XIV века генеральным инквизитором Испании становится монах ордена проповедников, доминиканец Николас Эймерик (1320—1399), которого по праву считают предшественником ужасного Торквемады. Для арагонской инквизиции наступают «горячие деньки» — в прямом и переносном смысле.

В лице Эймерика, который был испанцем по рождению и ревностным последователем Фомы Аквинского, мы вновь встречаем сильную личность — но личность, о которой вряд ли можно сказать хоть одно хорошее слово. Ярый фанатик, Эймерик не останавливался перед подтасовыванием фактов, выдвиганием несправедливых и бездоказательных обвинений. Он никогда не признавал своих ошибок, был необычайно жесток и издал поистине садистское «Руководство для инквизиторов» («Directorium Inquisitorum»). В нем он дал детальное описание всевозможных ересей и практические советы инквизиторам по поводу розыска, допросов, пыток и казни еретиков. Всего же им написано 37 теологических трудов.

Эймерик реорганизовал инквизицию и сделал ее структуру четкой и действовавшей безотказно. Под его

влиянием во всей Каталонии и в Арагоне постоянно зажигались костры инквизиции.

Однако далеко не всегда Эймерик выходил победителем из борьбы, случалось и ему терпеть поражения. Так, он явно проиграл уже давно почившему человеку — Раймунду Луллию (1235—1315), ибо вознамерился преследовать этого ученого, писателя и философа-теолога, умершего задолго до начала инквизиторского суда над ним.

Луллий в молодости был рыцарем и вел довольно разгульный образ жизни, но потом увлекся науками и стал священником. В качестве миссионера Луллий побывал в Армении, Северной Африке, на Кипре. По преданию, он умер в Тунисе как христианский мученик.

Чем этот истинный христианин и настоящий ученый мог помешать инквизитору, родившемуся через пять лет после смерти Луллия? Да тем, что в своих ученых трудах Луллий доказывал, что истины Церкви, если они истинны, должны исходить из доводов разума. Именно этот вполне разумный постулат был расценен «ревнителями веры» как ересь, ибо они объявляли высшей добродетелью христианина слепую веру. Кроме того, Луллий сочувствовал учению катаров и призывал отказаться от роскоши и вернуться к евангельской простоте.

Эймерик решил предать анафеме не только самого ученого и его труды, но и его учеников. Однако против выступили короли Арагона и одержали победу. В 1395 году Эймерик был отстранен папой от руководства инквизицией в Испании.

* * *

Теперь на некоторое время прервемся и постараемся выяснить, что же представляла собой казнь на костре, на которую отправляли инквизиторы.

Аутодафе (ауто-да-фе) — торжественное оглашение приговора инквизиции и исполнение самого приговора, как правило, сожжение на костре. Аутодафе происходило на главной площади города в праздничные дни в присутствии властей и толпы народа. Присутствие на аутодафе было проявлением благочестия. Аутода-

фе — в буквальном переводе с испанского означает «акт веры».

В Евангелии от Иоанна Христос говорит сомневающимся, непослушным: «Кто не пребудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; и такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» (Ин. 15: 6). Именно эти слова использовали инквизиторы, чтобы оправдать «акты веры».

Во Втором послании апостол Петр грозит недовольным жесточайшими карами, на что также будут ссылаться впоследствии инквизиторы для оправдания своих преступных деяний. Слова Петра как бы специально «вписаны» для оправдания борьбы с ересями в будущем: «Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель» (2 Петр. 2: 1).

К сожжению на костре приговаривали в исключительных случаях. Ч. Г. Ли пишет: «Оставим в стороне заботу о возможности спасения души. Обращенный, выдающий своих соумышленников, был более полезен для Церкви, чем обугленный труп; поэтому не жалели усилий, чтобы добиться отречения. Опыт показал, что фанатически настроенные люди часто жаждали мучений и желали скорой смерти на костре; но инквизитор не должен был являться исполнителем их желаний. Он знал, что первый пыл часто уступал действию времени и мучений, поэтому он предпочитал держать упорствующего еретика, одинокого и закованного, в тюрьме в течение шести месяцев или целого года; к нему допускались лишь богословы и законоведы, которые должны были действовать на его ум, или его жена и дети, которые могли склонить его сердце. И только тогда, когда все усилия не приводили ни к чему, его “выпускали на волю”, но даже и после этого казнь откладывалась на день, чтобы он мог отречься, что, впрочем, случалось редко, так как не уступившие до этого времени обыкновенно не поддавались никаким убеждениям».

Что такое «выпустить на волю»? Это означало, что нераскаявшегося отлучали от Церкви и переставали бороться за его вечную душу. Поскольку спасения такой

человек уже обрести не мог, то, в соответствии с учением Церкви, его осуждали гореть в огне и мучиться в преисподней — то есть отправляли на костер. Ужасная кара вполне соответствовала, по мнению инквизиции, свершенному преступлению и упорствованию в своих заблуждениях. Нераскаившийся еретик не мог рассчитывать на христианское сострадание, милосердие и любовь.

Особая жестокость заключалась еще и в том, что человек до самого костра даже не подозревал, куда его ведут, поскольку приговор зачитывался лишь непосредственно перед свершением казни.

Однако поскольку Церковь сама не могла проливать кровь, то казнь должна была осуществлять светская власть.

«Разные авторы по-разному пытались объяснить такую их щепетильность, тем более что Церковь — не только в далеком прошлом, но, как мы видели, и в наше время — провозглашает за собой право карать вероотступников всеми видами наказаний, — пишет И. Григулевич. — Считать, что инквизиторы, применявшие изощренные пытки к своим жертвам, морившие их голодом и холодом, бичевавшие их публично и, наконец, сопровождавшие их на костер и понуждавшие верующих подбрасывать охапки хвороста для того, чтобы он “веселее” пылал, стеснялись самолично казнить еретиков, вряд ли обоснованно и логично.

Объяснение этому следует искать в желании Церкви превратить светскую власть в соучастника своих преступлений и одновременно продемонстрировать видимость того, что сама она, Церковь, не убивала никого, не проливала крови. И в этом проявились свойственные церковникам ханжество и лицемерие. Еще до учреждения инквизиции Церковь стремилась обязать светскую власть преследовать еретиков. Добиться этого она смогла лишь частично и поэтому организовала свой собственный репрессивный орган — инквизицию. Однако зловещую привилегию официально выносить смертные приговоры, казнить и оплачивать палача Церковь предоставляла светским властям.

Итак, если еретик не отрекался от своих “ложных

и ошибочных” убеждений, то Церковь отрекалась от него, отпускала его “на волю”, передавая гражданским властям с предписанием наказать по заслугам (*debita animadversione puniendum*). В более поздние времена такого рода обращения сопровождались просьбами проявить к осужденному милосердие. Оно проявлялось в том, что раскаявшегося смертника душили перед казнью или надевали на его шею “воротник”, начиненный порохом, чтобы сократить мучения несчастного.

Нельзя сказать, чтобы светские власти в католических странах всегда охотно, беспрекословно и с усердием выполняли навязываемые им Церковью карательные функции. Во многих местах, особенно в XIII и XIV веках, власти отказывались по различным причинам “поступать с еретиками, как принято с ними поступать”, то есть посылать их на костер. Главная причина этого заключалась в том, что слепое повиновение приказам инквизиции превращало светскую власть из ее союзника в ее вассала.

Там, где, как в Испании и Португалии, инквизиция была подчинена королевской власти, такого противоречия не возникало. Но во Франции, Германии, республиках и княжествах Италии, где Церковь боролась за преобладание над светской властью, деятельность или, вернее, чрезмерное усиление влияния инквизиции постоянно вызывало сопротивление светских властей. В таких случаях папский престол реагировал решительно и без промедления. Виновные в невыполнении приказов инквизиции, в частности в отказе посылать на костер еретиков, отлучались от Церкви, на непослушные города накладывался интердикт, папский престол призывал верующих не платить налоги, не подчиняться таким властям.

Утверждение, что Церковь не полномочна выдавать еретиков светской власти и требовать от последней предания их смертной казни, было признано Констанцским собором еретическим и фигурировало в качестве 18-го пункта обвинения, выдвинутого против Яна Гуса*.

У нас есть свидетельства современников, по кото-

* Цит. по: Григулевич И. Р. Инквизиция. С. 138—139.

рым историкам удалось восстановить весь «церемониал» жестокого финала следствия. Чтобы привлечь максимальное количество публики, аутодафе назначалось на праздничный день на центральной площади города. При этом приходиться на жестокое зрелище должны были абсолютно все. За этим строго следили доносчики и соглядатаи инквизиции. Если человек по неуважительной причине не являлся на «акт веры», его самого могли заподозрить в ереси. Точно так же расценивалось проявление сострадания. Если же человек являлся на созерцание расправы, его ждала индульгенция на 40 дней.

Довольно устойчивым в сознании современного человека является миф о большом количестве проводимых по Европе сожжений. Тем не менее устраивались аутодафе несколько раз год. Об этом событии торжественно объявлялось заранее — делали это священники.

Костру предшествовал собственно сам «акт веры». Заклучался он в проведении торжественного богослужения и в оглашении приговора инквизиции.

Казнь обставлялась очень торжественно — улицы и балконы города украшали гирляндами цветов и устилали коврами. В центре площади возводили помост для оглашения приговора под красным балдахином и ложи для знатных гостей.

Инквизиторы заботились буквально о каждой мелочи. Поскольку казнили всего несколько раз в год, то число жертв было велико и вся процедура могла иногда занять целый день. Поэтому на площади сооружались и общественные уборные для знати.

Накануне проводили подготовку к казни. Обставлялось все также с большой пышностью. С утра к месту казни отправлялась процессия верующих, отобранных инквизицией, во главе которой стояли члены конгрегации святого Петра Мученика*. Придя на площадь, они принимались за выполнение «черновой» работы — строили помосты и ложи, складывали в определенном для костра месте дрова и устанавливали столб, к которому привязывалась жертва.

* *Петр Мученик* — святой покровитель инквизиции, итальянский инквизитор из Веронского ордена доминиканцев, который в 1252 году был убит за свои зверствования и злодеяния.

Наблюдала за всем «милиция Христа» — члены местной инквизиции, которые также шли в процессии, облаченные в длинные белые балахоны с капюшонами, опущенными на самые глаза. Они несли два зеленых знамени — одно водружалось возле костра на соседней с центральной площади, а другое — на помосте самого «акта веры».

Утро же того дня, в который свершалось аутодафе, начиналось с приготовления жертв к казни, о которой, как уже говорилось выше, те даже не догадывались. Заключенных мыли, стригли, брили и приводили в «порядок», облачали в чистое белье и чистое платье. В это утро несчастным полагались вкусный завтрак и даже стакан вина.

После этого жертве в связанные руки давали свечу зеленого цвета, который был цветом инквизиции, набрасывали на шею веревку и выводили на улицу, где уже застыла поджидавшая жертву процессия особо верующих прихожан, тех же, что накануне всё подготавливали к казни. Теперь в их руках были знамена приходов. Некоторых «упорствующих» еретиков сажали на ослов задом наперед и намертво привязывали к несчастному животному.

Поскольку жертв было много, то к центральной площади с траурными песнопениями текли целые реки таких процессий. В руках сопровождавших были позорные одеяния — санбенито и нарисованные изображения тех еретиков, которых было решено предать огню по тем или иным причинам заочно.

За всем происходившим наблюдали с балконов и из окон горожане, которые буквально извергали на преступников потоки проклятий и брани. Некоторые кидали в них грязью. Однако бросать какие-либо тяжелые предметы в процессию запрещалось, так как случайно могли пострадать не жертвы, а сами инквизиторы и их приспешники.

Когда процессия прибывала к месту казни, там их уже встречали зрители, с удобствами устроившиеся в ложах и просто на земле. Осужденных усаживали на скамьи позора, установленные на помосте, чтобы всем хорошо было видно происходящее, но расположенные ниже трибун для знатных и почетных гостей.

Когда всех устраивали «по местам», начиналось богослужение, а затем кто-нибудь из инквизиторов высшего ранга произносил гневную и обличительную речь. В конце оглашался приговор. Это и было собственно «аутодафе» как «акт веры».

Приговор всегда был написан по-латыни и щедро одобрен длинными цитатами из Библии и писаний Святых Отцов, так что на его оглашение иногда уходило несколько часов. Заключение до конца оглашения не знали своей участи: кого отправляли на костер — «жаровню», кого осуждали ходить в санбенито, а кого приговаривали к бичеванию.

Костер устраивали не на центральной площади, там, где проходило оглашение приговора, а где-нибудь поблизости. После объявления приговора к месту казни переходили не только инквизиторы и их жертвы, но и зрители. Осужденного возводили на костер и привязывали к столбу. Даже в эти последние минуты жизни монахи не давали своим жертвам покоя и старались вырвать у них признание в грехах и ереси. При этом рот осужденному затыкали кляпом, что лишало его возможности смущать умы зрителей неожиданной агитацией и выкриками. Так что о своем раскаянии жертва могла дать знать только жестом или кивком.

Зрители, как правило, выражали свое одобрение происходящему, находясь под постоянным наблюдением инквизиции, а некоторые подбрасывали в огонь специально припасенные дрова или хворост.

«Хотя палачи пытались так устроить костер, чтобы он пожрал осужденного, не оставив и следа от него, эта цель не всегда достигалась, — пишет И. Григулевич. — В таких случаях обуглившиеся останки рвались палачами на мелкие части, кости дробились, и это ужасное месиво повторно предавалось огню. Затем тщательно собирался пепел и выбрасывался в реку. Подобной процедурой инквизиторы пытались лишить еретиков возможности заручиться останками своих мучеников и поклоняться им.

Если осужденный на костер умирал до казни, то сжигали его труп. Сожжению подвергались и останки тех, кого осуждали посмертно. В испанской и португаль-

ской инквизиции было принято сжигать на костре куклы, изображавшие осужденных (казнь *in effigie*). Такой символической казни подвергались осужденные на пожизненное заключение, а также бежавшие из тюрем или от преследований инквизиции.

Костер использовался инквизицией и для другой цели — уничтожения сочинений вероотступников, иноверцев и неугодных Церкви писателей*.

Вот как аутодафе 1680 года описывается в официальном отчете, точно передающем изуверскую атмосферу этого «богоугодного» спектакля: «Все великолепие сие выступило в достойном восхищения порядке, так что не дрогнул ни один человек, не образовалось ни одного пустого места, не выделился никто в толпе. И, казалось, небо и земля сговорились способствовать тому, чтобы шествие сие появилось во всем своем блеске, небо — даруя ясный день, без оскорбительной пыли, без изнурительной жары, а земля — почтительно предоставляя пространство столь великому стечению народа. И так, безо всяких препятствий, шествие следовало по своему пути, а поклонение и благочестие находили себе достойнейшее применение в созерцании всего величия Испании, считая для себя честью служить святому трибуналу и сопровождая хоругвь с достоинством и уважением, подобающим высокому званию столь важных особ и вместе с тем столь великому и столь согласованному множеству монахов и лиц духовных и светских, каковые, в количестве семисот, проходили со свечами в руках, со сдержанностью, в коей отражалась умеренность, соблюдаемая святым трибуналом во всех его действиях.

Венцом всей славы сей и в чем собственно заключается торжество генерального аутодафе, являлась величественная пышность, с коей выступил трибунал, появившись пред обвиняемыми, дабы судить их у светлейшего трона, на великолепнейшем театре и сумев привлечь к себе людские взоры, дабы заставить бояться и почитать себя, ибо зрелище сие можно было сравнить с тем, каковое предстанет в великий день всеобщего Страшного суда: если, с одной стороны, оно будет внушать ужас —

* Григулевич И. Р. Инквизиция. С. 143.

мерзость виновных, запечатленная в отличительных знаках их преступлений и наказаний, то с другой, будет веселить сердца — слава праведных и верховное величие Христа и апостолов, кои, следуя за хоругвию, в сопровождении ангельских хоров, направятся к долине Иосафата, где верховный судия воссядет на свой высокий трон, а те, кто за ним следовал, — на обетованные места, и пред лицом всего мира прочтены будут улики и дела, и, лишая силы всякое ходатайство и заступничество, приговоры будут приведены в исполнение.

Для соблюдения столь великого порядка необходимо было, чтобы ночью стража была весьма бдительной, и посему преступники, кои раньше были размещены по домам добровольных помощников инквизиции, были уведены в тайные застенки, ввиду большого скопления их при трибунале, а равно, дабы держать каждого из них в отдельности, так, чтобы они не могли сообщаться и переговариваться; и, собрав всех их к десяти часам вечера, дав им сначала поужинать, сеньор дон Антонио Самбрана де Боланьос, старейший инквизитор двора, в сопровождении дона Фернандо Альвареса де Вальдеса, секретаря сицилийского трибунала, вошел в затворы, где содержались отпущенные преступники, и каждому в отдельности объявил приговор в следующей форме:

“Брат, ваше дело было рассмотрено лицами весьма учеными и великих познаний; ваши преступления являются столь тяжкими и столь дурного свойства, что, в видах примерного наказания, решено и постановлено, что завтра вы должны умереть: вы предупреждены и приготовлены, и, дабы вы могли исполнить сие, как подобает, здесь останутся два духовника”. И, объяснив каждому сии слова, приказал он войти двум монахам и поставил двух служителей на страже, у дверей каждого застенка, и в сем порядке и последовательности выслушали двадцать три осужденных свои смертные приговоры; принимая же во внимание бессонницу и скорбь осужденных, а равно работу и усталость духовников и служителей, предусмотрительность трибунала приготовила запасы печений, шоколада, пирожных и прохладительных напитков для подкрепления и ободрения тех, кои в сем нуждались.

Всю ночь трибунал готов был допустить к себе тех осужденных, кои испросят аудиенцию, и когда две женщины, осужденные, как отпущенные, испросили ее, трибунал, по обычному своему милосердию, допустил их к себе, причем принимал их заявления сеньор дон Антонио Самбрана, занятый этим большую часть ночи и утра.

Настал столь желанный для народа день 30 июня, и в три часа ночи осужденным начали раздавать одежду, с таким расчетом, чтобы до пяти часов утра закончить распределение завтраков. Тем временем алькальдам трибунала дону Педро Сантосу и дону Хосе дель Ольмо вручили каждому два двойных пакета с именами осужденных. Первый заключал указание о порядке, в коем надо было вывести осужденных из их затворов и построить их для шествия, второй — список, по коему надо было вызывать их на помост, когда они должны будут выслушать приговор. Приказ, по коему шествие должно было начаться в шесть часов утра, был оглашен, и с того часа начали прибывать бесчисленные толпы как живущих при дворе, так и приезжих, привлеченных сюда сим известием; однако сей приказ не мог быть выполнен столь точно, как того хотели, ибо аудиенции продолжались так долго, что замедлили предустановленную быстроту.

Промедление сие дало возможность народу разместиться на помостах и запастись едой на столь длинный день, и в семь часов утра начали выходить солдаты веры, а за ними вынесли крест приходской церкви Св. Мартина, одетый в черный покров, и вышли двенадцать священнослужителей в стихарях и вслед за ними сто двадцать осужденных, каждый — между двумя служителями.

Тридцать четыре первых следовали в изображении, и мертвые и бежавшие, из коих тридцать два были отпущены и как таковые шли с коронами на голове, отмеченными пламенем... Другие две статуи шли в санбенито, и у всех на груди начертаны были большими буквами имена тех, кого они представляли. Алькальдам трибунала надлежало идти во главе осужденных, порученных их присмотру, но, работая в тайных застенках, они не могли занять свои места вовремя.

Из осужденных, представших во плоти, следовали одиннадцать покаявшихся и отрекшихся; одни — осужденные за двоеженство, другие — за суеверия, третьи — за лицемерие и ложь: все с потушенными желтыми свечами в руках. Лжецы и двоеженцы — с колпаками на голове, некоторые с веревками на шее и столькими узлами, сколько сотен плетей они должны были получить по приговору, дабы лучше можно было дать отчет о каждом осужденном в отдельности.

За ними следовало пятьдесят четыре еретика, миренные, все в санбенито с полукрестами св. Андрея, а другие с целыми крестами и со свечами, как предшествующие.

Немедленно следовали двадцать один отпущенный, все с коронами на голове, в коротких плащах с пламенем, а упорствующие — с драконами среди пламени, и двенадцать из них — с кляпами во рту и связанными руками. Все они шли в сопровождении монахов, увещевавших их, ободряя одних и приводя к вере других. Шествие осужденных замыкал толедский старший альгвасиль дон Себастьян де Лара...

Костер был шестидесяти футов в окружности и высотой — семи, и поднимались к нему по лестнице шириной в семь футов, сооруженной с таким расчетом, чтобы на соответственном расстоянии друг от друга можно было водрузить столбы и в то же время беспрепятственно отправлять правосудие, оставив соответственное место, дабы служители и священнослужители могли без затруднения пребывать при всех осужденных.

Костер увенчивали солдаты веры, коих часть стояла на лестнице, на страже, дабы не поднималось больше определенного необходимого числа лиц; но скопление народа столь увеличилось, что порядок не мог быть соблюден во всем и, таким образом, выполнено было если не то, что надлежало, то хотя бы то, что возможно было выполнить...

Засим приступлено было к казням: сначала удушены были гарротой возвращенные, засим преданы огню упорствующие, кои были сожжены заживо, с немалыми признаками нетерпения, досады и отчаяния. И, бросив

все трупы в огонь, палачи поддерживали его дровами, пока окончательно не обратили трупы в пепел, что совершилось часам к девяти утра»^{*}.

А вот в Мексике, как пишут М. Бейджент и Р. Ли, «звездным часом» инквизиции стало «великое аутодафе» 11 апреля 1649 года. «Оно было специально направлено на так называемых “новых христиан” — как называли в испанских колониях в Америке обращенных иудеев или “конверсос” — которые едва ли не монополизировали торговлю между Испанией и ее колониями. Улики против этих людей были ненадежными. Однако инквизицию прельщали их деньги и имущество, да и, кроме того, тут в Новом Свете у нее имелось даже больше возможностей для фабрикования дел, чем в Испании. “Великое аутодафе” 1649 года было еще большим спектаклем, чем аутодафе 1574 года. Как и в тот раз, о нем заранее возвестили торжественными процессиями с трубами и барабанами через весь Мехико. Толпы стали стекаться в Мехико за две недели до события, некоторые преодолевали расстояние в 600 миль, чтобы увидеть предстоящее зрелище. В день накануне публичного суда была устроена причудливая процессия. По улицам столицы двигались двойные ряды роскошных карет, в которых восседали знатные особы. Во главе этой карнавальной процессии выделялся штандарт инквизиции. Прибыв на площадь, где должно было состояться аутодафе, многие зрители остались в своих каретах на всю ночь, чтобы не потерять удачного места.

Публичному суду должны были подвергнуть общим числом 109 заключенных, представлявших, как сообщалось, “большую часть мексиканской коммерции”. У всех заключенных были конфискованы поместья и имущество, и ничто из этого не было возвращено, даже тем, кто впоследствии примирился с Церковью, получив требуемое наказание. Двадцать человек были сожжены в изображении — кто-то из них бежал из тюрьмы, кто-то умер в ней под пытками, двое кончили жизнь самоубийством. Из лично присутствовавших на суде заключенных тринадцать были приговорены к костру, однако двенадца-

^{*} Цит. по: *Парнах В. Я.* Испанские и португальские поэты — жертвы инквизиции. М., 1934. С. 105.

ти, после того как они раскаялись в последний момент и примирились с Церковью, милосердно даровали возможность быть удушенными, прежде чем их коснется пламя костра. Только один человек, некто Томас Тревиньо, был в действительности сожжен живьем. В ходе судебного разбирательства он отвергал обвинение в том, что тайно исповедовал иудаизм. Однако в ночь перед казнью он узнал о своем приговоре и вслед за тем открыто провозгласил о своей приверженности иудаизму, заявив о намерении умереть в своей истинной вере.

Дабы заглушить его богохульственные речи, на аутодафе его вели с кляпом во рту, но, несмотря на кляп, можно было слышать, как он заявлял о своей вере и поносил христианство.

На костре он остался непреклонным.

Не сломленный до самого конца, он подгрребал к себе ногами горящие головешки, а последними различными его словами были: «Подбросьте дров, мои деньги стоят того»*.

• • •

По смерти папы Григория XI, в 1378 году, начался великий «церковный раскол» на Западе, период, длившийся до 1429 года, во время которого в Европе существовало два папы, отлучающих друг друга от Церкви и предающих друг друга анафеме. Инквизиция, разумеется, разделилась тоже на два лагеря, и каждый из пап назначил своих инквизиторов.

Впрочем, этот раскол не принес испанцам никакого облегчения, ибо инквизиторы обеих сторон старались превзойти друг друга в усердии и довели это усердие до того, что в середине XV века инквизиции больше не хватало жертв.

Но эта хитрая и коварная организация не растерялась — инквизиторы были назначены и в области, ранее не охваченные ее паутиной. С помощью же королевы Изабеллы, жены Фердинанда VII, короля Арагонского, унаследовавшей Кастилию, для инквизиции стало воз-

* Бейджент М., Ли Р. Указ. соч. С. 18.

можным, наконец, опутать общей сетью и буквально скрутить в узел всю объединенную Испанию.

Изабелла I Кастильская (1451—1504) была женщиной невероятной красоты и очень религиозной. В детстве ее осаждали толпы поклонников, поверивших слухам о высоких добродетелях принцессы. Выйдя замуж за Фердинанда, короля Арагона, она фактически объединила Кастилию и Арагон в единое государство — Испанию. Но Изабелла не только «основала» Испанию, она смогла еще способствовать расцвету своего государства. В годы ее правления Христофором Колумбом была открыта Америка (1492) и в том же году завоевана арабская Гранада, запрещены войны внутри страны между владельцами замков и укреплен нравственность двора. Но именно при Изабелле Кастильской в Испании в 1481 году появилась инквизиция, которая преследовала еретиков, мавров, марранов и морисков.

Благодаря благочестивой Изабелле Церковь изменила старые законы инквизиции, придав им большую строгость и большую гибкость. Эта расширенная, усовершенствованная и распространившаяся по всей Испании инквизиция стала называться «новой инквизицией». Деятельность ее началась, как мы уже говорили, в 1481 году и продолжалась до 1808 года, когда временно была упразднена вторгнувшимися в Испанию при Наполеоне французами.

Испанская инквизиция действовала жестоко и изощренно, пролила не только реки и потоки крови невинных людей, но целые ее моря и океаны. Особенными зверствами были отмечены преследования и последующее изгнание евреев и мавров.

Преследование евреев и Торквемада

Католическое духовенство никогда и нигде не благоприятствовало евреям. Монахи, патеры и папы в пролитии еврейской крови всегда играли самую печальную роль. Во французском Безьере издавна существовал такой обычай: ежегодно в Вербное воскресенье местный епископ настраивал своих прихожан против евреев, подстрекая их идти на «богоубийц», и те, в особеннос-

ти же готовая на грабеж чернь, вооружившись камнями, громили еврейские жилища. В Безьере случались даже кровопролития, так как евреи, по мере сил, защищались и нередко давали отпор.

Правда, в 1160 году этот обычай, позорящий католическую церковь, был уничтожен, и 2 мая 1160 года был заключен договор, в силу которого каждый священник, настраивающий народ против евреев, должен был отлучаться от Церкви. В свою очередь, евреи тогда же обязались ежегодно в Вербное воскресенье вносить по четыре фунта серебра в пользу Церкви. Этот обычай держался долгое время, хотя и были попытки его нарушить.

Если вспомнить юг Франции, то там евреи отлично уживались с тулузскими еретиками. Они не только не враждовали друг с другом, но даже, несмотря на все различия в вере, евреи-изгнанники и христиане-еретики все больше и все глубже понимали друг друга, и между ними было гораздо больше общего, чем, например, между еретиками-христианами и католиками. Особенную любовь, признательность и уважение снискали еврейские врачи, которые очень быстро приобрели весьма почетное положение при дворах провансальских и лангедокских владельцев, у которых чиновниками служили и многие евреи. Бывали случаи, что им вверялась даже должность областного начальника — бальва, того самого, на котором лежали в те времена не только полицейские, но и судебные обязанности. Так, например, у графа Безьерского Рожера де Тренсеваля в XII веке областными начальниками были евреи Моисей и Натан де Каварят.

Но римский папский двор не всегда смотрел на это сквозь пальцы, и папа Иннокентий III с помощью французского короля обязал Раймонда VI, герцога Тулузского, не быть веротерпимым. Тот должен был торжественно дать клятву отстранить евреев-чиновников от их должностей и впредь не назначать ни одного еврея на службу и вообще не покровительствовать им.

Духовенство воспыало особенной неприязнью к евреям после Альбигойских войн. Можно даже утверж-

дать, что по всей Европе в XIII—XIV веках отношение к евреям резко меняется.

Так, в Англии летописцы-монахи усматривали позорное пятно на репутации мудрого и справедливого короля Генриха, отца Ричарда Львиное Сердце, в том, что тот настойчиво защищал это племя «неверных» от всех обид и оскорблений. А сам Ричард Львиное Сердце, который в нашем представлении является символом честного и бескорыстного рыцаря, с первых же дней царствования стал преследовать евреев.

Для начала он издал эдикт, запрещающий евреям появляться на его коронации, однако некоторые евреи, надеясь смягчить Ричарда богатыми подношениями от своего народа, посмели приблизиться к залу, где трапезовал монарх. Будучи обнаружены, евреи подверглись оскорблениям толпы, а уличные беспорядки завершились массовыми погромами и грабежами. Одной столицей дело не ограничилось. Жители других английских городов, прослышав об избиении евреев, ревностно последовали примеру лондонцев.

Дозволение Ричарда дало населению желанный повод выместить наконец свою ненависть к иудеям, основной причиной которой были долги или, точнее, нежелание таковые платить. В Йорке, после того как пять сотен евреев погибли в огне, окрестные дворяне, все — должники еврейских ростовщиков, поспешили в собор, где хранились долговые расписки, и торжественно сожгли бумаги прямо перед алтарем.

Отказ должников выполнить свои финансовые обязательства, что в любой другой ситуации воспринималось бы как мошенничество, стало восхваляться как деяние, достойное доброго христианина, если речь идет о еврейских банкирах.

Во времена правления английских королей ограбление евреев принимало различные формы — от непосильных налогов до открытого вымогательства. Военные кампании обходились недешево, равно как и мятежи; евреи же представляли собой единственный источник наличных денег. Король Иоанн, заключив одного богатого еврея в своем замке, приказал всякий день вырывать у него по зубу — до тех пор, пока зло-

счастный иудей не согласился заплатить непомерный выкуп. Дворянство охотно следовало примеру своих монархов, вымогая у евреев деньги любыми способами, не исключая пытки.

Английские историки приводят и другие примеры гонений и унижений, которым непрестанно подвергались евреи. Однажды все они были брошены в тюрьму и за освобождение свое заплатили сумму в 66 тысяч марок. В другой раз некий Исаак Израильтянин один заплатил 5100 марок.

Доход, поступающий от налогов, взимаемых с этой нации, оказался столь значителен, что для сбора их учредили особое казначейство: была создана так называемая Еврейская палата — исключительно с целью грабежа и угнетения этого народа.

В качестве национального и религиозного меньшинства евреи были обязаны носить особый отличительный знак (впоследствии его воскресит Гитлер), впервые утвержденный Латеранским советом в 1215 году. Размер, цвет и форма знака определялись правителем каждой отдельной страны. В Англии такого рода знак полагалось носить, начиная с семи лет. Во времена Ричарда еврея отличала желтая шапка особого фасона.

В Испании — на территории этого государства — евреи жили с давних пор и прекрасно уживались как с арабами — маврами, которые образовывали на Иберийском полуострове свои государства, так и с христианами-испанцами. Но постепенно мир был нарушен — прежде всего потому, что христиане сочли себя достаточно сильными для того, чтобы отшвырнуть веками складывавшиеся традиции, согласно которым христиане занимались земледелием, мавры — строительством, а евреи — коммерцией и банковским делом. Отныне христиане считали себя способными заменить иноверцев во всем*.

Например, испанские христиане, бывшие зачастую должниками евреев, устраивали погромы, благодаря которым они, с одной стороны, удовлетворяли свое ре-

* Подробнее об этом см.: *Плавский* 3. Испанская инквизиция. Палачи и жертвы. СПб., 2000.

лигиозное рвение, а с другой — не опустошая своего кошелька, избавлялись от долгов.

Однако первыми изгнали евреев с насиженных мест вовсе не христиане, а мусульмане, члены секты альмохадов. В середине XII века они стали захватывать арабские государства на Пиренейском полуострове и утверждать в них господство ислама. Иноверцы безжалостно изгонялись. Именно в XII веке первые так называемые «испанские» евреи бегут в Прованс и Лангедок. Но и в христианской Европе евреям не было покоя. С началом Крестовых походов гнев крестоносцев направлялся против евреев как народа, продавшего Христа. В 1276 году во Франции были сожжены первые крещенные евреи, уличенные в тайной приверженности к иудаизму.

В Испании же среди осужденных инквизицией тоже оказались лица, обвиненные в «иудейской ереси». Это было началом наступления на евреев. До мавров инквизиция доберется после падения Гранады в 1492 году, когда не будет сильного государства — Гранадского эмирата, — которое могло бы заступиться за преследуемых арабов.

Зверства и постоянная угроза смерти, витавшая над головами евреев, вынудили многих из них креститься. В короткий срок в XIV веке более ста тысяч семей, то есть примерно один миллион человек, пожелали стать христианами. Но такого рода насильственные обращения в христианство не могли быть искренними, и многие из вновь обращенных — они получили название марранов, или маранов (от староиспанского «*maḡraṇo*» — «свинья»), — в глубине души оставались верными закону Моисея и тайно продолжали следовать его велениям.

В эпоху, когда глаза должников были обращены на своих банкиров, когда доносы считались первым долгом христианина, когда иная вера приравнивалась к смертному греху, это мнимое отступление марранов от веры не могло долго оставаться в тайне. Наказать за это отступление от истинной веры — вот тот повод, который послужил папе Сиксту IV и Фердинанду V учредить в Испании новую инквизицию, отличавшуюся от старой лучшей организацией и еще большими (оказалось, что и это возможно!) жестокостями.

В атмосфере клеветы, доносов и насилия выросли «кровавые кануны» евреев, ставшие для них национальной катастрофой.

Одно из самых больших массовых побоищ евреев, начавшееся на рассвете 6 июня 1391 года, произошло в Севилье, где жила самая многочисленная в Испании еврейская община. В тот день было избито более четырех тысяч евреев и еще больше — продано в рабство. Около двадцати тысяч евреев при виде творящейся на улицах Севильи кровавой бойни немедленно пожелали перейти в христианство, и это спасло их от гибели, но никак не от грабежа.

Не принявших христианство евреев ждали страшные репрессии — и не только погромы. Они были ограничены в правах. Их жизнь превратилась в сплошное «нельзя». В 1412 году в Испании был принят Вальядолидский статут, по которому евреям нельзя было продавать продукты питания христианам, нельзя нанимать христиан в услужение, нельзя менять место жительства, нельзя работать хирургами и аптекарями, нельзя занимать государственные должности, нельзя по воскресеньям и христианским праздникам покидать альхаму (еврейскую часть города).

Зато можно — и нужно! — на одежде носить отличительный знак — желтый круг.

Даже принявших христианство евреев инквизиция не оставляла в покое. Как мы уже помним, их называли марранами. Поскольку обвинить новообращенных в грехе приверженности иной вере было невозможно, Отцы Церкви придумали для них грех «эксклюзивный» — отсутствие «чистоты крови».

Как странно перекликаются эпохи! Мотив «чистоты крови» вновь возникнет у Гитлера. Изучая историю испанской инквизиции, невольно проводишь параллели между высоким Средневековьем и фашизмом.

Эксклюзивный «еврейский» грех был совершенно абсурден не только с точки зрения любого нормального человека — кто, собственно, и как может проверить чистоту крови и чья кровь чище?! Этот грех совершенно абсурден и с точки зрения христианской морали. Основным принципом христианской церкви является

равенство всех ее членов перед Богом. Значит, объявляя евреев «нечистыми», инквизиторы сами грешили — ибо они нарушали Закон Божий. Но теологи быстро разрешили и этот вопрос. Они утверждали, что, предав Иисуса Христа и отправив его на казнь, древние евреи лишили своих потомков права на «чистую кровь». Бред? Безусловно, бред, но очень удобный для церковников. А потому бред стал истиной.

Участь евреев была предreshена.

• • •

Как мы уже говорили, «новая инквизиция» была введена в Испании с разрешения Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского. Что сподвигло их на этот шаг?

Историки утверждают, что король Фердинанд был непомерно жаден и в инквизиции он видел удобное средство спокойно грабить, при помощи Церкви, своих наиболее состоятельных подданных.

Изабелла же колебалась. Чувство гуманности заставляло ее отрицательно относиться к кровавому трибуналу, жестокости которого уже успели привести в ужас всю Европу, и ее природная честность, и угрызения совести заставляли ее колебаться относительно конфискации имущества, следовавших за каждым постановлением святой инквизиции.

Духовник ее, доминиканский монах Томас де Торквемада, который среди множества других палачей заслужил особенную известность и был особенно ненавидим народом, разрешил, наконец, ее сомнения. Он доказал королеве, что религия предписывает ей поощрять деятельность инквизиции, а стало быть, способствовать укреплению веры.

Однако не стоит забывать и о том, что, несмотря на жадность, фанатизм и гуманные чувства (довольно странный коктейль, не так ли?) царствующей четы, Фердинанд и Изабелла были прежде всего правителями или властителями, а значит, не очень-то и спешили поделиться своей властью с кем бы то ни было — даже с Церковью.

А Церковь как раз и жаждала власти, жаждала уси-

лить свое влияние и упрочить свое положение в Испании. Торквемада, мудрый и хитрый политик, прекрасно знавший все слабые и сильные стороны характера королевы, смог воздействовать на Изабеллу и Фердинанда и убедить их в том, что инквизиция будет лишь способствовать усилению королевской власти в стране. Изабелла поверила своему духовнику, но тем не менее решила добиться усиления своей собственной власти над священным трибуналом. Когда же ей это удалось, то именем святой инквизиции и во имя правого дела король и королева обуздали непокорную феодальную знать и в результате укрепили собственное могущество.

Семнадцатого сентября 1480 года были назначены два главных инквизитора — для утверждения инквизиции в Севилье. Но там, как и всюду, где они появлялись, инквизиторы наткнулись на общее народное недовольство. В Севилье было громадное количество крещеных евреев, которые, естественно, не обрадовались прибытию в город собственных «потенциальных убийц».

Сказочно богатый Диего де Сусан, глава еврейской крещеной общины, призвал своих соплеменников запастись оружием, чтобы дать отпор инквизиторам. Однако его красавица-дочь, болтливая и легкомысленная, как и многие юные девушки, открыла под страшным секретом тайну своему возлюбленному — и на следующий день в Севилье начались аресты. Вместе с заговорщиками было схвачено много невинных людей. Начались суд, пытки, мучения, и признания. 6 января на специально отстроенном за стенами города помосте для аутодафе, называемом «кемадеро», состоялось первое публичное сожжение осужденных. Затем они стали происходить с пугающей регулярностью — один или два раза в месяц.

Нескольким крещеным евреям удалось избежать расправы, и они отправились к папе в Рим с жалобой на суровость приговора. Папа сделал вид, что осуждает жестокость инквизиции, и даже направил Изабелле и Фердинанду письмо, в котором предписывал действовать более мягко. Однако вскоре он назначает для Испании восемь новых инквизиторов, в число которых входит и Торквемада.

Вот еще одна личность, сила духа и ум которой достойны всяческого уважения, но деяния которой повергнут в ужас любого порядочного человека. Томас де Торквемада (1420—1498) был истинным фанатиком, хитрым и умным человеком, прекрасным политиком, изощренным интриганом, тираном и злодеем. По подсчетам некоторых историков, он лично отправил на костер от четырех до десяти тысяч человек.

Он рано принял постриг и стал монахом-доминиканцем.

Он всегда вел суровый образ жизни и был настоящим аскетом.

Он до конца своей жизни так и не сменил своего аскетичного доминиканского облачения на пышные одежды прелатов того времени.

Он был строгим вегетарианцем.

Он был умен и прекрасно образован, а потому слава о нем быстро распространилась по всей Испании. Ему стали предлагать высокие церковные должности, но он неизменно отказывался.

Чего он ждал? Или не ждал ничего, а просто хотел служить Богу? Историки пишут, что он жаждал прежде всего власти — и целенаправленно шел к ней, ибо в 1452 году соглашается стать настоятелем монастыря Святого Креста в Сеговии. Стать аббатом и отказаться от высоких должностей? Но расчет Торквемады становится ясен, когда брат Томас получает должность духовника Изабеллы Кастильской, а вскоре и должность духовника ее мужа. Все дело в том, что монастырь, настоятелем которого соизволил стать Торквемада, был излюбленным местом паломничества знати.

Торквемада становится не только духовником королевы, но и ее тайным советником. Как мы помним, именно он способствовал утверждению в стране инквизиции. И в 1482 году его назначают одним из первых инквизиторов Испании, а уже на следующий год он становится генеральным инквизитором Кастилии. В последующие годы Торквемада обладал властью и влиянием, которые могли поспорить с властью и влиянием самих монархов — Фердинанда и Изабеллы.

Его невольно хочется назвать не только генераль-

ным, но и гениальным инквизитором, ибо Торквемада был сам дьявол во плоти, хотя и верил, что служит Богу.

Инквизиция своим террором и человеческими жертвами способствовала извращению умов и зачерствению сердец, развитию в народе невежества, фанатизма и жестокости, исчезновению инициативности и великодушия. Под «предводительством» Торквемады инквизиция смогла стать грозной силой в Испании, самым могущественным органом королевской власти, мало зависящим от папы. Инквизиция получила права вмешиваться практически во все аспекты общественной и личной жизни испанцев — кроме чисто уголовных преступлений.

Торквемада заботился не столько о личной славе, сколько о процветании и величии инквизиции. Поэтому он оставлял себе значительные доли конфискованного богатства, обитал в роскошных дворцах и путешествовал со свитой из пятидесяти конных стражников и еще 250 вооруженных людей, рассчитанной на то, чтобы производить впечатление и одновременно вызывать трепет.

Как только инквизиторы утвердились в Севилье, все перешедшие в христианство евреи поспешили бежать во владения герцога Медина-Сидониа, маркиза де Кадикса, графа д'Аркаса и других вельмож, куда не успела еще проникнуть судебная власть инквизиции.

Томас де Торквемада, который был только что назначен на должность генерального инквизитора, не желал так легко выпускать из рук свои жертвы. В его указе от 2 января 1483 года было объявлено, что все уехавшие евреи будут немедленно и исключительно вследствие самого факта эмиграции признаны еретиками. Всем местным «князькам» Кастильского королевства, на землях которых марраны надеялись найти убежище, было приказано под угрозой отлучения от Церкви, изъятия всех владений и потери должностей арестовать всех беглецов и под эскортом отправить в Севилью, а на имущество их наложить секвестр. Приказание было исполнено, и тюрем оказалось недостаточно, чтобы вместить всех заключенных.

За этой прокламацией последовал «эдикт милосер-

дия». Согласно этому эдикту, на всех добровольно покаявшихся отщепенцев налагалось сперва незначительное церковное наказание, а затем им даровалось помилование. Было также обещано, что их имущество не будет конфисковано.

Многие из марранов, введенные в заблуждение этой лицемерной милостью, попались на удочку инквизиции и добровольно сдались. Как же они были наивны! Их немедленно схватили и бросили в тюрьмы. Им было сказано, что они могут избежать пыток лишь при условии выдачи имен и мест жительства всех известных им отщепенцев, даже таких, о которых они только слышали.

Таково было «милосердие» инквизиции, и если она соглашалась отпускать на свободу «виновного», то лишь потому, что эта жертва выдавала ей сотню других. По меткому выражению одного французского историка, «в деле пролития крови она руководствовалась приемами ростовщичества, а к жизни и чести граждан применяла пословицу: “Не потеряешь — не приобретешь”».

Слово «милосердие» звучало каждый раз, когда инквизиторы отнимали у своих жертв жизнь. Действовали ли они милосердно? Конечно, ибо спасали заблудшие души. А заодно и прибирали к рукам богатство отправленных на костер.

«Милосердие» было и «лейтмотивом» эмблемы святой инквизиции. Эмблема представляла собой овал, внутри которого на темном фоне был изображен зеленый крест из двух обрубков сучковатого дерева. Слева от креста располагалась оливковая ветвь, а справа изображался обнаженный меч. Зеленый цвет символизировал надежду, подкрепленную крепостью веры. Темный фон был избран в знак траура и страданий Матери-Церкви, скорбящей о своих заблудших детях. Меч был символом ревнителей святой веры — инквизиторов, а оливковая ветвь — знаком милосердия и прощения.

Но о каком милосердии и прощении можно было говорить, когда Торквемада издает указ, в котором помещается список различных обстоятельств (около тридцати), при которых доносить приказывалось под угрозой смертного греха и отлучения. Некоторые статьи этого эдикта были столь туманны, что вряд ли

их могли однозначно понять хотя бы два человека. Так, четвертая статья гласила: «Будет считаться отступником всякий новый христианин, совершающий шабаш, что будет исчерпывающе доказано, если в день шабаша он будет одет в более чистые, чем обычно, белье и одежду, если положит на стол чистую скатерть и если накануне с вечера у него не будет гореть очаг».

Количество томящихся в застенках инквизиции было столь велико, что в Севилье, например, огромное число осужденных на сожжение побудило построить вне черты города постоянный эшафот, на котором возвышались четыре гипсовые статуи. Эти статуи-футляры были внутри пустыми: в них помещали живых еретиков, дабы они медленнее и мучительнее сгорали.

Всего же Томас де Торквемада, как считается, за 18 лет своей «работы» (1480—1498) свыше ста тысяч человек сжег живьем, сжег символически или подверг аутодафе, осудив на ношение позорного платья — санбени-то, конфискацию имущества, пожизненное тюремное заключение и прочие кары.

По мнению историков, сам Торквемада не остался равнодушен к своим злодеяниям. Он не раскаивался в них, но опасался мести еретиков и боялся за собственную жизнь. Так, во время обеда у него под рукой всегда был рог единорога, который, по представлениям того времени, мог спасти от яда, подсыпанного в еду и питье.

Томасу де Торквемаде принадлежит также весьма сомнительная честь введения новой системы инквизиции, единогласно одобренной папой Сикстом IV, Фердинандом V и Изабеллой.

Он начал с создания четырех второстепенных трибуналов: в Севилье, Кордове, Хаене и Квидат-Реале и разрешил затем доминиканским монахам занимать должности в разных местностях Кастилии. Монахи, привыкшие получать указания и полномочия непосредственно от самого папы, который до сих пор сам распоряжался назначениями, сперва сопротивлялись вмешательству Торквемады и лишь после долгих колебаний признали его верховную власть.

Это сопротивление упрочило намерение Великого

инквизитора придать инквизиции то единство действий, которого ей недоставало с самого ее основания, и учредить мощную центральную организацию, призванную умножить ее силу.

В то время когда он готовил, с помощью двух юрисконсультов, Жана Гуттьереса из Шабо и Тристана из Медин, новую реформу священного трибунала, король Фердинанд, со своей стороны, не забывая собственных финансовых интересов, также занимался организацией этого дела и создал королевский совет инквизиции, получивший название Верховного совета.

Верховный совет состоял из Великого инквизитора — председателя, одного епископа и двух докторов права, с титулом советников. Эти последние имели право решающего голоса во всех делах, касающихся гражданского права, и право консультативного голоса в вопросах духовного характера.

Это подразделение нередко приводило к крупным конфликтам, которыми папа широко пользовался, ибо он был, разумеется, той высшей инстанцией, к которой прибегали в случае раздора, а принципом Римской курии всегда было ценить свое вмешательство на вес золота — будь это вмешательство существенным или незначительным.

В распоряжение совета поступали все собранные, или, правильнее, отобранные инквизицией деньги и конфискованное имущество. Треть всех «заграбастанных» сокровищ поступала в королевскую казну, остальные две трети оставались в руках инквизиции.

Показательно, что все члены инквизиции должны по крайней мере в четырех поколениях быть «чистокровными» христианами. Какой еще пример более кровавого антисемитизма можем мы вспомнить? Пожалуй, только «чистокровных» арийцев Гитлера.

Система инквизиторских судов строилась следующим образом. В каждом трибунале было не менее двух собственно инквизиторов — судей высокого ранга. На следующей ступеньке инквизиционной «табели о рангах» стояли эксперты и советники. Они были образованными людьми, теологами, и должны были высказывать свое «экспертное» мнение по спорным богословским

вопросам. Штатными сотрудниками, стоящими на той же ступеньке лестницы, были прокуроры, нотариусы и секретари. Они вели допросы, занимались «делопроизводством» и архивами. Далее шли судебные исполнители, начальники тюрем, казначеи, адвокаты. На самой низшей ступени располагались надзиратели, казначеи и тому подобная «мелочь».

Это было страшное время, когда страны Европы утопали в крови, когда ни один человек не мог себя чувствовать в безопасности даже в собственном доме. И что самое ужасное — люди стали бояться друг друга. Может ли идти речь о нравственности и морали общества, если одним из самых уважаемых лиц того времени являлся доносчик, именуемый доверенным лицом инквизиции? Напрашивается вопрос: а можно было бы если не простить, то хотя бы понять тех доверенных лиц, которые передавали еретиков в руки трибунала из религиозных соображений? Конечно же нет. Почти всегда это были негодяи и подлецы, которые предавали и продавали людей из соображений корысти, зависти и страха. Не испытывая ни малейших угрызений совести, а быть может, искренне радуясь в душе, что не они попали под тяжелый молот инквизиции, смотрели такие «стукачи», как по ступеням на эшафот медленно всходят люди в санбенито.

В истории известны случаи «восстания рабов»: когда рабам, которым и так нечего терять, кроме собственной жизни, становится невмогуту не только жить, а даже существовать, они восстают против своих угнетателей. И восстания эти, как правило, бывают очень кровопролитны и жестоки.

Так случилось и в Испанском королевстве. Против инквизиции восстали арагонцы, к которым конфискация, из уважения к некоторым специальным привилегиям Арагона, ранее никогда не применялась.

Жители Арагона прекрасно понимали, что при тайне свидетельских показаний, которая раньше допускалась лишь в исключительных случаях, их край ждут кровопролитные судилища. Поэтому, когда Фердинанд V после тайного совещания в апреле 1484 года повелел во

всех подчиненных его власти областях применять новое судопроизводство и когда Торквемада разослал инквизиторов для приведения этого приказа в исполнение, Арагон решил восстать против «ревнителей веры».

Взрыву сопротивления в Арагоне способствовало также то, что самыми влиятельными и уважаемыми из подозреваемых были новые христиане, то есть крещеные евреи — марраны. Депутация от королевства обратилась за помощью к папе. В Рим были посланы эмиссары, которым поручили ходатайствовать об отмене в Арагоне статьи, касающейся конфискаций.

В то время как депутация от арагонских кортесов* предъявляла свои требования, инквизиторы, не теряя времени, вступили в должность и сожгли несколько новых христиан во время публичного и очень торжественного аутодафе. Это привело в отчаяние марранов, которым грозила явная опасность. Они боялись тех ужасов, которые происходили в Кастилии, где ежегодно тысячи людей становились жертвами инквизиции. Увидев, что от папы и короля ждать помощи нечего, они решили усмирить инквизиторов, убив некоторых из них. Был составлен заговор.

Одним из первых от рук марранов пал инквизитор Педро де Арбуэс, известный своими жестокостями и кровожадностью. Зная о ненависти, которую он возбуждал в людях, инквизитор носил кольчугу, а под капюшоном — железную каску. Тем не менее заговорщики настигли его однажды в церкви у алтаря и, направив удары своих кинжалов в шею, не прикрытую кольчугой, нанесли рану, от которой он умер двумя днями спустя, 17 сентября 1485 года.

Заговорщики считали, что пролитая кровь приведет остальных инквизиторов в священный ужас; они рассчитывали, что сам король и папа пойдут на уступки из страха перед новыми восстаниями в Арагоне и Кастилии.

Они заблуждались. Заговорщиков арестовали, инквизиция продолжала свирепствовать, а Педро де Арбуэса канонизировали в 1664 году.

* Кортесы — сословно-представительские собрания средневековых христианских государств Пиренейского полуострова.

Помимо основных заговорщиков были казнены тысячи ни в чем не повинных людей. Арагон буквально захлебнулся в их крови, а что касается главных виновников убийства, то им до повешения отсекали руки; их трупы были четвертованы, и члены их разбросаны в различных публичных местах. Один из этих несчастных, Жан д'Абадиа, в тюрьме покончил с собой, что не помешало инквизиторам надругаться над его трупом и приволоочь его на аутодафе.

Педро де Арбуэсу было сооружено великолепное надгробие, под которым и было 8 декабря 1487 года погребено его тело, а на памятнике была выгравирована следующая надпись в традиционном напыщенном стиле: «Кто почивает под этим камнем? Другой, столь же твердый камень*, добродетель которого удаляет отсюда всех иудеев; ибо священник Пьер — тот твердый камень, на котором Бог воздвиг свое дело (инквизицию). Счастливая Сарагосса! Ликуй, что на сем месте похоронен славный мученик. А вы, о иудеи, бегите отсюда, бегите немедленно, ибо сей драгоценный камень-гиацинт обладает свойством изгонять нечисть из этих мест». Арбуэсу была также воздвигнута статуя с прочувствованными надписями от Фердинанда и Изабеллы.

Надо было сохранить драгоценное воспоминание об этой победе инквизиции, что и было сделано следующим образом: оружие, служившее убийцам, было развешено в соборе Сарагоссы, где долго сохранялось рядом со списком людей, сожженных или подвергнутых публичному наказанию. Эти имена написали большими буквами на холстах, на которых сверху изображали пламя, если виновный был сожжен, или огненный крест, если он подвергся какому-либо другому испытанию. Некоторые из холстов были вскоре сняты, вследствие папских булл, исполнение которых было разрешено Фердинандом V в качестве особой милости. Они были убраны ввиду особого ходатайства семей осужденных, которые занимали видное положение в городе. Эта мера чрезвычайно не понравилась инквизиторам; своими безумными фанатичными жалобами они сумели возбу-

* Имя Петр (Педро, Пьер) и означает «камень».

дить наиболее невежественные элементы среди старых христиан, уверив их, что поступок этот был оскорблением, нанесенным католицизму. Их жалобы подали повод к восстанию, которое грозило стать повсеместным, столь велико было влияние духовных лиц, заинтересованных в сокрытии истины и искажении идей.

В то время как эти волнения охватили Сарагоссу, аналогичные события происходили и в остальных провинциях.

Ни Фердинанд, ни папа не пошли ни на малейшую уступку своим подданным, и после нескольких лет упорной борьбы, перемежавшейся с легальными протестами, испанцы должны были смириться.

Неоспоримо, что инквизиция утвердилась в Испании против воли всех областей, несмотря на отчаянное сопротивление всей Испании.

Во время этой борьбы Торквемада совершенно спокойно продолжал укреплять свою собственную власть, то есть власть инквизиции. Продолжал он настаивать и на изгнании евреев из Испании. И добился своего: 29 апреля 1492 года Изабелла и Фердинанд V издали указ об изгнании евреев из всех владений испанских королей.

На чем было основано это несправедливое и варварское решение, противное интересам самой Испании и наносившее роковой удар торговле Иберийского полуострова?

Прежде всего издание указов не было неожиданным для евреев. В стране регулярно проходили погромы, а на кострах инквизиции сжигали тысячи иудеев. Антииудаистские настроения постепенно перерастали в антисемитизм. Этому способствовала и антиеврейская политика в Англии и Франции.

Старые христиане, деморализованные бесконечными пытками и постоянными преследованиями, забитые и полностью лишенные чувства справедливости, приписывали евреям все пороки, взваливали на них все преступления. Их обвиняли в совершении всевозможных святотатств, утверждали, что врачи и аптекари-евреи отравляют больных, когда больные эти — христиане.

Так, в июне 1490 года некий крещеный еврей Бени-то Гарсиа был арестован по обвинению в приверженности к иудаизму и контактах с иудеями. Однако в ходе расследования арестованный признался, что вместе с несколькими другими марранами похитил христианского пятилетнего мальчика. В Страстную пятницу пять евреев и шесть марранов распяли его в пещере, вырвали у ребенка сердце и совершили над ним магический обряд. Имени мальчика в документах инквизиционного трибунала нет. Тем не менее сейчас он известен как «святое дитя из Ла-Гуардии». Хотя никаких доказательств по этому делу собрано не было, 16 ноября 1491 года восемь осужденных — без доказательств, но по решению суда! — были сожжены.

Таких примеров жесточайшего преследования евреев в истории Испании множество. Тем не менее не только и не столько народная ненависть послужила причиной изгнания евреев из королевства Изабеллы и Фердинанда. Историки убедительно доказали, что решающее значение в появлении «антисемитского» указа имели интересы централизованного государства, для создания и укрепления которого была необходима единая религия.

Вполне вероятно, что королевская чета была искренне убеждена, что для того, чтобы евреи приняли христианскую веру, на них необходимо надавить и поставить перед выбором: либо они принимают новую веру, либо высылаются из страны.

Евреи же, убежденные в том, что для устранения этой опасности достаточно предложить денег Фердинанду, обязались: пожертвовать 30 тысяч дукатов на расходы, связанные с гранадской войной, которая в ту пору разгоралась; ничем не беспокоить правительства; подчиняться касающимся их правилам и проживать в кварталах, отделенных от христианских районов; до ночи возвращаться домой и отказаться от исполнения некоторых профессий, предоставленных исключительно христианам. Фердинанд и Изабелла были не прочь внять этому предложению, ибо деньги им были нужны.

Торквемада, узнав о намерении евреев, явился к царственной чете с распятием в руках, бросил крест на

стол и воскликнул: «Иуда продал Сына Божия за тридцать сребреников, ваши величества, быть может, хотят продать Его за тридцать тысяч. Он здесь. Вот Он, возьмите и, если хотите, продайте!..»*

Легенда гласит, что поступок Торквемады изменил образ мыслей Фердинанда и Изабеллы, и 31 марта 1492 года они издали декрет, согласно которому все евреи, мужчины и женщины, обязаны были под страхом смерти и потери своего имущества до 31 июля того же года покинуть Испанию. Те же кары грозили всем христианам, скрывающим у себя в доме евреев после означенного срока. Изгнанникам разрешалось продавать свое имущество, увозить с собой мебель и другие вещи, за исключением золота и серебра, взамен которых они могли брать векселя или какие-нибудь незапрещенные товары.

Тем не менее известно, что еще в декабре 1491 года, то есть всего за три месяца до указа, был опубликован план обложения евреев налогами на 1492—1494 годы! Это говорит о том, что королевская чета действительно не верила в возможность исхода еврейского народа из Испании.

И все-таки евреи предпочли оставить Иберийский полуостров. Всего Испанию покинули около восьмисот тысяч евреев. Путь их к морским гаваням, где их ждали зафрахтованные еврейскими общинами суда, был исполнен мук и страданий. Историк того времени Андрес Бернальдес, известный антиеврейскими настроениями, писал: «Они шли потоком — взрослые и дети. Одни шли пешком, другие ехали верхом на лошадях или ослах, третьи — в повозках... Они падали и поднимались, умирали и рожали, теряли сознание и слабели от болезней. Они распевали гимны, подбадривая друг друга».

Но и в новых землях евреев не ждала лучшая участь. Почти всюду, где бы ни укрывались изгнанники, они наталкивались на других преследователей, которые отнимали у них то малое, что им удалось спасти. В 1496 году королевским указом евреи были изгнаны из Португалии, а в 1499-м — из Наварры.

* Барро М. В. Торквемада. Его жизнь и деятельность в связи с историей инквизиции. СПб., 1893. С. 56.

Фердинанд и Изабелла, реорганизовавшие инквизицию в Испании и изгнавшие евреев, заслужили за это дарованное им папой звание Католических королей. Невиданное варварство — изгонять народы и даровать за это почетные звания. Но так было. И лишь в 1992 году — в год пятисотлетия исхода евреев из страны — король Испании Хуан Карлос признал изгнание иудеев исторической ошибкой и принес извинения еврейскому народу. Вот такой король действительно заслуживает самого почетного звания!

Еще ранее, в 1965 году, II Ватиканский собор полностью снял вину с еврейского народа за гибель Иисуса Христа и заявил, что «христианского проклятия евреев», на которое ссылаются антисемиты, никогда не существовало. Собор попросил прощения у евреев за зло, причиненное им христианами за все прошедшие века, в том числе и за преследования инквизиции.

Но вернемся в XV век. В Европе торжествующая Церковь нигде не оставляла иудеев в покое, а в Африке мавры вспарывали животы еврейским женщинам, чтобы отобрать те драгоценности, которые они, как думали арабы, проглотив, пытались вывезти из страны.

Но и в Испании оставшиеся крещеные евреи не были в безопасности. Торквемада, добившись изгнания некрещеных евреев и принятия в 1487 году от Иннокентия VIII буллы, которая повелевала всем европейским государствам арестовывать по первому указанию Великого инквизитора беглецов, дошел до того, что стал предавать суду даже самих епископов. Среди намеченных им жертв находились епископы из Сеговии и Калахарры, преступление которых заключалось в том, что они были выходцами из евреев. Папа немедленно напомнил ретивому инквизитору, что в одной из статей старых законов, одобренных папой Бонифацием VIII, запрещалось чинить допрос епископам, архиепископам и кардиналам, не имея на то особого разрешения папы. Вследствие этого папа повелел посылать все документы «епископского» дела в Рим, на вынесение решения Ватиканом. Тем не менее Торквемада все-таки убедил папу в ереси арестованных епископов, и их заточили в тюрьму и лишили духовного звания. В тюрьме оба несчастных умерли.

Вскоре после учреждения «новой инквизиции» Торквемада сделал для себя вывод, что арестовать человека и сжечь его — недостаточно. Необходимо лишить оставшихся «на воле» людей возможности мыслить, отказать им в доступе к знаниям. И он решил ввести еще более строгую цензуру на книги. Собственно, он не придумал ничего нового, ибо в стране уже давно существовала комиссия, состоявшая из епископов и правителей канцелярий, наблюдавшая за печатанием и продажей книг. Торквемада лишь активизировал ее деятельность.

Он довел цензуру до абсурда. Книги просто отправляли на костер. И вновь у нас возникает параллель с фашистской Германией, где в огне гибли тысячи книг. В 1490 году в Саламанке были сожжены шесть иудейских Библий. Вскоре после этого еще шесть тысяч томов погребло в огне под предлогом, что они были «заражены заблуждениями иудаизма или пропитаны колдовством, магией, волшебством и другими суевериями». Та же участь постигла и библиотеку принца Генриха Арагонского.

Вполне понятно, что такой человек, как Торквемада, умный и хитрый и одновременно жестокий и кровожадный, не мог вызывать любви и даже уважения. На Торквемаду много раз жаловались — в том числе и папе. Папа Александр VI, утомленный постоянными жалобами, хотел было несколько ослабить его права, но затем, вынужденный считаться с мнением Изабеллы и Фердинанда, изменил свое решение и лишь назначил четырех епископов, которым поручил вместе с Торквемадой разбирать дела еретиков.

Но вплоть до смерти Великий инквизитор продолжал оставаться «полным господином» в Испании и делал то, что считал нужным.

Преследование мавров-морисков

Смерть Торквемады ничего не изменила в работе инквизиции. Его преемник, доминиканец Диего Деса, утвержденный в своей должности папской буллой от 1 декабря 1498 года, ни на волос не ослабил преследований. Наоборот, он даже издал ряд новых распоряжений,

долженствовавших оживить деятельность инквизиции, и, вероятно, превзошел бы даже самого Торквемаду, если это оказалось бы возможным.

Им было выработано также несколько новых статей о порядке конфискации имущества — обогащение всегда составляло предмет неусыпных забот испанских королей и их инквизиторов.

Он предложил введение инквизиции на Сицилии и в Неаполе и добился того, что оба эти королевства были изъяты из юрисдикции Рима и подчинены власти Великого инквизитора в Испании.

Сицилия оказала сопротивление, и испанским войскам долгие годы пришлось бороться с поднявшим оружие населением. Покоренные сицилийцы восстали еще раз в 1516 году, освободили всех узников и изгнали инквизиторов. Но вскоре Сицилия вновь подпала под ненавистное иго доминиканских монахов, подавленная могуществом императора Карла V.

Неаполитанскому королевству повезло больше, там сопротивление учреждению инквизиции увенчалось успехом. Фердинанд V принужден был уступить и просил только в виде компенсации, чтобы неаполитанцы согласились на изгнание из своей страны всех «новых христиан» — марранов, бежавших из Испании и укрывшихся в Неаполе. Даже в этой просьбе ему было отказано, и марраны остались на юге Италии.

Деса искупил это поражение тем, что получил от короля разрешение на учреждение инквизиции в Гранадском королевстве.

Но, прежде чем мы продолжим рассказ об инквизиции, поговорим немного о положении мавров на Иберийском полуострове, где на протяжении многих веков возникло несколько районов компактного проживания арабского населения. Это прежде всего Арагон, Каталония и Валенсийское королевство в долине реки Эбро и ее притоков вплоть до Средиземного моря на юге и горных районов — на севере. К 1500 году на этих территориях проживало около 130 тысяч арабов, общими языками которых были испано-кастильский и каталанский. Другим районом «скопления» мавров было Гранадское королевство, которое в 1492 году завоевали испанцы.

Изгнание евреев из Испании, последовавшее через несколько месяцев после капитуляции Гранады, пробудило в инквизиторах желание добиться полного единоверия в стране и заставило их «взяться» за арабов. Это противоречило формальным обещаниям, данным маврам, которым было клятвенно подтверждено при покорении Гранады, являвшейся их последним убежищем в Испании, что они не будут подчинены надзору инквизиции. «Ревнители веры» вновь нарушили данную клятву.

С 1497 года кардинал Гранадский Хименес де Сиснерос, позднее ставший Великим инквизитором, начинает кампанию по обращению мавров в христианство. Но арабы не спешили менять свою веру и отказываться от религии отцов. Поэтому два года спустя Сиснерос просит у Католических королей Фердинанда и Изабеллы разрешение на применение самых строгих мер для крещения мавров. Такое разрешение благочестивые государи немедленно дали. И в стране началось массовое и насильственное крещение арабов.

Жесткие меры не могли не вызвать сопротивления со стороны гордого народа — и в Гранаде вспыхивают восстания. Но что могла сделать кучка мавров против многотысячных войск Испанской короны? Конечно, восстания были подавлены, и к 1501 году арабское население Гранады стало полностью католическим.

В 1502 году появляется королевский указ, по которому всем некрещеным маврам предписывалось в трехмесячный срок покинуть Испанское королевство. Большинство мавров предпочло креститься, нежели покинуть страну, но как для них, так и для евреев крещение не послужило действительной гарантией от преследований инквизиции. Все провинции Испании, где проживали мавры, сделались театром непрекращающейся гражданской войны. Восстания вспыхивали одно за другим, и кровь лилась рекой.

Оставшихся в Испании мавров, насильственно принявших католичество, стали называть морисками (от латинского слова «того» — мавр).

Испанский король и германский император Карл V, надо отдать ему справедливость, вступил на престол с намерением, внушенным ему воспитателем Вильгель-

мом де Круа и канцлером Сельваджио, уничтожить инквизицию или по крайней мере реорганизовать ее согласно требованиям естественного права. Поэтому он с благосклонностью принял петиции, адресованные ему единогласно кортесами Кастилии, Арагона и Каталонии в 1518 году. К несчастью, Сельваджио, на которого возложено было составление нового кодекса инквизиции, умер, а Великий инквизитор Адриан, ставший впоследствии папой, сумел так повлиять на короля, что постепенно сделал из него страстного покровителя инквизиции. Тогда начался период интриг перед Римской курией, волновавших всю Испанию в течение двух лет.

Папа Лев X, бывший тогда в ссоре с инквизицией за допущение восстаний и народных волнений, был склонен поддержать мавров Арагона, взбунтовавшихся против власти Карла V. Он издал грамоты, коими все инквизиторы отрешались от должностей, а на епископов и состоящие при них советы возлагалась обязанность избрания новых кандидатов. Однако в намерения папы не входило прекращение преследований, обусловленных нетерпимостью католицизма, и он не мог допустить свободу совести и мысли. Речь шла лишь об изменении в некоторых деталях методов «психологического» угнетения.

Инквизиторы отказались повиноваться папе, а Карл V послал в Рим специального посла с поручением добиться отмены папских грамот. Папа приостановил приведение в исполнение своих решений, но не отменил их. Булла о реформе не обрела силу, и инквизиция продолжала свое дело.

В то время как изложенные события происходили в Арагоне, Кастилия восстала против инквизиции; во главе восстания встали епископ Замара и несколько священников. Восстание было подавлено, а епископ казнен.

Великий инквизитор Адриан, выделявшийся своим рвением в уничтожении еретиков, после смерти Льва X был избран папой и вступил на престол в 1522 году под именем Климента VII. С его благословения в 1525 году Карл V потребовал, чтобы христианизация всех арабов бывших королевств Арагона и Валенсии была завершена в максимально короткие сроки. И в 1527 году он с радостью пишет папе о том, что ислам полностью изгнан

из Испании, но при этом добавляет, что крещение для многих мавров не было добровольным и что многие из новых христиан — морисков — не очень хорошо понимают католичество.

Справедливости ради необходимо отметить, что среди духовенства Испании были и истинные гуманисты-просветители. К их числу относится епископ Антонио де Гевара, который стремился приобщить к новой вере мавров не только формально. Однако эти попытки «евангелизации» арабов успехов не имели.

И с середины 1520-х годов за дело искоренения ереси среди морисков берется инквизиция. В 1529 году в Гранаде происходит первое аутодафе, на котором были сожжены первые три мориска.

Особо отличился во времена преследования мавров инквизитор Родригес де Герреро. Основным его свойством была необыкновенная жестокость, благодаря которой он получил прозвище Сумрачный. В 1566 году он подал королю Филиппу II меморандум с перечнем отступлений от веры со стороны морисков.

Филипп поручил рассмотрение этого вопроса особому совету под председательством Великого инквизитора Эспинозы. Было решено единогласно прибегнуть к огню и мечу и восстановить действие декрета, изданного Карлом V в 1526 году, но оставшегося без применения. В нем морискам строго воспрещалось говорить и писать на арабском языке как публично, так и у себя дома, им предписывалось выдать свои арабские книги для сожжения, отказаться от всех обрядов, костюмов, имен и обычаев мавританского происхождения, равно как от пользования горячими банями. Свадьбы у мавров должны были с этого момента совершаться публично по христианскому обряду, причем двери дома, где совершалось бракосочетание, должны были целый день оставаться открытыми, чтобы каждый мог убедиться в том, что там не совершается чего-либо запрещенного. Мавританские женщины должны ходить по улицам с открытыми лицами.

Подобный декрет, который был провозглашен с большой торжественностью на площади Гранады особым герольдом при звуке труб и барабанов, мог только

вызвать последнее, самое страшное восстание. Мавры слушали чтение этого распоряжения со слезами стыда и бешенства. Ужас, отвращение и негодование овладели их сердцами.

Восстание вспыхнуло бы немедленно, если бы мавры, живущие в городе, развращенные и изнеженные роскошью, не сдержали своих соотечественников, живущих в горах. Начались переговоры с королем, длившиеся целый год и оказавшиеся совершенно бесполезными. И в это же время были изданы новые королевские указы, в которых было предписано маврам отдавать своих детей от трех до пятнадцати лет на воспитание в христианские школы.

Мавры решили сопротивляться. Был составлен обширный заговор, охвативший все мавританское население; при этом достойно удивления, что тайна была сохранена целым народом в течение десяти месяцев, без единой измены, и ничто не возбудило подозрений христианских властей.

В Рождественский сочельник 1568 года был дан сигнал к восстанию. Ничего не подозревавшие христиане, отправившиеся на вечернюю торжественную службу в католические церкви, были зверски убиты. Мятеж не удался в Гранаде, но в горах все население единодушно взялось за оружие, и восстание в одну минуту перекинулось и распространилось к югу по всей долине Ксениля.

Повстанцы прежде всего избрали себе главу в лице Мулей-Мохаммеда, последнего потомка Омайядов, бывших эмиров Гранады. Он был провозглашен королем.

И вот началась ужасающая по своей жестокости война, война без пощады, без жалости, война, подогреваемая с обеих сторон религиозным фанатизмом. Христиане, рассеянные среди мавров, стали ее первыми жертвами.

Историки Испании пишут, что церкви, куда прятались люди, обреченные на истребление, не спасали их. Алтари были разграблены и залиты кровью церковных служителей. Паства из мавров, обращенных в католичество, собиралась вокруг священника, как в те дни, когда он властвовал над ней. Его заставляли вызывать

каждого бывшего прихожанина по очереди, тот подходил с напускным спокойствием и наносил ему удар или оскорбление; затем жертва переходила в руки палача, изощрявшегося над ней в жестокости под восторженные крики толпы. Наконец, искалеченное, но еще живое тело передавалось или женщинам, с наслаждением вонзавшим иглы в истерзанную жертву, или детям, забавлявшимся тем, что стреляли в него из лука. Если христиане спасались в башнях домов, стоявших отдельно в горах, то, пользуясь тем, что эти башни были деревянные, их поджигали, и христиане предпочитали сгореть в пламени, чем сдать мусульманам.

В одном монастыре все монахи были брошены в кипящее масло. Один мавр, связанный дружбой с христианином, сумел доказать ему свою дружбу только тем, что пронзил его собственноручно шпагой со словами: «Прими смерть от меня, друг, лучше тебе быть убитым мною, чем кем-нибудь другим». Истязания доходили до особой изуверской жестокости: жену насиловали на глазах мужа, дочь — на глазах матери, причем бесчестье не спасало от убийства. Три тысячи христиан погибли таким образом.

Подавление восстания было возложено на Лопеса де Мендоса маркиза де Мондехар, генерал-губернатора Андалусии. Это был искусный человек, и что было особенно редко в то время, человек гуманный; если бы он был хозяином положения, то восстание было бы скоро и успешно подавлено. Но человечность этого генерала возбудила негодование инквизиторов и советников Филиппа II.

Маркиз де Мондехар не допускал грабежей, насилия над пленными женщинами и избиения детей и стариков; деятельность его подверглась серьезной критике. Было решено, что всякий пленный мавр, будь то мужчина или женщина, как повстанец, обращается в рабство. Поэтому все пленные были проданы с публичных торгов.

Пленные женщины, отданные де Мондехаром на поруки в свои семьи, были потребованы обратно и выданы — с честностью, особенно, по мнению современников, бросавшейся в глаза в сравнении с вероломством,

неизменно сопровождавшим отношения христиан с неверными. Мавры поклялись, что выдадут женщин, отданных на поруки, и сдержали эту клятву. Все женщины были проданы в рабство вместе с остальной массой пленников.

Жалобы на гуманные действия де Мондехара приняли такие размеры, что он решил заткнуть рот тем, кто обвинял его в излишнем милосердии. Осадив какое-то укрепленное место, он приказал уничтожить все население этого пункта. Старики, женщины, дети — все были убиты. Но и этого оказалось мало, и де Мондехару назначили «помощника» — маркиза Лос-Велеса, человека жестокого и хладнокровного, прозванного маврами Дьяволом с железной головой. С этого времени все сражения превратились в ужасающие бои, и восстание мавров было подавлено.

Еще во время войны королем и инквизицией было принято решение об изгнании морисков с их родных земель, и в 1579 году 20 тысяч жителей долин Альпухарры были высланы в Кастилию. Не менее пятой части изгнанников умерло в пути от болезней и голода.

Инквизиция свирепствовала, приняв самые жестокие меры по истреблению морисков в 1580—1610 годах. Но и этого было мало — мавры должны были быть изгнаны с земель Испании. И в 1609 году король Филипп III подписал указ, по которому мавры обязывались покинуть Испанию в течение шести лет. Всего за эти годы из страны бежало около 275 тысяч человек.

Деятельность инквизиции в Испании достигла небывалого для других стран Европы размаха прежде всего потому, что только здесь священный трибунал подчинялся королевской власти — благодаря стараниям Католических королей. Жертвами «слуг Церкви» стали миллионы людей, среди которых были и еретики, и свободомыслящие деятели науки.

Инквизиция во времена Возрождения

Особенно тяжело пришлось инквизиции во времена Возрождения, ибо сама культура Ренессанса разрушала единоличное владычество Церкви над умами людей.

Эта культура учила человека верить в свои силы и обращаться к исследованию природы. Именно к эпохе Ренессанса относятся важнейшие открытия во всех областях науки.

Ренессанс возникает в XIV веке в Италии, а в других европейских странах — в конце XV века. В Испании формирование культуры Возрождения совпало по времени с падением Гранады и открытием Америки Христофором Колумбом, подъемом экономики страны и завоеванием вновь открытых территорий. Эти важные события подготовили в стране и расцвет новой культуры.

Но это не только время развития Ренессанса в Испании. Это еще и тяжелейший период преследования инквизицией инакомыслящих, что не могло не наложить отпечатка и на всю испанскую культуру.

Инквизиция старательно борется с малейшими проявлениями религиозного инакомыслия, в прямом смысле слова выжигая огнем появившийся в Испании протестантизм. Реформация проникла в Испанию в 1550 году. А через 20 лет от нее там не осталось и следа.

Первые зачатки протестантизма были занесены в Испанию Карлом V, который являлся не только королем Испании, но и германским императором. В рядах войска Карла V служило немало лютеран, которые не могли не рассказывать о своей вере братьям по оружию. Много дворян последовало за императором из Испании в Германию; там они слышали проповеди протестантских пасторов. Словом, новые знания так или иначе попадали в Испанию.

Кроме того, в страну стали приходить миссионеры и проповедовать протестантизм. Во многих городах даже появились общины людей, принявших новую веру. Ересь распространялась с поразительным успехом. Во многих провинциях — Леоне, Старой Кастилии, Логроно, Наварре, Арагоне, Мурсии, Гранаде, Валенсии — вскоре не было уже почти ни одной знатной фамилии, среди членов которой не оказалось бы людей, тайно принявших протестантство. Никогда еще испанский католицизм не был в такой опасности.

И инквизиция стала действовать — по всей стране

заполыхали костры, на которых сжигали людей только потому, что они посмели принять другую, хотя и христианскую, веру.

В 1557 году инквизиторам удалось арестовать бедного крестьянина из Севильи по имени Джулианило, что значит «Юлиан маленький». Юлиан действительно был очень мал ростом. «Маленький, да удаленький», ибо в бочках с двойным дном, наполненных французским вином, он несколько лет успешно провозил Библии и другие лютеранские богословские книги на испанском языке. Джулианило был выдан кузнецом, которому он дал Новый Завет. Может быть, ему и удалось бы спасти свою жизнь, если бы он выдал своих сообщников и единоверцев, но он был непоколебим.

Тогда между узником и его судьями началась борьба, не имеющая себе равных в анналах истории инквизиции. Сведения об этом мы находим в книгах исследователей того времени. В течение трех лет к несчастному тщетно применялись самые утонченные пытки. Обвиняемому едва давалось время передохнуть между двумя истязаниями. Но Джулианило не сдавался и в ответ на бессильную ярость инквизиторов, которым не удавалось вырвать у него признаний, распевал хулительные песни о католической церкви и ее служителях. Когда после пытки его, обессиленного и окровавленного, несли в камеру, то в коридорах тюрьмы он с торжеством пел народную песню:

Побеждена монахов клика злая!
Изгнанию подлежит вся волчья стая!

Инквизиторы были столь напуганы мужеством маленького протестанта, что на аутодафе его, совершенно искалеченного пытками, несли с завязанным ртом. Но Джулианило и тут не унывал и ободрял сочувствующих ему жестами и взглядами. У костра же он встал на колени и поцеловал землю, на которой ему суждено было соединиться с Господом.

Когда же его привязали к столбу, то сняли повязку со рта, чтобы дать возможность отречься от своей веры. Но он воспользовался этим именно для того, чтобы громко исповедовать свою религию. Вскоре костер

запылал, но твердость мученика не оставила его ни на минуту, так что стражники пришли в ярость, видя, как человек крошечного роста бросает вызов великой инквизиции, и закололи его копьями, избавив тем самым от последних мучений.

Тем временем римский папа Павел IV и испанский король Филипп II пытались разжечь остывшее было рвение инквизиторов. В папской булле от 1558 года предписывалось преследовать еретиков, «кто бы они ни были, герцоги, князья, короли или императоры». Королевским эдиктом от того же года приговаривались к сожжению на костре все, кто будет продавать, покупать или читать запрещенные книги.

Даже сам Карл V, уже ушедший в монастырь, накануне смерти нашел в себе силы прервать молчание, с тем чтобы рекомендовать бдительность и требовать применения самых крутых мер. Он угрожал встать из своей добровольной преждевременной могилы, чтобы лично принять участие в борьбе со злом.

Инквизиция вняла призывам своих руководителей, и был назначен день истребления протестантов, но до последней минуты план держался в тайне. В один и тот же день в Севилье, Вальядолиде и других городах Испании, в которые проникла ересь, все заподозренные в лютеранстве были захвачены. Только в Севилье 800 человек было арестовано в один день. Камер в тюрьмах не хватило, арестованных пришлось помещать в монастырях и даже в частных домах. Многие оставшиеся на свободе пожелали сами предаться в руки трибунала, чтобы заслужить снисхождение. Ибо было понятно, что инквизиция в очередной раз одержала победу.

Подобная же кровавая расправа с гугенотами-протестантами была учинена католиками несколько лет спустя во Франции, в Париже, в ночь на 24 августа 1572 года, когда отмечался праздник святого Варфоломея. По имени этого святого истребление гугенотов получило название Варфоломеевской ночи. Организаторами бойни во Франции стали королева-мать Екатерина Медичи и руководители католической партии Гизы. Они хотели уничтожить главарей протестантов

и использовали для этого удобный предлог — свадьбу лидера протестантов Генриха Наваррского, на которую съехались многие его сподвижники. В результате резни, продолжавшейся по всей Франции в течение нескольких недель, было убито около тридцати тысяч человек!

Но вернемся в Испанию. В период с 1560 по 1570 год устраивалось минимум по одному аутодафе ежегодно в каждой из двенадцати провинций Испании, находившихся в ведении инквизиции, то есть всего не менее 120 аутодафе исключительно для протестантов. Таким образом Испания избавилась от тлетворной ереси Лютера.

Однако, хотя протестантизм и был выжжен каленым железом, в XVI веке появилась оппозиция католицизму — прежде всего движение так называемых «иллюминатов» — «просвещенных». Они искренне считали себя истинными католиками, но стремились утвердить приоритет личности в познании Бога. Официальной католической церкви, которая отрицала значение личности в истории и религии, новая доктрина не понравилась, и в 1524 году большинство иллюминатов было сожжено на костре.

Гораздо большее распространение в Испании получили идеи Эразма Роттердамского, выдающегося деятеля Северного Возрождения, гуманиста, мыслителя и писателя. Будучи католиком, он осуждал алчность, распущенность и необразованность большинства католических священников и требовал возврата к простоте ранней христианской церкви, то есть отказа от пышного культа, богатого украшения церквей, призывал к истинно добродетельной жизни, основанной на идеалах милосердия и сострадания. Но почти всех последователей Эразма в Испании ждал костер.

Произведения самого Эразма Роттердамского находились в Испании под строгим запретом. Книги и Эразма, и других великих писателей подвергались строгой цензуре инквизиции. Даже знаменитого испанского драматурга Лопе де Вега (1562—1635) «ревнители веры» не оставляли без внимания, его пьесы не раз подверга-

лись кройке инквизиторскими ножницами, а иногда вообще снимались с постановки.

Контроль осуществлялся католической церковью почти во всех областях искусства, в том числе и в живописи. Церковь была основным заказчиком произведений искусства. И одновременно ею же вводились запреты на некоторые сюжеты и темы. Так, было запрещено изображение обнаженного человеческого тела — кроме изображения Иисуса Христа на кресте и херувимов. От преследования инквизиции не спасал и талант. Так, когда великий художник Веласкес изобразил обнаженную Венеру, его спас от «ревнителей веры» только сам король Испании, который ценил Веласкеса как прекрасного портретиста. И у не менее великого и известного Франсиско Гойи неизвестно как сложилась бы судьба, если бы не влиятельные покровители при дворе. Ему после написания картины «Маха обнаженная», которая сейчас известна каждому образованному человеку, грозил костер инквизиции. И угроза казалась реальной — в 1810 году в Испании сожгли 11 человек по обвинению в ведовстве.

Да-да, инквизиция на Пиренеях свирепствовала еще и в XIX веке, продолжая истреблять людей. На протяжении многих веков она господствовала в Испании, осуществляя свое правление по единой схеме «донос — следствие — пытки — тюрьма — приговор — аутодафе». Сменялись века, начинались и заканчивались войны, открывались новые земли, писались книги и картины, люди рождались и умирали, а инквизиция всё правила свой кровавый бал.

Общий итог жертв инквизиции в Испании за период с 1481 по 1826 год составляет около 350 тысяч человек, не считая тех, кто был приговорен к тюремному заключению, к каторжным работам и изгнанию.

Но в последние 60 лет своего существования инквизиция осуществляла преимущественно цензуру, так что Гойю вряд ли отправили бы на костер, хотя, как и многим другим деятелям культуры того времени, ему грозила кратковременная ссылка в католический монастырь, высылка из крупных городов в провинцию или многодневное церковное покаяние.

Смерть пришла к инквизиции во многом благодаря Наполеону, который в 1808 году в результате интриг и военных действий добился воцарения в Испании своего брата Жозефа. На стороне Наполеона оказались не только чиновники, аристократия и духовенство, недовольные гнетом инквизиции, но и многие деятели испанской культуры, которые преклонялись перед французской литературой и искусством эпохи Просвещения.

Четвертого декабря 1808 года, через несколько месяцев после прибытия в Мадрид, новый испанский король опубликовал указ об упразднении инквизиции, конфискации ее имущества и уничтожении архивов. В 1809 году роскошный мадридский дворец инквизиции был взят штурмом и разграблен отрядом польских улан, служивших во французских войсках. Тем не менее дальше этого захвата дело не пошло — в провинциях Испании сражались патриоты, которые боролись за освобождение своей родины от французских оккупантов под знаменами «святой религии». Поэтому, когда в освобожденную от французов страну в 1814 году вернулся король Испании Фердинанд VII, его немедленно прозвали «Желанным». Но «желанный» монарх оказался злобным и не очень умным. В том же году он отменил принятые ранее законы и конституцию 1812 года и восстановил инквизицию. Но вновь обретшая власть инквизиция не могла уже вернуть утраченных позиций — слишком сильным оказался нанесенный ей удар.

В первый день 1820 года испанский офицер Рафаэль дель Риго поднял восстание экспедиционного корпуса, который направлялся для подавления национально-освободительного движения в испанских колониях. Через несколько месяцев он во главе восставших был уже в Мадриде. Король испугался и восстановил конституцию, а инквизицию отменил.

Революция победила, и ее руководители оставались у власти на протяжении трех лет. Но в 1823 году по решению Священного союза, созданного за несколько лет до этого главами России, Пруссии и Австрии, в Ис-

панию вступили французские оккупационные войска и задушили революцию. Риго был повешен, инквизиция восстановлена, на престоле в очередной раз воссел Фердинанд.

Инквизиция, которую то упраздняли, то вновь учреждали, стала действовать в Испании намного осторожнее, но в 1826 году «не сдержалась» и потребовала крови очередной своей жертвы. Ею стал Каetano Риполь. В молодости он был священником, но после вступления в страну армии Наполеона отказался от сана и стал сражаться против оккупантов. Он попал в плен, был этапирован во Францию, где провел долгие годы. Именно в плену он и увлекся просветительскими идеями французского писателя и философа Жан Жака Руссо.

После возвращения в Испанию Риполь занялся педагогической деятельностью, используя в своей работе новые методы воспитания детей, о которых прочитал в книге Ж. Ж. Руссо «Эмил, или О воспитании». В частности, он проповедовал скептическое отношение к догмам католицизма.

Этого инквизиция стерпеть не смогла, и в 1824 году Риполь был арестован, осужден как «упорствующий еретик» и передан светским властям, что когда-то означало смерть на костре. Однако в XIX веке подобное варварство было уже немыслимо, и Риполя повесили, а затем мертвого вместо гроба положили в мусорный ящик с нарисованными на нем языками пламени и так похоронили за пределами церковной ограды.

В мире подобное изуверство немедленно вызвало гневный отклик. О судьбе Риполя написали все газеты Европы.

Инквизиция сама подписала себе приговор. Даже король Фердинанд понял, что свершилось непоправимое — и заявил о своей непричастности к суду инквизиции, а затем приостановил деятельность этой организации. Однако полностью инквизиция была упразднена лишь в 1834 году, уже после смерти короля, его молодой вдовой Марией-Кристиной.

Но конец европейской инквизиции пришел еще позднее — уже в XX веке, когда в 1908 году была упразднена «Римская и всеобщая инквизиция». Однако и тогда эта

необыкновенно живучая, как некая мифическая гидра, организация вновь перевоплотилась в «Священную конгрегацию Святой канцелярии», которая по-прежнему оставалась верховным церковным судом и боролась со всякими проявлениями ереси. Вплоть до 1965 года — подумать только! — Священная конгрегация выпускала индекс книг, подлежащих запрету по рекомендациям римского папы.

Конгрегация существует и в наши дни, хотя принципы ее деятельности и подверглись некоторым изменениям. Тем не менее в 1988 году ею, например, был отлучен от Церкви французский архиепископ Марсель Лефевр, который отказался признать либеральные реформы, осуществляемые Ватиканом.

Католическая церковь в последние годы неоднократно просила прощения у народов и отдельных лиц по разным поводам, в том числе и за деяния инквизиции. Папа Иоанн Павел II просил прощения за благословение католической церковью Крестовых походов и Религиозных войн, за Варфоломеевскую ночь 1572 года, когда во Франции была осуществлена массовая резня протестантов-гугенотов, за разгул инквизиции.

Однако в деле инквизиции мало попросить прощения. Мы должны хорошо знать историю «священного суда» и постараться осмыслить ее опыт, ибо в XX веке было немало попыток взять на вооружение методы инквизиции в утверждении единомыслия. Так было во франкистской Испании, в фашистской Италии и нацистской Германии и, конечно, в нашей стране — например во времена диктатуры Сталина.

Изучение истории — и прежде всего истории инквизиции — поможет странам и людям избежать новых страшных диктатур и миллионов кровавых жертв.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Говоря об инквизиции, мы всегда подразумеваем судебный институт католической церкви. Однако многие ученые высказывают предположение, что и православная церковь использовала инквизиционные методы расправы с теми, кто выступал против ее официальной линии.

Существует и версия о возникновении православной инквизиции еще при Петре I.

«Петр I, — читаем в журнале «Русский вестник» в 1891 году, — создал у нас инквизицию и инквизиторов, и нет возможности отрицать, что всё гражданское и церковное управление при нем и долгое время после него было проникнуто инквизиционным настроением».

В 1898 году В. Г. Короленко в статье «Об инквизиции», написанной для журнала «Русское богатство», говоря об изуверстве и религиозном фанатизме, разжигавшемся церковными инквизиторами-католиками в городе Ковно, пытался разоблачить деятельность и православных инквизиторов в царской России. Однако статья эта была запрещена цензурой.

Подробно вопрос о православной инквизиции в России разбирается в одноименной книге советского историка Е. Ф. Грекулова.

Мы же в приложении даем не менее интересную работу известного русского юриста Якова Абрамовича Канторовича (1859—1925), посвященную преследованиям ведьм на Руси.

Я. Канторович

*Колдовство в России**

История колдовства в России резко отличается от истории колдовства в Западной Европе.

Разнообразие элементов, наполнявших религиозную жизнь и питавших религиозную мысль на Западе — вся обстановка католицизма с ее папством, инквизицией, теологиею, с ее догмой греха и искушения, с ее таинственными сводами и мрачными оградами монастырей и соборов, с искусством, отдавшим себя на служение религиозным сюжетам, — все это вызывало разнообразие и яркость представлений о Сатане, его власти на земле и его похождениях среди людей. Кроме того, Западная Европа наследовала богатый материал для де-

* Данная статья, рассказывающая о ведовстве в России, взята из книги Я. А. Канторовича «Средневековые процессы о ведьмах» (СПб., 1896).

монологии и от классического мира, на котором возникла цивилизация Запада, и от язычества, которое со всеми своими богами, сошедшими на землю и вступившими в борьбу с началами добра и света, с водворением христианства послужило основанием демонологических понятий и сатанинского культа.

Совсем другое мы видим на Руси. И на Руси были распространены представления о дьяволе и о борьбе с ним. Но благодаря простоте внутреннего содержания Восточной церкви, однообразию форм ее внешнего строя, слабому развитию философско-теологической литературы, бледности красок и однообразию жизненных элементов в складе древнерусской жизни — представления о дьяволе остались в бледных зачатках и в самых слабых очертаниях и не могли развиваться в ту стройную систему демонологических учений, какую мы видим на Западе.

«Древнейшие сказания, — говорит Ф. И. Буслаев, — распространены на Руси, как национального, так и византийского происхождения, изображают беса в самых общих чертах, придавая ему только одно отвлеченное значение зла и греха. Фантазия, скованная догматом, боязливо касается этой опасной личности и, упомянув о ней вскользь, старается очистить себя молитвой. Самые изображения бесов в русских миниатюрах до XVII века однообразны, скудны, не занимательны и сделаны как бы в том намерении, чтобы не интересовать зрителя»*.

Восточная церковь не считала своей задачей борьбу с дьяволом и не посвящала себя этой борьбе, как служению Богу. Поэтому и в народе не была выработана вера в организованный демонический культ, и народным воззрениям были совершенно чужды те демонологические понятия, которые вызывали на Западе жестокое преследование колдовства. Как справедливо замечает В. Б. Антонович, «народный взгляд, допуская возможность чародейного, таинственного влияния на бытовые, повседневные обстоятельства жизни, не искал начала этих влияний в сношениях со злым духом; демонология не только не была развита, как свод стройно развитой системы представлений, но до самого конца XVIII столетия, насколько можно судить по процессам, совсем не существовала в народном воображении, даже в виде неясного зародыша. Народный взгляд на чародейство был не демонологический, а исключительно пантеистический. Допуская существование в природе законов и сил, неведомых массе людей, народ полагал, что многие из этих законов известны личностям, тем или другим образом успевшим проникнуть или узнать их»**.

* Буслаев Ф. И. Бес. СПб., 1881.

** Антонович В. Б. Колдовство // Труды этнографической статистической экспедиции в Западный русский край. 1872. Т. 1.

Само по себе обладание тайною природы не представлялось, таким образом, делом греховным, противным учению религии. Поэтому преследование колдовства и ведьм не имело у нас того жестокого фанатического характера, какой приняты процессы о колдовстве на Западе.

Производившиеся у нас процессы по обвинению в колдовстве не имели ничего общего с процессами западными. Эти были большею частью обыкновенные гражданские иски, возбуждавшиеся против тех или других лиц (преимущественно женщин), обвиняемых в причинении вреда посредством колдовства. Колдовство, таким образом, играло лишь роль орудия для нанесения вреда другому, и вина обвиняемых вытекала не из греховного начала колдовства, а измерялась экономическим началом — степенью и количеством нанесенного ущерба.

Никаких религиозных или иных причин для преследования колдовства в народном сознании не было. Дьявольская сила преследовалась не за свою греховность, а за то, что ею пользовались для нанесения вреда. Народ смотрел на колдунов, как на силу, умеющую вредить, и защищал себя от колдовского вреда или мстил за причиненный вред. Судьи принимали к своему решению дела о колдовстве как частные случаи и были чужды каких-либо фанатических представлений о необходимости искоренения колдовства во имя каких-либо общих демонологических понятий. Поэтому у нас не было систематизированного преследования ведьм, как на Западе; не было выработано никаких исключительных судопроизводственных порядков по делам о колдовстве, не было специальных законов о преступлениях колдовства, обвиняемые не пытались, не сжигались на костре. Дела оканчивались обыкновенно вознаграждением потерпевшего или уплатою штрафа в пользу Церкви, церковною епитимьей или очистительною присягою.

Ниже мы приведем некоторые процессы по обвинению в колдовстве, относящиеся к прошлому столетию, а теперь обратимся к историческому очерку развития колдовства в России. Из него мы увидим, что, несмотря на слабое развитие демонологических понятий, Россия тем не менее также заплатила тяжелую дань суеверию колдовства.

Чародейство известно в России в самый древний период. В летописях находим много рассказов о волхвах. Под 1024 годом рассказывается, что из Суздаля вышли волхвы и стали избивать «старую чадь», то есть стариков и старух, говоря, что они портят урожай. Князь Ярослав велел схватить волхвов и иных из них прогнать, других предать смерти, говоря: «Бог наводит по грехом на землю голодом или мором, ли ведром, ли иною казнью, а человек не весть ничтоже». Во время голода в Ростовской земле в 1071 году пришли туда из Ярославля

два волхва и стали преследовать женщин: мучить их, грабить и убивать — за то, что будто бы виновны в этом народном несчастье. Обыкновенно придя в какой-либо погост, они называли лучших жен, то есть более зажиточных женщин, и утверждали, что одни из них задерживают жито, другие медь, третьи рыбу или кожи; жители приводили к ним своих сестер, матерей и жен; волхвы же, прорезавши у них за плечами кожу, вынимали оттуда жито, рыбу и т. д. и затем убивали несчастных, присваивая себе их имущество.

Отсюда волхвы пошли в Белоозеро в сопровождении большой толпы народа, их последователей. Через некоторое время сюда пришел Ян, сын Вышаты, для сбора дани от имени своего князя Святослава. Белоозерцы рассказали ему, что волхвы тут убили много женщин. Ян вступил с волхвами и их последователями в борьбу, дело дошло до сечи, которая кончилась гибелью волхвов. При князе Глебе явился в Новгород волхв, который «многы прелсти, мало не всего града»; он хулил христианскую веру и хвалился, что перейдет перед глазами всех через Волхов. «И быст мятежь в граде, и вей яша ему веру и хотяху погубити епископа»; последний, взявши в руки крест, пригласил всех верующих стать возле него: «и разделившася на двое: князь бо Глеб и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва». Дело кончилось тем, что князь Глеб убил волхва топором, а люди разошлись; «он же, — прибавляет летописец о волхве, — погыбе телом и душею, предавсѧ дѣволу».

В Киеве в 1071 году явился какой-то волхв, который предсказывал страшные вещи: «яко на пятое лето Днепру потеши вспять и землям преступати на ина места, яко стати гречьской земле на руской, а руской на гречьской и прочим землям изменитися». Невежды, по словам летописца, слушали его, а «верные» смеялись над ним, говоря: «бес тобою играет на пагубу тебе». По этому поводу летописец прибавляет от себя: «беси бо подѣтокше на зло вводят, по семь же насмисаються, ввергыше и в пропасть смертную, научивше глаголати, яко же се скажем бесовское наущение и действо».

В древнерусских памятниках литературы находим весьма много указаний, в которых выразилась церковная точка зрения на существование злой силы в виде дьявола и его слуг — чародеев. Волшебство, чары, волхование представлялись как реально существующие явления и порицались Церковью, как грех. Дела о чародействе находились в ведении духовенства, которому была предоставлена юрисдикция этих дел. В «Церковном Уставе» святого Владимира имеется на этот счет указание, также в «Правиле» митрополита Иоанна II (1080—1089) и в «Уставе белечском» митрополита Георгия (XII в.). Из этих постановлений видно, что первоначально духовная власть смотрела весьма мягко на преступления колдовства и

не требовала наказания греха чародейства смертью. По крайней мере до конца XII века чародейство не встречает строгого преследования со стороны духовного суда и воззрения нашего духовенства на чародеев отличаются весьма мягким гуманным характером.

Начиная с XVI века отношение к чародеям изменяется, становится строже как среди духовенства, так и среди народа. Отношение народа к чародеям выразилось между прочим в «Повести о волховании», написанной неизвестным автором для царя Иоанна Васильевича Грозного. В этой «Повести» доказывается необходимость строгих наказаний для чародеев и «в пример» выставляется один царь, который вместе с епископом «написать книги повеле и утверди и промять чародеяние и в всех заповеда после таких огнем пожечи». Это отношение к чародейству выразилось также в следующем народном предании (относящемся к царствованию Иоанна Грозного). «При царе Иване Васильевиче Грозном расплодилось на Русской земле множество всякой нечисти и безбожия; долго горевал благочестивый царь о гибели христианского народа и решился наконец для уменьшения зла уничтожить колдунов и ведьм. Разослал он гонцов по царству с грамотами, чтобы не таили православные и высылали спешно в Москву, если есть у кого ведьмы и переметчицы; по этому царскому наказу навезли со всех сторон старых баб и рассадили их по крепостям со строгим караулом, чтобы не ушли. Тогда царь приказал, чтобы всех их привели на площадь; собрались они в большом числе, стали в кучку, переглядываются и улыбаются; вышел сам царь на площадь и велел обложить всех ведьм соломой; когда навезли соломы и обложили кругом, он приказал запалить со всех сторон, чтобы уничтожить всякое колдовство на Руси на своих глазах. Охватило пламя ведьм, и они подняли визг, крик и мяуканье; поднялся густой черный столб дыма, и полетело из него множество сорок, одна за другою: все ведьмы обернулись в сорок, улетели и обманули царя в глаза. Разгневался тогда царь и послал им вслед проклятие: чтобы вам отныне и до веку оставаться сороками. Так все они и теперь летают сороками, питаются мясом и сырыми яйцами; до сих пор они боятся царского проклятия, и потому ни одна сорока не долетает до Москвы ближе 60 верст вокруг».

Как сильно было распространено в Московском царстве колдовство, показывает формула присяги, по которой клялись служилые люди в 1598 году в верности избранному на царство Борису Годунову: «ни в платье, ни в ином ни в чем лиха никакого не учинити и не испортити, ни зелья лихово, ни коренья не давати... да и людей своих с ведовством не посылати и ведунов не добывати на государское лихо... и наследу всяким ведовским мечтаньем не испортити и ведовством по

ветру никакого лиха не насилати... а кто такое ведовское дело похочет мыслити или делати... и того поймати...»

В архивах сохранилось множество ведовских дел, относящихся к XVI—XVII векам*. Почти все эти дела имеют характер государственных преступлений и касаются порчи кого-либо из членов царской фамилии и вообще посягательства колдовскими средствами на жизнь и здоровье государей. Очень часто к оговору в чародействе прибегали как к лучшему средству отделаться от противников в борьбе партий, вечно кипевшей вокруг царского трона. Немало людей было замучено по этим колдовским делам. Вот несколько из них, которые мы заимствуем у Забелина («Комета», 1851 г.).

В 1635 году одна из золотных мастериц царицы, Антонида Чашникова, выронила нечаянно у мастериц в палате, где они работали, платок, в котором был заверчен корень «неведомо какой». Этого было достаточно, чтобы возбудить подозрение. Донесли об этом государю. Государь повелел дьяку царицыной мастерской палаты Сурьянину Тараканову сыскати об этом накрепко. Дьяк начал розыск расспросом: «где мастерица Чашникова тот корень взяла или кто ей тот корень и для чего дал, и почему, она с ним ходит к государю и государыне в верх, то есть во дворец». На эти вопросы мастерица Чашникова отвечала, что «тот корень не лихой, а носит она его с собою от сердечные болезни, что сердцем больна». Дьяк снова со всякою пригрозой начал допрос словами: «если она про тот корень, какой он словет и где она его взяла и для чего дал и кто ей дал, подлинно не скажет и государю в том вины своей не принесет, то по царскому повелению ее будут пытать накрепко». Эти слова сильно подействовали на бедную женщину, она повинилась и сказала, что в первом расспросе не объявила про корень подлинно, блюдаясь от государя и от государыни опалы, но теперь все откроет. «Ходит де в царицыну слободу, в Кисловку, к государевым мастерицам жонка, зовут ее Танькою. И она этой жонке била челом, что до нее муж лих; и она ей дала тот корень, который она выронила; и велела ей тот корень положить на зеркальное стекло, да в то зеркало смотреться и до нее де будет муж добр. А живет та жонка на Задвиженской улице».

Дьяк тотчас велел сыскать женку Таньку. Когда посланные за нею дети боярские поставили ее к допросу, она сказала, что зовут ее Танькою, а мужа ее зовут Гришка-плотник и что отнюдь в Царицыну слободу, в Кисловку, ни к кому не ходит и золотной мастерицы Антониды Чашниковой не знает и иных никаких мастериц не знает. Поставили ее на очную ставку с Чашниковой и угрожали пытать накрепко и жечь огнем; но

* Интересующихся отсылаем к последней главе третьего тома книги Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу».

она продолжала отпираться. Дело было снова доложено государю, и он повелел окольному Василию Стрешневу и дьяку Сурьянину Тарakanову «ехать к пытке и про то дело сыскивать и мастерицу и жонку Таньку расспрашивать накрепко». Под пыткой мастерица и Танька все-таки не признались и повторили свои первые показания, между прочим Танька подтвердила, что она дала мастерице корень, который зовут обратим, вследствие просьбы ее, чтобы она ей сделала, чтобы ее муж любил. О судьбе этих женщин имеется в сыском деле следующее: «Сосланы в Казань за опалу, в ведовском деле, царицын сын боярский Григорий Чашников с женою, и велено ему в Казани делати недели и поденный корм ему указано давати против иных таких же опальных людей. Да в том же деле сосланы с Москвы на Чаронду Гриша-плотник с женою с Танькою, а велено им жить и кормиться на Чаронде, а к Москве их отпустить не велено, потому что та Гришина жена ведомая ведунья и с пытки сама на себя в ведовстве говорила».

Лет через пять, в ноябре 1638 года, случилось другое подобное дело. Одна из мастериц государыни Мария Сновидова стала язвить на другую мастерицу Дарью Ламанову, обвиняя ее в том, что она на след государыни-царицы сыпала песок и что во время царского отсутствия из Москвы к ней в Троицкий монастырь приходила неведомо какая жена. Розыск опять поручен был окольному Стрешневу и дьяку Тарakanову; они подвергли Ламанову пытке и допросу относительно следующих пунктов: «как та мастерица Дарья на след государыни-царицы сыпала песок и как она Дарья звала с собою за Москву-реку Степаниду Арапку к бабе; и та мастерица Дарья для государския порчи хотела итить к бабе или для иного какова дела, и кто с нею в том деле и какие люди в думе были, и в верх к ней, Дарье, в светлицу та ли баба, которая живет за Москвою-рекою, приходила или какая иная и для чего приходила?» Ламанова под пыткой повинилась: «В том-де она перед государем и перед государыней виновата, что к бабе к ворожее подругу свою Степаниду Арапку за Москву-реку звала, а ту-де бабу зовут Настасьицею, живет за Москвою-рекою на вспольи; а спознала ее с нею подруга ее, золотная же мастерица Авдотья Ярышкина, для того, что она людей привораживает, а у мужей к женам сердце и ревность отымает; а наговаривает на соль и на мыло, да ту соль дают мужьям в естве и в питье, а мылом умываютца; да и над мужем-де она Авдотья своим тож делала и у него к себе сердце и ум отняла: что она Авдотья ни делает, а он ей в том молчит. Да таж баба давала, наговариваючи, золотной же мастерице, Анне Тяпкиной, чтобы муж ее, Алексей Коробанов, добр был до ее Анниных детей».

Послали за колдуньей, которая в расспросе сказала, зовут ее Настасьицею, Иванова дочь, родом Черниговка, а муж у ней литвин, зовут его Янкою Павлов. На очной ставке ее при-

знали за ту именно бабу, которая приходила во дворец к Дарье Ламановой. Но Настасья во всем запиралась: «мастериц она никого не знает и в светлице не бывала». Ее велели «пытати накрепко и огнем жечь». «И послыша то, мастерица Дарья Ламанова учала винитца и плакать, а той жонке Настьке говорит, чтобы повинилась: помнишь ты сама, говорила она ей, как мне про тебя сказала мастерица Авдотья Ярышкина, и я по ее сказке к тем пришла и, ворот черной своей рубашки отодрав, к тебе принесла, да с тем же воротом принесла к тебе соль и мыло. И ты меня спросила, прямое ли имя Авдотья, и я сказала тебе, что прямое, и ты в те поры той моей рубашки ворот на омошке, у печи, сожгла, и на соль и на мыло наговаривала, а как наговорила и ты велела мне тот пепел сыпать на государственой след, куда государь и государыня-царица и их царские дети и ближние люди ходят; и тебе-де в том и от государя и от царицы кручины никакие не будет, а ближние люди учнут любить. А мылом велела ты мне умыватца с мужем, и соль велела давати ему ж в питье и в естве, так-де у мужа моего сердце и ревностью отойдет и до меня будет добр. Да и не одна я у тебя была, продолжала Дарья: приходила и после того со мною ж к тебе Васильевна, жена Колодничя, Семенова, жена Суровцева, ты им, наговорю, соль и мыло давала».

Несмотря на эти улики, ворожея запиралась. Ее стали пытаться еще раз, и она не выдержала и призналась, что мастерицам Дарье Ламановой и ее подругам, которых знает, а иных и не знает, сожегши женских рубашек ворота и наговоря на соль и мыло давала и пепел велела сыпать на государственой след, но не для лихова дела, а для того, как тот пепел государь и государыня перейдет, а чье в те поры будет челобитье и то дело сделается, да от того бывает государственкая милость и ближние люди к ним добры. А соль и мыло велела она давать мастерицам мужьям своим, чтобы до них были добры. И еще была она спрошена: «сколь она давно тем промыслом промышляет и от литовского короля к мужу ее, литвину Янке, присылка или наказ, что ей государя или государыню испортить, был ли; и чем она и какими лихими делы их государей портила; и давно ль она тому делу, что мужей привораживать, научилась и кто ее тому учил и муж ее про то ведает ли?» Колдунья отвечала: «что к мужу ее, к литвину Янке и к ней из Литвы от короля для государския порчи приказу и иного никакого заказу не бывало и сама она их государей не порчивала. А что она мужей привораживает и она только и наговорных слов говорит: как люди смотрятца в зеркало, так бы муж смотрел на жену, да не насмотрелся; а мыло сколь борзо смоетца, столь бы-де скоро муж полюбил; а рубашка, какова на теле была, столь бы-де муж был светел, да и иные-де она не лихия слова наговариваема, чтобы государь и государыня жаловали, а ближние люди любили, а учила ее тому на Моск-

ве жонка Манка словет Козлиха, а живет за Москвою-рекою у Покрова».

Тотчас отыскиали и Манку Козлиху, и поставили их с очей на очи. Манка запиралась и сказала, что ворожить не знает, а только и знает, что малых детей смывает, да жабы, у кого прилучитца во рте, уговаривает, да горшки на брюхо намetyвает, опричь того и ничего не знает. Начали ее пытатъ накрепко, и после третьего раза она повинилась и сказала, что она сама ворожит и Настасьицу ворожить учила. А ей Манке тое ворожбу оставила при смерти мать ее родная, Оленка. А как матери ее не стало, тому ныне седьмой год. А она ворожа, в привороте на соль и на мыло и на зеркало наговаривала: как смотрятца в зеркало да не насмотрятца, так бы муж на жену не насмотрелся; а на соль: как тое соль люди в естве любят, так бы муж жену любил; а на мыло наговаривала: сколь скоро мыло с лица смоецца, столь бы скоро муж жену полюбил. А ворота рубашечные жегши, приговаривала: какова была рубашка на теле, таков бы муж до жены был. А жаба у кого прилучитца во рте, уговаривает. А инова она ничего лихова опричь того не знает и лихим словом не наговаривает. Да и не одна она тем ремеслом промышляет: есть на Москве и иные бабы, которые подлинно умеют ворожить. Одна живет за Арбацкими ворота, зовут ее Ульянкою, слепая; а две живут за Москвою-рекою, одна в Лужниках, зовут Дунькою, а другую зовут Феклицей, в Стрелецкой слободе.

Таким образом явились еще ворожеи, Улька, Дунька и Феклица, все слепые, которых разыскали и поставили на очную ставку с Манкой. Так как они запирались, то их стали пытатъ. Жонка Улька во время пытки призналась во всем и прибавила, что «не одним этим промышляет, есть-де за нею и иной промысл: у которых людей в торговле товар заляжет, и она тем торговым людям наговаривает на мед, а велит им тем медом умыватца, сама приговаривает: как пчелы ярые роютца да слетаютца, так бы к тем торговым людям да их товаров купцы сходились. И от того наговору у тех торговых людей на товары купцы бывают скорые». Другая ворожея, Дунька-слепая, объяснила, с пытки, между прочим, что она, «у кого что пропадет, смотрит, и на кого скажут наверну и она, посмотри на сердце, узнает, потому что у него сердце трепещет». Третья ворожея, Феклица, созналась только, что «грыжи людям уговаривает, а наговаривает на громовую стрелку, да на медвежий ноготь, да с той строчки и с ногтя дает пить воду; а приговариваючи говорит: как-де ей, старой жонке, детей не раживать, так бы, у кого та грыжа и болезни не было; да она ж у кого случитца, на брюхи горшки намetyвает».

Несмотря на жестокие пытки и сжение огнем, что повторялось по несколько раз, все эти жонки-колдуньи ничего более не открыли. Между тем в январе 1639 года после непродолжи-

тельной болезни умер пятилетний царевич Иван Михайлович, а в марте 25-го дня умер новорожденный царевич Василий Михайлович. Эти несчастья в царской семье были приведены в связь с ворожкой мастерицы Дарьи Ламановой, посыпавшей пепел на след государыни-царицы, и 1 апреля государь указал снова расспросить и попытать накрепко и мастерицу Дашку, и ведунью женку Настьку. В указе сказано, что «с того времени как Дашка по ведовству жонки колдуньи Настьки на след государыни сыпала пепел и от того времени до сих мест меж их государей скорбь и в их государском здоровье помешка... и она бы мастерица Дашка и ведунья жонка Настька сказали про то подлинно в правду, для чего она Дашка ведовский рубашечный пепел на след государыни-царицы сыпала; а та ведунья Настька, что подлинно над тем пеплом наговорила и на государственной след сыпать велела: над государем и над государынею и над их государскими детьми какое лихое дело не умышляли ль и их государей не портили ль, и детей их государских у них государей не отнимали ль, и совет их государский меж их государей своею ведовскою рознью к развращенью не делали ль, и детям их государским в их многолитном здоровье тем своим ведовским делом, порчею лет не убавляли ль, и иного какого зла им государем и их детям не умышляли ль, и умысля что, не делали ль, про то б про все сказали вправду?».

Мастерицу Дашку и жонку ведунью Настьку подвергли новым пыткам и сжению огнем; кроме того, допросили в пытке также остальных мастериц, подруг Дашки. Ничего нового, однако, не открыли. Вскоре после этих пыток колдунья Настька и Ульянка-слепая умерли. Прочие подсудимые были розданы приставам под стражу до окончания дела. В сентябре того же 1639 года всех прикосновенных к этому делу мастериц велено выслать из дворца и впредь в царицыне чину им не быть. Дарья Ламанова с мужем сосланы в сибирский город Пелым, колдунья Манка Козлиха — в Соликамск, а Феклица-слепая с мужем на Вятку, а Дунька-слепая к Соли Вычегодской.

При царе Михаиле Феодоровиче была отправлена в Псков грамота с запрещением покупать у литовцев хмель, потому что посланные за рубеж лазутчики объявили, что есть в Литве баба-ведунья и наговаривает она на хмель, вывозимый в русские города, с целью навести чрез то на Русь моровое поветрие.

В 1547 году, во время великого московского пожара, народная молва приписала это бедствие чародейству Глинских, родственников по матери молодому Ивану IV. По совету благовещенского протопопа Федора Бармина, бояр князя Федора Скопина-Шуйского да Ивана Федорова, царь приказал сделать розыск по делу. Бояре приехали в Кремль на площадь, к Успенскому собору, собрали черных людей и стали спрашивать:

— Кто зажигал Москву?

Толпа закричала:

— Княгиня Анна Глинская с своими детьми и с людьми волховала, вынимала сердца человеческие, клала их в воду, да тою водою, ездячи по Москве, кропила — и от того Москва выгорела!

На площадь явился и Юрий Глинский, родной дядя Ивана Васильевича; слыша такое ужасное обвинение, он поспешил укрыться в Успенском соборе, но озлобленная чернь бросилась за ним, убила его в самой церкви и поволокла труп на торговое место, где обыкновенно совершались казни.

Строгое отношение к чародеям выражается и в законодательных памятниках того времени, в которые начинают проникать постановления относительно строгого преследования ведьм и колдунов.

В Стоглаве наказания еще сравнительно мягки: для мирян высшим наказанием положено отлучение от Церкви, а для клириков — извержение из сана.

В одном из указов царя Ивана Васильевича Грозного 1552 года говорится, что те, которые будут «к чародеям и жволхвом и к звездочетом ходити волховати и к полям чародеи приводити, и в том на них доведут и обличены будут достоверными свидетели, и тем быти от царя и великого князя в великой опале, по градскими законом, а от святителей им же быти в духовном запрещении, по священным правилам».

В указе, данном царем Федором Алексеевичем при основании Московской славяно-греко-латинской академии в 1682 году, читаем: «а от церкви возбраняемых наук, наипаче же магии естественной и иных, таким не учить, и учителей таковых не имети. Аще же таковые учителя где обрящутся, и они со учениками, яко чародеи, без всякого милосердия да сожгутся; аще... отныне начнет от духовных и мирских всякого чина людей волшебные и чародейные, и гадательные, и всякие от Церкви возбраняемые богохульные и богоненавистные книги и писания у себе коим ни буди образом держати и по оным действовать и иных тому учить, или без писания таковая богоненавистная делеса творити или таковыми злыми делами хвалиться, яко мощен он таковая творити; и таковой человек за достоверным свидетельством без всякого милосердия да сожжется».

Котошихин говорит, что в его время мужчин за волшебство и чернокнижество сжигали, а женщин за волшебство живых по грудь закапывали в землю, отчего они умирали на другой или на третий день.

Также в «артикулах» воинского устава Петра Великого 1716 года сказано: «ежели кто из воинских людей найдется идолопоклонник, чернокнижец, ружья заговоритель, суеверный и богохульный чародей: оный по состоянию дела в “жестоком”

заклучении, в железах, гонянием шпицрутен наказан или весьма сожжен имеет быть».

Достоинно замечания, что усиление веры в колдовство в России относится к тому времени, когда на Западе эта вера стала ослабевать, именно к XVIII столетию. Таким образом мы видим тут, в отношении колдовства, то же самое, что повторилось в отношении многих других явлений культурно-исторического развития России — переживание Россией западноевропейских задов.

Во второй половине XVIII столетия в народе существовало убеждение, что сожжение за колдовство — дело обычное и вполне законное. В июне 1758 года управляющий имением графа Тышкевича пишет к последнему: «Ясновельможный пане! С возвращающимися Клепацкими крестьянами доношу, что с вашего позволения сжег я шесть чаровниц; — три сознались, а остальные не сознались, потому что две престарелые, третья тоже лет пятидесяти, да к тому же одиннадцать дней они все просидели у меня под чаном, так, верно, и других заколдовали. Вот и теперь господская рожь в двух местах заломана. Я собираю теперь с десяти костелов воду и буду на ней варить кисель: говорят, непременно все колдуньи прибегут просить киселя; тогда еще мне работы. Вот и г. Епернети, по нашему примеру, сжег женщину и мужчину, войта четырех полков. Этот несчастный ни в чем не сознается, зато женщина созналась во всем и с великим отчаянием пошла на тот свет».

У нас также практиковалось «испытание водою», которое заключалось в следующем. Женщин, подозреваемых в причинении засухи, заставляли непрерывно носить воду из реки или пруда через поля и поливать ею кресты или образа (фигуры), выставляемые обыкновенно близ села или на раздорожье. Которая из женщин выносила это испытание, та избавлялась от подозрений в колдовстве. Также употреблялось, как на Западе, топление женщин в воде. В Малороссии им обыкновенно привязывали на шею камень и таким образом опускали в воду: если она тонула, ее считали невинной и вытягивали веревками вверх, а если она держалась на поверхности воды, ее признавали ведьмой и обрекали на смерть.

Вот некоторые дела об испытании водою, сохранившиеся в архивах судебных учреждений XVIII столетия.

В 1709 году во время засухи в Подолии мелкопоместные владельцы села Подфилипья, чтобы узнать виновниц бездождия, распорядились, чтобы все крестьянки, в виде первого испытания, носили ведрами воду из реки Збруча через поля и поливали ею крест, стоявший у дороги в значительном расстоянии от реки. Но так как все крестьянки исполнили это приказание и тем сняли с себя подозрение, то владельцы должны были искать виновниц между дворянками. При этом один из владельцев указал на дворянку, которую следовало бы подвер-

гнуть испытанию. Этой женщине он был должен значительную сумму денег, от уплаты которых уклонялся в течение двух лет; поэтому в его интересе было содействовать ее обвинению или по крайней мере опозорить ее. С общего совета устроили на берегу реки Збруча нужные приспособления; создали в это место всех жителей села и пригласили упомянутую дворянку. Когда она явилась, то крестьяне, по приказанию ее должника, бросились на нее, раздели донага, связали особенным образом, установленным для подобного рода испытаний: большой палец правой руки привязали к большому пальцу левой ноги, и то же делалось накрест. Затем между связанными членами продета была веревка и несчастную принялись на блоках опускать в воду и подымать вверх. Так как при этом она тонула, то признана была общим собранием невинною.

В мае 1711 года на Волыни была сильная суша вследствие отсутствия дождя. Виновницами, конечно, считали женщин. Управляющий имениями одного князя приказал подвергнуть испытанию посредством воды женщин окрестных деревень. По испытании оказалось десять баб села Погорилец таких, которые не тонули. Их признали виновными и вследствие этого представили в Дубнинский магистрат для заключения в тюрьму до решения дела. Магистрат, однако, отпустил их домой за поручительством мужей, с тем чтобы они были представлены в суд по первому требованию судебных властей.

Как уже выше было замечено, у нас не было процессов ведьм в смысле организованного преследования, как на Западе. Но единичные случаи преследования мнимых ведьм повторяются очень часто в течение XVIII столетия. Дела по обвинению в колдовстве рассматривались в обыкновенных судах и, как выше указано, возбуждались лишь по жалобе потерпевших, как гражданские иски о причиненном колдовством вреде. Суды не придавали этим делам никакого религиозного характера и присуждали только к вознаграждению потерпевшего или к очистительной присяге, которую должны были принять ответчики в знак своей невинности.

Заимствуем у В. Б. Антоновича некоторые дела из актов Киевского центрального архива, относящиеся к процессам прошлого столетия по обвинению в колдовстве и извлеченные им из книг градских и магистратских судов Юго-Западного края. Рассмотренные им дела Антонович распределяет по следующим группам — по цели, с которой колдовство производилось:

1. Самые многочисленные данные свидетельствуют о посягательстве посредством чародейства на жизнь, здоровье и рассудок, а также об излечении таинственными средствами различных болезней.

2. Другая группа фактов относится к применению колдовства с целью снискать или предотвратить любовь.

3. Далее следуют дела, касающиеся причинения вреда в хозяйстве или ремесле.

4. Группа фактов, свидетельствующих о прибегании к колдовству при разнообразных предприятиях.

5. Группа дел, заключающих факты о колдовстве, которым пользуются стороны при судебном процессе.

В 1716 году в магистрате города Выжмы (на Волыни) разбиралось дело по обвинению мещанки Ломазянки Супрунюками в том, что она таинственным образом причиняла смерть всем лицам, имевшим с нею тяжбу в суде.

В 1733 году в Овручском градском суде дворяне Ярмолинские обвинялись в том, что они похвалялись публично — посредством колдовства умертвить дворян Верновских и искоренить их род.

В 1739 году в магистрате города Олыки разбиралось дело по обвинению мещанки Райской в том, что будто она чародейством причинила смерть сыну мещанки Анны Шкопелихи.

В 1701 году каменецкий мещанин, почтарь Судец, жаловался на гречанку Антошеву в том, что она желала причинить ему болезнь, посыпая порог его дома каким-то порошком. Магистрат освободил обвиняемую от ответственности, присудив ее лишь к принятию очистительной присяги.

В 1705 году ковельский мещанин Трофим Григорьевич жаловался на соседа своего Михаила Максимовича о том, что обвиняемый с женою совершили «такое преступление, какого и высказать нельзя». Преступление заключалось в том, что Максимовичи с целью повредить здоровью истцов вылепили из теста что-то круглое, в виде калача, и в собственном саду истцов повесили на дереве. По распоряжению магистрата отправлен был присяжный лавник освидетельствовать факт и действительно нашел на вербе кругло-вылепленный калач из ржаного теста. Максимович не явился в суд к ответу и был заочно приговорен к уплате штрафа и судебных издержек.

В 1732 году в Дубенском магистрате разбиралось дело по жалобе солдата Степана Гембажевского на его соседку, мещанку Дембскую, что она причинила истцу семинедельную болезнь тем, что разложила на его заборе какое-то истолченное зелье. Обвиненная объяснила, что зелье это не имело значения, приписываемого истцом, что она только просушивала истолченную горчицу, приготовленную на лекарство больного ребенка. Магистрат определил, чтобы Дембская приняла очистительную присягу.

В 1747 году состоялся приговор Овручского магистрата по жалобе мещанина Опанаса Моисиевича, обвинившего мещанку Омельчиху в том, что она, желая причинить ему вред, вылила какой-то состав под его хлев. Обвиняемая объяснила, что она вылила «щелок» для того, чтобы там не было грязи.

Магистрат определил, чтобы Омельчиха вместе с мужем приняла очистительную присягу и извинилась перед истцом, «а впредь, если она осмелится выливать что бы то ни было, доброе или злое, в чужую усадьбу, то безотлагательно будет наказана 50 ударами».

В редких случаях, когда какое-либо народное бедствие возбуждало народное воображение, были случаи более жестокой расправы с теми, которых считали чародеями.

В 1738 году в Подолии распространилась моровая язва. Желая предохранить свое село от заразы, жители села Гуменец предприняли ночью крестный ход по своим полям.

Между тем в соседнем селе Пржевратье, у дворянина Михаила Матковского, пропали лошади. Матковский ночью же отправился на поиски и наткнулся на крестный ход. Жители Гуменец вообразили, что неизвестный им человек, ходящий ночью по полям с уздечкою, есть не что иное, как олицетворение моровой язвы; подозревая, что он упырь, парубки бросились на Матковского, жестоко его избили, порвали на нем одежду и полумертвого оставили на земле. Едва возвратился Матковский домой, как из Гуменец прибежал посланный узнать, жив ли он. Узнав, что он вернулся и жив, жители Гуменец целою толпою, вооруженные ружьями, пиками, косами, цепами, пришли ночью в село Пржевратье и окружили дом Матковского. Разбив двери, они схватили Матковского и увели в Гуменец.

Здесь у дома дворянина Кочковского собрались все жители села. Предварительно арестованному дали 50 ударов, допытываясь связи его с моровою язвою. Несмотря на уверение в невинности, большинством голосов решили его сжечь; несколько лиц заявили, впрочем, сомнение в юридической правильности приговора. Некто дворянин Выпрышинский протестовал, что дворянина нельзя жечь без приговора городского суда. Тогда большинство потребовало от него, чтобы он дал запись о том, что он принимает на себя ответственность за все бедствия, могущие возникнуть вследствие оставления в живых Матковского.

От этого Выпрышинский уклонился, отговариваясь сначала отсутствием чернила, и, наконец, сказал: «Некогда мне писать — жгите!» Впрочем, громада пришла в раздумье, боясь судебной ответственности.

Но тут нашлись лица, выведшие ее из сомнения. Дворянин Скупский прискакал верхом на сборный пункт и крикнул: «Жгите скорее, я готов уплатить сто золотых, если за это будет штраф!» Затем явился священник и, исповедав Матковского, объявил: «Мое дело заботиться о душе, а о теле — ваше; жгите скорее».

В толпе раздавался крик: «Нужно жечь!» — и Матковского передали в руки экспертов. Один из них, дворянин Лобуцкий,

вырезал пояс из сыромятной кожи, окружил им голову жертвы, заложив в уши под повязку камушки и затем сложив в узел пояса палку, стал его сильно стягивать. Другой, Войтех Дикий, замазывал свежим навозом рот Матковского, а дьяк Андрей Софопчук, намочив большую тряпку в деготь, обвязал глаза Матковского. После этого устроили костер из сорока возов дров и двадцати возов соломы, втащили на него Матковского и сожгли. После этого послали в дом Матковского за его одеждою и ее также бросили в огонь.

В XVII—XVIII веках было весьма распространено у нас кликушество, напоминающее во многом одержимость бесом на Западе.

Кликуша (от слова «кликать»), или как в старину также называлась икотница, — это женщина испорченная, в которую вселился бес. В автобиографии протопопа Аввакума имеется описание кликуши, которая, когда «паде на нее бес, учала собакою лаять, и козою блекотать, и кукушкою куковать». Обыкновенно припадки случаются с кликушами в многолюдных собраниях, особенно в церквях. Кликуша не может переносить запаха ладана, слышать Евангелия, херувимской. Во время припадка она говорит от имени дьявола и его языком. Приписывая свою болезнь «порче», кликуша обыкновенно выкликает имя того лица, которое чародейством напустило на нее болезнь.

В XVII столетии такие лица, имена которых кликуши выкликивали, привлекались к суду по обвинению в чародействе и предавались пыткам, самих же кликуш только отчитывали для изгнания поселившихся в них бесов. В допетровский период погибло под пытками немало людей благодаря таким выкликаниям кликуш. Кликуши нередко играли роль в борьбе партий при Московском дворе, и ими часто пользовались для возведения обвинения в чародействе и устранения противников. Вследствие этого в XVIII столетии кликушество начинает вызывать против себя строгое отношение со стороны правительства.

Петр видел в кликушестве притворное беснование, имеющее целью возведение поклепа на невинных людей. В 1715 году состоялся указ: «ежели где явятся мужеска и женска пола кликуша, то, сих имая, приводить в приказы и разыскивать» (то есть допрашивать под пыткой).

Указом 1716 года и духовным регламентом 1731 года на архиереев возложена обязанность разыскивать кликуш и предавать их гражданскому суду.

В 1729—1730 годах в одной волости обвинены были в икотном деле 232 человека, в том числе замужних женщин — 116, вдов — 5, малолетних девушек — 26, мальчиков и женатых мужчин — 84.

Указ 1737 года, замечая, что «в Москве являются по церквам

и монастырям кликуши, которым в той притворной жалости свобода дается, а сверх того над ними молитвы отправляются», подтверждает обязанность архиереев разыскивать кликуш и за недонесение грозит им извержением из сана.

Обвинения лиц, выкликаемых кликушами, встречаются у нас еще во второй половине XVIII столетия. На это указывает любопытный указ Сената от 14 марта 1770 года по поводу поступившего на ревизию Сената приговора Яренской волостной канцелярии и Великоустюжской духовной консистории над лицами, обвиненными кликушами в том, что они их испортили. Вот этот указ под титулом «О предостережении судей от неправильных следствий и решений по делам о колдовстве, и чародействе, и о наказании кликуш плетьюми, яко обманщиц»:

«Находит Правительствующий Сенат, к великому сожалению своему, с одной стороны закоснелое в легкомыслии многих людей, а паче простого народа о чародейственных порчах суеверие, соединенное с коварством и явными обманами тех, кои или по злобе или для корысти своей оным пользуются, а с другой, видит с крайним неудовольствием не только незаконные с ними, мнимыми чародеями, поступки, но невежество и непростительную самих судей неосторожность, в том, что с важностью принимал осязательную ложь и вещь совсем несбыточную за правду, следственно пустую мечту за дело, внимания судейского достойное, вступили без причины в следствие весьма непорядочное, из чего сверх напрасного невинным людям истязания, не иное что произойти могло, как вящее простых людей в сем гнусном суеверии утверждение вместо того, что по долгу звания своего и на основании явных законов обязаны они стараться о истреблении оного; при таковых обстоятельствах за нужное поставляет Правительствующий Сенат для отвращения впредь подобных сему неистовств, а поэтому для предостережения судей, приметить и изъяснить нижеследующие к сему случаю принадлежащие окрестности...»

Далее Сенат вошел в подробное опровержение суеверия колдовства и между прочим признал «порчу людей посредством пущания на ветер даваемых якобы от дьявола червяков» за «пустую, смеха и презрения паче, а не уважения достойную баснь»; самые же доставленные червяки, по вскрытии в Сенате, оказались «не иное что, как засушенные простые мухи». Сенат постановил: отрешить судей от должности, начать следствие вновь, но над кликушами (наказание плетьюми), а не над теми, кого они выкликали *.

* В Уложение о наказаниях 1845 года было включено постановление: «Так называемые кликуши, которые делают на кого-либо наветы, утверждая, что он причинил им зло будто бы посредством чародейства, подвергаются за сей злостный обман заключению в смиритель-

В литературных памятниках прошлого столетия имеются указания относительно заклинания и изгнания бесов. По всей вероятности, такие заклинания у нас, как и на Западе, производились, но ни по своему ритуалу, ни по личности беса, ни по последствиям борьбы с заклинаемыми бесами они не походили на заклинания, производившиеся в странах католических.

Буслаев приводит повесть, составленную в начале XVIII века и вошедшую в сказание об Иларионе Суздальском из книги иеромонаха Мефодия и из устных рассказов схимонаха Марка, самовидца и участника многих событий, в Житии преподобного Илариона описанных.

При державе благочестивейшего царя Алексея Михайловича всея России самодержца случилось в царствующем граде Москве вот какое дело в пищепитательнице патриаршей, на Куличках, что за Варварскими воротами, близ Ивановского монастыря. По действию некоторого чародея вселился там демон и начал живущим различные пакости творить, как поведал о том отец Марко, который в то время сам был вместе с Иларионом в тех богадельнях и все то видел своими глазами. Ни днем ни ночью тот демон никому не давал уснуть, таская людей с постель и с лавок, и всем вслух нелепости вопиял, и на печи, и на полатях, и в углах, стуча и гремя и нелепыми голосами крича, всех устрашал. Благочестивейший же царь Алексей Михайлович повелел духовного чина людям на отгнание того демона молитвы творить, но успеха не было, и демон еще свирепее укорял всех, и грехи всех явно рассказывал, обличая и стыдя, а иных даже бил и выгонял вон. Много раз принимались изгнать того беса, но не могли с ним сладить.

Тогда кто-то из приближенных возвестил царю о преподобном Иларионе, что он сподобился от Бога принять власть на изгнание нечистых духов. Благочестивый царь повелел преподобного перед себя призвать, потому что он был тогда в Москве. Посланные нашли Илариона где-то на пути и позвали к царю, к великому испугу Илариона, потому что он подумал, не оклеветал ли его кто перед царем. Однако повиновался и пошел к царю. На преподобном была в то время овчинная шуба, личным поясом подпоясана, а сверх шубы суконная ряса ветхая. Представ пред царем, он сначала отказывался от трудного подвига изгнать бесов из женских богаделен, но потом,

ном доме на время от шести месяцев и до года» (по закону 1842 года кликуши наказывались плетью). Уложение о наказаниях, изданное в 1885 году, удержало это постановление (ст. 937), заменив лишь заключение в смиренном доме тюремным заключением на время от четырех до восьми месяцев. Сенат (решением Уголовного кассационного департамента 1874 года № 432) разъяснил, что закон карает только «злостный обман», то есть только притворных кликуш, а отнюдь не действительных, которые, приписывая свои страдания действиям известного лица, оговаривают его в порче.

в виде монашеского послушания, согласился и в тот же день к вечеру отправился в богадельню с монахами Марком и Иосифом, по прозванию Рябиком. А в то время в Москву съехались вселенские патриархи.

Пришедшие в богадельню монахи по своему пустынножительскому обычаю стали петь вечернее пение и читать молитвы. Дьявол же, не терпя их пения, начал на полотах крепко стучать и нелепыми голосами кричать, укоряя Илариона бесстыдными речами: «Уж не ты ли, Калугере, пришел сюда выгонять меня? Поди-ка ко мне, переведайся со мною!» Но преподобный продолжал свое пение, никуда не озирался, между тем как демон все кричал: «Поди, Калугере, ко мне! Переведаемся со мною!» Когда же преподобный стал читать акафист Богородице, в умилении вознося свои руки к небу, ударяя ими себя в грудь, испуская потоки слез и припадая к земле, тогда дьявол молитвами преподобного, как огнем, опаляем отскочил оттуда, яко стрела быстра, и умолк до тех пор, пока не кончилось чтение акафиста. Потом опять стал вопить нелепыми голосами, приговаривая: «Эй ты, плакса! Еще расплакался! Иди же ко мне, переведаемся!» По совершении пения и правила, уже ночью, когда погасили огни, преподобный стал читать молитвы на изгнание беса, неутешно проливая слезы; а дьявол продолжал кричать громким голосом: «Э-эх, Калугере, еще ты и в потемках расплакался!» И застучал на полотах крепко и, промолвив: «Я к тебе иду, к тебе иду!» — замолчал.

При этом монах Марко свидетельствует следующее: «От страха хотел было я вон из кельи бежать, но преподобный ободрил меня на молитве крепко стоять и ничего не бояться, присовокупив: “Даже и над свиньями дьявол без повеления Божия власти не имеет”. Дьявол же обернулся тогда черным котом и начал преподобному под колени подскакивать всякий раз, как он поклонится в землю. Мешая так преподобному молиться, дьявол хотел навести его на гнев и отклонить от молитвы. Но Иларион был незлобив. Подскочит к нему бес под колени, а он рукою его отбросит в сторону и сотворит поклон. Отправив свое келейное правило, повелел он всем, перекрестя лицо свое крестным знамением, лечь спать. “Я же, — присовокупляет отец Марко, — под шубу глубоко от боязни спрятался”».

На следующий день преподобный, совершив утреннее пение, вышел из богаделен по своим делам. Тогда дьявол сказывал богаделенным бабам о преподобном, как он хорошо перед Богом живет. «Как стал он во время акафиста плакать, то, — говорил бес, — устрошил он меня, будто огнем опалил, так что я выбежал вон; а как молился он в потемках, я черною кошкою к нему подскакивал мешать ему класть земные поклоны, думая его в гнев привести и уклонить от молитвы; но ничего не мог я успеть». И все это говорил окаянный бабам, а сам был невидим.

В то время одна баба положила ребенка в люльку и стала качать его. Дьявол же выхватил ребенка, взял невидимою силою самое бабу, положил в люльку и начал ее трясти, приговаривая: «Люли, баба! Люли, дурная!» Вдруг идет в богадельню сам преподобный; дьявол бросился от него в великом страхе, оставив ту бабу в люльке.

Когда Иларион стал святить воду, бес начал страшно кричать и бросать белым камнем, так что вся богадельня потряслась; однако, по молитвам преподобного, никому вреда от того не учинилось. Преподобный совершал свое служение, никуда не оглядываясь, между тем как дьявол все вызывал его с ним переведаться. Наконец, окропляя иконы и стены святою водою, Иларион вступил с дьяволом в решительную борьбу, и, обращаясь в ту сторону, где он кричал нелепыми голосами, преподобный воскликнул: «Где еси ты, враже всякие правды? Аз раб Господа моего Иисуса Христа, от его имени гряду бороться с тобою; выходи же, окаянный!» И начал повсюду кропить водою, и на печи, и на полатах, и на лавках, и под лавками, и потолок, и стены.

Дьявол же умолк и скрылся и не являлся целых три дня. Но потом опять очутился в богадельнях и опять стал кричать богаделенным бабам: «Хорошо этот монах перед Богом живет, нельзя мне приблизиться к нему!»

Но когда воротился Иларион, дьявол уже стал не так дерзновенно подавать голос, видимо ослабевал, и говорил как-то немо. Преподобный говорил ему: «Все ли ты бесстыдствуешь, окаянный? Заклинаю тебя именем Божиим, поведай мне, где ты был в эти три дня и где скрывался, когда я кропил святою водою?»

«Когда ты кропил, — отвечал дьявол, — в то время я под платем на шесте сидел, а как там не мог усидеть, перескочил я на шесток, потому что там ты забыл окропить: там и сидел я до сих пор и отдыхал».

Иларион опять спросил: «А камень белое где берешь?»

«С белого города», — отвечал дьявол.

«Как твое имя?» — спрашивал Иларион.

«Имя мне Игнатий, — отвечал бес, — княжеского рода я, телесен, живу по плоти. Мамка послала меня к демону, и тотчас же взяли меня демоны».

Потом Иларион стал его изгонять из богаделен, но он не шел, говоря, что не сам он здесь вселился, но был послан, и потому не может уйти. Однако, мало-помалу, стал говорить немо и, ослабевая, исчезал.

Однажды, в отсутствие Илариона, мимо той богадельни шли попы и, став под окном, начали заклинательную молитву читать. Дьявол же, застучав и как бы устремляясь на них, стал нелепыми голосами кощунствовать. «Ох вы, пожиратели! — кричал он. — Сами пьяны, как свиньи — меня ли вам выгнать!»

Другой раз стали богаделенные бабы между собою браниться из-за того, что многие пропажи между ними бывают. Демон же перекликался их устами. Одна скажет: «Отдай мыльцо!» — а другая ей в ответ: «Свиное рыльцо!» И так сначала окаанный научил их воровству, а потом сам же и обличал их.

Еще раз как-то монах Иосиф Рябик спал в той богадельне на полатах, но, ложась, забыл лицо свое перекрестить. Дьявол же дерзнул поцеловать его в губы и громко воскликнул, обращаясь к самому Илариону: «Я поцеловал в уста дьякона вашего, что на полатах лежит: долгие у него волосы, но студёные губы!»

«Как ты смел, окаанный, на это дерзнуть?» — спрашивал Иларион.

«А я узнал, что он не перекрестясь заснул», — отвечивал дьявол.

И боролся Иларион с тем дьяволом пять недель, и наконец совсем изгнал его от богаделенных баб; и пожив в богадельнях десять недель, возвратился в свой монастырь в духовной силе, яко царев храбрый воин и во бранях победитель крепкий от супостата же отнюдь не преодоленный, нечистым духам страшный и всему миру преславный.

Ворование в колдовство и ведьм весьма распространено в народе и в настоящее время. В особенности оно распространено в Малороссии; тут в каждом селе имеется одна или несколько ведьм, о проделках которых отлично известно всякому в селе. В народных представлениях о черте и о ведьмах нет ничего таинственного. Черт представляется более комичным существом, чем грозным, более добродушным, чем злобным. Колдуны и ведьмы — обыкновенные люди, живут среди людей, всем в деревне известны, и с ними входят в постоянные сношения и даже обращаются к ним за помощью и советом во всех трудных случаях жизни.

Существуют два вида ведьм: ведьмы прирожденные и ведьмы ученые. Первые обладают таинственной силою ведовства от природы, вторые научаются обладать этой силой от первых или непосредственно от черта, отдавая ему взамен свою душу. Природные ведьмы, а также ведьмачи или упыри могут оказывать добро людям, и к ним люди обращаются, чтобы исправить зло, нанесенное учеными ведьмами.

Вот образ ведьмы по представлениям народной фантазии: пожилая женщина, чаще старуха, высокая, тонкая, худая, костлявая, несколько сгорбленная, растрепанные или выбившиеся из-под платка волосы, большие, с сердитым выражением глаза, желтые или серые, косой из-под насупленных бровей взгляд, всегда в бок, а никогда прямо в глаза другому человеку; в зрачках «мальчики» головою вниз; рот широкий, губы тонкие, подбородок, выдававшийся вперед, руки длинные. У при-

рожденной ведьмы всегда небольшой хвост и черная вдоль спины полоска вилась от затылка до плеча*.

Большая часть приводимых ниже рассказов о ведьмах заимствована нами из этой статьи г. Иванова, которым они собирались в течение четырнадцати лет при посредстве учителей и учителей сельских училищ Купянского уезда Харьковской губернии.

По народным верованиям, ведьмы (и у нас, как на Западе, колдовством занимаются преимущественно женщины) способны причинять людям всякое зло: они доят по ночам чужих коров, причем выдаивают их до крови и тем портят их; скрадывают с неба дождь и росу, которые они уносят в завязанных сосудах с собою и хранят в своих домах, чем причиняют засуху, или, наоборот, вызывают дождь, град, чем уничтожают посевы и производят голод; также они делают «закрутки» или «заломы» на нивах, которые они «закручивают» с целью причинить смерть хозяину нивы или чтобы перетянуть к себе чужое хлебное зерно. Им также приписываются моровое поветрие и скотские падежи. Ведьмы умеют превращаться в разных животных и в различные неодушевленные предметы. Они также сосут кровь у людей, в особенности у парней и девушек, и тем причиняют им смерть.

Между ведьмами есть чаровницы, которые разным зельем и приговорами причиняют людям зло, вмешиваясь в частные дела человека, расстраивая семейное счастье, отнимая любовь или, напротив, заставляя влюбиться в нелюбимую особу, расстраивая здоровье, причиняя смерть и т. д. Но чаровницы могут также действовать на пользу человека, давать во всем удачу, успех, освобождать своими чарами от угрожающих опасностей и т. д.

Способность ведьм к превращениям, по народным рассказам, безгранична. Ведьма может принять вид иглы и копны сена, мухи и лошади, медленно ползущего бревна и быстро несущегося вихря. По некоторым верованиям, превращениям подвергается не тело ведьмы, а душа ее, тело же ее остается дома бездыханным в то время, когда блуждающая душа меняет свой образ, являясь людям в разных видах. Так, однажды солдат переворотил тело ведьмы, ушедшей на свой промысел, головою туда, где лежали ноги; возвратившаяся с ночных походов душа ее начинает летать вокруг да около, «то курвою, то гуською, то мухою, то пчелою», чтобы как-нибудь попасть в свою телесную оболочку, однако не может войти в нее, пока наконец тело не было приведено в то положение, в каком его оставила душа, когда ушла странствовать.

Ведьмы прибегают к превращениям, чтобы отводить гла-

* *Иванов П.* Народные рассказы о ведьмах и упырях // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1891. Т. 3.

за, морочить людей. Зато им достается, когда они попадутся в руки народа.

Лет тридцать тому назад в Купянске жила старуха с совершенно обезображенным шрамами лицом, про которую рассказывали, что она ведьма и что с ней был следующий случай. Поздно вечером вез крестьянин по Колонтаевской улице на мельницу рожь в мешках, видит — бежит за саями большущая крыса да все старается вспрыгнуть на мешки. Сколько ни отгонял ее мужик от саней, не мог прогнать, так вместе с крысой и доехал до мельницы. Рассказал здесь мирошнику о чудной крысе, а тот ему и говорит: «Знаю я, что это за крыса! Надоела она мне хуже горькой редьки. Постой, не будет больше таскаться сюда». Взял да поймал эту крысу. Внес ее в сукновальню, бросил в ступу и приказал ударить пестом три раза, а потом выбросить за греблю. Наутро нашли около гребли женщину, всю окровавленную, со страшно изуродованным лицом и перебитой рукой. Это и была старуха со шрамами на лице.

Вера в оборотней очень распространена. Существует масса народных рассказов о превращениях в собак, кошек, свиней.

Очень часто ведьма принимает вид клубка, это еще опаснее, чем если она принимает вид собаки. Клубок, под видом которого скрывается ведьма, катится обыкновенно, пересекая путь пешеходу, попадая ему под ноги и нанося ему удары в различные части тела. У одних людей доила ведьма корову; пошли они к знахарю просить их горю пособить, посулили ему за это кусок полотна. Знахарь пришел вечером, нашел в загороде в плетне дырку и сел около нее; как стемнело, видит — лезет в дырку что-то, он и схватил, а оно обратилось в клубок. Знахарь отнес этот клубок к себе домой и прибил его к стене гвоздем. Наутро смотрит — висит не клубок, а женщина за губу прибитая. Стала она просить знахаря отпустить ее и пообещала никогда уже не ходить доить чужих коров, а ему предложила три куска полотна. Он отпустил ведьму и получил от нее три куска полотна да от хозяев коровы еще один кусок.

Ведьма может превращаться в разные неодушевленные предметы — в иголку, яблоко, копну сена. Однажды ведьма превратилась в копну сена, передвинулась чрез дорогу, приблизилась к стоявшей тут корове и стала ее доить. Корова, заметив, что около нее сено, стала щипать и есть. Выдоивши корову, копна сена поползла назад домой. На следующий день утром встали дети и видят, что у матери вырваны на голове все волосы — это корова ей ночью повыщипала волосы. Корова наутро издохла.

Хозяйка коровы пришла в хату к ведьме и видит, что та варит кашу с молоком. Она ее спрашивает: «Где ты взяла молоко, у тебя ведь нет коровы?» Ведьма ответила, что купила. Тогда

хозяйка, придя домой, содрала с коровы шкуру, разрежала живот и нашла там волосы ведьмы.

Существует также масса рассказов о волкулаках, то есть оборотнях, принимающих образ волка. Это или колдун, принимающий звериный образ, или простой человек, чарами колдовства превращенный в волка. В последнем случае волкулаки представляются существами незловредными, а страждущими, несчастными, заслуживающими полного сострадания.

Они живут в берлогах, рыскают по лесам, воют по-волчьи, но сохраняют человеческий образ. Наоборот, колдуны, принимающие образ волка, крайне опасны: они наводят голод, высасывают кровь из людей и скота, причиняют смерть.

Большее частью волкулаки — это мертвецы, которые при жизни занимались колдовством и умерли без покаяния; после их смерти в их тело входит дьявольский дух, одушевляет его и вынуждает под различными образами причинять всевозможные несчастья человеку.

Народная фантазия яркими красками рисует образ волкулака: желтоватое, изрытое глубокими морщинами лицо, всклокоченные, стоящие дыбом волосы, красные, налитые кровью глаза, покрытые кровью до локтей руки, железные зубы, черные как смоль, голубоватые усы и отвисшая кожа на теле — вот внешний вид волкулака.

Ведьмы обязательно должны участвовать на сходках шабаша, которые происходят на Лысой горе в Киеве и куда они летают обыкновенно на метле или кочерге, чрез дымовую трубу. Эти полеты ведьм на шабаш считаются актом, вменяемым дьяволом им в обязанность, от которой они никак не могут освободиться. Вот один рассказ, в котором с наивностью и добродушием выражается народное воззрение на эти обязательные полеты ведьм на шабаш.

Одна женщина пришла к своей соседке, старухе, слывшей ведьмою, вечером под Пасху, когда ведьмы обыкновенно летают на шабаш. Начали звонить в церквях, старуха стала одеваться. Соседка спрашивает ее: «До церкви одягаетесь, бабуся?»

«Ни, моя дочко, не до церкви, а треба лититы».

«Куда, бабуся?»

«Луче и не пытой, треба; хочь ни хочь, а треба».

«А вы б, бабуся, пошли до церкви, Богу помолились, так вам ничего и не вдиют».

«Ни, мое сердце, не можно: не полечу, сами являтыця, озмуть мене и горе буде мини! Треба лититы».

«А можно мини поглядить, яко вы, бабуся, политите?»

«Чом ни можно, — можно».

Вышли в сени; старуха стала под бовдур и вдруг, как дым, вылетела из трубы.

По общепринятому мнению, ведьма, когда умирает, то

страшно мучается и так стонет и корчится, что при виде страданий ее ни у кого не хватает духа оставаться в хате. Она до тех пор не умрет, пока не просверлят дыры в потолке или в стене над дверью. После смерти распространяется от трупа страшный смрад и труп в тот же день разлагается.

Погребают женщин, слывших ведьмами, по обыкновенному христианскому обряду, как и прочих умерших естественною смертью крестьянок, но иногда хоронят их поздно вечером. Это бывает тогда, когда родственники умершей, боясь посещения ее из могилы, просят священника прочесть над нею «защитные молитвы», а потому желают, чтобы было поменьше народа при исполнении этого обряда.

Часто ведьма после смерти приходит по ночам к своим домашним и занимается хозяйством, как при жизни. Чтобы избавиться от этих ужасных посещений ведьмы, ее прибивают к гробу колом или, по крайней мере, осиновым колком прибивают крышку к гробу.

В народе крепко держится поверье, что умершие могут оставлять могилы и являться среди людей. В особенности распространена вера в упырей, то есть ведьмачей или ведьмунов. Упыри встают из могил по ночам, ходят в разных видах, пьют кровь из детей, вступают в связь с девками и женами.

По мнению Афанасьева, автора книги «Поэтические воззрения славян на природу», упыри — это злобные блуждающие мертвецы, которые при жизни своей были колдунами, волкулаками и вообще людьми, отверженными Церковью, как: самоубийцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями.

Упыри и упырицы бывают виновниками чумы и других эпидемических болезней, засухи, неурожая и вообще всяких общественных бедствий.

Вот один рассказ об упыре.

В одном селе жили два кума-ведьмача; один из них умер и был по общепринятому порядку похоронен, как обыкновенно хоронят крестьян. Через несколько дней после похорон оставшийся в живых ведьмач вспомнил о своем умершем куме и сказал: дай, пойду, проведу кума. Сказано — сделано. Пришедши на кладбище, он отыскал могилу кума, наклонился над нею и крикнул в отверстие, которое было в могиле: «Здоров, кум!»

«Здоров!» — отвечал ему из могилы голос.

«Я тебя, кум, пришел проведать».

«Спасибо, кум!»

Долго переговаривались они; между тем наступили сумерки, стемнело, в хатах зажглись огни.

Выходит из могилы ведьмач и предлагает своему куму отправиться вместе в деревню, как только уснут люди. Долго ходили они по деревне, отыскивая такую хату, где бы окна не были на ночь осенены крестным знамением.

Наконец, нашлась хата, хозяйка которой забыла перед сном перекрестить окна, в эту хату они и вошли. Мертвый пошел в кладовую, принес оттуда хлеба и меда, сели за стол и поужинали. Все хозяева хаты спали крепким сном и, конечно, не видели и не слышали, что делается у них в хате.

Между тем упырь заметил, что в люльке лежит грудной ребенок, поэтому, когда, поужинав, они вышли из хаты и прошли улицу до конца, он сказал своему товарищу: «Эх, кум, что мы сделали: мы забыли в хате погасить свечу! побудь тут, я пойду погасить». Воротился мертвец в хату, а живой, догадываясь, зачем он воротился, пошел вслед за ним, подошел к окну и видит: кум наклонился над колыбелью и сосет из младенца кровь.

Потом вышел мертвец из хаты, подошел к куму и сказал: «А теперь, куме, отвыды до могылы мене».

«Ни, куме, я не хочу йты туды с тобою».

«Чего?»

«Боюся».

«Не бийся, куме, я для тебе не злодий, ходим, брате, ты взяв мене з гроба, ты и одвыды».

Делать нечего: пришлось живому куму идти с мертвым до могилы. Пришли к могиле, мертвый и говорит: «Ходим вже зо мною в могылу, мини все буде веселить!» Схватил кума за полу да и тянет за собою в могилу. Но кум был настороже: отпосовал ножом часть полы, а тут, к счастью, запели петухи, и кум-мертвец скрылся в могилу.

Тогда живой кум побежал в деревню, собрал народ и рассказал все, что в эту ночь с ним случилось. Пошли на кладбище, разрыли могилу, вынули гроб, видят, что мертвый лежит лицом вниз, взяли осиновый кол и забили ему в затылок. Когда вбивали кол, мертвец проговорил: «Эх, куме, куме! Не дав ты мини на свити пожыты!»

Вот случай народной расправы с упырем, сообщенный в «Киевской старине» (1890 г. Т. XXVIII) на основании акта, извлеченного из документов о гайдамаках, судившихся в Кодне пред военно-судной комиссией.

Во время поветрия в 1770 году, когда оно проникло в Войтовку, между крестьянами последней возникли частые толки о том, что по селу что-то ходит, отворяет окна и «надыхуе» чрез них в хаты, отчего народу мрет больше, чем бы мерло без этого. Несколько человек из громады, ввиду таких толков, поставили себе целью выследить виновника народного бедствия.

Вскоре на одном из их сборищ было заявлено некоторыми из присутствовавших, что они видели ходящего по селу упыря, что на упыря этого с остервенением нападали собаки, а скот при виде его стремительно убегал. Доследили при этом и во что был одет упырь: он был в белой рубахе и синих суконных штанах, от колен подштукованных белым сукном.

А в таком одеянии, как всем было известно, ходил обыкновенно приходский войтовский поп, отец Василий. Тогда у всех появилось подозрение, что ходит по селу по ночам не кто иной, как поп.

Обратились с вопросом об этом к самому батюшке, — но он категорично отрицал возводимое на него обвинение. Тогда спросили попадью, ходит ли батюшка ночью по селу, и она тотчас заявила, что ходит и что у него бывает по ночам его уже умершая сестра вместе с другими мертвецами, причем все они толкуются с шумом по комнате и «клацают ртами, как будто что едят».

Ввиду такого показания сделали очную ставку попадьи с попом, ее мужем, требуя, чтобы она сказанное ею повторила в его присутствии. Она повторила, добавив: «Не запирайся, попе, бо сама правда, що ты ходишь по селу в ночи». Это подтвердила и попова кухарка.

После этого участь попа была решена.

Тринадцать человек, выбранные громадой, сперва пошли и выкопали на кладбище яму, а затем явились к попу и в то время, как он вышел из приходского дома, кинулись на него и стали бить дрючьями. Избив его до полусмерти, достали носилки, положили его на них и отнесли к выкопанной яме. Там, пробив его осиновым колом от плеча к плечу «навывлет», бросили в яму и, не слушая мольбы попа, заживо закидали его землей. Поветрие после этого, по показаниям участвовавших в убийстве, затихло, хотя не совсем.

На суд попал только один участник убийства, 26-летний крестьянин села Войтовки Деско Ковбасюк, остальные умерли от поветрия. Кодненская военно-судная комиссия отпустила его без наказания, вероятно потому, что был убит схизматический поп.

В 1727 году 6 июля в город Решетиловку Полтавской губернии явился некий Гаврило Мовчаненко, уроженец села Стасовец, и заявил себя упырем, и говорил, что дождя в Решетиловке нет потому, что там много ведьм. Народ привел его в ратушу и потребовал от сотника, чтобы он, кого упырь покажет ведьмами, велел в воду топить. Хотя сотник и не допустил топления ведьм, но, «невозмогши народ унятии» и уступая принуждению, велел при всем народе допросить упыря.

На этом допросе упырь показал: родом он из села Стасовец, волшебству учился в Зенькове у Ивана Голи-Постолы, живущего близ Гордня Тягни-шкуры. Наука волшебства состояла в мазанье под плечами «неяким зельем». В Зенькове он находился три года и знает там трех ведьм, с которыми он вместе волшебствовал. В Решетиловке он указал на четырех ведьм.

Показания упыря произвели сильное волнение в народе, и сотник, боясь бунта и угрожаемый, что его убьют, если он не даст топить указанных ведьм, донес обо всем этом полтавско-

му наказному полковнику. Для унятия бунта была выслана из Полтавы помощь. Упырь и четыре решетиловские обывательски, объявленные им ведьмами, были доставлены в Полтаву для допроса. При допросе Мовчаненко назвал себя волшебником и на очной ставке с Мариєю Пещанскою, Мариєю Пустоваровою, Мотрею Гуринкою и вдовою Ефимьею Сорочихою, показал, что все они ведьмы, что Пустоварова ночью, сделав его конем, ездит на нем и погоняет его коленом, что Иван Голи-Постолы, зеньковский житель, родимый упырь, переказал ему упырство, и с того времени ведьмы, узнав, что он упырь, ездят на нем в Киев. Обвиняемые ведьмы показали, что ничего про то не ведают. Когда же упырь был спрошен вновь и под «батожным боем», то сознался, что «в безумии опорочил» этих жен и что в «новомесяч припадает ему в голове замешанье», вследствие которого три раза он был близок к смерти.

Полтавский полковой суд, узнавши «явную его, Мовчаненко, плутню и обману», приговорил «опороченных жен освободить с-под караулу и отпустить их в дома по-прежнему, о чем, всему урадово-решетиловскому товариству и посполитству и кому того ведати надлежит объявить дабы всяк, ведая о таковом вымышленного обманщика и неполного ума человека потворе, впредь оному и подобным ему лживцам весьма не доверял».

Мы не имели в виду в какой-либо системе и всесторонности охватить все проявления народной фантазии в отношении колдовства. Такая задача была бы нам совершенно не под силу, и исполнение такой задачи требовало бы сложных исследований и объемистой работы. Не можем не высказать тут сожаления, что наша литература так бедна исследованиями по этому вопросу, что нашими учеными обществами и лицами, занятия которых ближе всего соприкасаются с этой областью народоведения, ничего до сих пор не сделано для организации таких исследований. Если не считать двух-трех монографий, двух-трех статей, разбросанных по различным журналам и газетам, в нашей литературе совершенно не разработана область народных верований в колдовство. Между тем эта область представляет огромный интерес — не только культурно-исторический и этнографический, но и юридический, ввиду возникающих у нас время от времени на почве этих верований судебных дел о колдовстве и фактов народной расправы с ведьмами. Ввиду этой последней точки зрения мы и считали нужным сделать в общих и кратких чертах характеристику народных верований в колдовство и теперь перейдем к изложению некоторых дел о колдовстве, разбравшихся в наших судах в течение текущего столетия.

В 1824 году общество крестьян деревни Аксеновки чрез своего выборного донесло управляющему местной удельной конторой, что крестьянин Андрей Копалин, живущий мельником на мукомольной мельнице, по народным слухам, имея

за собою колдовство, портит людей, «садит икоты под названием кликуш и впускает другие болезни, как то: грыжи, вздутие живота, боль в пояснице и проч. Управляющий конторой, принимая в уважение рапорт крестьян», просил суд произвести законное расследование возводимого на Копалина подозрения.

Копалин в колдовстве не признался. На повальном обыске крестьяне показали, что Копалин «имеет за собою колдовство и чародеяние» и впускает порчи под названием кликуш и грыжи, отчего в волости будто бы многие крестьяне уже померли, и что поэтому держать в селении Копалина они не согласны.

В числе обвинителей Копалина явился, между прочим, родной его племянник Евдоким, «одержимый болезнью и не в полном разуме». Когда с ним «случалось», он кидался при людях на своего дядю-мельника, называл его отцом и «выговаривал», что тот впустил ему в утробу воробья с золотыми перышками.

Крестьянин Иван Мысов уверял, что мельник напустил ему на правую ногу болезнь с большою опухолью под названием грыжа.

Крестьянин Рычков удостоверил, что жена его от порчи Копалина «подвержена такой икоте, что почасти и вовсе ума лишалась». Во время припадков она бьется об землю, не щадя жизни своей. При встречах с мельником порченная кидается ему в ноги и вопит, обнимая его колена: «Не троньте моего батюшку!»

Таких больных, кликуш, испорченных Копалиным, оказалось в волости не менее семнадцати. Каждая из них заявляла, что Копалин испортил ее по злобе на мужа, брата или отца.

Молодой крестьянин Урентов показал, что вскоре после свадьбы его 17-летняя жена Марья сделалась больна икотой и со временем эта болезнь стала так тяжела, что она уже более не встает с постели. Порчу эту Копалин напустил на нее единственно за то, что на свадьбе молодая не подала ему вина.

Старуха Ларионова жаловалась, что ее 23-летний сын с глазу Копалина «начал скучать и болеть сердцем и расходится оная болезнь по всей его утробе». У других также «с глазу» оказывается ломота во всех членах, в руках и в ногах.

Вологодский советный суд первоначально порешил, «передав дело воле Божией, наказать Копалина в селении прутьями, дав ему 70 ударов». Но спустя восемь лет дело это опять было возбуждено по следующему поводу. Крестьяне нескольких смежных волостей, как видно неудовлетворенные взглядом суда на дело, составили приговоры об удалении из общества, с ссылкой на поселение в Сибирь, Андрея Копалина, его свояченицу, жену Прасковью Копалину и еще троих крестьян, водившихся с ними, «за зловердные действия их порчею людей, напусканьем кликуши или икоты, от которой порчи страдают

люди». Департамент уделов, не утвердив эти приговоры, передал дело для нового судебного расследования.

Прасковья Копалина, по свидетельству крестьян, кроме порчи девок и жонок, изобличалась еще в том, что «для привлечения в дом свой кого-либо из мужчин для сожигания с нею, источала из разных частей тела своего кровь и клала оную в муку, дабы таковою лепешкою приворожить к себе молодого мужчину».

Следователь при вторичном расследовании дела пригласил местного штаб-лекаря «для исследования в истине болезни одержимых». Врач после тщательного осмотра дал следующий отзыв: «Таковые люди одержимые истерическими припадками, а не порчею или напущением на них посредством чародейства икоты или кликуш».

Старинное народное верование, что для прекращения моровой язвы необходимо отыскать виновницу ее распространения и сжечь или закопать живую в землю, со временем перешло в другое верование, по которому для уничтожения мора самовернейшее средство — похоронить живую вообще какую-либо старуху. Такое поверье до сих пор не вывелось в некоторых местностях России. В 1855 году оно даже было осуществлено жителями деревни Окопович Новогрудского уезда, во время свирепствовавшей тогда холеры. Когда двое крестьян упомянутой деревни везли хоронить своих только что умерших детей, то к печальной процессии по дороге присоединилось еще несколько человек крестьян и, между прочими, сотский и старуха-крестьянка Манькова. Манькову уговорили идти на похороны сотский и некоторые из крестьян. Они задались целью вместе с умершими детьми похоронить и ее, так как были уверены, что самый верный способ прогнать холеру состоит в том, чтобы закопать в землю живую старуху и что это средство уже испытанное. Манькову действительно похоронили вместе с детьми. Но холера не прекратилась и похитила всех участников преступления, за исключением одного крестьянина Козакевича, на которого и обрушилось наказание. Козакевич по решению Минской уголовной палаты был признан виновным в убийстве с обдуманном заранее намерением и был приговорен к наказанию плетьюми и ссылке в каторжные работы на 12 лет**.

В 1864 году в Старобельском уезде Харьковской губернии в селе Белявке, принадлежащем помещику Штенгеру, в волостное правление явился крестьянин той же волости и принес жалобу, что соседка его, будучи во вражде с ним, испортила его корову, которая чрез это и околела; с тем вместе добавил он, что соседка его ведьма и что он просит правосудия волостного правления. Жалоба крестьянина была выслушана

* Неделя. 1879. № 7—8.

** Ефименко. Суд над ведьмами // Киевская старина. 1883. Т. XI.

волостным старшиною и присутствовавшими с ним в правлении стариками. Чтобы не впасть в ошибочное решение столь трудного обстоятельства, старшина и все собрание, после долгого обсуждения дела, остановились на том заключении, что необходимы доказательства более ясные к обличению вины подозреваемой преступницы, и для этого предложили жалующемуся крестьянину отыскать знахаря, который один только может обнаружить виновного. На расстоянии четырех верст от села Белявки, в селе Варваровке, принадлежащем графине Клейст-Мос, отыскан был знахарь и привезен в беляевское волостное правление. При собрании народа, интересующегося всегда подобного рода событиями, знахарь спрошен был: кто извел корову крестьянина? Он подтвердил вполне обвинение хозяина коровы и удостоверил, что соседка его действительно ведьма. После этого крестьяне схватили бедную женщину, подвергли ее исследованию, не имеется ли у нее хвост; избили ее и присудили уплатить за погибшую корову. Также семья ее подверглась преследованию: не было ни ей, ни мужу, ни детям житья в селении, их встречали бранью, укорами в колдовстве и провожали свистом. По отсутствию владельца, беззащитная семья терпела всякие несправедливости, пока в конце решилась обратиться к мировому посреднику.

В № 46 «Недели» за 1875 год помещена корреспонденция, в которой рассказывается, что крестьяне одного села в Полесье по совету стариков и старосты задумали испытывать ведьм водою и просили помещика, чтобы он позволил покупать баб в его пруде. Дело остановилось только вследствие того, что помещик не дал пруда для этой надобности. Тогда крестьяне порешили осмотреть женщин через повивальную бабку, думая, что у которой окажется хвост, та и есть ведьма. Староста и сотские приказали мужьям гнать баб в корчму, и мужья волей-неволей исполнили это. Ревизовала повитуха по очереди и, выпуская на улицу, кричала стоявшему караулу (староста с сотским): пустить, не ведьма! Оказалось три ведьмы; их посадили под арест и написали донесение становому. Письмоводитель станового напутал толпу, уверив, что по закону ведьм нужно жечь. Дело окончилось взяткой с мужиков.

В 1877 году крестьяне села Рябухи Дмитровской волости заподозрили в чародействе жительницу этого села крестьянку Акулину Чумаченкову. Вследствие этого 23 августа по приглашению старосты, сотского и волостного писаря крестьяне собрались в экстренное собрание и потребовали Чумаченкову для допроса. Так как она не сознавалась, то судьи при каждом задаваемом ей вопросе подвергали ее следующей пытке. Привязав веревку за большой палец одной ноги, привешивали обвиняемую к потолку, и она, вися вниз головою, в конце концов призналась в том, что занимается чародейством и «испортила» казака села Демения Педько. При этом она оговори-

ла в соучастии еще одну женщину Варвару Чузенкову. Дело было передано судебному следователю.

В 1885 году летом в деревне Пересадовке Херсонской губернии был случай расправы крестьян с тремя бабами, которых они сочли за колдуний, держащих дождь и производящих засуху. Женщин этих насильно купали в реке, и они избежали печального для себя конца тем, что указали разъярившимся крестьянам место, где будто бы они спрятали дождь: староста с понятными вошел в избу одной из колдуний и там по ее указанию нашел в печной трубе замазанными два напильника и один замок. Волнение улеглось, хотя дождя все-таки не было.

Тринадцатого октября 1879 года временное присутствие Новгородского окружного суда в г. Тихвине, с участием присяжных заседателей, разбирало дело о сожжении солдатки Игнатъевой, слывшей за колдунью. Обстоятельства этого дела заключались в следующем: 4 февраля 1879 года в деревне Врачево Деревской волости Тихвинского уезда была сожжена в своей избе солдатская вдова Аграфена Игнатьева, 50 лет, слывшая среди местного населения еще со времени своей молодости за колдунью, обладавшую способностью «портить» людей. По выходе замуж, Игнатьева около двенадцати лет жила в Петербурге и года за два до своей смерти возвратилась на родину. Когда крестьяне слышали, что Игнатьева переселяется в деревню Врачево, то стали говорить среди местного населения, что снова пойдет «порча», и высказывалось мнение, что лучше всего взять Аграфену, заколотить в сруб и сжечь.

Как колдуны Игнатъевой боялись все в деревне и старались всячески ей угодить. Так как она по своему болезненному состоянию не могла работать, то все крестьянки из страха перед ее колдовской силой старались снискасть себе ее расположение и оказывали ей всякие услуги, как то: работали за нее, отдавали ей лучшие куски, мыли ее в бане, стирали ей белье, мыли пол в ее избе и т. д. С своей стороны Игнатьева, не уверяя положительно, что она колдунья, не старалась разубеждать в этом крестьян, пользуясь внушаемым ею страхом для того, чтобы жить на чужой счет.

Глубоко вкоренившееся в крестьянах убеждение, что Игнатьева колдунья, находило себе поддержку в нескольких случаях нервных болезней, которым подверглись некоторые крестьянки той местности вскоре после возвращения Игнатъевой. Происхождение всякой такой болезни народ связывал с каким-нибудь случаем мелкого разлада или ссоры между заболевшей крестьянкой и Игнатъевой.

Так, однажды Игнатьева приходила в дом Ивана Кузьмина и просила творагу, но в этом ей отказали, и вскоре после того заболела его дочь Настасья, которая в припадках выклики-

* Киевлянин. 1877. № 132.

вала, что испорчена Игнатъевой. Кузьмин ходил к Игнатъевой и кланялся ей в ноги, прося поправить его дочь. Но Игнатъева ответила, что Настасья не портила и помочь не может. Такою же болезнью с припадками была больна и крестьянка Мария Иванова.

Наконец, в конце января 1879 года заболела дочь крестьянина Ивана Иванова, Екатерина, у которой ранее того умерла от подобной же болезни родная сестра, выкликивавшая пред смертью, что она испорчена Игнатъевой. Екатерина Иванова была убеждена, что ее испортила Игнатъева за то, что раз она не позволила своему маленькому сыну идти к Игнатъевой расколоть дров. Так как Екатерина выкликала, что испорчена Игнатъевой, то ее муж, отставной рядовой Зайцев, подал жалобу уряднику, который и приехал во Врачево для производства дознания за несколько дней до сожжения Игнатъевой.

В воскресенье 4 февраля в деревне Врачево происходил в доме крестьян Гараниных семейный раздел, и к Гараниным после обеда собралось много гостей. Один из крестьян Никифоров обратился к собравшимся с просьбою защитить его жену от Игнатъевой, которая будто бы собирается ее испортить, как об этом выкликала больная Екатерина Иванова. Тогда Иван Андреев Коншин вызвал Ивана Никифорова в сени и о чем-то советовался с ним и затем, возвратившись в избу, стал убеждать крестьян в необходимости до разрешения жалобы, поданной уряднику на Игнатъеву, обыскать ее, заколотить в избе и караулить, чтобы она никуда не выходила и не бродила в народе. Все бывшие у Гараниных крестьяне, убежденные, что Игнатъева колдунья, согласились на предложение Коншина и для исполнения этого решения Иван Никифоров отправился домой и принес гвозди и, кроме того, несколько лучин. Затем все крестьяне в числе четырнадцати человек отправились к избе Игнатъевой.

Войдя в избу, они объявили Игнатъевой, что она «не ладно живет», что они пришли обыскать ее и запечатать, и потребовали от Игнатъевой ключи от клетки. Когда пришли в клеть, то Игнатъева отворила сундук и стала подавать Коншину разные пузырьки и баночки с лекарствами. Эти лекарственные снадобья, найденные в сундуке Игнатъевой, окончательно убедили крестьян, что она действительно колдунья. Ей велели идти в избу, и когда она туда направилась, то все крестьяне в один голос заговорили: «Надо покончить с нею, чтобы не шлялась по белу свету, а то выпустим — и она всех нас перепортит». Решили ее сжечь вместе с избой, заколовив окна и двери. Никифоров взял доску и накрепко заколотил большое окно, выходившее к деревне. После этого Коншин захлопнул дверь и зажженной лучиной зажег солому, стоявшую у стены клетки, другие крестьяне зажгли висевшие тут веники, и огонь сразу

вспыхнул. Услышав треск загоревшейся соломы, Игнатьева стала ломиться в дверь, но ее сначала придерживали, а потом подперли жердями и заколотили.

Дым от горевшей избы был замечен в окрестных деревнях, и на пожар стало стекаться много народу, которого собралось человек триста. Крестьяне не только не старались потушить огонь, но, напротив, говорили: «Пусть горит; долго мы промались с Грушкой!»

Иван Иванов, который в тот день приходил в Врачево к своей больной дочери Екатерине, узнав, что Игнатьева заколочена в горевшей избе, стал креститься и бегать около избы, говоря: «Слава Богу, пусть горит; она у меня двух дочек справила».

Вскоре пришел брат Игнатьевой, Осип. Он бросился к дверям, но сени были в огне и туда нельзя было попасть; он подошел к окну, желая оторвать прибитое полено, но крестьяне закричали на него, чтобы он не смел отрывать полена, потому что «миром заколочено и пусть горит».

Игнатьева, видя неминуемую смерть, пробовала было спастись в незаколоченное окно, выходившее на огород, но окно оказалось слишком тесным, и крестьяне на всякий случай поспешили заколотить и это окно. Так как дым и огонь ветром относил на реку, в сторону от избы, на крыше которой лежал толстый слой снега, то крестьяне решили спихнуть крышу; несколько крестьян принялись за это, и один из них разворотил жердью бревно на потолке, чтобы жар скорее проник в избу. После этого огонь охватил всю избу, потолок провалился и исчезла всякая возможность спасти Игнатьеву. Пожар продолжался всю ночь, и на следующий день на пожарище была только развалившаяся печь и яма с испепелившимися остатками костей Игнатьевой.

К ответственности были привлечены 17 человек. На суде подтвердились все обстоятельства дела; подсудимые и свидетели чистосердечно рассказали все подробности дела — что Аграфену все считали колдуньей, что она многих испортила и что решили ее сжечь. Между прочим во время судебного следствия с свидетельницей Екатериной Ивановой (вышеупомянутой больной) случился ужасный припадок. Она вдруг грохнулась о пол, и в течение четверти часа ее страшно ломало и поднимало от полу по крайней мере четверти на полторы. Судорожные движения были настолько сильны, что трудно было понять, как она не повредила себе руки и ноги и в особенности как осталась целою голова, которую Иванова буквально колотила об пол. Выражение лица было страшное. Глаза то открывались, блистая каким-то адским огнем, то снова закрывались, и в это время лицо искажалось до невероятности. Крик Ивановой похож был на какой-то дикий вопль отчаяния. Эта сцена произвела весьма тяжелое впечатление

как на присяжных заседателей, в ногах у которых валялась Иванова, так и на публику—крестьян.

Присяжные отнеслись весьма снисходительно к подсудимым, в которых они видели не обыкновенных преступников, а несчастных, сделавшихся жертвою глубоко вкоренившегося в их среде предрассудка. Суд приговорил только троих к церковному покаянию, а остальных оправдал.

Пятнадцатого декабря 1895 года Кашинский окружной суд с участием присяжных заседателей разобрал в городе Мышкине Ярославской губернии дело о колдунье, подробности которого заключаются в следующем. В конце ноября 1893 года крестьянка Ольга Брюханова внезапно заболела нервным расстройством, причем стала подвергаться припадкам сильной тоски, конвульсивным судорогам и то отрывисто выкрикивала, то смеялась, то плакала. Не умея объяснить себе этих явлений, бывших последствием развитого в сильной степени состояния «большой истерии», муж Брюхановой, Петр, и мать ее, Капитолина, а равно и сама она относили причину болезни к колдовству, «порче», как они выражались, и за исцелением стали обращаться к ворожеям и бабкам; когда же те никакой пользы не принесли, больную стали как можно чаще водить в церковь, но от этого припадки только усиливались, больная кричала, билась, так что приходилось ее держать. Вполне уверенная в том, что она «испорчена», Брюханова, находясь в нехороших отношениях со своей свекровью Марьей Марковой, неоднократно высказывала мужу и другим родственникам свое предположение о том, что ее «испортила» свекровь. Чтобы с достоверностью узнать, кто «испортил» его жену, Петр Брюханов, по совету знахарок, на первый день Пасхи, 17 апреля 1894 года, облил святой водой церковный колокол и, собрав ту же воду в пузырек, дал в тот же день из него выпить жене во время бывшего с ней припадка и решительно спросил, кто ее «испортил». Та ответила: «Твоя мать». Тогда Брюханов отправился за соседями и пригласил к себе в дом Андрея Виноградова, Владимира и Федора Грязновых и их семейства, чтобы все убедились, кого «выкликают» его жена. Когда все собрались, он вторично дал жене выпить воды из пузырька и, окропив всех присутствовавших святой водой, опять предложил жене тот же вопрос о «порче». Та твердо и подробно ответила, что на Введение день (21 ноября) 1893 года свекровь дала ей в рюмке водки «порчу», которую сама она взяла от сестры своего мужа Марьи Артемьевой вместе с 100 рублями, каковые зарыла затем у себя дома в погребе. После этого решено было потребовать в избу Марью Маркову.

Она пришла вместе с мужем своим, дряхлым стариком, Никитой Артемьевым. Петр Брюханов в третий раз дал жене святой воды и снова предложил вопрос о том, кто ее «испортил», на что получил такой же, как и прежде, ответ, после че-

го Ольга Брюханова, при виде стоявшей перед ней свекрови, сильно переменялась в лице, вскочила, «точно ее вихрем подняло», запела что-то и в конвульсивных судорогах бросилась на 70-летнюю старуху, повалила ее на землю, стала ее таскать за волосы и наносить по всему телу побои, требуя, чтобы она «отделала порчу». К ней присоединился Петр Брюханов и вместе с женой стал бить свою мать ногами куда попало.

Все присутствовавшие молча смотрели на это, когда же Никита Артемьев порывался защитить свою жену, Виноградов сел к нему на колени и не допустил встать с места, а Владимир Грязнов в это время придерживал дверь. Наконец, Виноградов предложил затащить Маркову в погреб, чтобы она откопала 100 рублей, в которых была «порча», и с этой целью принес веревку, надел старухе на шею и потащил ее к погребу, куда вместе с Грязновыми и втолкнул ее, после чего дали ей в руки косарь, требуя, чтобы она откопала «порчу». Наконец, когда Маркова совершенно ослабела, ее оставили в покое.

К этому времени стал собираться народ из соседней деревни Петрушино, где уже от мальчишек узнали, что в Синицах «бьют колдунью». Из вновь пришедших кто-то посоветовал Петру Брюханову накалить железный засов, чтобы прижечь ведьме пятки. Петр разложил на дворе костер, но в это время Марья Маркова упала с завалинки, на которой сидела, и скончалась.

Ольга Брюханова, находясь все время в сильном истерическом припадке, плясала, хлопала в ладоши и кричала: «Сейчас разделают, разделают!» (снимут порчу). Привлеченные в качестве обвиняемых все упомянутые лица, не отрицая самого факта совершения преступления, утверждали, что сами они, кроме Ольги, никаких побоев старухе не наносили, не имея намерения лишить ее жизни, а хотели лишь, чтобы она «отделала порчу», которую, по их мнению, действительно причинила Марья Маркова. Все они, по их словам, были «словно околдованные», так что совсем потеряли рассудок.

Ольга Брюханова была подвергнута судебно-медицинскому испытанию в Ярославской земской больнице и признана совершившей преступление в состоянии умоисступления, вследствие чего уголовное преследование ее по настоящему делу было дальнейшим производством прекращено. На судебном следствии все свидетели единогласно показали, что побои наносила только Ольга Брюханова, остальные не помогали, но и не мешали. Далее было установлено, что слух о «порчи» Марковой Ольги держался в деревне всю зиму; что и в соседней деревне Горохове появилась «порченная» и молва приписывала «порчу» той же Марье Марковой; что «порчи» вообще случаются нередко и, по народному верованию, кого больная выкликает, тот и «испортил». Далее выяснилось, что Ольга Брюханова была всегда женщина здоровая, родила троих детей и сама их выкормила; но что действительно с Вве-

деньева дня она внезапно заболела. Покойная Марья Маркова была женщина хорошая, но и Петр был хороший сын, и никто из подсудимых не был во вражде со старухой.

Эксперт, уездный врач Ковалев, признал побои тяжкими, угрожающими опасностью жизни; смерть Марковой, по мнению эксперта, последовала от кровоизлияния к мозгу, бывшего, в свою очередь, результатом ударов твердым предметом в голову покойной. Далее, на вопросы защиты эксперт высказал мнение, что сильный припадок большой истерии действует заразительно на окружающих, что обвиняемые, будучи сами нормальными и здоровыми людьми, по всей вероятности, однако, находились в состоянии психического оцепенения и едва ли сознавали, что они делали.

Суд приговорил: Петра Брюханова к шести годам каторжных работ; Виноградова к четырехлетней каторге, а Грязновых к ссылке на поселение в места не столь отдаленные — с лишением всех подсудимых всех прав состояния. Приговор произвел огромное впечатление. Подсудимые, бывшие на свободе, были немедленно взяты под стражу. Огромная толпа мужиков, баб и детей с рыданиями и воплями провожала их через весь город до стен тюрьмы.

Московский корреспондент «Нового времени», *Old Gentleman*, в одном из своих талантливых фельетонов (1895 г., № 7036) рассказывает о следующем факте народной расправы с колдуньей, имевшем место 25 сентября 1895 года в Москве в самом центре города — на Никольской улице.

«Одна из наиболее чтимых московских святынь — часовня Святого Пантелеймона на Никольской. В ней и около нее всегда толпа. По ночам часовня заперта, но ранним утром, далеко до рассвета, в ней служитя молебен; затем чудотворная икона вывозится в город для служения молебнов в частных домах. Тогда в часовню собирается особенно много народа — все больше мещан и крестьян. Так было и в ночь 25 сентября. Часовня еще не была отперта, а около нее уже толпилось человек триста. Между ними находились крестьянский мальчик Василий Алексеев и какая-то простая женщина, одержимая припадками — не то истерического, не то эпилептического свойства. Возле этой пары стояла крестьянка Наталья Новикова; она разговаривалась с мальчиком и подарила ему яблоко... Мальчик куснул яблоко, — и надо же быть такому несчастью, чтобы как раз вслед затем с ним сделался истерический припадок. На крик Алексеева прибежал с ближайшего поста городской и отвез больного в приемный покой. Толпа, конечно, всполошилась:

— Отчего был крик? В чем дело?

Наталья Новикова и женщина, сопровождавшая Алексеева, вероятно, успели тем временем повздорить, потому что вторая из них принялась объяснять народу происшедший случай таким ехидным образом:

— Мальчика испортила вот эта баба. Дала ему яблока, а яблоко-то было наговорное. Едва он закусил яблоко — как закричит! и почал выкликать...

Суеверная сплетка быстро обошла толпу и подчинила ее себе. На Новикову глядят со страхом и ненавистью. Слышны голоса:

— Ведьма!

— Мальца заколдовала!

— Пришибить — и греха не будет...

На Новикову начинают нажимать; она струсила и решила лучше уйти подальше от греха: народ — зверь, с ним не согласишься. Пока она пробиравлась к Проломным воротам, толпа рычала, но не кусалась; со всех сторон ругательства, отовсюду свирепые взгляды, но ни у кого не хватает мужества перейти от угроз к действию... В это время кто-то громко и отчаянно крикнул:

— Братцы... бей колдунью!

И в ту же минуту Новикова была сбита с ног и десятки рук принялись молотить по ней кулаками... Молотили с яростью, слепо, не жалея, на смерть... И, не случись на Никольской в ту пору опозднившегося прохожего, чиновника Л. Б. Неймана, Новиковой не подняться бы живой из-под града ударов. Господин Нейман бросился в толпу:

— Что вы делаете? С ума сошли?

— Бей колдунью!

— Этот — что тут еще?!

— Вишь, заступается...

— Заступается? Видно, сам из таких... бей и его!

— Уйди, барин! Не место тебе здесь... Наше дело, не господское...

— Бей! бей! бей!...

Господин Нейман, обороняясь, как мог, протискался, однако, к Китайскому проезду, где подоспел к нему городской, чтобы принять полуживую Новикову: она оказалась страшно обезображенной, защитника ее тоже, выражаясь московским жаргоном, отделали под орех...

И над сценой этой средневековой расправы ярко сиял электрический фонарь великолепной аптеки Феррейна, и повезли изувеченную Новикову в больницу мимо великолепного Политехнического музея, в аудитории которого еженедельно возвещается почтеннейшей публике то о новом способе управлять воздухоплаванием, то о таинствах гипнотизма, то о последних чудесах эдиссоновой электротехники. И, когда привезли Новикову в больницу, то, вероятно, по телефону, этому чудесному изобретению конца XIX века, дали знать в дом обер-полицмейстера, что вот-де в приемном покое такого-то полицейского дома лежит женщина, избитая в конце века девятнадцатого по всем правилам начала века шестнадцатого....»

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании. М., 2003.
Амбелен Р. Драмы и секреты истории. М., 1993.
Арнаутова Ю. Е. Колдуны и святые. СПб., 2004.
Арну А. История инквизиции. М., 1924.
Баткин Л. М. Данте и его время. М., 1965.
Бейдженнт М., Ли Р. Цепные псы Церкви. Инквизиция на службе Ватикана. М., 2005.
Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
Брюнель-Лобришон Ж., Дюамель-Амадо К. Повседневная жизнь во времена трубадуров. XII — XIII века. М., 2003.
Будур Н. В. Инквизиция. Гении и злодеи. М., 2006.
Будур Н. В. Камни в легендах и преданиях. М., 2008.
Будур Н. В. Повседневная жизнь колдунов и знахарей на Руси в XVIII — XIX веках. М., 2008.
Бутми Н. А. Каббала, ереси и тайные общества. СПб., 1914.
Величкина В. Очерки истории инквизиции. М., 1906.
Выгодский М. Я. Галилей и инквизиция. М., 1934.
Герои и битвы. М., 1995.
Гордеев С. В. История религий: главные религии мира, древние церемонии, религиозные войны, христианская Библия, ведьмы и инквизиция. М., 2006.
Гребеников Е. А. Николай Коперник. М., 1982.
Грекулов Е. Ф. Из истории святой инквизиции в России. М., 1929.
Григулевич И. Р. Инквизиция. М., 1976.
Гулли Р. Э. Энциклопедия ведьм и колдовства. М., 1998.
Гулли Н. В. Занимательная физика. О чем умолчали учебники. М., 2003.
Гусев Н. Н. Рассказы об инквизиции. М., 1906.
Добиаиш-Рождественская О. А. Эпоха Крестовых походов. Пг., 1918.
Доброхотов А. Л. Данте Алигьери. М., 1990.
Заборов М. А. Папство и Крестовые походы. М., 1960.
Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980.
История Ватикана. Власть и Римская курия. М., 2002.
История ересей. М., 2007.
Канторович Я. А. Средневековые процессы о ведьмах. СПб., 1896.
Карсавин Л. П. Монашество в Средние века. М., 1992.
Католицизм. М., 1991.
Кац Я. Евреи в средневековой Европе. Иерусалим, 1992.
Керов В. Л. Народные восстания и еретические движения во Франции в конце XIII — начале XIV века. М., 1986.
Ковалевский П. И. Психиатрические эскизы из истории. В 2 т. М., 1995.
Кудрявцев А. Е. Испания в Средние века. Л., 1937.
Куниц Дж. Магия камня. М., 1996.
Лебедев А. Тайны инквизиции. М., 1912.
Левандовский А. Жанна д'Арк. М., 2007.
Ли Г. Ч. История инквизиции в Средние века. В 2 т. СПб., 1911.
Ливиниц Г. М. Реформационное движение в Чехии и Германии. Минск, 1978.
Лозинский С. Г. История папства. М., 1986.
Лозинский С. Г. Святая инквизиция. М., 1927.

- Льоренте Х.-А.* Критическая история испанской инквизиции. В 2 т. М., 1936.
- Мадоль Ж.* Альбигойская драма и судьбы Франции. СПб., 2000.
- Материальная культура и мифология. Л., 1981
- Мейкок А. Л.* История инквизиции. М., 2002.
- Мельвиль М.* История ордена тамплиеров. СПб., 1999.
- Мишле Ж.* Ведьма. М., 1912.
- Наследие тамплиеров. СПб., 2007.
- Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: опыт сопоставления структур. М., 1984.
- Новохацкая Л. П.* Охота на «ведьм». Из истории церковной инквизиции. М., 1990.
- Орлов М. А.* История сношений человека с дьяволом. М., 1997.
- Осокин Н. А.* История альбигойцев и их времени. М., 2000.
- Офм Л. Х.* История христианского монашества. СПб., 1993.
- Парнах В. Я.* Испанские и португальские поэты — жертвы инквизиции. М., 1934.
- Перну Р., Клэн М.-В.* Жанна д'Арк. М., 1992.
- Плавский З.* Испанская инквизиция. Палачи и жертвы. СПб., 2000.
- Порозовская Б. Д.* Мартин Лютер. Его жизнь и реформаторская деятельность. СПб., 1997.
- Потебня А.* О мифологическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865.
- Протестантизм. М., 1990.
- Райцес В. И.* Жанна д'Арк: факты, легенды, гипотезы. Л., 1982.
- Ран О.* Крестовый поход против Грааля. М., 2002.
- Рассел Дж. Б.* Колдовство и ведьмы в Средние века. М., 2001.
- Роббинс Р. Х.* Энциклопедия колдовства и демонологии. М., 2001.
- Рожницын В. С.* Джордано Бруно и инквизиция. М., 1955.
- Рубцов Б. Т.* Ян Гус. М., 1958.
- Рюкуа А.* Средневековая Испания. Толедо. Христиане, евреи и мусульмане. Право и правосудие. Индустрия войны. Военные ордена. Святая инквизиция. М., 2006.
- Сед Ж., де.* Тайна катаров. М., 1998.
- Смирнова Е. Д. и др.* Средневековый мир в терминах, именах и названиях. Минск, 1999.
- Сперанский Н.* Ведьмы и ведовство. М., 1906.
- Средневековые в эпизодах и лицах. М., 1941.
- Тогова О. И.* «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М., 2006.
- Токарев С. А.* Ранние формы религии. М., 1998.
- Тэйлор Э.* Первобытная культура. М., 1939.
- Тэрнер В.* Миф и ритуал. М., 1983.
- Тюменев А.* Евреи в древности и в Средние века. Пг., 1922.
- Философско-религиозные истоки науки. М., 1997.
- Фольклор и этнография. Л., 1970.
- Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.
- Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1978.
- Фрезер Д.* Золотая ветвь. Вып. 1—4. М.; Л., 1931.
- Фрейденоберг О. А.* Миф и литература древности. М., 1978.
- Шарпантье Л.* Тайны тамплиеров. М., 1998.
- Шахнович М. И.* Гойя против папства и инквизиции. М., 1955.
- Шейнман М. М.* Огнем и кровью во имя бога. М., 1924.

Шмутцер Э., Шютц В. Галилео Галилей. М., 1987.
Шпренгер Я., Инсистерис Г. Молот ведьм. М., 1990.
Шустер Г. История тайных союзов. В 2 т. М., 1997.
Хаксли О. Луденские бесы. М., 2000.
Элиаде М. Тайные общества. М., 1999.
Элиаде М. Шаманизм. Киев, 2000.
Эпоха Крестовых походов. М., 2005.
Этнические стереотипы поведения. М., 1985.
Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
Этнознаковые функции культуры. М., 1991.

Ankarloo B. Trolldomsprocessarni i Sverige. Lund, 1971.
Barber M. The Trial of the Templars. Cambridge, 1993.
Bayard J. P. Plaidoyer pour Gilles de Rais, maréchal de France, 1404—1440. Paris, 1992.
Bebringer W. Hexen. München, 2000.
Bebringer W. Withes and Witch-hunts. A Global History. Cambridge, 2004.
Briggs R. Witches and Neighbours. The Social and Cultural Context of European Witchcraft. London, 1996.
Burke P. History and Social Theory. Cambridge, 1992.
Ceccaroni A. Piccola Enciclopedia Ecclesiastica. Milano, 1953.
Golden R. M. (red.) Encyclopedia of Witchcraft. The Western Tradition. Santa Barbra, Denver, Oxford, 2006.
Hagen R. B. De europeiske trolldomsprocessane. Oslo, 2007.
Junco A. Inquisicion sobre la Inquisicion. Mexico, 1951.
La Inquisition Espanola. Nueva vision, nuevos horizontes». Madrid, 1980.
Levack B. P. The Witch-hunt in early modern Europe. Harlow, 2006.
Martin M. Hostage to the Devil: The Possession and Exorcism of Five Contemporary Americans. New York, 1992.
Nicholson H. The Knight Templars — a New History. Glouhestershire, 2001.
Piknett L. Mary Magdalene. Christianity's Hidden Goddess. New York, 2003.
Pinta Llorente M. de la. La Inquisicion Espanola y los problemas de la cultura y de la intolerancia. Madrid, 1953.
Schonfield H. The Essene Odyssey. Dorset, 1993.
Vacandard E. The Inquisition. A critical and historical study of the coercive power of the church. New York, 1940.
Voltmer R. Vom getrüben Blick auf die frühneuzeitlichen Hexenverfolgungen. 2006.
Walsb W. Th. Personajes de la Inquisicion. Madrid, 1948.
Ward J. Upton. The Rule of Templars. New York, 1989.
Wylliam of Tyre. A History of Deeds beyond the Sea. New York, 1943.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	6
<i>Глава первая. Возникновение инквизиции</i>	22
Окситания и провансальская поэзия	22
Религия катаров	30
Гений и злодей Иннокентий III	40
Альбигойские войны	43
Таинственный Монсегюр	45
Псы Господни	49
<i>Глава вторая. Францисканцы, тамплиеры, Грааль и инквизиция</i>	61
Тамплиеры и Грааль	63
Францисканцы и инквизиция	80
<i>Глава третья. Устройство инквизиции</i>	91
О преступлениях, подпадающих под юрисдикцию инквизиции	91
Личности инквизиторов, их права и обязанности	93
Механизм действия инквизиции: процесс расследования, проведение пыток, суд, вынесение приговора, осуществление казни	99
<i>Глава четвертая. Самые известные жертвы инквизиции</i>	111
Святая орлеанская колдунья	111
Николай Коперник и Джордано Бруно	117
Плагииатор Галилей	122
Данте Алигьери	123
Ян Гус, Иероним Пражский и Мартин Лютер	125
Граф Калиостро и Казанова	132
<i>Глава пятая. Ведьмы и ведовство</i>	134
«Молот ведьм»	179
Синяя Борода и Альберт Великий	200
Процессы над ведьмами	207
Пытки инквизиции. Тюрьмы и костры	220
Самые известные процессы над ведьмами	229
Выступления против преследования ведьм	236
<i>Глава шестая. Одержимые и монастырские эпидемии XVII века</i>	244
Изгнание демонов и сама процедура экзорцизма	254
Эпидемия в Эксе	263
Луденские бесы	268

<i>Глава седьмая.</i> Инквизиция в Испании. Генеральный инквизитор Торквемада. Преследование евреев и мавров	280
Учреждение инквизиции в Испании	280
Преследование евреев и Торквемада	296
Преследование мавров-морисков	316
Инквизиция во времена Возрождения	323
Агония инквизиции.	329
Приложение. <i>Я. Канторович.</i> Колдовство в России	332
Избранная библиография	370

Будур Н. В.

Б 90

Повседневная жизнь инквизиции в Средние века / Наталия Будур. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 374[10] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03391-7

«Христианам не дозволено, — говорил Иоанн Златоуст, — уничтожать заблуждения силой, они могут вести людей к спасению единственно убеждением, разумом и любовью».

В книге Наталии Будур, рассказывающей об одной из самых зловещих страниц средневековой истории, о деятельности святой инквизиции, читатель не встретит примеров христианского всепрощения. Это книга о насилии и страхе.

В чем секрет долговечности существования инквизиции, одно имя которой внушало ужас всему христианскому миру? В чем причина ее возникновения и упадка? Как действовал и как был устроен священный трибунал? Кем были руководители инквизиции и ее жертвы? Кого и за что преследовала инквизиция? Происходили ли подобные процессы в России?

Ответы на эти и многие другие вопросы, связанные с повседневной жизнью людей в Средние века, читатель найдет на страницах этого эмоционально насыщенного, неравнодушного произведения.

**УДК 94(100)“653”
ББК 63.3(0)4-37**

Будур Наталия Валентиновна

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ИНКВИЗИЦИИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Редакторы А. П. Житнухин, И. В. Черников

Художественный редактор Е. В. Кошелева

Технический редактор В. В. Пилкова

Корректоры Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко, Г. В. Платова

Сдано в набор 04.06.2010. Подписано в печать 02.11.2010. Формат 84х108/₃₂. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 20,16+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 10375

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21

ISBN 978-5-235-03391-7

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

И. Курукин, А. Булычев
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОПРИЧНИКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО**

В. Бокова
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ В XIX ВЕКЕ**

В. Наумов
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ЕГО СПОДВИЖНИКОВ**

Ж. Эргон
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЭТРУСКОВ**

П. Декс
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СЮРРЕАЛИСТОВ.
1917-1932**

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

О. Семенова

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СОВРЕМЕННОГО ПАРИЖА**

Н. Борисов

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА
В ЭПОХУ БЕЗДОРОЖЬЯ**

Б. Григорьев

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЦАРСКИХ ДИПЛОМАТОВ
В XIX ВЕКЕ**

Н. Будур

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ИНКВИЗИЦИИ
В СРЕДНИЕ ВЕКА**

Е. Глаголева

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПИРАТОВ И КОРСАРОВ
АТЛАНТИКИ**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Б. Минаев
«ЕЛЬЦИН»

С. Кредов
«ЩЁЛОКОВ»

Р. Грэм
«МАРИЯ СТЮАРТ»

В. Лопатников
«КАНЦЛЕР РУМЯНЦЕВ»

Е. Пчелов
«РЮРИК»

А. Филюшкин
«ВАСИЛИЙ III»

М. Филин
«ТОЛСТОЙ-АМЕРИКАНЕЦ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Варламов
«АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ»

М. Копшицер
«ПОЛЕНОВ»

Г. Чернявский
«ЛЕВ ТРОЦКИЙ»

С. Фирсов
«НИКОЛАЙ II»

В. Новиков
«АЛЕКСАНДР БЛОК»

М. Чертанов
«ХЕМИНГУЭЙ»

И. Пожарская
«ЮРИЙ НИКУЛИН»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. С. Королев
СВЯТОСЛАВ

Книга посвящена биографии знаменитого князя-воителя Святослава, жившего в X веке. Святослав — одна из самых ярких и вместе с тем противоречивых фигур нашей истории. Покинув Киев ради цели, оказавшейся призрачной, он привел на Балканы многотысячное воинство русов, в большинстве своем сложивших головы в сражениях с византийцами и печенегами. Трагической оказалась и судьба самого Святослава, из черепа которого печенеги сделали ритуальную чашу. Автор книги предлагает читателям свое видение личности князя и свой взгляд на историю Руси его времени — взгляд, который во многом отличается от традиционного и привычного нам.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Н. М. Долгополов АБЕЛЬ — ФИШЕР

Вильяма Генриховича Фишера (1903—1971) можно назвать едва ли не самым известным отечественным разведчиком послевоенного времени, хотя имя его знают немногие. Резидент советской разведки в США в 1948—1957 годах, он вошел в историю как Рудольф Иванович Абель. Значительная часть биографии легендарного разведчика до сих пор остается под грифом «совершенно секретно». Эта книга открывает читателю максимально возможную информацию о жизни Вильяма Фишера.

Работая над книгой, писатель и журналист Николай Долгополов — лауреат Всероссийской историко-литературной премии Александра Невского и Премии СВР России общался со многими людьми, знавшими Вильяма Генриховича. В повествование вошли уникальные воспоминания дочерей Вильяма Фишера, его коллег — уже ушедших из жизни героев России Владимира Барковского, Леонтины и Морриса Коэн, а также других прославленных разведчиков. Книга посвящается 90-летию Службы внешней разведки России.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

И. Курукин
«КНЯЖНА ТАРАКАНОВА»

В. Чайковская
«ТЫШЛЕР»

А. Пантажене
«МЭРИЛИН МОНРО»

А. Ливергант
«КИПЛИНГ»

В. Попов
«ДОВЛАТОВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Оформить заказ
можно на нашем сайте:

<http://gvardiya.ru/shop/>

или по телефону:

+7 (495) 787-95-59

(с 10-00 до 17-30 в будние дни)

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Суцевская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

**Наши книги
доступны всем регионам России!**

ИНФОРМАЦИЯ

ДЛЯ ОПТОВЫХ

ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

Н. Борисов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА
В ЭПОХУ БЕЗДОРОЖЬЯ

В. Журавлев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФРАНЦУЗСКОГО
ИНОСТРАННОГО ЛЕГИОНА

Е. Глаголева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПИРАТОВ И КОРСАРОВ
АТЛАНТИКИ

И. Курукин, А. Булычев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ОПРИЧНИКОВ
ИВАНА ГРОЗНОГО

П. Декс

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
СЮРРЕАЛИСТОВ
1917–1932

В. Наумов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО
И ЕГО СПОДВИЖНИКОВ

ISBN 978-5-235-03391-7

9 785235 033917 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ